

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Филологический факультет
Факультет романо-германской филологии
Факультет философии и психологии
Исторический факультет

Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке

Материалы Второго Международного
студенческого форума
(г. Воронеж, 17–19 апреля 2017 г.)

Выпуск 2
Том II

Воронеж 2017
Издательский дом ВГУ

УДК 001(063)
ББК 74.267

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доц. М.В. Панова (ответственный редактор)
д-р филол. наук, проф. О.О. Борискина, д-р филол. наук, доц. А.А. Житенев
канд. филол. наук, доц. Е.В. Кривотулова,
канд. филос. наук, доц. И.В. Черниговских,
канд. филол. наук, доц. В.А. Сёмушкин,
канд. филол. н., доц. С.А. Ларин,
канд. филол. наук, доц. А.В. Фролова,
канд. филол. наук, доц. М.Я. Розенфельд,
канд. филол. наук, доц. М.С. Саломатина,
канд. филол. наук, доц. Т.В. Ильина,
канд. филол. наук, доц. О.А. Швецова,
канд. психол. наук, преп. О.М. Бабич,
канд. филос. наук, преп. С.С. Православский
канд. филол. наук, преп. А.Ю Грязнова, канд. филол. н. О.В. Мазуренко
преп. Н.В. Токарева, асп. Н.И. Кухтина, Э.О. Пархоц

Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке : материалы Второго Международного студенческого форума (г. Воронеж, 17–19 апреля 2017 г.). – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – Вып. 2. – Т. II. – 332 с.

ISBN

В сборник вошли научные работы студентов и магистрантов гуманитарных факультетов вузов Российской Федерации, Беларуси и Приднестровья, представленные на Втором Международном студенческом форуме «Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке», который состоялся на базе филологического факультета ВГУ 17–19 апреля 2017 г. В статьях сборника, распределенных по секциям, нашли отражение основные направления работы форума, наиболее актуальные проблемы и тенденции развития гуманитарных наук в XXI в.

Материалы публикуются в точном соответствии с файлами оригиналами, представленными авторами в оргкомитет конференции.

© Воронежский государственный университет, 2017
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2017

**СЕКЦИЯ
«ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ»**

*Ф.Н. Баскаков, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

**АНАЛИЗ СВЯЗИ ФЕНОМЕНОВ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ
ЗАВИСИМОСТИ И НАРЦИССИЗМА**

Целью данной статьи является постановка вопроса о том, существует ли связь между феноменами межличностной зависимости и патологического нарциссизма. Поскольку ни теоретических, ни эмпирических исследований, посвященных данному вопросу, не проводилось, мы ограничимся описанием основных характеристик данных явлений и их анализом, направленным на выявление возможных точек их соприкосновения (схожести) и расхождения.

Под межличностной зависимостью понимается зависимость с фиксацией на конкретном человеке или на группе людей (членах референтной группы или некоторой социальной общности и т.д.) с целью получения помощи и поддержки [5].

В качестве основных характеристик личностей с такого рода зависимостью можно выделить: нарушение самооценки, неопределённость психологических границ, потребность в осуществлении контроля или в контроле со стороны другого, склонность к переживанию тревоги и страха в ситуациях, связанных с собственным выбором, а также неспособность объективно оценить себя или окружающих, склонность лишь к полярной оценке. Межличностно зависимые люди испытывают трудности в проявлении своих интимных чувств, они стремятся скрыть их путём приведения в жизнь воображаемого, идеального, по их мнению, сценария взаимодействия со значимым человеком [3, 4, 8, 9].

Принято выделять два вида межличностной зависимости от конкретного человека - любовная аддикция и аддикция избегания [5]. Именно между ними происходит выстраивание этих дисфункциональных отношений. При этом любовный аддикт является инициатором активности в паре, пытается слиться и поглотить аддикта избегания, который в свою очередь пытается придать отношениям «тлеющий» характер, понизить их интенсивность. В основе такого взаимодействия, по мнению исследователя, лежит стремление к разрешению проблем детства, которые у любовного аддикта вызваны недостатком эмоционального отклика и контакта с родителями. У аддикта избегания семейные отношения характеризовались гиперопекой со стороны других членов семьи, в результате которой у него сформировалось стремление к избеганию контакта, но также существует потребность в присутствии рядом людей, создающих иллюзию отсутствия одиночества. Оба вида аддиктов пугает необходимость установления здорового контакта, разнящегося с представляемыми ими «идеальными» отношениями, поэтому они предпочитают дисфункциональное взаимодействие с людьми, имеющими те же нарушения (возможно полярного характера), дающее шанс реализовать воображаемый сценарий взаимоотношений.

Помимо описанного выше взаимодействия любовного аддикта и аддикта избегания, межличностно зависимые отношения могут формироваться и между двумя аддиктами каждого вида.

Характеристиками отношений между двумя любовными аддиктами является высокая интенсивность, навязчивость, насильственность, а также полное стирание психо-

логических границ. Если же у одного из участников таких отношений любовная аддикция более выражена, другой аддикт начинает ощущать давление на себя (чувствовать, что его поглащают) и может проявить черты аддикта избегания.

Для отношений между двумя аддиктами избегания характерна низкая интенсивность. Они заключают негласный договор о поддержании интенсивности отношений между ними на низком уровне, а также невмешательстве в дела друг друга. При этом они стремятся компенсировать невысокую интенсивность своих отношений, созданием сторонних интенсивных отношений [9].

Перейдём к рассмотрению основных характеристик феномена нарциссизма.

Во-первых, стоит дать определение данного феномена. Нарциссизм (по Баклановой О. Э.) – это атрибут проявления повышенного интереса человека к самому себе – в обширном диапазоне - от здоровых до патологических аспектов [1]. Данное определение демонстрирует тенденцию к разделению нарциссизма на нормальный и патологический. Нормальный нарциссизм способствует сохранению своей индивидуальности, помогает при определении и защите своих границ и интересов. Патологический же нарциссизм приводит к нездоровым отношениям с окружающими людьми, носящим манипулятивный характер, направленным на полное слияние и поглощение партнёра. В рамках нашего анализа мы сконцентрируем внимание именно на патологическом нарциссизме, поскольку именно он является фактором развития дисфункциональных взаимоотношений.

В качестве причины возникновения нарциссического расстройства большинство авторов рассматривают нарушение во взаимоотношениях ребёнка с родителями (особенно с матерью, для которой также свойственно наличие патологического нарциссизма) на этапе сепарации – индивидуации, в результате которого ребёнок становится нарциссическим объектом, удовлетворяющим потребности родителей или родителя. В результате у него формируется грандиозное Я, с одной стороны, и чувство неполноценности и стыда – с другой. Нарушается самооценка, что приводит к полярной оценке себя и окружающих. Воображение, на основании грандиозного Я и чувства неполноценности, строит фантазии о совершенстве или об удачном исходе травмирующих событий детства, что заставляет личность раз за разом пытаться воспроизвести эти «идеальные» отношения с другими людьми [1].

Выбор же партнёра обусловлен несколькими особенностями. Во-первых, в качестве партнёров по отношениям у патологически нарциссических личностей обычно выступают также не вполне здоровые люди (либо также нарциссы, либо мазохисты и т.д.). Во-вторых, выбор партнёра в значительной степени обусловлен его статусом в обществе. Такая особенность обусловлена грандиозным Я нарцисса, требующим самоутверждения за счёт присвоения ценных и значимых качеств партнёра себе.

Нарцисс производит впечатление на будущего партнёра и стремится «поглотить» его. После того, как это происходит, ценность тех качеств, которые привлекали нарцисса изначально, падает. При этом потребность в восхищении, исходящая из грандиозного Я, остаётся и побуждает партнёра к накачиванию «инфляции» нарциссической личности. Такого рода отношения обычно выстраиваются нарциссом совместно с мазохистической личностью.

Помимо описанной выше схемы существует вероятность возникновения взаимоотношений между двумя нарциссическими личностями. Такие отношения характеризуются сильной интенсивностью и стремлением к поглощению друг друга. При этом, если одна из нарциссических личностей оказывается более сильной, то вторая может прекратить отношения или занять оборонительную позицию.

Также исследователями [2] была описана ситуация, в которой отношения между двумя нарциссами носили вялотекущий характер. Они строились с учётом потребностей

в зависимости партнёров, а также поддержания при этом оптимальных социальных и экономических условий жизни. В эмоциональном плане эти отношения м.б. пусты, но некоторая степень поддержки и использования партнёрами друг друга могут делать их стабильными. При этом каждый из партнёров ищет способ реализации своих потребностей в эмоциональной сфере за пределами пары.

Как мы видим, между личностными характеристиками присущими людям с подобными нарушениями есть некоторое сходство. Для обоих характерен уход от реальности в мир иллюзий, а также стремление воплотить в жизнь свои фантазии; обоим присуще стремление к нарушению психологических границ, слиянию с партнёром. Тем не менее, внутренняя подоплёка возникновения данных характеристик несколько различается. Так у любовных аддиктов и аддиктов избегания фантазии не обязательно строятся на основании грандиозного Я, которое является неотъемлемым атрибутом патологически нарциссической личности.

Некоторые различия также видны и при выборе партнёра. Хотя в обоих случаях отношения стоятся между нездоровыми личностями, при нарциссической патологии характерен отбор на основании статуса партнера и его ценности для удовлетворения потребности в восхищении.

В схемах поведения и динамике отношений, демонстрируемых лицами с данными нарушениями, видно определённое сходство. Если допустить некоторое наложение понятий, то можно сказать, что нарциссической личности могут быть присущи как модели поведения любовного аддикта, так и модели аддикта избегания.

Как мы видим, при соотнесении данных понятий между ними есть определённое сходство, но в тоже время они не могут быть сведены друг к другу. При этом наличие общности моделей поведения демонстрируемых людьми с подобными нарушениями, которая подталкивает к мысли о возможной связи между ними. В связи с этим актуальность исследования данного вопроса крайне высока.

Литература

1. Бакланова О.Э. Концепция нарциссизма в психоаналитической теории и практике работы с психоаналитическим пациентом / О.Э. Бакланова. – Санкт-Петербург, 2012. – 45 с.
2. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология / О.Ф. Кернберг. – М. : Класс, 2000. – 256 с.
3. Короленко Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск : Олсиб, 2001. – 251 с.
4. Короленко Ц. П. Социодинамическая психиатрия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – М. : Академический Проект, 2000. – 459 с.
5. Макушина О.П. Психология зависимости / О.П. Макушина. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2001. – 80 с.
6. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб. : Речь, 2007. – 766 с.
7. Соколова Е.Т. Психология нарциссизма / Е.Т. Соколова, Е.П. Чечельницкая. – М. : Психология, 2001. – 90 с.
8. Старшенбаум Г.В. Аддиктология / Г.В. Старшенбаум. – М. : Когито - Центр, 2006. – 366 с.
9. Старшенбаум Г.В. Динамическая психиатрия и клиническая психотерапия / Г.В. Старшенбаум. – М. : Изд-во Высшей школы психологии, 2003. – 367 с.
10. Хотчкис С. Адская паутина: как выжить в мире нарциссизма / С. Хотчкис. – М. : Класс, 2013. – 248 с.

*О.Н.Белова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛКОГОЛИЗМА

В настоящее время проблема алкоголизма актуальна не только в России, но и во всём мире. В нашей стране алкоголь хотя бы раз в жизни пробовали 90% населения, многие его периодически употребляют, так как большинство людей относятся легкомысленно к столь «невинному развлечению». Алкоголизм – серьёзная медико-социальная проблема, влияющая на показатели состояния здоровья, заболеваемости и смертности. Уровень смертности у систематически пьющих людей в три раза выше, чем среди непьющего населения. На счету этого страшного заболевания тысячи распавшихся семей и искажённых судеб.

Алкоголь меняет характер человека, всю его сущность, алкоголик лишается нормального общения с окружающими людьми. Человек опускается донельзя в социальном плане, фантастическим образом вся былая ответственность, присущая его личности, заменяется хамством, безразличием и легкомыслием [2]. От алкоголя страдают все стороны психической деятельности, прежде всего волевая сфера. Сначала появляется лёгкая возбудимость с выпадением тонких физиологических механизмов, которые в повседневной жизни постоянно и с большой точностью регулируют поведение человека и отдельные поступки. Опьяневший становится беззаботнее, беспечнее, говорит и действует развязнее и менее осмотрительно. При дальнейшем развитии опьянения благодушные, повышенное самочувствие, безмятежное, весёлое радостное настроение сменяются раздражительностью, бестактностью, распушенностью, грубостью, взрывами гнева, сопровождающимися иногда общественно опасными действиями [1]. Следует особо выделить такие черты алкоголиков как подозрительность, недоверчивость, повышенная мнительность, необоснованная ревность, готовность к болезненной фиксации ошибочных утверждений.

Алкоголизм – бич нашего современного общества. Последствия алкогольной аддикции условно можно разделить на два класса. Первый – это негативные последствия для самого алкоголика, связанные с ухудшением его здоровья и деградацией личности. Второй – отрицательные последствия для общества, а именно: увеличение количества социальных проблем, связанных со злоупотреблением спиртного. К личным проблемам пьющего человека можно отнести многое: агрессию и потерю самоконтроля в состоянии алкогольного опьянения и похмелья, несчастные случаи, переохлаждение или перегревание по неосторожности, отравление алкоголем, развитие психозов, потеря трудоспособности, увеличение конфликтов в семье и её разрушение. Социальные последствия алкоголя – это повышение количества дорожно-транспортных происшествий по вине пьяных водителей, повышение уровня безработицы и преступности.

Таким образом, задачей государства является формирование у граждан такого стиля жизни, чтобы употребление алкоголя уходило на задний план, а злоупотребление даже было неприемлемым [1]. Для этих целей проводится контроль качества выпускаемого алкоголя, накладывается запрет на продажу алкогольных напитков несовершеннолетним, строго лимитируются места продажи и употребления алкоголя, запрещается реклама хмельосодержащих напитков, введён запрет на продажу алкоголя в ночное время.

Кроме государства большую роль в профилактике алкоголизма играют общественные организации. Проведение здорового досуга – их основная цель, а это возможно при развитии широкой сети развлекательных и оздоровительных мероприятий, стадио-

нов, дворцов спорта, бассейнов, концертных залов, театров и популяризации доступности занятий спортом для всего населения.

Литература

1. Руководство по аддиктологии / Под ред. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
2. Углов Ф.Г. Правда и ложь о разрешенных наркотиках / Ф.Г. Углов. – М.: ООО «НТЦ ФОРУМ», 2004. – 256 с.

*Л.О. Максименкова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА, ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

За последние десятилетия человечество сделало значительные шаги в постижении как окружающего пространства, так и самого себя. Казалось бы, все вокруг служит для повышения уровня жизни и комфорта человека. Но, как ни парадоксально, этот высокотехнологичный мир не всегда благоприятен для психического здоровья и развития отдельной личности. Несмотря на огромное количество людей, живущих на планете Земля, актуальной на сегодняшний момент становится проблема одиночества. Одиночество – это «один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных (непривычных) условиях изоляции от других людей» [5, с.248]. Можно выделить некоторые основные характеристики этого феномена: одиночество – это, во-первых, дефицит социального взаимодействия; во-вторых, это субъективный опыт; в-третьих, это субъективно неприятное для человека психическое состояние. Однако проблема одиночества только на первый взгляд кажется общедоступной и легко постигаемой. В этой связи становится актуальным и рассмотрение смежных проблем и феноменов, вытекающих из многогранности субъективного переживания одиночества. Среди таковых можно выделить перфекционизм и жизнестойкость.

Перфекционизм в последнее время вызывает большой научный интерес ввиду того, что он является составной частью или способствующим фактором многих личностных расстройств и зависимостей. Перфекционизм – это повседневное предъявление к себе и другим требований более высокого качества выполнения деятельности, чем того требуют обстоятельства [3]. П. Хьюитт и Г. Флетт выделяют следующие составляющие структуры перфекционизма.

1. Я-адресованный перфекционизм. Это стиль поведения личности, когда в выполнении той или иной деятельности самим человеком по отношению к себе устанавливаются завышенные стандарты и требования.

2. Перфекционизм, адресованный другим людям. Данная составляющая перфекционизма предполагает завышенные требования и ожидания по отношению к значимым другим.

3. Социально предписываемый перфекционизм. Убежденность человека в завышенности требований со стороны окружающих, которым он должен соответствовать.

Перфекционизм – это мощный деструктивный фактор в развитии личности, который может приводить не только к переживанию чувства одиночества, но и к социальной дезадаптации, понижению жизнестойкости.

Жизнестойкость – это способность переносить стрессовые ситуации без ущерба собственной деятельности и самооценке. Понятие «жизнестойкость» отражает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, а также является показателем психического здоровья человека [1]. В основе жизнестойкости лежат три вида установок: вовлеченность, контроль и принятие риска. Вовлеченность представляет собой определенную включенность в происходящее, позволяющую найти в любых событиях и действиях нечто важное и полезное для себя. Под компонентом «контроль» подразумевается убежденность в том, что борьба помогает повлиять на результат происходящего и достичь желаемой цели. И, наконец, принятие риска – это убежденность в том, что из всех событий и обстоятельств можно извлечь бесценный опыт.

Таким образом, актуальность нашего исследования заключается в необходимости дополнения теоретических построений, относящихся к феноменам «одиночество», «перфекционизм» и «жизнестойкость», научной информацией о характере и специфике их взаимосвязи.

Цель эмпирического исследования состоит в подтверждении гипотезы о наличии прямой связи между одиночеством и перфекционизмом и обратной связи между одиночеством и жизнестойкостью и перфекционизмом и жизнестойкостью. Базой эмпирического исследования служат следующие факультеты ВГУ: медико-биологический, физический, геологический, факультет прикладной математики и механики и факультет философии и психологии. Объект эмпирического исследования представляет собой выборку, состоящую из 125 студентов юношеского возраста данных факультетов. В исследовании нами использовался психодиагностический метод, а именно метод стандартизированного самоотчета, реализуемый в следующих методиках: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона [6]; «Многомерная шкала Хьюитта-Флетта» [2] и «Тест жизнестойкости» С. Мадди [4]. К полученным по всем методикам данным применялись способы как качественного, так и количественного анализа. Связь изучаемых феноменов проверялась нами с помощью коэффициента линейной корреляции Пирсона. Полученные данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение испытуемых с различной выраженностью одиночества, перфекционизма и жизнестойкости

Уровень	Одиночество	Перфекционизм	Жизнестойкость
Низкий уровень	50,4	20,8	21,6
Средний уровень	40,8	65,6	60,8
Высокий уровень	8,8	13,6	17,6

Из таблицы 1 мы получили, что примерно для половины испытуемых (50,4%) характерен низкий уровень одиночества. Можно сказать, что им не свойственна физическая или психологическая изоляция от окружающих, они не ощущают дефицита социальных связей, способны раскрепощаться и общаться с другими людьми. Кроме того, большинству испытуемых (65,6%) присущ средний уровень перфекционизма. Эти испытуемые способны предъявлять к себе и окружающим завышенные требования, однако лишь в определенных сферах или ситуациях. Чаще всего, даже если подобные тенденции присутствуют, они не доставляют дискомфорта и не способствуют невротизации личности. Также у большинства испытуемых (60,8%) был выявлен средний уровень жизнестойкости. Данным студентам свойственно в некоторых проблемных ситуациях испытывать дискомфорт и определенный уровень стресса, однако они не позволяют ему перейти в дистресс и через некоторое время успешно адаптируются. Своевременная эф-

фективная реакция на возникающие трудности в большинстве случаев позволяет человеку сохранять приемлемый уровень работоспособности.

В результате корреляционного анализа была выявлена прямая связь между одиночеством и социально предписанным перфекционизмом ($r=0,21$ при $p=0,05$) и обратная связь между одиночеством и жизнестойкостью, включая все ее компоненты ($r=-0,72$ при $p=0,01$; вовлеченность: $r=-0,74$ при $p=0,01$; контроль: $r=-0,64$ при $p=0,01$; принятие риска: $r=-0,52$ при $p=0,01$).

По результатам статистического анализа можно заключить, что социально предписанный перфекционизм у одиноких людей выше, чем у лиц с низким уровнем одиночества. Полученные данные свидетельствуют о том, что характер и степень выполнимости требований, предъявляемых к себе и другим людям, не зависит от субъективного переживания одиночества, а вот представления человека о том, что общество навязывает ему идеализированные стандарты и завышенные требования, в некоторой степени связаны с ощущением отчужденности и покинутости.

Также мы выяснили, что как интегральный показатель жизнестойкости, так и показатели его отдельных компонентов снижаются с повышением уровня субъективного переживания одиночества. Можно сказать, что чем более одиноким ощущает себя человек, тем меньше он видит в себе сил и внутренних ресурсов для преодоления жизненных трудностей; тем меньше он вовлечен в жизнь и заинтересован происходящими событиями; тем меньше он верит в свою способность управлять собственной жизнью и деятельностью; тем более осторожно он относится к риску.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза частично подтвердилась.

Литература

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л.А. Александрова // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. / Под ред. М.М. Горбатова, А.В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – Вып. 2. – С. 82-90.
2. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта / И.И. Грачева // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, №6. – с. 73-81.
3. Ильин Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. — 224 с.
4. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
5. Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1990 – 494 с.
6. URL:<http://test-metod.ru> (дата обращения: 29.11.2016).

*Е.С. Назарова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. Н.М. Пинегина*

МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ВИНА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СКЛОННОСТИ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Склонностью к суицидальному поведению можно назвать предрасположенностью человека к совершению действий, направленных на самоуничтожение. Как прави-

ло, люди, склонные к такому поведению, видят в нем выход из непереносимой ситуации или болезни, таким образом, пытаются совершить свой призыв о помощи.

Склонность к суицидальному поведению может зависеть от разных факторов. Характерным и значимым феноменом в склонности к суицидальному поведению является чувство вины, которое имеет различные формы, в той или иной мере влияющие на решение покончить жизнь самоубийством. В связи с тем, что чувство вины проявляется у каждого человека в той или иной мере и всегда по-разному, его излишняя развитость может привести к суицидальному поведению. Современный мир заинтересован в том, чтобы избавиться от любого проявления суицидальности, что ведет к возникновению острой потребности в глубоком познании данного явления и управления им.

Чувство вины, в отличие от эмоции, обладает постоянством и устойчивостью, именно поэтому оно может оказать ключевое воздействие на склонность к суицидальному поведению у людей.

Чувство вины появляется в результате провинности, антиморальных, с точки зрения самого человека и закона, поступков, ответственности за какие-либо проступки, которые были совершены перед другими. Стоит отметить, что вина как чувство закладывается в раннем возрасте, вследствие особенностей психического развития ребенка, а также родительского воспитания. Сформируется чувство вины в возрасте 3-5 лет, в виде психологической защиты от переживания чувства беспомощности и стыда, которые переживаются в связи с крушением чувства собственного всемогущества, выражающимся в том, что ребенок думает, что он все может, все знает и все умеет, а мир вращается вокруг него [2]. Когда же у него что-то не получается, наступает период сомнений и непонимания происходящего, здесь важно для родителей не винить и не упрекать ребенка в происходящем, тогда чувство вины будет развиваться правильно и не будет довлеть над ним, в противном случае, чувство вины будет преследовать ребенка, как в подростковом возрасте, так и на протяжении всей жизни.

Д. Вайсс – представитель современного психоанализа, говорит о том, что вина является межличностной по своему происхождению и функциям. Она важна, так как играет поддерживающую, адаптивную роль во взаимоотношениях людей. Он также отмечает, что наряду с адаптивной формой вины, существуют также малоадаптивная или иррациональная и патогенная. Данные формы вины будут преобладать в случае преувеличения и сдерживания адаптивной, либо при ее тесной связи с таким чувством как стыд [1].

Адаптивная вина является одной из нормальных и положительных форм. Она способствует пониманию наличия противоречий между интернализированными ценностями и реальным поведением. Такая вина тесно связана с хорошим социальным приспособлением и здоровым развитием личности. Таким образом, человек понимает, где он поступил неправильно, почему он так сделал и что ему необходимо будет сделать, чтобы исправить тот или иной поступок.

Патогенная форма вины возникает в случае постоянного ощущения своей неправоты в действиях и словах. Чаще такая форма вины берет начало в детстве, так как именно родители могут способствовать ее возникновению и процветанию в виду постоянной критики и «тыканья носом» в его ошибки, заставляя чувствовать себя виноватым в содеянном, и более того, чувствовать вину перед родителями. Такой ребенок в последствии будет бояться совершать ошибки и постоянно будет думать, что он может сделать что-то не так, причинив тем самым неудобство другим и чувствуя вину за это.

Иррациональная или малоадаптивная вина считается негативной формой вины в связи с неправильным пониманием и оцениванием себя и своих решений в тех или иных жизненных ситуациях и чрезмерно сильным переживанием по данному поводу. Такими

формами иррациональной вины, по Д. Вайссу, принято считать – вину выжившего, вину отделения, вину гиперответственности и вину ненависти к себе.

Вина выжившего исходит из ощущения, что при преследовании своих целей и достижении успеха, он может заставить страдать других людей. Те, кто страдает таким чувством вины убеждены, что любой успех или что-то хорошее в их жизни может вызвать несчастье у других, заставить их ощущать себя ничёмно и плохо. У такого человека преобладает иррациональное представление о том, что все его блага в жизни происходят за счет других. Примером такой ситуации может стать смерть одного из членов семьи или близкого человека, когда выживший ощущает себя так, будто теперь он живет за счёт доли «блага», отмеренной не ему, а умершему.

Вина отделения возникает в том случае, когда человек испытывает страх навредить другим людям, стараясь осуществить свои цели и воплотить свои желания. У такого человека преобладает вера в то, что он не имеет права жить отдельно от кого-то (от близких или любимых людей), так как это предательство по отношению к ним, которое может стать для них губительным, что обязательно в последствии доставит неудобство или боль, а также причинит вред. Примером данной ситуации можно назвать уход из родительской семьи из-за создания собственной, переезд в другой город/страну и др.

Вина гиперответственности возникает из альтруизма, когда у человека преобладает преувеличенная ответственностью за заботу, счастье и благополучие других. Нередко вина выжившего и вина отделения сопровождается именно данным видом вины, однако, она может существовать и встречаться отдельно. Данную вину рассматривают в виде преувеличения адаптивной. Примером такой вины можно считать постоянную заботу о других в ущерб личным интересам и здоровью, порой являющееся слишком навязчивым.

Наконец, вина ненависти к себе, возникающая из-за жестокости и невнимательности родителей, близких и любимых людей по отношению к субъекту. Она отражает крайне негативную оценку себя и своих поступков, что вызывает также чувство общей негодности. Межличностная она в том понятии, что принимается на себя в целях сохранения положительной связи с близкими окружающими людьми.

Моральные установки тех или иных социальных групп и индивидов определяют наличие или отсутствие вины. А так как вина является сложным чувством, страх стать плохим перед кем-то или стать должным кому-то удерживает человека от совершения аморальных в его понятии поступков, так как он боится переживания совести даже больше, чем осуждения со стороны.

Чувство вины на каждого человека оказывает существенное влияние, выраженное в уменьшении уверенности в себе, снижении самооценки, ощущении напряженности и страхов, иногда расстерянности, разочарования, уныния, пессимизма, тоски, а также депрессии. Оно нередко приравнивается к агрессии, которая направлена на себя и побуждает человека к самоунижению, самобичеванию и стремлению к самонаказанию. Чувство вины является разрушительной эмоциональной реакцией человека вследствие самообвинения и самоосуждения.

Таким образом, существует адаптивная форма вины и дезадаптивная, которая включает в себя иррациональную или малоадаптивную и патогенную формы вины. В силу тех или иных обстоятельств вина может с разной силой переживаться человеком. Когда такая вина является адаптивной, она положительно влияет на человека, помогая ему видеть тонкую грань между своим проступком и правильным действием. В случае, когда вина становится дезадаптивной, она может повлечь за собой излишнее самокопание в себе, наряду с невозможностью ее пережить и выдержать, что может повлечь за собой совершение суицидальных действий. А так как чувство межличностной вины мо-

жет повлиять на склонность к суицидальному поведению, важно знать, какой именно ее вид является наиболее опасным в решении совершения самоубийства, чтобы суметь вовремя предотвратить грозящую человеку опасность.

Литература

1. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб. : Питер, 1999. – 460 с.
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.

*А.А. Пылаев, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина

ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЦИИ НА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНУЮ ПАРАДИГМУ В ПСИХОЛОГИИ

Под парадигмами Т. Кун подразумевает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [2, с. 11]. Обычно, когда употребляют термин «парадигма», то подразумевают как раз модель или образец. В таком понимании парадигмы существует определенное ограничение, заключающееся в том, что действие парадигмы не ограничивается образцом действия для ученых, а скорее «подобно принятому судом решению в рамках общего закона, она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или трудных условиях» [2, с. 48]. То есть, парадигма устанавливается не за счет того, что она с полным успехом решает определенную научную проблему и дает образец для решения сходных проблем, но она скорее показывает свою большую успешность и перспективность по сравнению с другими концепциями объяснения и описания реальности. В парадигме изначально заложена некая предпосылка образа мира, под которую он затем подгоняется. Следовательно, она может способствовать как прогрессу научного знания, так и ограничивать его в определенных концептуальных рамках.

Крайне условно все обилие различных «концепций реальности» можно свести к двум условным парадигмам: естественнонаучной и гуманитарной. Подобно античным материалистам и идеалистам, ключевое различие между ними заключается в определенном видении мира. Так сторонники естественнонаучной парадигмы предполагают, что мир является материальным объектом, независимым от сознания исследователя. То есть, мир объективен и с помощью строгих научных методов мы можем полностью его познать. С другой же стороны, сторонники гуманитарной парадигмы отталкиваются от того, что мир это идеальный объект, и он зависит от сознания субъекта. Таким образом, к миру невозможно применять критерии объективности/субъективности, поскольку все в мире преломляется через сознание человека. Вне зависимости от более уникальной и специфичной для определенной науки парадигмы, ее с определенной долей обобщения можно классифицировать к одному из двух вышеприведенных типов.

Зачастую вопрос ставится не только о том, к какой парадигме можно отнести психологию, но о том какой путь она должна выбрать. Так в отечественной психологии одним из первых этот вопрос поднял Л. С. Выготский в своем труде «исторический смысл психологического кризиса». «У психологии обнаружилось два лица, как у Януса: один – обращенный к физиологии и естествознанию, другой – к наукам о духе, к истории, социологии; одна наука о причинностях, другая – о ценностях» [1, с. 385].

И.А. Мироненко отмечает, что «связи психологии с естественными и гуманитарными науками одинаково вечны и неразрывны, однако есть между ними и существенное различие: если детерминистское, научное объяснение закономерностей психической деятельности человека опирается на данные естествознания, то науки гуманитарные: культурология, социология, искусствоведение и пр., - напротив ищут опоры в психологии» [3, с. 212]. Теоретически, противостояние между парадигмами не является обязательным атрибутом развития науки. И две данные парадигмы могут мирно существовать. В действительности же, гармоничное сосуществование редко наблюдается.

Почти всегда дискуссии о предпочтительном выборе парадигмы, в конце концов, склоняются к выбору научно-естественной парадигмы. Так сам Л. С. Выготский считал, что гуманитарную парадигму следует оставить за рамками непосредственно психологии. Как показала история, в 20 веке в отечественной психологии на протяжении почти века и установилось господство естественнонаучной парадигмы. На данный момент в психологии, по мнению А. В. Юревича, естественнонаучная парадигма начинает уступать свои позиции. Автор предлагает защитить данную парадигму, метафорически оказавшуюся в осадном положении. И. А. Мироненко также останавливается на должности приоритета естественнонаучной парадигмы в психологии. Так считается, что если у психологии нет строгих естественнонаучных и объективных критериев, то открывается простор для околонучных, по мнению господствующей парадигмы, изысканий. Действительно, большое число дискуссий о научности психологии идет из-за смещения научных, парапсихологических и ненаучных, но причисляющих себя к психологии, трудов. В таком случае можно только согласиться, что в психологии действительно должны быть свои единые общепризнанные критерии того, что считать научным. Как отмечал Т. Кун, даже если парадигма ограничивает науку в определенных рамках, она все равно способствует ее прогрессу. Но, трудно согласиться с другой частью выводов вытекающих из таких опасений, а именно с приоритетом естественнонаучной парадигмы над всеми остальными.

Такой взгляд базируется на широко признанной научной «аксиоме» о том, что объективными науками можно считать только физику, математику и аналогичный ряд наук, в которых изучаются «факты и строго объективные закономерности объективной реальности». Оговоримся, что тут естественно подвергается сомнению не точность данных наук, а именно крайне распространенный взгляд на них, как на единственно достоверные и полезные науки. Такой взгляд вытекает из воззрений на науку, как на кумулятивный процесс, где изначально задана определенная цель, и каждый ученый лишь продвигает науку в ней. Подобный подход крайне не историчен и весьма упрощенно отражает то, что происходит в реальности. Развитие науки не некий единый линейный процесс, но постоянная смена представлений о реальности и методах ее изучения. К примеру, Птоломеевская геоцентрическая система мира в свое время была такой же достоверной, как и пришедшая ей на смену теория Коперника. То есть, в рамках своей исторической эпохи они были также подходили под критерии научности достоверности, и лишь сейчас мы можем подметить «заблуждения» тех или иных ученых и теорий.

Подгоняя психологию под специфику традиционно естественнонаучных дисциплин, обычно упускают тот момент, что к примеру та же физика не стоит на месте. Так дух механицизма, который доминировал практически во всех науках начиная с 17 века, в психологии просуществовал дольше, чем в физике, которой он был обязан своим происхождением. Психология ориентируется не на последние достижения в той же физике, а на эпоху в которой зарождалась психология. То есть, с начала прошлого столетия научные дисциплины практически оторваны друг от друга. В рамках обучения в вузах данные дисциплины практически никак не пересекаются, ограничиваясь курсом высшей

математики, и, тем не менее, предполагается, что психология должна ориентироваться на данные науки. Она и действительно ориентируется, но во многом на ньютоновско-картезианские научные представления, которым на смену уже давно пришли новые теории. Все это ведет к тому, что «объективные концепции» психологии строятся на основе практически устаревших научных знаний.

Теоретическая пропасть между науками огромна, а недостаточно разграничение наук ведет к тому, что психология теряет свою специфику в погоне за материализмом. К примеру, одно из наиболее существенных ограничений экспериментального метода в психологии описывал У. Найссер. Как один из основателей когнитивной психологии, он отмечал слабую экологическую валидность психологических исследований. Это приводит к парадоксальным следствиям, в которых с помощью экспериментальных исследований можно обнаружить определенные психические факты, но в реальной жизни они не будут себя проявлять. Потому, что реальная жизнь всегда шире и многообразнее, чем те теоретические рамки, в которые ее пытаются загнать. И действительно, выработать критерии научности для психологии дело первостепенной важности, учитывая ее разобщенность на данный момент, но искать следует свой собственный путь. Подгоняя понимание научности под то, что выработано другой наукой, мы теряем саму специфику психологии. И тем более, зачастую пренебрежительное отношение со стороны других наук по отношению к психологии останется до тех пор, пока психология будет пытаться походить на них, забывая про свою собственную уникальность.

Литература

1. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. // Л.С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. Т.1. – 487 с.
2. Кун Т. Структура научных революций // Т. Кун. – М. : АСТ, 2009. – 310 с.
3. Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки // И.А. Мироненко. – СПб. : Нестор-История, 2015 – 304 с.

*В.Н. Романенко, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Отношение к смерти является одной из базовых экзистенциальных направленностей личностей человека. Опираясь на то, как С. Ю. Головин определяет «отношение» [3], и на основные характеристики отношения к смерти Т. А. Гавриловой [2], нами сформулировано следующее определение: «отношение к смерти» – это установка человека, являющаяся субъективной стороной отражения действительности, на тот или иной способ восприятия факта конечности жизни, в результате взаимодействия человека со средой во всех её проявлениях внутренних и внешних.

Часто человек, впервые сталкиваясь с конечностью бытия, бывает не готов к этому, что приводит к стрессу и психологическому дискомфорту, в этом случае автоматически включаются защитные механизмы психики. Однако личность как социальное, сознательное и самостоятельное существо способна разрешать конфликты, бороться с тревогой и напряжением целенаправленно. Для обозначения сознательных усилий личности используется понятие копинг-стратегий. Р. Лазарус определял механизмы совладания

как стратегии действий, предпринимаемых человеком в ситуациях угрозы, относящейся к физическому, личностному и социальному благополучию [1]. Так же на восприятие факта конечности жизни оказывает влияние уровень «толерантности к неопределенности», Р. В. Нортон описывает его как черту личности, связанную с множеством поведенческих феноменов и определяющую способ восприятия неопределенной информации [4].

Обобщая всё вышеперечисленное, в качестве цели исследования выделим изучение отношения к смерти и копинг-стратегий у лиц с разным уровнем толерантности к неопределенности. Объектом исследования является выраженность личностных особенностей у лиц с разными уровнями толерантности к неопределенности. Предметом исследования – ведущие отношение к смерти и копинг-стратегии у лиц с разным уровнем толерантности к неопределенности.

Теоретически будем опираться на концепцию «неадаптивной активности» В. А. Петровского. Согласно ей, изначально индивиду приписывается сообразность поведения: стремление к внутренней цели, обуславливающее все его действия, неадаптивность же заключается в противоречии между целью и результатом функционирования системы. Предполагается, что неадаптивное поведение неизбежно во всех видах деятельности индивида, так как его результат включает в себе ресурс для продолжения и развития активности в том же направлении [5]. Используя данный подход в нашем исследовании, можно предположить, что неадаптивное поведение индивида будет выражаться в использовании неэффективных копинг-стратегий (дистанцирование, бегство-избегание, конфронтация) и отношения к смерти в виде страха, избегания, приближающего или избавляющего принятия смерти. Отметим, что неадаптивное поведение будет возникать при крайних значениях толерантности к неопределенности (на низком и высоком уровнях), т.к. это будет приводить к наиболее быстрому и простому способу избавления от негативных и тревожных эмоций, испытываемых индивидов в следствие стрессогенной ситуации.

Таким образом, в качестве выдвинутой гипотезы исследования выступает предположение о том, что существует специфика отношения к смерти и копинг-стратегий у лиц с разным уровнем толерантности к неопределенности, а именно: лица с средним уровнем толерантности к неопределенности будут использовать эффективные копинг-стратегии (самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка) и иметь ведущее отношение «нейтральное принятие смерти», а лица с «низким» и «высоким» уровнями толерантности к неопределенности будут использовать неэффективные копинг-стратегии (конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание), а так же не принимать факт собственной смертности (страх смерти, избегание смерти, приближающее принятие смерти, избавляющее принятие смерти). Нами обозначается закономерность, что излишняя подверженность или наоборот устойчивость в преодолении стресса (низкий и высокий уровни) будет являться индикатором неадаптивных копинг-стратегий и отношения к смерти, а толерантность к неопределенности на среднем уровне будет соответствовать адаптивным стратегиям совладания со стрессом и отношением к смерти.

Базой нашего эмпирического исследования стали 5 факультетов ФГБОУ ВО «ВГУ». В качестве выборки нами были выбраны студенты – бакалавры и магистры 18 – 23 лет, общим числом 126 человек – 66 девушек и 60 юношей. В исследовании использованы методы сбора теоритической и эмпирической информации, а так же количественная обработка данных.

С помощью шкалы «Толерантность к неопределенность» (С. Баднер) [4] мы разделили наших испытуемых на три уровня толерантности к неопределенности: низкий – 40 чел. (32%), средний – 47 чел. (37%), высокий – 39 чел. (31%). Данные по методике

«DAP – R» («Профиль аттитюдов по отношению к смерти – переработанный») Т. А. Гавриловой [2] показали, что ведущими отношениями к смерти вне зависимости от уровня толерантности к неопределенности являются: нейтральное принятие (54 – 69%), страх (6 – 23%) и избегание (15 – 19%), при том при «страхе смерти» показатели выше на низком и высоком уровнях, тогда как при других отношениях разницы не выявлено (Рис. 1).

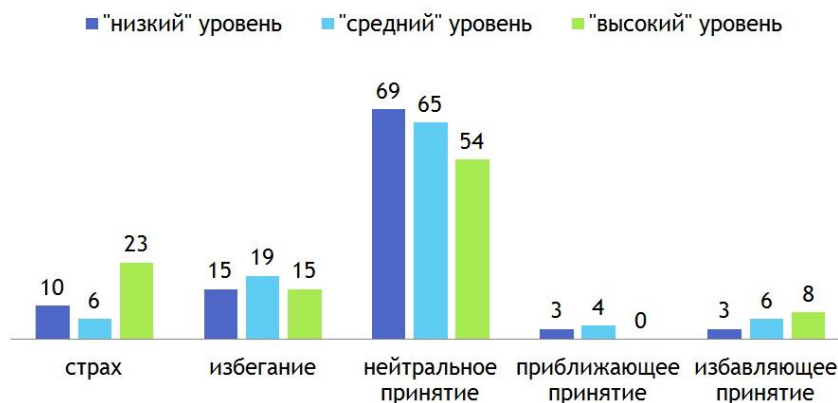

Рис. 1. Результаты методики «DAP – R».

Данные опросника «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус и С. Фолкмен) [1] показали, что ведущими стратегиями совладания вне зависимости от уровня толерантности к неопределенности являются: планирования решения (23 – 28%), принятие ответственности (15 – 23%), поиск социальной поддержки (15 – 23%), однако различия между средним и низким, высоким уровнями наблюдается только при стратегиях бегство-избегание и положительная переоценка (Рис. 2).

Рис. 2. Результаты опросника «Способы совладающего поведения».

Опираясь на вышеперечисленные данные, мы можем сделать вывод, что эффективные копинг-стратегии и нейтральное принятие смерти будут ведущими вне зависимости от уровня толерантности к неопределенности, это может быть связано с возрастными особенностями юношеского возраста (страх смерти уходит на неосознаваемый уровень).

Однако отдельные параметры, такие как: страх смерти и стратегии бегство-избегание и положительная переоценка будут выше на низком и высоком уровнях толерантности к неопределенности, чем на среднем, возможно, это будет приводить к наиболее быстрому и простому способу избавления от негативных и тревожных эмоций, испытываемых индивидов в следствие стрессогенной ситуации. Таким образом, мы можем сделать вывод, что наша гипотеза подтвердилась частично.

Литература

1. Вассерман Л.И. Методика для психол. диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: Пособие для врачей и медицинских психологов. / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Е.Р. Исаева и др. – СПб.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2009. – 38 с.
2. Гаврилова Т.А. Об адаптации опросника "Профиль аттитудов по отношению к смерти – переработанный" (DAP-R) П. Т. П. Вонга, Г. Гиссера и Дж. Т. Рикера / Т.А. Гаврилова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – №1. – С. 46-57.
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин – Мн.: Харвест, 1998. – 800 с.
4. Корнилова В.Т. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова // Экспериментальная психология, 2014. №1. – С. 92-110.
5. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский // Российский открытый университет. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.

*Е.Р. Фролова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина

СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ У ЛИЦ С РАЗНЫМИ ВИДАМИ ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В последнее время во всем мире, в том числе и в России обратили внимание на такую важнейшую проблему как химическая зависимость, которая выросла до масштабов эпидемии и разрушает нравственную основу человека. Химическая зависимость по определению ВОЗ – это психическое, а иногда и соматическое состояние, являющееся следствием повторного употребления естественных или синтетических психоактивных веществ [4]. Под креативностью мы будем понимать творческие возможности, способности человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, в отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом или ее отдельные стороны, продукты деятельности [1]. Личностная креативность рассматривается нами как личностное качество, базирующееся на развитии высших психических функций, и формируемое за счет влияния социальной среды, ее ценностной ориентации, требований, предъявляемых к человеку, организации информационного потока и целевой направленности всех видов деятельности.

Социальная креативность – это комплексное качество личности, позволяющее понимать и анализировать причины и динамику различных социальных ситуаций, а также принимать эффективные творческие, нестандартные решения в ситуациях межличностного взаимодействия.

Лица, страдающие зависимостью, не всегда способны адекватно реагировать, решать задачи, которые перед ними стоят. Их сознания сфокусировано вокруг способов удовлетворения потребности в употреблении психоактивных веществ [2]. Тогда несомненный интерес вызывают особенности креативности лиц с разными видами химической зависимости. С одной стороны, в связи с тем, что сложно найти вещества зависимый должен проявлять творчество и креативность, а с другой стороны в связи с тем, что сознание концентрировано и заиклено на поиски веществ, креативность будет ограничена, т.к. требует минимального психического напряжения.

У лиц, страдающих наркотической зависимостью больше проявлена личностная креативность т.к. одной из особенностей личностной креативностью является склонность к риску, т.е. человек, употребляющий наркотики, будет отстаивать свои идеи, не обращая внимания на реакцию других людей, общественное мнение значения не имеет [3].

Наркотическое опьянение сопровождается галлюцинациями, нестандартными образами, которые могут переноситься в реальность. У алкоголиков повышенную коммуникативность состояния алкогольного опьянения. Согласно исследованиям ученых, у алкогольных аддиктов больше проявлена потребность в близости, принятии и общении, что отражается в процессе коммуникации, вынося его на передний план в реализации и самопрезентации [4]. У алкоголиков развито воображение, создание образов, несуществующих моделей социального мира, его оригинальных комбинаций и форм. Мотивация креативного индивида обусловлено стремлением к риску и проверки пределов своих возможностей.

Литература

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д.Б. Богоявленская. – М. : Академия, 2002. – 320 с.
2. Макушина О.П. Психология зависимости : учеб. пособие для вузов / О.П. Макушина. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007. – 78 с.
3. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич – СПб. : Питер, 2004. – 445 с.
4. Руководство по аддиктологии / под ред. В.Д. Менделевича. – СПб. : Речь, 2007. – 768 с.

*Ю.Ю. Шаталова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

ПРОБЛЕМА ТРЕВОЖНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Среди наиболее актуальных проблем, возникающих в практической деятельности человека, особое место занимают проблемы, связанные с психическими состояниями. В ряду различных психических состояний, являющихся предметом научного исследования, наибольшее внимание уделяется состоянию, обозначаемому в английском языке термином «anxiety», что переводится на русский как «беспокойство», «тревожность».

Многозначность в понимании тревожности как психического явления проистекает из того факта, что термин «тревожность» используется психологами в различных значениях. Это и временное психическое состояние, возникшее под воздействием стрессовых факторов, и фрустрация социальных потребностей, и первичный показатель неблагополучия, когда организм не имеет возможности естественным образом реализовывать потребности, и свойства личности, и реакция на представленную угрозу.

Прежде чем перейти к изучению проблемы тревожности, стоит остановиться на понятии «тревожность». В психологической литературе существует немало трактовок понятия «тревожность». Тревожность – состояние целесообразного подготовительного повышения сенсорного внимания и моторного напряжения в ситуации возможной опасности, обеспечивающее соответствующую реакцию. Но главное, на что стоит обратить внимание, это то, что его следует понимать дифференцировано: как личностную характеристику с ее динамикой и как ситуативное явление.

Таким образом, тревожность может выступать как одно из личностных образований конкретного человека, проявляющееся в различных воображаемых ситуациях, которые другому человеку могут показаться незначительными. С другой стороны, тревожность также может носить ситуативный характер и проявляться в случаях объективно грозящей опасности.

Высокий уровень тревожности неблагоприятно сказывается на жизнедеятельности человека, приводит к конфликтам и неуверенности в себе, снижает умственную работоспособность, а также может создавать предпосылки для агрессивного поведения.

Но с другой стороны, тревожность может активизировать человека и конкретизировать возможную опасность. Поэтому актуально говорить об оптимальном уровне тревожности. Известно, что за границами таковых оптимальных значений тревожность оказывает негативное влияние на деятельность человека, что приводит к дезадаптации в целом. Но также нельзя сказать, что средний уровень тревожности будет тем оптимальным, так как для каждого человека с его индивидуальными психологическими особенностями будет существовать свой оптимальный уровень тревожности.

Тревожность как психическое свойство находится в конфронтации с базовыми личностными потребностями: потребностью в эмоциональном благополучии, чувстве уверенности, безопасности. С этим связаны значительные трудности в работе с тревожными людьми: они, несмотря на выраженное стремление избавиться от тревожности, неосознанно сопротивляются попыткам помочь им сделать это. Причина такого сопротивления им самим непонятна и трактуется ими, как правило, неадекватно.

Специфическая особенность тревожности как личностного свойства заключается в том, что она имеет собственную побудительную силу, выступает как мотив, имеющий достаточно устойчивые, привычные формы его реализации в поведении, что является специфической особенностью сложных психологических новообразований аффективно-потребностной сферы [1]. Возникновение и закрепление тревожности во многом обусловлено неудовлетворением актуальных потребностей человека, которые приобретают гипертрофированный характер.

Проблема тревожности остро стояла давно и волновала многих ученых и философов. Первым, кто ввел это понятие и поставил проблему тревожности, как психологическую, был З. Фрейд. Он описал это понятие в своей работе «Страх». З. Фрейд определял тревожность как «неприятное переживание, выступающее сигналом предвосхищаемой опасности» [2]. Также он говорил, что содержанием тревоги являлись чувства неопределенности и беспомощности. Тревога, с точки зрения Фрейда, является функцией «Эго» и предупреждает «Эго» о надвигающейся опасности, угрозе, помогая личности реагировать в подобных ситуациях опасности или угрозы, безопасным, адаптивным, способом [2].

Изучая психологическую литературу по теме «тревожность», мы выделили основные негативные стороны влияния тревожности на жизнедеятельность человека:

- 1) тревожность отрицательно влияет на разные виды деятельности человека, также страдает учебная успеваемость и профессиональная направленность;
- 2) высокий уровень тревожности угрожает психическому здоровью личности, могут развиваться невротические состояния;
- 3) люди с тревожностью воспринимают окружающий мир как потенциально опасный и несущий угрозы.

Также можно дополнить, что в социальной сфере тревожность может оказывать влияние на межличностные отношения, будто бы отношения с товарищами или руководством. Тревожность негативно влияет на общение в целом.

В психологической сфере тревожность несет негативное влияние на самооценку и уровень притязаний человека, его мотивацию. Человек становится неуверенным в себе, также снижается работоспособность.

Тревожность может негативно влиять и на психофизиологическую сферу, приводя к вегетативным расстройствам.

Тревожность формирует конфликтные отношения, а также является источником агрессивного поведения.

Проблема тревожности начала вызывать интерес к ее изучению еще с давних пор. Но если обобщить все подходы к пониманию этой проблемы, то можно сделать вывод, что тревожность – это эмоциональное переживание негативного характера, связанное с предчувствием опасности или ожиданием неблагоприятного исхода. Также тревожность необходимо рассматривать как личностное качество (личностная тревожность), и как реакцию на определенную неблагоприятную ситуацию (ситуативная тревожность). В последнем тревожность определяется как состояние.

Литература

1. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности / А.М. Прихожан // Психологическая наука и образование. – 1998. – №2. – 65 – 79 с.
2. Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Истерия и страх / Под редакцией А. Боковикова. – Москва : Фирма СТД, 2006. – 20с.

*В.В. Гончарова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. И.В. Завгородняя

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОВ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ И К ДРУГИМ

Последнее время исследования в области доверия показывают, что в России увеличивается общий уровень недоверия населения к другим. Можно предположить, что общество так и не смогло до сих пор восстановить подорванный социальный капитал и продолжает находиться в раздробленном состоянии. Это вырастает в серьезную преграду для развития социальной активности россиян, препятствуя поиску и освоению устойчивых форм социального равновесия и порядка.

Согласно данным опроса, проведенного в октябре 2006 г. [3], количество россиян с недоверием относящихся к окружающим, почти в 4 раза превышает количество тех, кто доверяет другим людям (56,4% против 15,2%). Почти каждый четвертый (26,7%) считает, что к решению вопроса о доверии необходимо подходить индивидуально и принимать во внимание специфические особенности человека и конкретные условия, в которых он находится. Разобщенность общества и нарушение его взаимопонимания затронули в какой-либо форме разные области межличностных отношений. Наиболее устойчивым к воздействию неблагоприятных факторов, инициированных трансформационными процессами, оказалось ближайшее окружение, в особенности родственно-дружеские связи, которые сохраняют необходимый уровень взаимопонимания и доверия между людьми. Это помогает многим не терять уверенности в себе и с оптимизмом смотреть в будущее.

Аналогично в трудовом коллективе можно увидеть высокий уровень доверия. Любому трудовому коллективу свойственна однородность, которая объединяет работ-

ников одного профиля, занятых общим делом и нацеленных на достижение одной цели. В то время как обществу свойственна разнородность и разноплановая многомерность. Подобные особенности создают хорошие предпосылки для формирования отношений доверия и сотрудничества в трудовом коллективе.

Проблема изучения доверия актуальна в современной психологической науке и охватывает большую область исследования. Феномен доверия исследовался в фундаментальных работах В. П. Зинченко, С. Джуларда, П. Ласкау, А. Б. Купрейченко, Т. П. Скрипкиной, Р. Эмерсона, Э. Эриксона и др.

Доверие Ф. Фукуяма представляет как ключевую характеристику развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом) [8].

Анализ феномена доверия, проведенного Т.П. Скрипкиной, показал, что в доверии можно выделить три самостоятельных области. Это доверие к миру, доверие к другим и доверие к себе [1]. Основой для формирования этих видов доверия является описанное еще Э. Эриксоном «базальное доверие» [2]. Базальное (базисное) доверие возникает на ранних стадиях онтогенетического развития личности из опыта общения с самым близким окружением ребенка.

В современных исследованиях доверие все чаще начинают рассматривать как целое, то есть объединяют доверие к миру, доверие к другим и доверие к себе. Данный феномен определяют как свойство человека наделять объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия, а также свои собственные предполагаемые действия свойствами ситуативной значимости и безопасности [6].

Изучение доверия к себе и к другим в современное время становится особо актуальным, так как данные феномены определяют готовность человека к обеспечению любых задач (например, профессиональных), желание их выполнять, чувство ответственности за выполнение этих задач с наибольшим результативным эффектом [5].

Доверие к себе как один из наиболее важных феноменов был выделен такими представителями гуманистического направления как А. Маслоу и К. Роджерс. Они считали, что умение доверять хотя бы одному близкому человеку (например, себе) свойственно психически здоровой личности, обладающими способностью самораскрытия. Существовая в мире и доверяя ему и себе, человек продолжает оставаться автономным уверенным субъектом активности. Именно благодаря доверию к себе человек может не просто существовать в мире, но и видоизменять, конструировать и переконструировать его. Только свойство человека доверять себе позволяет человеку мыслить за рамками ситуации.

Анализ социально-психологических исследований И. И. Васильева, Л. Я. Гозмана, Н. Н. Обозова, В. С. Сафонова, Т. А. Флоренской, А. У. Хараша позволяет выделить основные психологические характеристики доверия к другим. К таким критериям можно отнести: взаимность, позитивное принятие другого, способность к децентрации, взаимная значимость обсуждаемого содержания, сходство мнений и оценок, отношение к другому как к себе и некоторые другие, которые позволяют творчески решать стоящие перед взаимодействующими индивидами задачи [7].

Без доверия к другим и одновременно доверия к себе невозможен творческий, целетворящий, характер жизнедеятельности, не может быть самопроектирования будущего, так как доверие к себе предполагает, прежде всего, отношение к себе как к самооценности, а доверие к другому – отношение к другому как к ценности [7]. В исследованиях А. Б. Купрейченко [4] установлено, что, подростки, доверяющие другим, показывают более высокую степень сотрудничества, чем те, кто имеет низкое доверие к другим.

Доверие к определенным людям, группам, сферам жизни, системам ценностей, нормам, идеям и т.д. выражает не только текущее состояние отношений с этими объектами, но и направленность субъекта на интенсификацию, углубление отношений, сближение с ними или, напротив, на избегание, уничтожение. В то же время отсутствие доверия к одному из них может свидетельствовать о намерении личности сменить свое окружение, вид деятельности или жизненные цели. По сути, в доверии или недоверии проявляется направленность субъекта на сохранение или изменение существующей структуры социально-психологического пространства. [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что доверие к себе является отношением к собственной субъективности как значимой для личности. Доверие к другим же рассматривается как отношение к личности другого, основанное на позитивном прогнозировании его будущих поступков. Доверие к себе и доверие к другим взаимосвязаны и являются обобщенным ресурсом гармонично развивающейся личности.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком / А.А. Бодалев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. – 124с.
2. Вельтер Ф. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия : германо-российское сопоставление / Ф. Вельтер, Т. Каутонен, А.Чепуренко, Е. Мальева // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – №2. – С.13–36.
3. Козырева П.М. К вопросу о доверии в трудовых коллективах / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 24-33
4. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия / А.Б. Купрейченко – М. : Изд-во «Институт психологии РАН, 2008. – 571 с.
5. Пухарева Т.С. Доверие к себе и к другим у студентов юридического факультета в процессе профессионального обучения / Т.С. Пухарева // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 2. – С. 71–76.
6. Скрипкина Т.П. Доверие как фактор субъективности в онтогенезе / Т.П. Скрипкина, Е.П. Крищенко. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2010. – 328 с.
7. Скрипкина Т.П. Психология доверия : Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Т.П. Скрипкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2000. – 264 с.
8. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию/ Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

*А.С. Пастушкова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. И.В. Завгородняя

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И КОНФЛИКТНОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Мы живем в обществе, в котором высоко ценятся гармоничные, развитые личности, способные справляться со стрессом, выходить из конфликтных ситуаций, адекватно оценивающие себя и свои возможности. Это требование возникает ввиду резкой перемены образа жизни, ее темпа, НТП, мобильности населения. Юношеский возраст – важный и сложный период для индивида, время выбора дальнейшего жизненного пути, получения профессии, создания семьи. В обществе на данный момент наблюдается явление

акселерации, и в то же время инфантилизация юношей [6]. Несоответствие требованиям окружающей действительности приводят к снижению самооценки, которая является важным регулятором поведения индивида. Поэтому данную проблему особенно важно изучать именно в юношеском возрасте. Выявление взаимосвязи самооценки и конфликтности у юношей и девушек актуально для психологической и воспитательной работы в юношеском возрасте.

При изучении вопроса необходимо подробнее остановиться на изучаемых феноменах. Самооценка изучается как отечественными, так и зарубежными авторами (Л. И. Божович, И. И. Чеснокова, С. Л. Рубинштейн, К. Роджерс и др.). Можно выделить среди них несколько подходов: личностный подход, структурно-целостный подход, динамический подход. Проанализировав определения самооценки в теориях различных авторов, можно сказать, что большинство из них приходят к мнению, что самооценка – составляющая «Я-концепции», используемая для передачи оценочного характера представлений индивида о себе. Самооценка – оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей [7]. В настоящее время используется следующая классификация видов самооценки [6]:

- в зависимости от уровня (или величине) самооценки она может быть высокой, средней или низкой;
- по ее реалистичности выделяют адекватную и неадекватную самооценку, которая подразделяется на заниженную и завышенную;
- в зависимости от особенностей строения самооценки она может быть конфликтной и бесконфликтной (иначе, конструктивной и деструктивной);
- по временному отношению выделяют прогностическую, актуальную и ретроспективную самооценку;
- в зависимости от стойкости самооценки различают устойчивую и неустойчивую.

Феномен конфликтности исследован недостаточно. Конфликтность изучается с недавнего времени – начала двадцатого века. В зарубежной психологии, ввиду накопленности эмпирического материала, представлены большим количеством исследований.

Конфликтность личности – степень готовности человека к развитию и завершению проблемных ситуаций социального взаимодействия путем конфликтов, а также относительная частота участия человека в реальных конфликтах по сравнению с другими людьми [1]. Обобщая работы исследователей (Н.В. Гришина, А.Я. Анцупов, и др.), можно сказать, что конфликтность личности – черта личности, выражающая степень готовности к конфликту.

На данном этапе развития науки установлено, что взаимосвязь самооценки и конфликтности существует. Самооценка личности и её конфликтное поведение взаимосвязаны. С одной стороны, конфликты, столкновения с социумом, агрессия и непонимание со стороны окружающих людей влияют на самооценку личности, преимущественно отрицательно, с другой стороны, неадекватная самооценка может послужить причиной накаливанию отношений с другими людьми, возникновения конфликтных ситуаций.

Было показано, что конфликтность коррелирует с уровнем общей самооценки личности. Чем выше самооценка, тем больше внешняя конфликтность [8]. Еще одна тенденция, которая обнаруживается в исследованиях, состоит в том, что у юношей с более выраженной конфликтностью чаще наблюдается крайняя, экстремальная самооценка – чрезвычайно высокая либо низкая. Для неконфликтных юношей более характерной тенденцией является распространенность средней по уровню самооценки [8].

Общий уровень конфликтности у девушек выше. У девушек наблюдается тенденция к внутренней конфликтности, а у юношей – к внешней [1].

Половые различия в конфликтности можно объяснить социальными стереотипами. От юношей могут ожидать конфликтного поведения. Юношей нередко принуждают к конфликту окружающие, ставя под сомнение их общественное положение или самоуважение. Юноши пытаются отгородиться от депрессивных эмоций, концентрируясь на чем-то другом, чтобы разрядить возникшее негативное напряжение. Для многих юношей соответствие общественным нормам успешности недостижимо полностью, что вызывает стресс и приводит к компенсаторным реакциям и внешней конфликтности: ограничение эмоциональности, навязчивое стремление к соревнованию и успеху и т.п.[4].

Конфликтное поведение для девушек считается неправильным. Девушки реже конфликтуют при людях и испытывают стресс, если приходится это делать. Девушки сильнее юношей переживают конфликты. Девушки, испытывая подавленность, стремятся думать о возможных причинах своего состояния. Девушки хуже справляются с эмоциональными проблемами и возникающими трудностями. В социально фрустрирующей ситуации девушкам более присуща интровертивная направленность реакции, связанная с самообвинением. Девушка, стремящаяся реализовать свой потенциал, часто приходит к конфликту с традиционными взглядами окружающих на место женского пола в обществе, и возможно, к конфликту с собственным представлением о себе как о личности. Они сталкиваются с завышенными требованиями, дискриминацией – все это препятствует реализации женщиной себя как личности, приводит к повышению внутренней конфликтности.

Г. Крайг отмечает, что девушкам в большинстве присущи сравнительно низкие ожидания в жизни и гораздо меньшая уверенность в себе и своих способностях, чем юношам. Когда у девушек возникают проблемы с учебой, они чаще склонны обвинять себя, тогда как юноши объяснили бы неудачу «ненужностью» предмета. Такое снижение самоуважения, отмечаемое у трети девушек, имеется и у юношей, но оно выражено меньше [5].

Девушки ожидают и переживают неприятности, связанные с конфликтными ситуациями, значительно чаще, чем юноши. Последние предпочитают активное воздействие на проблемно-конфликтные ситуации, тогда как девушки – эмоционально-экспрессивные формы воздействия [4].

Таким образом, самооценка и конфликтность – важные показатели личности и поведения индивида. Взаимосвязь самооценки и конфликтности проявляется преимущественно в том, что чем выше самооценка, тем выше внешняя конфликтность. При этом у девушек более выражена тенденция к внутренней конфликтности, они эмоциональнее переживают конфликтную ситуацию, долго ее анализируют. Юноши склонны к внешней конфликтности, переживанию конфликтной ситуации в действиях.

Литература

1. Анцупов А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов. – СПб. : Питер, 2014. – 512 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 666 с.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с.
4. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 700 с.
5. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб. : Питер, 2000. – 992 с.
6. Немов Р.С. Психология : в 3 книгах / Р.С. Немов. – М. : ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 686 с.

7. Петровский А.В. Общая психология / А.В. Петровский. – М. : Просвещение, 1976. – 264 с.

8. Реан А.А. Психология личности / А.А. Реан. – СПб. : Питер, 2002. – 656 с.

*Л.А. Петракова, студ. исторического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. эконом. н., доц. Ю.Б. Матюшина

РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Процесс социализации непростой и весьма долговременный. Что же касается самого понятия личности, то оно невероятно многогранно. В первую очередь оно характеризуется обладанием уникальными качествами, во вторую же – это некий компонент социума, раскрывающийся, как и в проявлении индивидуальности, так и в социальных взаимоотношениях.

Социализация позволяет индивиду приобрести необходимый багаж для эффективного функционирования в обществе. С этой целью индивид должен научиться определенным правилам поведения, принятым в его социальной группе, усвоить принятые в ней бытовые навыки, пристрастия, адаптироваться к жизни в определенных условиях.

На процесс формирования и становления личности влияет множество факторов, в рамках которых роль искусства поразительно велика. Данная тема требует большого внимания и обретает статус как одной из самых приоритетных проблематик современности. Во все времена нашей эпохи искусство выступало в качестве ведущей роли в формировании идеологии и миропонимания личности. Подлинное искусство способно воздействовать на её становление, преобразовывая сознание и пополняя человеческий ресурс высшими ценностями и идеологиями.

Многие крупнейшие мыслители наряду с общественными деятелями неоднократно отмечали выдающееся значение искусства в развитии человечества, подчеркивая то, что без него совершенно немислимы формы трудовой, политической, экономической, культурной и научной деятельности.

Особое место в становлении человека как личности принадлежит литературе. Книга неопровержимо считается великим фундаментом духовной культуры народов и уникальной формой содержания и распространения знаний, накопленных веками. Классическая литература – «сокровищница» духовных ценностей, которые способны выступать в качестве ориентиров поведения личности, позиции к миру, обществу и самому себе.

В своё время известный отечественный книговед Николай Михайлович Сикорский справедливо утверждал: «Именно в процессе чтения происходит великое таинство приобщения человека к новым идеям, мыслям, художественным образам» [3, с. 23]

Классическая литература вечна и универсальна. Именно в творениях великих литераторов отражается вся система высших духовных ценностей и норм поведения. Благодаря книге наряду с усвоением социального опыта предыдущих поколений, человек обогащает свой духовный мир, развивает чувства, способности, стремление к творчеству. Именно классическая литература позволяет личности достичь необходимого уровня культуры, вследствие чего и производится самопознание и самоопределение. Человек становится способным управлять собой и ориентироваться на непрерывное саморазвитие.

Очень важно заметить, что классическая литература целенаправленно вырабатывает умение всесторонне размышлять: мыслить проблемно, усваивать целое и обнаруживать детали. Книги позволяют сообразно нормировать положение и отыскивать без-

ошибочные пути решения проблем. Наряду с этим читающие люди более грамотны, интеллектуально развиты, лучше владеют речью, имеют огромный объем памяти и творческое воображение.

Спасая, оберегая, ориентируя и заставляя мыслить и тонко чувствовать, литературные произведения подчас выстраивают и модель поведения, образ жизни. Как не вспомнить здесь впечатление Марины Ивановны Цветаевой от произведения Пушкина: «Многое определил во мне «Евгений Онегин». Если я потом всю жизнь по сей последний день всегда первая писала, первая протягивала руку – и руки, не страшась суда, – то только потому, что на заре моих дней, лежащая Татьяна в книге, при свечке, с растрёпанной и переброшенной через грудь косой, это на моих глазах сделала... И если я потом, когда уходили (всегда – уходили), не только не протягивала вслед рук, а головы не оборачивала, то только потому, что тогда, в саду, Татьяна застыла статуей.... Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества» [4, с. 43].

Вместе с этим поднимается вопрос о культуре чтения. Общеобразовательная мощь литературы зависит в большей степени от способности читателя к полноценному чтению. Этот навык способен развиваться, поэтому в первую очередь необходимо выработать данную культуру. Невероятная сила классической литературы способна влиять на нравственные убеждения человечества, делегируя и фиксируя этические и эстетические традиции каждой эпохи. Эффект чтения несравним с другими рациональными и нравоучительными способами.

На мой взгляд, важно выделить, что в процессе чтения человек «ныряет» в стихию родного языка. А он проявление социального. Отсюда и вытекают важнейшие задатки формирования и становления личности, а именно сложного пути социализации. Собственно, на этом этапе человек и приобретает способность мыслить и создавать.

Анализируя вышесказанное, можно заявить, что становление личности, её развитие и формирование непременно связано с тем, какую литературу читает человек и какие ценности поглощает. Основа формирования гуманитарной культуры преобразует не только личность, но и всё общество в целом.

Классическая литература является толчком к постижению нового, методом становления ценностно-ориентационных критериев, способом воспитания, общения и ресурсом к получению эстетического наслаждения. Именно она способна привить вкус человеку, помочь ему реализоваться как личности, сконструировать собственную картину мира, испытать новые эмоции и найти спасение в настоящем.

Литература

1. Аркин Д., Терновец Б. Мастера искусства об искусстве / Д. Аркин, Б. Терновец. – В 4-х т. – М.–Л., 1939 – Т. 4. – С. 227.
2. Левидов В.А. Художественная классика как средство духовного возрождения / В.А. Левидов // – СПб.: Петрополис, 1996. – 184 с.
3. Слостенин В.А. Гуманитарная культура специалиста / В.А. Слостенин // Магистр. – 1991. – №1. – С. 23.
4. Цветаева М. И. Мой Пушкин / М.И. Цветаева. – Челябинск, 1978. – С. 43.

НЕВЫНАШИВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК БИОПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В условиях сложившейся демографической ситуации и прогнозируемого дальнейшего снижения численности населения России, охрана репродуктивного здоровья общества является важнейшей государственной задачей и условием обеспечения национальной безопасности страны. Несмотря на современные достижения в области физиологии, гинекологии и акушерства, наблюдается увеличение частоты репродуктивных проблем среди женщин фертильного возраста, что приводит к повышению частоты осложнений беременности и родов, различных расстройств репродуктивной сферы.

Среди нарушений репродуктивного здоровья, достаточно большую долю составляет невынашивание беременности. По данным различных источников, частота невынашивания беременности составляет 10 – 30 % от всех выявленных беременностей, фактически прерывается каждая 4-я беременность. Диагноз «угроза прерывания беременности» ставится практически каждой второй беременной женщине [2].

При этом в статистике не учтена достаточно большая доля очень ранних и субклинически протекающих самопроизвольных прерываний беременности. И.В. Добряков [1] отмечает, что примерно у 75 % женщин в фертильности отмечался ранний выкидыш, то есть невынашивание на ранних сроках. Большинство этих потерь остаётся незамеченными, так как оплодотворённые яйцеклетки, по различным причинам, покидают организм женщины ещё до того, как беременность могла быть обнаружена.

Невынашивание беременности – самопроизвольное прерывание беременности в различные сроки от зачатия до 37 недель (259 дней).

К явлениям невынашивания беременности относят:

1. Самопроизвольный аборт (выкидыш) – прерывание беременности в сроки от зачатия до 22 недель. Различают ранний выкидыш – до срока 16 недель, и поздний выкидыш с 16 до 22 недель.

2. Преждевременные роды – прерывание беременности в сроки от 22 до 37 недель, при массе плода более 500 г.

3. Замершая беременность (несостоявшийся выкидыш) – остановка развития плода при отсутствии родовой деятельности. На любом сроке беременности.

4. Привычный выкидыш – самопроизвольное прерывание беременности 2 и более раза подряд. В структуре невынашивания частота привычного выкидыша составляет, по разным данным, от 5 до 20 %. С каждым последующим случаем такого прерывания беременности вероятность повторного выкидыша возрастает на 15 %. Привычный выкидыш – политологическое осложнение беременности, в основе которого лежат нарушения функции репродуктивной системы. Частота такого нарушения в популяции составляет 2 % от числа всех диагностированных беременностей [4].

Причины невынашивания беременности весьма многочисленны. Условно их разделяют на материнские, плацентарные, плодовые, средовые, хотя указанные факторы нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Несмотря на длительную историю изучения проблемы невынашивания, этиологические факторы, патогенетические механизмы данного явления до сих пор до конца не известны. Основная трудность в определении непосредственной причины невынашивания беременности заключается в том, что это многофакторный процесс, в котором одни факторы, могут иметь первостепенное значе-

ние, а другие будут являться фоном. На практике, в каждом конкретном случае дифференцировать их бывает очень сложно.

Исходя из понимания человека, как существа социального, в котором неразрывна связь между телом и психикой, процесс беременности представляется периодом, в котором связь психологического и биологического оказывается наиболее существенной. Следовательно, явление невынашивания беременности следует рассматривать в единстве всех трёх составляющих – биологической, психологической и социальной, как единое биопсихосоциальное явление.

С биологической точки зрения, явление невынашивания беременности рассмотрено наиболее подробно [2,4]. Самыми частыми физиологическими аспектами, сопровождающими невынашивание беременности, называют – инфекционные, гормональные, иммунологические, генетические, нейроэндокринные нарушения репродуктивной системы, заболевания системы кровообращения у женщины, пороки развития матки, истмикоцервикальная недостаточность (ИЦМ) и гинекологическая патология в анамнезе. При исключении всех вышеперечисленных причин возникновение привычного выкидыша считают неясным (идиопатическим).

В этом случае следует проследить роль психологических факторов в ситуации невынашивания беременности. По мнению К. Хорни [2] – самопроизвольное прерывание беременности, объяснить только физиологическими или химическими изменениями во время беременности, нельзя, поскольку, если имеется благоприятная психологическая установка, сами по себе подобные проблемы не возникают. С психоаналитической точки зрения, причинами, приводящими к нарушениям физиологического течения беременности, могут являться противоречивые бессознательные тенденции, связанные, в частности, с желанием или нежеланием иметь ребёнка.

Среди основных психологических факторов, обуславливающих явление невынашивания беременности, можно выделить следующие:

1. Индивидуально-психологические и личностные особенности женщин: высокая личностная тревожность, наличие депрессивных реакций, эмоциональная лабильность, неуверенность в себе, нарушенное базовое доверие к миру, стремление контролировать себя, своё состояние и окружающие события, личностная незрелость; нарушение полоролевой и половозрастной идентичности, подозрительность, гиперответственность, авторитарность, ригидность, обидчивость [3].

2. Негативное восприятие женщиной самого процесса беременности, и своего состояния в этот период как результат нарушений материнского онтогенеза.

3. Низкий уровень психологической готовности к материнству, проявляющийся в неконструктивной репродуктивной мотивации, несформированности материнской сферы личности, отсутствии материнской компетентности.

Невынашивание беременности как явление имеет наряду с биологическими и психологическими аспектами и социальный. На уровне общества проблема невынашивания беременности отражается на снижении показателей уровня здоровья женщин, увеличении показателей смертности по отношению к рождаемости, а также увеличении инвалидизации населения, так как зачастую, дети, рождённые значительно ранее положенного срока, позже имеют проблемы со здоровьем, либо получают инвалидность.

Невынашивание беременности является психической травмой и может оказывать отрицательное влияние на многие стороны жизни семейной пары. Женщина и ее партнёр переживают горе – растянутый во времени процесс, связанный с психологической, поведенческой, социальной и физической реакциями на утрату. Переживание утраты предполагает прохождение парой определённых стадий, включая отрицание, гнев, социальную изоляцию, чувство вины, депрессию и только потом реорганизацию и излечение. Страдает

самооценка женщины, оказывая влияние и на ощущение ею своего социального статуса. Нередко у женщин утрачивается самоконтроль: нарушается способность планировать свою жизнь, своё будущее. На фоне утраты могут разрушаться семейные узы. Невынашивание беременности может стать серьёзными финансовым испытанием для семьи, так как часто репродуктивные нарушения требуют дорогостоящего лечения [2].

Таким образом, проблема невынашивания беременности не теряет своей актуальности, не смотря на значительные достижения современной науки. Невынашивание беременности – многофакторная проблема, в которой неразрывно переплетаются биологические, психологические и социальные факторы, которые нельзя рассматривать изолированно друг от друга, поскольку они оказывают взаимное влияние.

Литература

1. Добряков И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. – СПб. : Питер, 2010. – 234 с.
2. Кельмансон И.А. Перинатология и перинатальная психология / И.А. Кельмансон. – СПб. : СпецЛит, 215. – 343 с.
3. Рябова М.Г. Индивидуально-психологические особенности женщин с различными типами нарушения репродуктивной функции / М.Г. Рябова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 190–198.
4. Сидельникова В.М. Привычная потеря беременности / В.М. Сидельникова. – М. : Триада-Х, 2005. – 304 с.

*Е.В. Сушкова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. И.В. Завгородняя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕЛА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Сегодня в психологии утвердилось мнение о значимости в развитии личности процессов социализации. Характер влияния социума на человека определяется эпохой, в которой он живет, исторической средой. Наш век – время мобильности, скорости и динамики. Предъявляемые требования вынуждают людей ориентироваться на самих себя, нести ответственность за собственные успехи и неудачи. Социум диктует каноны моделей поведения, внешнего вида. Значимым критерием успеха и одобрения является тело человека, соответствие параметрам и ожиданиям эпохи. Это создает актуальность развития и изучения образа тела, который становится стабильнее в юношеском возрасте. Данный возраст интересен ввиду, во-первых, уже достаточно оформленного представления о себе в целом (и о телесной составляющей в частности), а также большого количества внимания, уделяемого внешности, так как часто в юношеском возрасте меняется окружение и возникает необходимость зарекомендовать себя, произвести впечатление на окружающих.

Феномен образа тела в структуре психологического знания неоднократно уточнялся и дополнялся. Изначально его рассматривали преимущественно в контексте дисморфофобии в сфере медицины.

Первоначально образ тела отождествлялся с таким понятием как «схема тела», что не совсем оправданно. «Образ тела – это осознаваемое субъектом ментальное представление о собственном теле; а схема тела – неосознаваемое внутреннее представление,

совокупность информации о структурной организации тела, его динамических характеристиках, текущем и изменяющемся положении его частей» [1, с. 12].

В нашей работе образ тела понимается как интегральное психологическое образование, «результат психического отражения в сознании собственного тела, основанный на его восприятии, эмоциональной оценке и соответствующем поведении» [2, с. 31].

Целью нашего исследования является выявление особенностей образа тела у юношей и девушек.

В качестве методик исследования выступили:

1) «Шкала удовлетворенности собственным телом», позволяющая выявить специфику эмоционального компонента образа тела у юношей и девушек;

2) методика «Автопортрет», направленная на определение специфики когнитивного компонента образа тела у юношей и девушек, представляющая такие его характеристики как реалистичность – объективное восприятие своего тела в соответствии с действительностью, целостность – восприятие всех частей своего тела, их принятие и оценка и дифференцированность – детальность восприятия своего тела, внимание к мелочам.

В исследовании приняли участие 100 человек (60 девушек и 40 юношей), являющихся студентами Воронежского государственного университета.

По методике «Шкала удовлетворенности собственным телом» были получены следующие результаты. У 10,0% испытуемых пониженный уровень удовлетворенности телом, что указывает на наличие недовольства собой, негативного отношения к своему телу или отдельным его частям, возможно наличие стремления скрыть недостатки одежды, скованность и замкнутость в поведении. У 26,0% юношей и девушек выявлен средний уровень удовлетворенности собственным телом, что может проявляться в высокой оценке одних частей и негативном взгляде на другие, умении преподнести свои достоинства и маскировать недостатки. У 64,0% испытуемых повышенный уровень удовлетворенности телом, то есть юноши и девушки довольны своим внешним видом, пропорциями тела, возможно, проявляют это в поведении и выборе одежды, то есть раскованы и открыты, предпочитают яркую одежду, уделяют внимание макияжу и аксессуарам.

Интересно обратить внимание на особенности эмоционального компонента образа тела, имеющиеся у юношей и у девушек. Так, среди юношей у 12,5% пониженный уровень удовлетворенности телом, у 37,5% выявлен средний уровень, а у 50,0% повышенный уровень удовлетворенности телом. При этом пониженный уровень выявлен у 8,3% девушек, средний – у 16,7%, повышенный – у 75,0% девушек. Следовательно, юноши проявляют удовлетворенность своим телом как на среднем, так и на повышенном уровне, в то время как для девушек свойственен повышенный уровень удовлетворенности телом. Можно предположить, что для девушек образ тела обладает особой значимостью и они уделяют больше внимания своему телу, что и позволяет быть удовлетворенной им.

В ходе исследования когнитивного компонента образа тела мы получили следующие результаты. У 72,0% опрошенных юношей и девушек образ тела реалистичный. Целостным образ тела является у 42,0% испытуемых, дифференцированным – у 50,0%.

Среди юношей реалистичный образ тела выявлен у 62,5%, целостный – у 42,5%, дифференцированный – у 42,5%. При этом одновременно реалистичный, целостный и дифференцированный образ тела только у 15,0% юношей, а нереалистичный, нецелостный и не дифференцированный – у 12,5%.

Реалистичный образ тела установлен у 76,7% девушек, целостным является телесный образ 41,7% девушек, дифференцированным – у 53,3%. Одновременно реалистичным, целостным и дифференцированным является телесный образ у 18,3%, а противоположным по этим характеристикам – 15,0%.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что проявления когнитивного компонента образа тела у юношей и девушек обладают сходными характеристиками. Однако образ тела у девушек несколько более реалистичен и дифференцирован, чем у юношей.

Важно отметить тот факт, что у 65,0% процентов юношей и у 65,0% девушек повышенный уровень удовлетворенности телом сочетается с его нецелостностью и с недифференцированностью. Это может быть своеобразным способом психологической защиты, то есть испытуемые игнорируют те части тела, которые негативно оцениваются и стараются не замечать мелочей и деталей, снижающих удовлетворенность телом. Такой уплощающий подход может стать причиной разрыва сознания и телесных ощущений, нарушения внутреннего диалога и поверхностного отношения к возможным возникающим заболеваниям. У девушек сочетание повышенной удовлетворенности с нецелостностью выявлено в 62,2%, а с недифференцированностью – в 42,2%. Можно говорить о преобладании игнорирования непривлекательных частей тела над недифференцированностью как возможной стратегии защиты девушек в том числе от неудовлетворенности своими телесными характеристиками.

Опираясь на описанные выше результаты проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) в юношеском возрасте наблюдается повышенная удовлетворенность собственным телом;
- 2) среди девушек процент удовлетворенных телом выше, чем среди юношей;
- 3) телесный образ в юношеском возрасте в большинстве своем является реалистичным, но далеко не всегда целостным и дифференцированным;
- 4) среди девушек выше процент реалистичности и дифференцированности образа тела, чем среди юношей, но ниже по показателям целостности;
- 5) высокие показатели удовлетворенности телом, сочетаясь с нецелостностью и недифференцированностью, могут являться таковыми за счет психологической защиты, осуществляемой через игнорирование частей своего тела, оцениваемых негативно, а также восприятие размытого образа себя, что сглаживает имеющиеся недостатки.

Образ тела, являясь противоречивым феноменом в юношеском возрасте, нуждается во внимании и гармонизации. Осознание собственной целостности, принятие себя, даже будучи причиной снижения удовлетворенности собственным телом, станет ресурсом для развития, а также поможет избежать разрыва связи сознания и тела, потери контроля над своими соматическими проявлениями.

Литература

1. Газарова Е.Э. Психология телесности / Е.Э. Газарова. – М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2002. – 192 с.
2. Стребкова Ю.А. Психология формирования образа тела : монография / Ю.А. Стребкова. – Самара : Принт, 2011. – 184 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В XXI В.

Смысловой компонент личности представляет собой интегральное образование мотивов и целей, их отношений, и складывается в некую иерархию смыслов, уникальную для каждого человека. Мера осознания человеком этой иерархии свидетельствует о степени развития личности в части самопознания. Осознание смысла своих действий, своих желаний, своих потребностей дает человеку чувство уверенности в правильности сделанного выбора. В случае малоосознанности ситуативных смыслов, целей и мотивов деятельности, напротив, появляется чувство «экзистенциального вакуума», потери ориентиров, состояние и ощущение бессмысленности жизни. Каким образом оно зарождается, к чему приводит и как его избежать?

Еще в середине двадцатого века В. Франкл, будучи узником лагеря фашистского концлагеря, заметил, что выживали в лагере те, кто был способен найти смысл, несмотря на все те нечеловеческие условия существования, которые способствовали только одному – смерти. Те, кто находил смысл в смерти, как в избавлении от страданий, быстро умирали; одни кидались на высоковольтную проволоку, другие просто отчаивались и организм переставал сопротивляться [1]. Действительно, очень трудно было найти смысл жизни, смысл страданий, и находили его очень немногие. В. Франкл был в числе выживших и нашедших смысл. Логотерапия, которую он разработал, очень актуальна и в двадцать первом веке – веке комфорта, сытости, цинизма и псевдоблагополучия. Если не брать в расчет страны «третьего мира», большинство людей в развитых странах и в России обеспечены необходимой одеждой, питанием и комфортом. За последние сто лет уровень жизни и комфорта для большинства людей сильно повысился, однако, это не сделало жизнь человека более осмысленной. Скорее, наоборот, отсутствие необходимости сложной борьбы за выживание и добывание хлеба насущного, комфорт и удобства дали человеку больше свободы, с которой необходимо что-то делать. Это один из вызовов современного общества и важная экзистенциальная проблема – найти смысл не только в материальном. Однако многие, имея большой достаток, не стремятся решить эту проблему и их деятельность остается подчинена преумножению материального. Проявляется это в виде строительства нескольких домов, покупки парка автомашин, шопинге и других безрассудных действиях, отвлекающих по сути человека от решения главной проблемы – проблемы смысла. Это один из способов ухода от поиска истинного смысла и подмены его ложным ситуативным, но есть и другие, не требующие материальных затрат и доступные практически каждому – средства массовой информации и интернет. Трудно переоценить влияние СМИ на формирование личности. Хорошо продуманные, запрограммированные модели поведения любимых главных героев, гендерные отношения перенимаются и моделируются подростком. Говорить, что СМИ не влияет, все равно что утверждать отсутствие земного притяжения, но СМИ не может повлиять на тех, кто сделал осмысленный выбор и отказался от большей их части. Может ли подросток сделать осмысленный выбор? Может, но в очень редких случаях. А в большинстве своем СМИ делают свое черное дело, калечат и убивают, причем большинство не способны понять и увидеть тот вред, который они наносят. Только когда подростки начали прыгать с мостов и совершать ритуальные самоубийства, тогда все согласились с опасностью соцсетей и родители пошли к школьным психологам с вопросом: «Что де-

лать?». А то, что ребенок сутками вместо развития занят развлечением и пустой перепиской, это не убийство? Разве это не смерть при жизни? Ведь убитое время никто не вернет! Не говоря уже о той массе грязи и пошлости, которая проникает в неокрепшую детскую психику и дезориентирует ее, подрывает основы морали и нравственности. Таким образом, следующий вызов двадцать первого века – СМИ и интернет в своем развлекательном контенте. Конечно, опасен не сам нож, но цель его применения, и, безусловно, существуют благонадежные СМИ и интернетом можно и нужно пользоваться разумно, что и делают развитые целеустремленные личности, способные к осмысленному выбору.

Таким образом, чувство бессмысленности, опустошенности и вакуума зарождается от осознанного или неосознанного ухода человека от решения проблемы смысла в том числе через упомянутые выше способы в зависимости от его социального статуса и возможностей. К чему приводит подобный уход в психическом плане? Чувство опустошения от бессмысленности жизни увеличивается, человек не может насытиться материальным, развлечения надоедают. Возможны депрессивные состояния, состояния уныния и печали. На фоне общей бессмысленности жизни часто появляются так называемые «идеи – фикции», когда что-то как будто бы важное занимает все внимание человека и становится неким смыслом, идеей, мечтой. Настроение улучшается, воображение начинает создавать образы будущего, человек грезит, но все его грезы далеки от реальности. Даже реализовав мечту, удовлетворение не приходит, поскольку надо снова искать смысл.

Вектор человеческой деятельности и воображения, так или иначе задает ценности, которые представляют собой более или менее статичную иерархию, в отличие от потребностей. Ценностная сфера меняется постепенно и это всегда глубокий внутренний труд личности. Имея некий вектор, человек постоянно вынужден выбирать, как и каким способом ему действовать, что говорить. Этот выбор и есть акт его деятельности и ступень в самореализации. Выбор обусловлен многими психическими образованиями, и если темперамент и характер влияют на способы достижения целей, то потребности и ценности представляют собой составляющие части целеобразования личности. Если человек постоянно испытывает стресс, имеет невротические наклонности или навязчивые мысли для эффективной самореализации личности необходимо преодолеть их, а для этого надо изучать и знать особенности своего темперамента и характера, изучать свою психику. Лучшее понимание себя приводят к лучшему пониманию того, что человек действительно хочет, а что он делает из-за страха или каких-то других причин, т.е. к лучшему пониманию своих потребностей. Но потребности от их понимания не ослабевают и склонны к постоянному увеличению своих запросов, толкающих на выполнения той или иной деятельности. Регуляцию потребностей выполняет ценностная и волевая сфера личности, то собственно, что делает человека человеком. Если поведение животного детерминировано инстинктами, то человек способен к разумной регуляции своей деятельности и действиям вопреки своим потребностям, преодолевая себя. Для успешной самореализации такое усилие воли необходимо и также является внутренней частью самореализации. Следующая часть это способность личности к целеобразованию и упорядочиванию мотивов и целей. От того, какие будут заданы цели, будет зависеть и конечный результат деятельности. Таким образом, находящиеся в неразрывной связи эти части подчинены некоей основной внутренней регуляции – смысловой. Потребность в самоактуализации, выделяемая А. Адлером как высшая ступень развития личности, толкает человека к реализации заложенного в нем потенциала [2]. Но способ реализации, результат реализации во многом зависят от внешних причин. Сознание и деятельность детерминированы извне, и любое действие человека имеет свое направление по отноше-

нию к кому-то, будь то отдельная личность, группа или целый народ. Человек стремится быть понятым, услышанным. Если иностранец не понимает языка, мы изъясняемся жестами и знаками. Также и самореализация в глобальном смысле, хоть и преломляется через внутренние качества, детерминирована извне [3]. Не было бы Стахоновцев если бы не было пятилеток и плана, который они перевыполняли. Гений способен предвосхитить запросы общества, но он творит все-таки для людей, даже будучи непризнанным.

Таким образом, смысловая самореализация личности во внутренней ее части связана с ценностной сферой личности, способностью к целеобразованию и опосредована темпераментом, характером и волевыми качествами личности. Внешняя среда, являясь детерминантом в процессе самореализации, может способствовать или препятствовать этому процессу. Чем более осмысленно человек делает выбор, тем более он способен регулировать свою деятельность и достигать необходимых результатов. В этом случае осмысленный выбор это выбор с учетом приоритета целей, потребностей и ценностей, это только первый шаг, способ достижения самореализации, психическая составляющая процесса. Существует также экзистенциальная, наиболее сложная составляющая, связанная с определением смысла всей жизни, который стоит на первом месте в иерархии смысла человека. Здесь человеку требуется внутренняя духовная работа, связанная с верой, отношением к смерти и определением ключевых ценностей, которую проводят на протяжении всей жизни люди, стремящиеся к самореализации. Ответственность этих людей значительно выше и если предположить, что все люди взаимосвязаны, то это как раз те, которые служат примером и образцом для подражания. От того, какие ценности будут у этих людей, будет зависеть и направление движения либо в сторону преумножения материальных благ и удовлетворения низших потребностей, либо в сторону совершенствования духовно-нравственных основ общества и взаимной любви.

Литература

1. Frankl V. The doctor and the soul / V. Frankl. – New York : Vintage books, 1973. – XXII, 295 p.
2. Адлер А. Наука жить / А. Адлер. – М. : Порт Роял, 1997. – 288 с.
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1946. – 703 с.

*В.В. Дайнеко, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р психол. н., доц. К.М.Гайдар*

ЭФФЕКТИВНОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном постиндустриальном обществе крупным корпорациям необходимы эффективные лидеры, способные к необычным решениям тривиальных задач, с которыми они сталкиваются постоянно. Конкурентная бизнес-среда требует харизматичного и трансформационного лидерства, ибо оно обеспечивает организации значительные преимущества перед другими компаниями в сложном экономическом мире.

По мнению Т.В. Бендас [1], трансформационное лидерство является дальновидным лидерством высшего порядка. Одной из его характеристик выступает предвидение будущего организации, прогнозирование изменений во взглядах, целях, ценностях сотрудников и руководства.

Лидер в XXI веке значительно изменился. В 1950–1960-е годы лидеры стремились не общаться с прессой, не давать публичные комментарии, не демонстрировать свои личностные особенности. В новом веке лидеры крупных корпораций, напротив, активно пропагандируют себя на экранах телевизоров, активно участвуют в жизни общества, пишут книги и дают советы о том, как достичь успеха. Одной из причин кардинальных перемен лидерского поведения является изменение типа личности харизматичных лидеров, мыслящих стратегически. Во многом качества, которыми обладают сегодняшние лидеры, схожи с набором черт, описанным З. Фрейдом как нарциссический, эгоцентрический тип личности. Люди этого типа стремятся показать, что они способны взять на себя роль лидера, дать новый толчок культурному развитию, нарушить привычный порядок вещей. Лидеры эгоцентрического типа способны вдохновлять людей и определять программу развития организации. Чаще всего они – изобретательные стратеги, которые видят сложившуюся ситуацию целостно, способны принимать рискованные решения [2]. Такие лидеры появляются в определенные исторические периоды, когда общество требует серьезных перемен, полномасштабных реформ. Они способны реально претворить эти значительные преобразования в жизнь. Будучи смелыми людьми, они готовы идти на жертвы ради достижения результата. Многими современными корпорациями управляют, как правило, именно эгоцентрические лидеры.

Известно, что З. Фрейд выделял три основных типа личности: чувственный, педантичный и нарциссический [3]. Люди чувственного типа обычно слабо справляются с обязанностями лидера, т.к. для них большое значение играет одобрение других людей, что может негативно сказаться на стратегическом развитии организации. Педантичные личности могут быть хорошими лидерами, т.к. способны успешно решать оперативные задачи, подходят к ним рассудительно и осмысливают каждый свой шаг. Как показывает практика, преимущественно нарциссические личности могут быть наиболее эффективными лидерами. Они способны заинтересовать и вдохновить последователей (в том числе своим примером), обосновать образ будущего организации, поставить перед ней перспективные цели.

Литература

1. Бендас Т.В. Психология лидерства / Т.В. Бендас. – М. [и др.] : Питер, 2009. – 447 с.
2. Маккоби М. Эгоцентричные лидеры / М. Маккоби. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 36–65.
3. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – СПб. [и др.] : Питер, 2007. – 381 с.

*Ю.С. Ефанова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. Н.М. Пинегина*

СТРУКТУРА ЭМПАТИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Существует множество исследований, которые демонстрируют развитие эмпатии у разных возрастных категорий, показывая иногда разницу также и в зависимости именно от пола исследуемых. Но, как правило, большинство исследований посвящено подростковому возрасту, хотя психологи отмечают противоречивость и неустойчивость данного феномена в этом возрасте. Тогда как же изменяется структура эмпатии у юношей и девушек? Ведь для данного возрастного периода эмпатия становится крайне важ-

ным качеством, необходимым для общения со сверстниками и построения отношений с противоположным полом.

Также мы не можем не отметить, что ситуация в современном обществе такова, что зачастую девушки и юноши могут иметь либо противоположный своему полу гендер, либо быть андрогинами, т. е. иметь черты сразу двух противоположных гендеров. В связи с этим возникает вопрос, как именно будет выглядеть структура эмпатии в юношеском возрасте исходя из гендерного аспекта, а не пола.

В наше время существует много определений эмпатии. Мы опираемся на определение, которое было сформулировано Т. П. Гавриловой: «Эмпатия – способность индивида эмоционально отзываться на переживания другого. При этом другим может быть человек, животное, а для маленького ребенка – и антропоморфизированный предмет» [2, с.4].

Структура эмпатии была описана В. В. Бойко. Он выделяет в ней следующие каналы: рациональный, который осуществляется посредством сопричастности, внимания к другому, интенсивной аналитической переработки информации о нем; эмоциональный, реализуемый посредством эмоционального опыта в процессе отражения состояния другого; интуитивный, в котором для отражения другого используется интуитивность, позволяющая обрабатывать информацию о партнере на бессознательном уровне [1].

Под юностью мы будем понимать период жизни человека между подростковым возрастом и взрослостью. Этот возраст был нами выбран не случайно, поскольку, как отмечает В. С. Мухина, именно в юности происходит основное становление человека как личности, когда девушки и парни, пройдя сложный путь онтогенетической идентификации уподобления другим людям, присваивают от них социально значимые свойства личности, способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; они являются способными к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе и др. [4].

Касаясь же понятия «гендер» мы не можем не отметить, что в некоторых случаях этот термин отождествляется с термином «пол». Но как отмечают М. Л. Сабунаева, Ю. Е. Гусева, пол – это совокупность анатомо-физиологических особенностей организма, заданных от рождения. В то же время гендер – это социальный пол, социальный конструкт пола, надстраиваемый обществом над физиологической реальностью [3].

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что у юношей и девушек с разным гендерным полом определенные каналы эмпатии будут сильнее выражены, а именно: эмоциональный канал эмпатии будет сильнее выражен у феминных юношей и девушек, рациональный канал – у маскулинных юношей и девушек, а интуитивный канал будет более выражен у юношей и девушек андрогинов.

Объектом исследования выступили юноши и девушки в возрасте 17-21 года. Общий объем выборки пилотажного исследования – 30 человек.

В качестве метода сбора эмпирических данных выступали метод стандартизированного самоотчета, реализованный следующими методиками: тест-опросник «Маскулинность-фемининность» С. Бем, тест-опросник «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко.

Обработка полученных данных с помощью описанного диагностического комплекса проводилась методами качественного, количественного, в том числе статистического анализа. Для установления статистической значимости различий между выраженностью каналов у юношей и девушек с разным гендером был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Результаты нашего анализа подтвердили гипотезу нашего исследования. Таким образом:

– рациональный канал эмпатии более выражен у маскулинных юношей и девушек;

- эмоциональный канал эмпатии более выражен у фемининных юношей и девушек;
- интуитивный канал эмпатии более выражен у юношей и девушек андрогинов.

Однако стоит отметить, что значимость различий при оценке выраженности интуитивного канала была несколько ниже, по сравнению с двумя другими каналами. Данный факт можно объяснить небольшим объемом исследуемой выборки. Для более точного исследования, естественно, потребуется существенно увеличить объем выборки, что мы и планируем в дальнейшем исследовании.

Итак, такая структура эмпатии интерпретировалась нами следующим образом:

- во-первых, выраженность рационального канала у маскулинных юношей и девушек может быть обусловлена тем, что эмпатия проявляется у них через наблюдательность за другим, цепкость восприятия реакций, состояний и свойств другого, т. е. именно через интенсивную аналитическую переработку информации о другом, поступающей одновременно по разным сенсорным каналам;

- во-вторых, причиной выраженности эмоционального канала у феминных юношей и девушек, на наш взгляд, является то, понимание другого строится на основе своего эмоционального опыта, посредством эмоциональных ассоциаций и переносов, т. е. через «эмоциональное заражение/подстройку»;

- в-третьих, выраженность интуитивного канала у юношей и девушек андрогинов может быть обусловлена тем, что для них характерно несколько иное проявление эмпатии – понимание других происходит даже в условиях дефицита исходной информации о них, с опорой на опыт, хранящийся в подсознании. На уровне интуиции они могут замыкать и обобщать различные сведения о партнерах. При этом интуиция, надо полагать, менее зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие других людей.

Литература

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении : взгляд на себя и других / В.В. Бойко. – М. : Филинь, 1996. – 472 с.
2. Гаврилова Т.П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста : автореф дис. ... канд. психол. наук / Т.П. Гаврилова. – М., 1977. – 49 с.
3. Клецина И.С. Практикум по гендерной психологии / И.С. Клецина. – СПб. : Питер, 2003. – 480 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология : феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – М. : Академия, 1999. – 456 с.

*А.В. Кунаковская, студ. ф-та социальных наук НИУ ВШЭ
(Москва)*

Науч. рук. – д-р психол. н., проф. Н.М. Лебедева

ИЗУЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Общество диктует человеку примерять на себя множество социальных ролей. Человек должен приспосабливаться к ним и идентифицировать себя с ними. Лица, рассматриваемые в качестве активных участников этого процесса, способных отражать эту идентичность и формировать свою собственную. Психологи, социологи и философы уже давно признали, что человеку присуща множественная идентичность, функционирующая на основе таких атрибутов, как членство в организации, профессия, пол, этническое происхождение, религия, национальность и семейные роли. Данные идентичности фор-

мируют поступки людей в обществе. Конструирование собственной идентичности — это динамичный процесс, который продолжается на протяжении всей жизни и зависит от социальной среды. Принимая это во внимание, идентичность может быть определена как осознание личностью своей исключительности с уникальной историей жизни и нахождением в постоянной конфронтации с окружающей средой для достижения баланса между отдельными требованиями и ожиданиями этой среды [3].

Мультикультурный опыт человека также можно рассмотреть через призму множественных идентичностей, ведь погружаясь в несколько культур, человек может идентифицировать себя с ними равноправно. В современной мировой экономике, люди с так называемым глобальным опытом и образом мышления, часто воспринимаются как эффективные лидеры в многонациональных корпорациях [1]. Эти люди, вероятно, имеют больше знаний о нескольких культурах, и могут использовать эти знания для управления командами и принимать решения в глобальном масштабе. В самом деле, наблюдается растущий объем исследований как в психологических, так и в управленческих источниках, показывающие, что люди с мультикультурным опытом имеют уникальные навыки и способности и думают о культуре по-разному [2].

Российской науке еще предстоит изучение данного феномена. Здесь перед психологией стоят различные фундаментальные задачи. Первое и главное направление — конкретизация понятия «множественная идентичность», уточнение ее структурных компонентов. Процессы, через которые множественные идентичности развиваются до сих пор не изучены. Эмпирические выводы противоречивы, а конструкции часто являются хрупкими [3]. Необходимость в новых тщательно разработанных эмпирических исследованиях, которые помогут создать новую теорию идентичности в соответствии с требованиями глобального мира: теорию, которая рассматривала бы людей в целом, в комплексном виде, в том числе и по отношению к идентичностям.

Литература

1. Гураль С.К., Смокотин В.М. Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация / С.К. Гураль, В.М. Смокотин // Язык и культура. – 2014. – №. 1 (25).
2. Hanek K.J., Lee F., Brannen M.Y. Individual Differences Among Global / Multicultural Individuals: Cultural Experiences, Identity, and Adaptation // International Studies of Management & Organization. – 2014. – Т. 44. – №. 2. – С. 75-89.
3. Scheuringer B. Multiple Identities: A Theoretical and an Empirical Approach // European Review. – 2016. – Т. 24. – №. 03. – С. 397-404.

*Е.И. Ламешина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., преп. О.М. Бабич

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

Помогающие профессии связаны с такими сферами жизни как медицинское обслуживание (врач, медсестра), обучение и воспитание (воспитатель, гувернер, тренер, учитель), бытовое обслуживание (продавец, проводник, официант), правовая защита (юрист, участковый инспектор).

Несмотря на то, что на сегодняшний день данное понятие не имеет общепринятого определения, и не четко обозначен круг специальностей, входящих в категорию «помогающих», в последнее время в работах зарубежных и отечественных ученых термин «помогающие профессии» стал упоминаться чаще [2]. Как известно, профессии данного типа предполагают общение с людьми, что, несомненно, говорит о важности развития таких личностных качеств, способствующих достижению эффективности в работе, как альтруистические установки и социальный интеллект.

В истории изучения социального интеллекта выработалось несколько подходов [5]. В нашем понимании, социальный интеллект включает познавательный аспект, учитывает знания, умения и навыки, необходимые для профессиональной деятельности специалиста.

В. Н. Куницына определяет социальный интеллект как глобальную способность, возникающую на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт, включая уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции, которые обуславливают прогнозирование развития межличностных ситуаций, интерпретацию информации и поведения, готовность к социальному воздействию и принятию решений [4].

Высокий уровень развития социального интеллекта обусловлен гуманистической направленностью личности. Она выражается в таких характеристиках как высокая степень нравственного развития, чувство самоценности, ориентация на сотрудничество без манипулирования, гибкость, адаптированность, высокий социальный потенциал, проявляющийся в позитивном влиянии на окружающих.

В настоящий момент имеется несколько подходов к определению и пониманию альтруизма в психологии.

Личностно-нормативный подход рассматривает альтруизм через понятие «смысловые установки», поскольку они раскрываются наиболее полно в неопределенных ситуациях, где человеку представляется возможным выбрать наиболее характерные для него способы реагирования. Поскольку неопределенная ситуация способствует проявлению различных установок, то в этих условиях будет происходить реализация установок, соответствующих альтруистической мотивации, то есть альтруистической смысловой установке, проявляющейся в соответствующей альтруистической деятельности.

Таким образом, альтруистическая установка – это готовность к осуществлению гуманистически ориентированной деятельности по оказанию помощи нуждающемуся в ней человеку, побуждаемая бескорыстной мотивацией, согласуемая с интересами других людей (группы, всего общества) и сопровождаемая специфическими альтруистическими переживаниями [1].

Для человека, имеющего высокий уровень альтруистической установки, характерны такие личностные качества как склонность к эмпатии, сочувствию и пониманию других людей, чувство долга, разумность и совесть, доверчивость, толерантность, благожелательность, стремление к стабильности в отношениях с другими людьми [6].

Профессиональная деятельность специалистов помогающих профессий является выражением поведения, связанного с оказанием помощи в различных ее проявлениях, и не предусматривающей никаких внешних вознаграждений [3]. Особенностью помогающих профессий является то, что субъект деятельности осознанно и целенаправленно применяет специальные знания и навыки.

Эффективности профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий способствует наличие определенных специальных качеств. К ним относятся: позитивное восприятие мира; гуманистическая направленность; желание работать с

людьми и для людей; умение слушать и слышать, излагать свои мысли; эмоциональная устойчивость; эмпатия; рефлексия; внимательность; быстрота принятия решений; организаторские и коммуникативные способности; высокий социальный интеллект [7].

Таким образом, социальный интеллект и альтруистические установки связаны с гуманистической направленностью представителей помогающих профессий и могут рассматриваться их как профессионально значимые качества.

Литература

1. Андреев П.В. Развитие представлений об альтруизме и взаимопомощи в зарубежной и отечественной психологии / П.В. Андреев // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2007. – № 3. – С. 9–12.
2. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий : Монография / В.В. Болучевская. – Волгоград, 2010.
3. Ильин Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е.П. Ильин. – СПб., 2013.
4. Куницына В.Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погорьша. – СПб., 2002.
5. Лунева О.В. Теоретические основания концепции социального интеллекта / О.В. Лунева // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 231–236.
6. Моисеева А.А. Альтруистическая направленность личности и ее формирование в семье : автореферат дис. ... канд. психол. наук / А.А. Моисеева. – СПб., 2007.
7. Сорокоумова С.Н. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий / С.Н. Сорокоумова, В.П. Исаев // Педагогическое образование в России – 2013. – №4. – С. 186–190.

*А.О. Лантев, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.В. Тимофеева*

ВОСПРИЯТИЕ СЕБЯ У ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

В 1995 году в науку впервые вводится термин «Интернет-зависимость», под которой понимается вид нехимической (поведенческой) зависимости, характеризующейся патологическим стремлением к пользованию Интернетом [7]. Открытое явление распространилось по миру с невероятной скоростью, с каждым днем разрастаясь все больше и больше.

Интернет-зависимость (или Интернет-аддикция) воздействует на личность и ее компоненты, меняет поведение и мировоззрение человека. Многие исследования посвящены изучению негативного влияния этой аддикции на тело и психику. И все же остается большое количество открытых вопросов, на которые требуется получить ответы в рамках проблемы Интернет-зависимости.

Одним из подобных вопросов становится изучение восприятия себя у Интернет-зависимых лиц. Самовосприятие, или восприятие себя, можно определить как «процесс ориентировки человека в собственном внутреннем мире в результате самопознания и сравнения себя с другими людьми» [6, с. 273]. Многие знания о себе человек приобретает именно с помощью подобного механизма.

Каждая полученная часть информации о себе в общей структуре будет имеет различную значимость для личности. Любое подобное знание сопровождается эмоциональным переживанием [2].

Самовосприятие – это один из самых важных механизмов самопознания. Патологическое влияние на него способно привести к неблагоприятным последствиям, начиная от заниженной самооценки и заканчивая психическими заболеваниями.

Мы предполагаем, что при восприятии себя у Интернет-зависимых лиц будет проявляется позиция «Я-объект». Иначе говоря, тип самовосприятия «Я-объект» подразумевает отсутствие свободы и независимости, активности, самодетерминации и творческого начала деятельности.

Человек с позиции субъекта способен не только пассивно созерцать окружающим мир и свои внутренние процессы, но и вступать с ними в контакт, активно изменять мир вокруг себя. Интернет-аддикты лишены такой способности, они находятся под властью своей зависимости [1, 3].

Особенно значимыми результаты изучения восприятия себя у Интернет-зависимых лиц становится при работе с подростками, среди которых уровень Интернет-зависимых существенно высок [4, 5]. Интернет позволяет ребенку спрятаться от «враждебного» мира, удовлетворить свои желания, а платой за это может стать Интернет-аддикция. Изменения процессов самовосприятия в подростковом возрасте способны привести к разнообразным психическим проблемам во взрослом возрасте.

Таким образом, мы считаем актуальной в психологии и педагогике проблему изучения восприятия Интернет-зависимых лиц. Исследования обозначенной темы позволят не только раскрыть сам феномен Интернет-зависимости, но и станут материалом к составлению профилактических мероприятий по предупреждению Интернет-аддикции, теоретической базой для оказания психологической помощи соответствующей группе клиентов.

Литература

1. Белицкая Г.Э. Типы проблемности социального мышления личности // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. Е.А. Обухановой-Славской, М.И. Воловиковой // М. : И-т психологии РАН, 1993. – С. 75-80
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – С. 30-66.
3. Гайдар К.М. Групповой субъект в зеркале социальной перцепции / К.М. Гайдар // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 4. – С. 33-37.
4. Гурьева Л.П. Психологические последствия компьютеризации : функциональный, онтогенетический и исторический аспекты / Л.П. Гурьева // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 5-16.
5. Дрепа М.И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии / М.И. Дрепа // Гуманитарная экспертиза. – 2009. – № 2. – С. 189–193.
6. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 2007. – С. 273.
7. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М. : АСТ, 2009.

ОТНОШЕНИЕ К РАЗВОДУ И ПОВТОРНОМУ БРАКУ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ БРАЧНЫМ СТАТУСОМ

Брак, семья, развод, повторный брак – важные аспекты жизни современного человека, от положения которых зависит его счастье и благополучие. Развод и его психологические последствия представляют проблему, актуальную для современного российского общества. По статистике, 25% браков, регистрируемых в России, завершаются разводом, причем, по данным исследований [2], 67% мужчин и 32% женщин считают, что этого можно было избежать.

С учетом большого количества мотивов и причин, приводящих к разводу, следует помнить и о социальных последствиях, которые также весьма различны. Ежегодно, как следствие разводов растет число семей, где ребенок воспитывается только одним родителем. В этом заключается негативное действие разводов на нравственно-психологическое развитие детей, что, несомненно, заметно. Одним из негативных последствий развода является то, что дети получают одностороннее воспитание и у них могут сложиться искаженные представления о семье и супружестве.

В настоящее время развод как явление оценивается неоднозначно. Если раньше его интерпретировали преимущественно отрицательно – как угрозу семье, то сейчас возможность расторжения брака рассматривается как важный компонент семейной системы, который необходим для реорганизации семьи в тех случаях, когда оставить ее в прежнем составе и структуре оказывается невозможным. Несмотря на это, последствия развода остаются такими же болезненными, даже если развод произошел по обоюдному согласию. Поэтому тема развода остается актуальной и в настоящий момент.

В повторном браке есть свои особенности. Обычно те, кто прошел процедуру развода, утверждают, что любви не существует, что она выдумана. Поэтому партнеры, вступившие в повторный брак, уже не рассчитывают на «вечную», романтическую любовь и рассматривают супружество с прагматической точки зрения. Выбор нового спутника жизни осуществляется продуманно, с учетом достоинств и недостатков друг друга, совместимости интересов и потребностей. Мужчина и женщина стараются учитывать и исключать те промахи, которые были в предыдущем браке, поэтому не решаются на второй брак, если обнаружат у кандидата те же или сходные недостатки, что были у первого супруга. В основе второго брака лежит сознательная симпатия, а не эмоциональная восторженность, как при первом. Здесь практически можно избежать разочарования, поскольку есть опыт оценки избранника, есть возможность до заключения брака испытать друг друга на психологическую удовлетворенность.

Целью нашего исследования является изучение отношения к разводу и повторному браку у мужчин и женщин с разным брачным статусом.

Отношение – это личностно значимое эмоционально-образное отражение людьми субъектов и объектов окружающего мира [5]. Осознание отношения к окружающей среде дает начало соответствующим чувствам, и эмоциям, кои, в свою очередь, стимулируют действия и влияют на ориентацию развития человека.

Развод – это разрыв супружеских отношений в его юридическом, экономическом и психологическом аспектах, что влечет за собой реорганизацию семейной системы [6].

Основываясь на определении, можно утверждать, что сущность распада семьи необходимо рассматривать строго индивидуально. Ведь у каждой семьи как системы своя ситуация развития и свои причины для реорганизации.

Повторным называется брак, который создается людьми, ранее уже состоявшими в брачных отношениях. Он подразумевает объединение уже не двух, а трех и более родов, в результате чего образуется смешанная семья, или семья повторного брака. Повторный брак – один из феноменов современной жизни. Он представляет собой еще один семейный кризис, который, однако, не является строго нормативным, поскольку его переживает не каждая семья. Вместе с тем для людей, вступающих в новый брачный союз, он сохраняет свою нормативность и знаменует начало жизненного цикла новой семьи. Заметим, что правильные выводы из прошлого неудачного опыта делают адаптированные личности, которые для второго брака выбирают более адекватного партнера или ведут себя более разумно и тактично.

Брачный статус – один из важнейших параметров демографического статуса индивида. Это понятие применяется к лицам, уже достигшим минимального брачного возраста и определяется всей их предшествующей брачной биографией – первыми и повторными браками, разводами, овдовениями [7]. При последних переписях населения выделялись следующие категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке; состоящие в браке; вдовы; разведенные; разошедшиеся. В условиях моногамного брака не состоящие в браке делятся на никогда не состоявших в браке, вдовых и разведённых.

Перечисленные категории брачного состояния считаются основными и выделяются в большинстве разработок статистических данных. При браке, разводе, овдовении происходит переход лица из одной категории брачного состояния в другую, совокупность таких переходов есть процесс воспроизводства брачной структуры населения, которое в демографии рассматривается как составная часть воспроизводства населения.

Таким образом, теоретический анализ показал, что изучение отношения к разводу и повторному браку на сегодняшний день является достаточно важной проблемой. Актуальным представляется рассмотрение отношения к разводу и повторному браку у мужчин и женщин, имеющих разный брачный статус.

Согласно проведенному теоретическому анализу большинство женщин, переживших развод, воспринимают его как освобождение и новый этап в своей жизни. Мужчины же к данному процессу относятся просто как к свершившемуся факту. В основе второго брака лежит сознательная симпатия, а не эмоциональная восторженность, как при первом. Здесь можно избежать разочарования, поскольку есть опыт оценки избранника, существует возможность до заключения брака испытать друг друга на психологическую совместимость.

Литература

1. Гаранина Е.Ю. Семейное право : учебное пособие / Е.Ю. Гаранина, Н.А. Коноплева, С.Ф. Карбанова. – М. :Флинта ; МПСИ, 2009. – 384 с.
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. / С.И. Голод. – СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998. – 272 с.
3. Володарская Е. Студенчество и наука : анализ социальных представлений / Е. Володарская // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 90 – 95.
4. Добрович А.О. Милые бранятся... / А.О. Добрович. – М. : Рабочий, 1988. – 172 с.
5. Майерс Д. Социальная психология. / Д. Майерс. – СПб. : Коста, 2008. – 449 с.
6. Мясичев В.Н. Психология отношений : Избранные психологические труды / В.Н. Мясичев. – Воронеж : Модэк, 1998. – 362 с.

7. Смирнов М.И. Психология деятельности и отношений / науч.ред. Л.И. Белозерова. – Киров : Простор, 1994. – 45 с.

8. Целуйко В.М. Психология современной семьи / В.М. Целуйко. – М. : Владос, 2004. – 189 с.

*К.А. Папахян, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.В. Тимофеева

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ВИКТИМНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Любой индивид потенциально виктимен, поскольку, находясь в определенной жизненной ситуации может стать жертвой преступления, то есть не приобретает виктимность, а просто не может быть не виктимным. При этом возможность реализации данных качеств во многом зависит от наличия конкретной ситуации.

Термин «виктимность» введен в научный оборот Л. В. Франком, по мнению которого индивидуальная виктимность – это не только реализованная, но и потенциальная способность тех или иных лиц стать потерпевшими, или неспособность избежать преступного посягательства там, где объективно это было возможно [3].

В. И. Полубинский приходит к выводу, что при определении виктимности конкретного человека, речь должна идти не о всякой его повышенной способности становиться жертвой, а лишь о такой, которая непосредственно связана с какими-либо особенностями личности и поведения самого пострадавшего, или с его специфическими взаимоотношениями с причинителями вреда [5].

Виктимное поведение – это взаимодействие личности со средой, опосредованное внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью, характеризующейся неосторожностью, аморальностью, провокационными поступками по отношению к окружению, реализующееся в совокупности социально одобряемых и неодобряемых условий [1, с.8].

Наряду с понятиями виктимность и виктимное поведение, в психологии, особенно практической, часто используются понятия «жертва» и «виктимная личность», однако устойчивого мнения относительно их дифференциации не существует.

Виктимная личность в исследованиях О. В. Холичевой определяется, как личность со слабым проявлением самостоятельности в отношении к окружающим условиям, лишенной смысла существования в действительности, т. е. лишенной возможности преобразовать обстоятельства в своем внутреннем видении. [6, с.3]. С точки зрения О. А. Клачковой, виктимная личность представляет собой сложную целостную иерархично организованную саморегулирующуюся систему, состоящую из трех разноуровневых подструктур: психодинамические базисные свойства, которые отражают индивидуальный уровень функционирования личности; совокупность социально-обусловленных личностных свойств; особенности Я-концепции (собственные субъективные смыслы: отношения, установки на себя) [1].

Ю.А. Клейберг под «виктимной личностью» понимает деформированную личность, как результат дефекта интерактивного культурогенеза и дефицита условий развития [4, с.33]. Автор считает, что в результате ситуации девиантного паттерна, личность компенсирует свою «ущербность» в различных формах девиантного поведения, одной из которых является виктимное поведение. Личность становится жертвой отклоняюще-

гося поведения, и как результат наступает девиантная виктимизация. На основании этого, Ю. А. Клейберг дает характеристику виктимной личности: сниженный уровень мотивации; заниженная самооценка, дефицит ценностных ориентации; высокий конформизм и т.п. [2].

Д. В. Ривман, предлагает следующую классификацию в зависимости от характера и степени выраженности личностных качеств человека, определяющих его индивидуальную виктимную предрасположенность:

1) универсальный виктимный тип характеризуется явно выраженными личностными чертами, определяющими их высокую потенциальную уязвимость в отношении различных преступлений;

2) избирательный виктимный тип – это люди, обладающие высокой уязвимостью в отношении определенных видов преступлений;

3) ситуативный виктимный тип – люди, обладающие средней виктимностью, становящиеся жертвами в результате стечения ситуативных факторов, опасность которых оказалась для них непреодолимой.

4) случайный виктимный тип – люди, которые стали жертвами в результате случайного стечения обстоятельств.

5) профессиональный виктимный тип включает людей, виктимность которых определяется их профессиональной занятостью [3].

В заключении, вернемся к первому абзацу статьи, в котором указано, что любой человек потенциально виктимен. Но, проанализировав литературные источники, мы понимаем, что не совсем точно будет говорить о том, что каждая личность обладает виктимным поведением. Реализация виктимного поведения происходит у предрасположенной к этому личности, а так же от ситуации, в которой человек находится, от эмоционального состояния, от его самооценки, от физического и психического здоровья.

Литература

1. Клячкова О.А. Структурная организация виктимной личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. / О.А. Клячкова . – СПб., 2008. – 18 с.
2. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения / Ю.А. Клейберг. – М. : Сфера, 2003. – 151 с.
3. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – М. : Эскмо, 2006. – 1008 с.
4. Одинцова М.А., Чернобровкина М.Ю. Ценностно-смысловая сфера лиц разного виктимного типа / М.А. Одинцова, М.Ю. Чернобровкина. – М. : Флинта, 2014. – 180 с.
5. Папкин А.И. Современная криминальная / А.И. Папкин. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2006. - 157 с.
6. Холичева О.В. Смысловая сфера виктимной личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. / О.В. Холичева . – Хабаровск, 2009. – 26 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Эмоции представляют собой один из наиболее ярких феноменов внутренней жизни человека. Удивительным является тот факт, что, являясь хорошо известными и доступными научному пониманию, эмоции продолжают оставаться предметом больших споров при попытках осмыслить их в психологических теориях.

К основным эмоциям при изучении индивидуальных, типологических особенностей эмоциональной сферы М. Н. Борисова относит эмоции радости, гнева и страха. По мнению С. Кьеркегора, страх сопровождает всю жизнь человека, выступая основополагающей энергетической составляющей поведения, определяя содержание личности и ее жизненного пути [2, с.7].

Словарь психологических терминов дает понятию «страх» следующее определение: «Страх – эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. В отличие от боли и других видов страдания, вызываемых реальным действием опасных для существования факторов, страх возникает при их предвосхищении. Диапазон оттенков страха: опасение, боязнь, испуг, ужас» [5, с.329].

Эволюция не случайно снабдила живые существа, в том числе человека, этой одной из первичных и весьма выраженных эмоций, выполняющей сигнальную и регулируемую функции. Среди важнейших функций страха человека исследователи выделяют сигнальную, приспособительно-адаптивную, когнитивную, а также мотивационную функцию, которая может проявляться в торможении или, наоборот, побуждать к определенной активности

Так называемые «социальные страхи» заслуживают большого внимания. Это явление широко распространено среди обычных людей. При выраженной интенсивности социальные страхи могут претерпевать качественные изменения, переходя в социофобии.

Впервые психологическое понятие социального страха дал Джозеф Вольпе. Он охарактеризовал его как страх ситуаций социального взаимодействия. Большинство социальных страхов, по его мнению, имеют множественный характер. Человек редко боится только начальства, чаще всего он боится и критики, и предъявлять требования, и оказаться в центре внимания. Однажды возникнув, социальный страх прочно ассоциируется с определенной ситуацией и в последующем подкрепляет сам себя [1, с.9].

В научной литературе нет единого понимания социального страха.

Ю. В. Щербатых под социальными страхами понимает боязни и опасения за изменение социального статуса. Специфика социальных страхов заключается, во-первых, в их опосредованном характере (когда объекты, вызывающие страх, не могут непосредственно сами по себе нанести вред человеку), во-вторых, в их распространенности [6, 85].

Социальные страхи, по мнению С. Ю. Мамонтова, основываются на неуверенности личности в собственных возможностях и достоинствах. Данный автор в своей классификации выделяет следующие виды социальных страхов:

- 1) страх отвержения;
- 2) страх принять самостоятельное решение;
- 3) страх публично проявлять свои чувства;

- 4) страх принять самостоятельное решение;
- 5) страх перед авторитарными личностями [3, с.28].

Наиболее интересно проявление социального страха – страха ошибки. Исследователи страха полагают, что страх ошибки появляется у человека, когда он имеет очень сильную установку на успех и когда боится санкций, если совершит ошибку. Страх ошибки блокирует творческие способности человека. Человек испытывает внутреннюю скованность и напряжение, появляется повышенный самоконтроль. В результате путь к намеченной цели замедляется. Также боясь ошибки, человек старается не рисковать, проявляет сверхосторожность. Страх сделать ошибку заставляет человека избегать все новое, делает его излишне консервативным. Человек избегает изменений и любой нестабильности положения. И, в конце концов, страх сделать ошибку превращается в страх вообще.

Социализация страхов возникает вследствие вхождения человека в социальную среду, характеристики которой воспринимаются как источник реальной угрозы. При таких обстоятельствах возникает негативное эмоциональное состояние.

О. А. Прилуцкая следующим образом описывает социализацию страхов в сферах деятельности, общении и самосознании, исходя из положения о трех сферах социализации личности. Социализация личности в сфере общения связана с умножением межличностных контактов, доминированием диалогических форм общения, освоение новых форм общения. Социальные страхи в этой сфере могут приводить к уменьшению контактов вообще и доминированию монологического общения. Как отмечает В. С. Полякова, коммуникативное одиночество – основной страх человека в современном обществе. Конкретные связи одного человека с другим приобрели отчужденный характер — форму манипуляций, где человек используется как средство [4, с.39].

Социализация в сфере самосознания личности происходит в процессе становления «образа – Я». Сложность данной проблемы осложнена единым пониманием психологической составляющей «Я – образа». Наиболее популярная схема включает в данный образ три компонента: эмоциональный, познавательный и поведенческий. Эмоциональный компонент состоит в оценке себя, поведенческий – в отношении к себе, познавательный – в знании себя. Единство перечисленных компонентов обуславливает положительные результаты процесса социализации. В этой сфере социальные страхи могут возникать, вероятнее всего, вследствие дискриминации эмоционального и поведенческих компонентов т.к. социальные факторы занижают самооценку, ухудшают отношение к себе.

Социализация личности в сфере деятельности связана с расширением возможностей – освоением новых видов деятельности, повышением квалификации и профессионального мастерства. Социализация страхов в сфере деятельности может быть связана с сужением данных возможностей

В теории управления, рассматривающей взаимосвязь между работой и вызываемыми в ходе неё страхами работников, существует понятие организационных страхов, которые с полным правом можно отнести к разновидности социальных страхов, в частности к профессиональным [4, с.38].

Рассмотрим главные из них. Страх не справиться с работой в той или иной мере сопряжен с любой профессиональной деятельностью человека, например, неспособностью быстро войти в проблему, неумением рационально организовать свои служебные дела, слабыми неудовлетворительными навыками коллективного труда, а также физического и психического состояния. Страх не справиться с работой в особенности характерен для управленческой деятельности, которая характеризуется большим объемом работы и перенапряжением сил.

Среди организационных страхов – страх потерять работу занимает одно из главных мест. Напряженное психологическое состояние, вызываемое ожиданием увольнения, приводит к тому, что у людей пропадает уверенность в себе. Данный страх в условиях рынка труда является очень сильным побудительным мотивом к высокой интенсивности работы.

Страх быть обойденными другими свойственен большинству людей. Он выражается в стремлении продвинуться вверх по служебной лестнице. Любая ситуация, любое развитие событий, угрожающие реализации этой установки, провоцируют развитие страха быть обойденными другими.

Таким образом, страх является реакцией на опасности, реальные или потенциальные, которые грозят физическому или моральному существованию личности, он играет роль защитного механизма человека.

Специфика социальных страхов заключается, во-первых, в их опосредованном характере (когда объекты, вызывающие страх, не могут непосредственно сами по себе нанести вред человеку), во-вторых, в их распространенности. Социальные страхи основываются на неуверенности личности в собственных возможностях и достоинствах.

Литература

1. Ермак Н.В. Профессиональные страхи и их динамика у школьных психологов: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. психол. наук / Н.В. Ермак – М., 2005. – 19 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 348 с.
3. Мамонтов С.Ю. Страх. Практика преодоления / С.Ю. Мамонтов. – СПб., 2002. – 320 с.
4. Прилуцкая О.А. Психологические факторы преодоления страхов у населения региона: дис. канд. психол. наук / О.А. Прилуцкая – М., 1999. 176 с.
5. Психология: словарь / [под ред. А.В. Петровского]. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
6. Щербатых Ю.В. Психология страха / Ю.В. Щербатых. – М.: ЭКМО. – Пресс, 2000. – 411 с.

*Н.А. Шевченко, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – ст. преп. В.А. Тенькова*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Ценностные ориентации юношеского возраста зачастую рассматриваются в рамках психологии личности. Особенности ценностных ориентаций юношей и девушек затрагивали в своих трудах Е.А. Васина, И.С. Кон, В.С. Собкин, М.С. Яницкий, Д.А. Леонтьев.

В.В. Водзинская считает, что ценностные ориентации представляют собой систему фиксированных установок и систему отношений к элементам действительности, которые имеют для личности особую ценность, регулирующих поведение личности [1, с.52].

Сформированные в юности ценностные ориентации выступают основанием для выработки активной позиции личности, самоопределения, и формирования мировоззрения, что является психологическими новообразованиями данного возрастного периода, по

мнению таких психологов, как Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, И.С. Кон, В.С. Собкин, Д. Эльконин, Э. Эриксон. Построение системы ценностей и этического сознания как ориентиров и основания для собственного поведения выступает, по мнению Р. Хевигхерста, как задача развития в юношеском возрасте [2, с.180].

В нашей работе под ценностными ориентациями личности мы понимаем отношение личности к тем объектам, ради которых совершается деятельность, их дифференцированная оценка в зависимости от личностной значимости для индивида [4, URL].

М. Рокич различает два класса ценностей – терминальные и инструментальные. Терминальные ценности он определяет как убеждения в том, что какая-то цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться, а инструментальные ценности – что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Разведение терминальных и инструментальных ценностей воспроизводит уже достаточно традиционное различие ценностей-целей и ценностей-средств [4, URL].

Как отмечает Д.А. Леонтьев, индивидуальная иерархия ценностных ориентации, как правило, представляет собой последовательность достаточно хорошо разграничиваемых «блоков». Он приводит возможные группировки ценностей, объединенные в блоки по различным основаниям и представляющие собой своего рода полярные ценностные системы [3, с.17].

В частности, среди терминальных ценностей противопоставляются: конкретные жизненные ценности – абстрактные ценности; ценности профессиональной самореализации – ценности личной жизни; индивидуальные ценности – ценности межличностных отношений; активные ценности – пассивные ценности.

Среди инструментальных ценностей Д.А. Леонтьев выделяет следующие дихотомии: этические ценности – ценности профессиональной самореализации; индивидуалистические – конформистские ценности; ценности самоутверждения – ценности принятия других; интеллектуальные ценности и ценности непосредственно-эмоционального мироощущения.

Нами было предпринято эмпирическое исследование с целью изучения ценностных ориентаций у юношей и девушек.

Базой исследования, продлившегося с 2016 по 2017 год, служил Воронежский Государственный Университет (факультет философии и психологии; факультет геологии; факультет географии, геоэкологии и туризма; медико-биологический факультет; факультет военного образования); Воронежский Государственный Лесотехнический Университет имени Г. Ф. Морозова (факультет автомобильный, лесопромышленный факультет).

Объектом эмпирического исследования выступили юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет. В исследовании приняли участие 160 человек, из них 80 девушек и 80 юношей.

В исследовании использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича с целью изучения ценностных ориентаций определяющих содержательную сторону направленности личности и составляющую основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции и «философии жизни».

По результатам исследования обнаружено, что среди терминальных ценностей для юношей наиболее важными являются здоровье (физическое и психическое); материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком). Скорее всего, крепкое «здоровье» является залогом привлекательности, ресурсом работоспособности и гарантией длительности жизни для воспитания будущих поколений. «Материальное обеспечение жизни» может говорить о немаловажности занимаемого социального статуса, о важности профессиональной реали-

зации и достойной заработной платы, существенность наличия ресурса для содержания как самого себя, так и будущей семьи. Отметим, что значимой является и «Любовь», так как именно в юношеском возрасте приобретает первый опыт серьезных взаимоотношений, они становятся более интимными и доверительными, иногда перерастая в брачный союз.

В свою очередь для девушек – счастливая семейная жизнь; любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений). Возможно, значимость именно этих ценностей связана с тем, что в данном возрасте особое значение приобретает интимная дружба, вопросы заключения брака, происходит построение близких отношений с представителями противоположного пола. Вероятно, ценность «уверенность в себе» говорит о важности получения девушками образования, профессиональной реализации, саморазвитии, что является способом достижения самостоятельности и готовности к созданию семьи.

Среди инструментальных ценностей у юношей доминируют честность (правдивость, искренность); воспитанность (хорошие манеры); чуткость (заботливость). Возможно, важность перечисленных ценностей связана с появлением более близких личных отношений. В юношеском возрасте происходит отсеивание поверхностных контактов, формируются крепкие дружеские отношения, которые могут длиться годами, даже на расстоянии. Для сохранения дружбы, установления устойчивых доверительных взаимоотношений, необходимы искренность, бережное отношение к партнеру, внимательное отношение к его чувствам, забота и поддержка в трудной ситуации. Хорошие манеры, как механизм адаптации в обществе, возможность получить социальное одобрение и приобрести уверенность в себе.

У девушек наиболее значимыми являются жизнерадостность (чувство юмора); воспитанность (хорошие манеры); образованность (широта знаний, высокая общая культура). Чувство юмора рассматривается девушками, как возможность легко и быстро налаживать межличностный контакт, сглаживать конфликты и разногласия, тем самым выстраивать крепкие партнерские отношения. Хорошие манеры, как механизм адаптации в обществе, возможность получить социальное одобрение и приобрести уверенность в себе. Важность образованности и общей культуры продиктована периодом юности, в течение которого происходит получение профессиональных знаний и навыков, активное саморазвитие в самых разнообразных сферах, что определяет социальный статус и направленность личности.

Мы видим, что как для юношей, так и для девушек одной из лидирующих является любовь, что говорит о важности данного чувства и близких отношений в период юности. Значительной оказалась и чувственная сторона, отразившаяся в важности чуткости и честности. Различия наблюдаются в том, что юноши считают материальную сторону жизни одной из главных ценностей, что может говорить о принятии ответственности за обеспечение семьи. Девушки отмечают важность образования, возможно это связано с пониманием, что после замужества и рождения детей развитие в этом направлении будет ограничено.

Литература

1. Водзинская В.В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании / В.В. Водзинская // Филос. науки. –1968. – № 2. – С. 48-54
2. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 296 с.
3. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / Д.А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.

4. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – URL: <http://www.hpsy.ru/public/x2753.htm> (дата обращения: 13. 11. 2010).

СЕКЦИЯ «МИФ, СИМВОЛ, АРХЕТИП В КУЛЬТУРАХ МИРА»

*А.А. Битюцкая, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – к. филос. н. С.С. Православский

АЛЛЮЗИЯ ДЕКАДАНСА

Декадентская философия становится синтагмой культурной мысли в середине 1900-х годов. Бурный расцвет символизма, акмеизма и имажинизма трогает души всего творческого сообщества. Андрей Белый перевоплощается в активного участника веяний «Fin de siècle». Под влиянием свободолобивой тематики упадничества поэт создает роман «Серебряный голубь. Повесть в 7-ми главах».

«Серебряный голубь» – уникальное произведение серебряного века, которое можно отнести к периоду действия « московского религиозного общества». В ответ северному обществу в предводительстве с В.В. Розановым и его нарративной идеей русского мессианства, обособленной каузальной тематикой места России, Белый предлагает собственный вариант решения с дерзким московским колоритом в духе символических аллюзий.

Первая аллюзия – «серебряный голубь». Голубь в повести выступает установленным символом Святого Духа: «... Светилось оловянное изображение птицы-голубя, ясное такое серебряное ...<...>. Поблескивала в жаре оловянная птица-голубь, раздавались в зное слова Божиих псалмов...» [1, с. 36]. Серая птица станет знаковым отличием новой секты, в которой Белый будет видеть разрешение исконно «русских проблем».

Вторая аллюзия – мессианская программа с ретроградным названием «Русское поле». Чтобы разрешить вечный вопрос места России в мире, мыслитель изобретает самобытную систему, основанную на антитезе русского и западного самосознания. Первый полюс – русский – провозглашает несказанное слово – истинную мудрость. Вторым полюсом – западным – глаголет о диалоге, «пустословии», о премудрости, брошенных в язык и письмо. Россию А.Н.Белый отождествляет с полем – простор, где можно скрыть себя и свой сокровенный смысл. Запад он приравнивает к степи, в которой все комбинации разума находятся в экстерьере без скрытого фундамента. Вслед за популярной мыслью Освальда Шпенглера писатель именует Европу «закатной книгой», которая вскоре перестанет существовать. Именно «дикивинное» поле, по мнению А.Н.Белого, должно спасти современное общество и вывести в невиданную эру существования: «Здесь самый закат не выжимается в книгу: и здесь закат - тайна; много есть на западе книг; много на Руси несказанных слов. Россия есть то, о что разбивается книга, рассыпается знание да и самая сжигается жизнь; в тот день, когда к России привьется запад, всемирный его охватит пожар: сгорит все, что может сгореть, потому что только из пепельной смерти вылетит райская душенька – Жар-Птица.» [1, с. 248]. Катехизис «русского поля» включает в себя тайну молчания, скрытия своей самозабвенности: «Все это совершалось при полном молчании, и глубокое безмолвие каждодневного этого обряда

настраивало на раздумье, извлекая в душе величавые, бесконечно грустные звуки».[1, с. 102]. Сентенцию «русского поля» впоследствии можно будет увидеть у многих представителей декадентства, особенно у религиозно- философских обществ.

Третья аллюзия – «голубиная секта». В повести «Серебряный голубь» на протяжении всего повествования фигурирует внерелигиозная организация во славу серой птицы с языческим набором обрядов. Прообразом данной группы людей становится «хлыстовство». А.Н. Белый не случайно выбирает хлыстов: это течение было сильно распространено в культурной жизни серебряного века. Секта строго следовала «тайне молчания», упомянутой выше, и проводила обряды исключительно в темное время суток во имя Святого Духа-Голубя, не признавая троичной догматики (явный призрак хлыстовской тематики). Красной нитью проходит исихастское учение о Фаворском свете и поклонение молодых «голубей» перед Якобом Бёме и Иоганном Экхартом. Яркое проявление почитания культа можно проследить в праздновании языческого праздника «Духов день», напоминающего некоторые элементы еженедельных собраний светской интеллигенции. «День-то каков у нас? А куда идем-то: смекай... На карапь, в странствие. То-то вот: ты и смекай: в сопсвенность свою идем, во владения наши, в церковь нашу - и в том тайна есть. Духовный наш путь в обитель некую обращается: што воздух - дхнул, и нет его, воздуху; а вот как духовных дел святость во плотское естество претворятся, то, милый, и есть тайна. Естество наше – дух и есть; а сопсвенность ни от кого, как от Духа Свята... Естество што коряга: обстругашь ты корягу; здесь рубанком, там фуганком - тят, ляп, вот те и карапь.» . [1, с. 53].

«Голуби» чтит завет о «мировом пожаре», который исцелит и преобразует мир: «Братцы, пожар!.. Все стихло: баба остановилась, парни застыли с раскрытыми ртами, а урядник – с зажженной спичкой в смраде, гари и мгле; на селе раздавались крики; взглянули на окна – окна красные. – Пожар и есть...».[1, с. 318]. Данная посылка была взята мыслителем, возможно, из еретического сознания Древней Руси.

Еще одной имплицитной полуаллюзией в голубином братстве являются споры на натурфилософские темы, которые помогают выйти к поиску фатума. «Птичьи последователи» предпочитают отдавать астрологии: «Астрология не учит власти фатума. Тот говорит: мысль и слово создали и мир, и всемогущество, и семь духов гениев-покровителей, проявившихся в семи сферах; их обнаружение и есть судьба; человек поднимается по кругам: в круге луны сознает бессмертье; в круге Венеры получает невинность; на солнце выносит свет; у Марса учится кротости; у Юпитера - разуму; созерцает на Сатурне правду вещей» [1, с. 197]. Тем самым А.Н.Белый на сектантстве отражает модную тенденцию своего окружения в поклонении гороскопам, не имеющую верифицированного характера.

В повести «Серебряный голубь» помимо вышеописанных символов можно найти описание нестяжательства, масонства и славянофильства. Но все они не имеют ярко-выраженного очертания для подробного разбора.

Литература

Белый А. Серебряный голубь: повесть / А. Белый. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ПРО КОРОЛЯ АРТУРА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Король Артур – одна из величайших фигур, рожденных западным миром. Он является героем тысячи историй, пробуждающих миллионы детских мечтаний, и служит образом целой нации. Столетие за столетием, он снова возрождается в мире – пером, кистью и фантазией многочисленных писателей, художников, поэтов и политиков. Почти тысячу лет живет его дух в истории, однако, до сих пор нет точных данных о том, кем же был король Артур и действительно ли он существовал [Hahn, Thomas 2000, с. 3].

Артуровские легенды представляют собой лиро-эпические предания, сказания кельтского народа, которые описывают героические подвиги, жестокие сражения короля Артура, его огромное царство, жизнь его приближенных, таких как его жены Гвиневры, доблестного рыцаря Ланселота, и не менее доблестного Гавейна и, конечно же, волшебника Мерлина. Как пишет Р.М. Самарин: " В кельтской среде Бретании и Уэльса возник цикл сказаний, который был связан с памятью о герое борьбы против англо-саксов – вожде одного из британских племен Арториусе, который позже превратился в Артура" [Самарин, Михайлов 2001, с. 26].

Появлению легенд о короле Артуре способствовала война бриттов со скоттами, англами и саксами в V-VI вв. Бритты хотели вселить своим соплеменникам надежду на победу над врагами. И в итоге, о короле Артуре сложили множество песен и поэм, в которых трудно отделить вымысел от действительности.

Самые ранние упоминания о короле Артуре относятся, к концу V – началу VI веков и ассоциируют легендарного героя с историческим вождем кельтов, возглавившем борьбу против вторжения англо-саксов в Британию. Артур предстает сильным и могущественным племенным вождем, которому при всей его первобытной жестокости не чужды благородство и честность [Armstrong, Dorsey 2009, с.5].

В последующие века образ Артура бытует преимущественно в валлийской традиции, приобретая существенно новый облик: из кельтского военного предводителя он превращается в мудрого короля, окончательно устанавливается число его подвигов и выдержанных им сражений и т.д.

Так, в развитии Артуровских легенд можно выделить несколько этапов их формирования.

Первый этап – это этап самого начала формирования легенд в кельтской литературе. Как отмечает А.Д. Михайлов, "...первый этап – это как бы Артур до Артура. Нет ни имени, ни героических деяний, ни привычного нам окружения. Есть лишь "мотивы", которые очень скоро найдут отклик в ранних памятниках кельтской (валлийской) литературы и фольклора, где будет фигурировать и Артур" [Михайлов 2007, с.70]. Фигура Артура формируется на общих моделях, которые можно найти в кельтском, валлийском и ирландском эпосе.

Второй этап – это формирование Артуровских легенд в период христианизации кельтских народов. Христианство у кельтов Британских островов появляется во IV веке. [Ладыгина 2000, с. 34]. Именно благодаря сохранившимся языческим верованиям Артуровские легенды оказались так сильно насыщены фантастическими, чудесными образами и элементами [Роллестон 2004, с. 19].

Третий этап формирования Артуровских легенд - это этап складывания Артуровских легенд в период сопротивления кельтских народов англосаксонским отрядам. С середины V в. отряды саксов начинают овладевать восточной и центральной Англией. [Михайлов 2004, с. 76]. С продвижением англосаксонских воинов на территорию кельтского народа, в Артуровских легендах Артур превращается в доблестного рыцаря, защищающего свою землю, и как следствие, легенды приобретают патриотический смысл. [Greenblatt 2006, с. 20].

Четвертый этап – формирование Артуровских легенд накануне норманнского завоевания. Патриотическое настроение уходит на задний план авантюрно-фантастическим элементом, а Артур теперь выступает не столько удачливым военачальником, сколько мудрым правителем с сединой в волосах, восседающий на троне, окруженный своими верными рыцарями [Михайлов 2004, с. 79].

Пятый этап формирования – это этап формирования Артуровских легенд в период норманнского вторжения 1066г. В этом этапе Артуровские легенды получают новый облик под пером Гальфрида Монмутского в "Истории бриттов", которые после обойдут все европейские литературы.

В итоге, пройдя пять этапов формирования, образ Артура проходит трансформацию от племенного вождя до правителя Британии и после окончания становления легенд было положено начало таким литературным обработкам Артуровских легенд как: «Sir Gawain and Green Knight» (Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь), «Le Morte d'Arthur»(Смерть Артура) Томаса Мэлори, «The Faerie Queen»(Королева Фей) Эдмунда Спенсера и «Idylls of the King» (Королевские Идиллии) Альфреда Теннисона.

«Sir Gawain and Green Knight»(Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь) – это аллитерационная поэма неизвестного автора XIV века, которая представляет собой рыцарский роман, посвящённый приключениям сэра Гавейна, племянника короля Артура, и отражает дух рыцарства и верности своему слову [Lyman 2000, с. 76].

«Le Morte d'Arthur»(Смерть Артура) Томаса Мэлори – это яркий образец рыцарского романа, собирающий воедино предшествующие достижения жанра и отражающий настроения рыцарского сословия [Мэлори 1991, с.5].

«The Faerie Queen»(Королева Фей) Эдмунда Спенсера – произведение, посвящённое Елизавете I, в котором автор очень искусно воспользовался старыми преданиями о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, английской народной мифологией, а также мифологическими образами древнего мира [Heale 1987, с.15].

«Idylls of the King» (Королевские Идиллии) Альфреда Теннисона – произведение, представляющее собой сборник баллад о приключениях Короля Артура и рыцарей Круглого стола [Tucker 2006, с. 703].

Проведя тщательный лингво-культурологический анализ текстов, сплошную выборку и распределение полученного материала в соответствии с тематической классификацией, предложенной Сергеем Ивановичем Влаховым и Сидером Петровичем Флоринным получились следующие результаты.

В произведении «Sir Gawain and Green Knight» представлены следующие группы реалий: топографические (Tintagel, Werral), антропонимы (Gawain, King Arthur Morgan le Fay), этнографические, которые в свою очередь включают следующие подгруппы: военные реалии (baldric, cap-à-dos), мифологические (Camelot, Round table), обычаи (Evensong, Matins), одежда (ermine) и орудия труда (scythe).

В произведении Томаса Мэлори «Le Morte d'Arthur» присутствуют следующие группы реалий: топографические (Lothian, Orkney, Trent), антропонимы (Igrayne, Kay, Sir Brastias), этнографические, которые включают обычаи (Twelfth-day, Candlemas), мифологические (Excalibur, Sangreal), общественно – политические (Podesta, Interdict), одежда

(Gambeson, doublets), денежные единицы (Besants), единицы меры (League English), военные реалии (Wildfire), книги (French book), транспорт (Galleys, ships, cogs, and dromounds).

В произведении «The Faerie Queen» Эдмунда Спенсера представлены такие группы реалий как: топографические (Bristol, Colchester, Dee), антропонимы (Boadicea, Estrild, Gorlois), этнографические, которые в свою очередь включают следующие подгруппы: одежда (kirtle, gauntlet), жильё (hermitage), религиозные реалии - (Pater noster, Portesse), музыкальные инструменты (rote, bagpipe), общественно-политические (Consent of Commons and of Peares, the “Order of Maidenhead”), транспорт (barge, palfrey), военные (mace, silo brond), мифологические (Camelot, the blattant beast), обычаи (Easter, Whitsuntide), профессии (Minstrale, Cordwainer).

В произведении «Idylls of the King» Альфреда Теннисона присутствуют топографические реалии (Almesbury, Astolat, Avilion), антропонимы (Aurelius, Balin, Bellicent), этнографические реалии, которые включают следующие подгруппы: мифологические (Excalibur, Table Round, The Holy Grail), обычаи (Easter, Whitsuntide), религиозные (Book of Hours).

Исходя из полученных данных по четырём произведениям и детального анализа каждой из групп реалий, можно обобщить полученные данные и сделать выводы по проанализированным произведениям.

Антропонимы являются наиболее широко представленным классом реалий во всех четырёх произведениях. И это не случайно, потому что при помощи ономастических единиц авторы создают литературные образы, насыщают эти образы психологическими чертами характера и изображают глубинные пласты, нюансы душевных переживаний своих героев. Также, в данной группе имеет место самый высокий процент совпадения реалий. Данный факт свидетельствует о том, что все рассмотренные произведения базируются на одной и той же легенде и именно герои этой легенды создают необходимый колорит произведения и воссоздают её содержание.

Что касается топографических реалий, то они встречаются в рассмотренных произведениях гораздо реже, чем антропонимы. Упоминание названий городов, рек, морей, графств, островов придает реалистичность произведению, а также является указателем на то, что эти места являлись центрами разворачивавшихся событий. И это, как правило концептуальный прием – то есть, города имеющие место в произведении, как-то связаны с биографией автора, что дает читателю референцию на автора. Следовательно, включив топонимы в свои произведения, авторы попытались максимально полно отразить суть исторической легенды, взятой за основу произведения.

Теперь обратимся к этнографическим реалиям. В рассмотренных произведениях встречается большое разнообразие подгрупп этнографических реалий, однако, данная группа является самой малочисленной, потому что реалии данной группы являются всего лишь дополнительным средством, при помощи которого авторы воссоздают полную картину действительности определённой исторической эпохи. Следует отметить, что во всех 4-х произведениях представлены различные этнографические реалии, поскольку быт, изображенный в романах, отличающихся по своей структуре и жанру, неоднороден по своему характеру и свидетельствует о различном укладе жизни главных персонажей.

Например, военные реалии используются авторами для придания реалистичности произведению и воссоздания полной картины военных действий, происходивших в то время.

Мифологические реалии представлены во всех четырёх произведениях. Это можно объяснить тем, что в основе четырёх данных произведений лежит миф, следовательно

но, мифологические предметы и явления являются неотъемлемыми атрибутами произведений.

Подгруппа реалий-обычаев также представлена во всех 4-х произведениях. Можно с уверенностью утверждать, что испокон веков обычаи и традиции были важной частью жизни и культуры людей. Люди чтят традиции, следовали им и передавали их из поколения в поколение. Любое упоминание об обычаях и праздниках, позволяет глубже проникнуть в атмосферу семейных отношений героев произведений. А семейные отношения – это, как известно, ключ к пониманию характера и мировосприятия человека.

Одежда, безусловно, является одним из главнейших, важнейших маркеров, отражающих характер героев, их мировосприятие. Вдобавок, одежда дает возможность уловить тенденции моды времени, разворачивающегося в произведении. Описывая одежду, автор раскрывает не только внутренний мир героев, но и внешние факторы, обусловившие использование данной конкретной одежды.

Наличие религиозных реалий в произведениях говорит о многом. Так, люди всегда имели тесную связь с Богом и придавали большое значение религии, особенно во время войны, а как известно, люди склонны вспоминать о Боге, когда им плохо.

Упоминание в произведении реалий, обозначающих социальные явления и/или движения имеет своей целью либо вызвать интерес у читателя, или противопоставить в момент написания произведения действующей системе.

Присутствие таких групп реалий как единицы мер, денежные единицы, книги, виды транспорта, жильё, музыкальные инструменты лишней раз подчёркивают особенности быта людей, живших в ту или иную историческую эпоху. С их помощью произведения получают более красочными, наполненными смыслом, а самое главное – они создают целостную картину происходивших событий и особенностей исторических эпох.

Таким образом, можно сделать вывод, что вместе с историческими эпохами меняется общественный и культурный уклад жизни людей и под влиянием многих факторов создаётся несколько иная картина, которую авторы видоизменяют и в которую вносят некоторые новшества, соответствующие историческому периоду, в котором они жили и затем презентуют это в своих произведениях. Именно культурно-исторические реалии и являются носителями этих новшеств, а также специфических особенностей и характеристик данных исторических эпох. Однако, неизменным остаётся миф или легенда, которые положены в основу проанализированных произведений.

Литература

1. Ладыгина О. М. Культура Мифа: Книга для учащихся. / О.М. Ладыгина. – М.: Полярная звезда, 2000. – 56с.
2. Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция /А.Д. Михайлов. – М.: Наука, 2007. – 828 с.
3. Михайлов А.Д. Книга Гальфрида Монмутского. История бриттов. Жизнь Мерлина /А.Д. Михайлов. – М.: Наука, 2004. – 284 с.
4. Мэлори Т. Смерть Артура. В 3 – х кн. Кн. 1./Т. Мэлори. – М.: Объединение «Всесоюзный молодёжный книжный центр, 1991. – 286 с.
5. Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов./Т. Роллестон. – М.: Центрполиграф, 2004. – 173 с.
6. Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Истоки рыцарского романа./ Р.М. Самарин, А.Д. Михайлов. – М.: Наука, 2001. – 542 с.

7. Armstrong, Dorsey. Sir Thomas Malory's Morte Darthur: A New Modern English Translation Based on the Winchester Manuscript / Armstrong Dorsey – SC: Parlor Press, 2009. – 282 p.
8. Heale Elizabeth. The Faerie Queene/ Elizabeth Heale. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 202 p.
9. Hahn, Thomas. King Arthur and King Cornwall/ Hahn, Thomas – Western Michigan University Medieval Institute Publications, 2000. – 427 p.
10. Lyman G. A Study of Sir Gawain and the Green Knight/ George Lyman. – Harvard University Press, 2000. – p. 76-77.
11. Greenblatt S. The Norton Anthology of English Literature /Stephen Greenblatt. – New York, London: W. W. Norton and Co, 2006. – P. 19-21.
12. Tucker H. The Epic Plight of Troth in Idylls of the King/ Herbert F. Tucker. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. – P. 701–720

Источники материала

1. <https://www.docviewer.yandex.ru/view/>
2. <http://www.bookre.org/>
3. http://www.lib.ru/INOOLD/MELORY/arthur_death.txt

*Л.А. Кадырова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. В.Н. Гуреев*

МОТИВ ДОРОГИ В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Особую значимость образа дороги как одного из ключевых в творчестве Н.В. Гоголя отмечали многие исследователи (Ю.В. Манн, Ю.М. Лотман, И.И. Меркулова и др.). Он появляется прямо на первой же странице – в разговоре «двух русских мужиков» о колесе брички Чичикова. И это далеко не случайно. Рассуждениям о колесе присуща смысловая многозначность. В связи с этим выдвигались разные трактовки. Одни исследователи усматривали в этом диалоге лишь «профессиональный» взгляд на средство передвижения по российским дорогам, другие считали, что здесь как бы задан мотив жизненного пути самого пассажира брички. Но в любом случае с первой же страницы в произведении задан *мотив дороги*.

Впоследствии мотив дороги возникает в поэме довольно часто и передается разными способами: через образ путника; через образ дорожной песни; через придорожные картины (верстовые столбы, проселки, мосты и пр.); через дорожные встречи; через выражение радости от быстрого движения.

«Образ «дороги» в поэме Гоголя необычайно многозначен и ёмок» [3, с. 130]. Прежде всего это «те российские большаки и просёлки, по которым мыкается, обдывая свои тёмные делишки, Чичиков в неизменной бричке с Селифаном на козлах. Эти дороги в известном смысле служат композиционным стержнем поэмы – в той мере, в какой она строится вокруг «похождений Чичикова» [3, с. 130].

Казалось бы, дорога, по которой едет Чичиков, не представляет собой ничего особенного, «сам путь пролегает по родной, знакомой стране, в которой нет ничего экзотического, чужого и чуждого» [7, с. 6]. Сами «дорожные впечатления по большей части невеселы и отдают пошлостью, в атмосфере которой постоянно пребывает этот герой» [3, с. 130]. Однако пространственное перемещение героя по русским дорогам дает писа-

телю возможность показать широкий диапазон русской жизни во всех её проявлениях: помещиков, чиновников, крестьян, усадьбы, трактиры, природу и пр.

Нет сомнения в том, что в понимании Гоголя дорога – это не только перемещение в пространстве, но и жизненный путь героя. «Воодушевлённый отцовскими наставлениями и примером своих удачливых современников, пускается Чичиков в путь по бурным водам житейского моря, как за два столетия до него это сделал герой плутовского романа. И с того момента, когда юный приобретатель на тележке, «которую тащила мухортая пегая лошадка», покинул отеческий дом, до нашей последней встречи с ним мы всегда будем видеть гоголевского героя в дороге» [2, с. 33]. «Тернистая дорога, по которой движется Чичиков, с бесконечными перипетиями взлётов и падений служит суровым испытанием твёрдости его характера. После первой крупной неудачи, связанной с отстранением от должности, "решился он сызнова начать карьеру..."» [2, с. 34].

Здесь у Гоголя чувствуется явная переключка с фольклорной трактовкой дороги. «Для фольклора особенно характерным является образ дороги-судьбы» [4, с. 21]. Говоря о хронотопе дороги в романе, М.М. Бахтин отмечает его особую роль в фольклоре. Мало того, «дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути» (М. Бахтин). «Соответственно перекрёсток – не что иное, как поворотный пункт жизни фольклорного героя, когда, выбирая направление реальной дороги, решается будущее человека. В этом плане важны и другие дорожные составляющие – начало и окончание пути, характеризующие возрастные этапы жизни; встречи, препятствия, дорожные приметы становятся приметами судьбы» [7, с. 7]. Вместе с тем понимание «*дороги*» как жизненного пути может быть распространено не только на одного главного героя. Это и метафорическое обозначение жизненного пути вообще – «*наша земная, подчас горькая и скучная дорога*» [1, с. 138].

Таким образом, перемещение героя по дорогам становится принципом построения сюжета (дорога как цепь событий), и одновременно с этим «*дорога*» понимается как «*жизнь*», «*судьба*» (как жизненные испытания, выпавшие на долю героя).

Вместе с тем встречаются и другие трактовки дороги. К примеру, очень часто в поэме дорога символизирует движение к будущему, прогресс, надежду на лучшее. Ко всему прочему дорога понимается ещё и как *путь к истине*. Путь этот непрост и нелёгок, а потому не застрахован от ошибок. Красноречивый пример тому – действия Селифана в затруднительной ситуации: «Селифан <...> припоминая несколько дорогу <...> догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо. Так как русский человек в решительные минуты найдётся, что сделать, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, то поворотивши <...> на первую перекрёстную дорогу <...> он <...> пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведёт взятая дорога» [1, с. 42]. В действии Селифана проявилось характерное русское безалаберно-наплевательское отношение к жизни (характеристика русского человека, склонного действовать наудачу, полагаясь на русский «авось»). Результатом становится то, что путники сбились с дороги.

Но в русском языке выражение «*сбиться с дороги (с пути)*» можно понимать двояко:

- а) неправильно сориентироваться на местности;
- б) избрать неправильный жизненный путь.

И именно «уклоненье всего общества от прямой дороги» более всего беспокоило Гоголя. Вот почему немаловажную нагрузку в поэме несет в себе «дорожная путаница». «Гоголь апеллирует к невыдуманным фактам, к историческому опыту человечества. «Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону *дороги* избирало человечество, стремясь достигнуть *вечной истины*, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь <...> И сколько раз, уже наведённые нисходившим с небес

смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону <...> умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи, и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: «Где выход, *где дорога?*» Всё знаменательно в этом лирическом «отступлении»: и то, что Гоголь придерживается просветительских категорий («*дорога*», «*вечная истина*»), и то, что, держась их, он видит чудовищное отклонение человечества от прямого пути» [6, с. 294-295].

В тексте гоголевской поэмы мотив дороги используется порой и в иронической функции – в качестве приема раскрытия характера персонажа. Так, Чичиков сразу же заметил, что дорога в губернском городе «*везде была плоховата*», и «*тряская езда*» по ней оказывалась для него «*сущей мукой*». Тем не менее он губернатору «намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы» [1, с. 13].

При создании образа дороги Гоголь широко использует самые различные средства. «Образ дороги может быть визуальным; в этом случае дорога изображается зрительно – как «*коловращение*» или как «*молния, сброшенная с неба*». Образ дороги может быть аудиальным – дорога звучит и слышится как ямщицкая песня. Дорога может восприниматься через ощущения как «*боль*», как «*мука*». Наконец, дорога может быть предметом познания – прочитываться как «*книга*», изучаться как «*наука*», раскрывать внутренний мир персонажей, смысл изображаемых событий и т. п.» [4, с. 19].

Дорога выводит Чичикова «за пределы замкнутых в себе социальных ячеек русского общества» [2, с. 33]. Чичиков уже явно не может рассматриваться как средний представитель дворянско-чиновничьего общества. И потому Гоголь находит новое слово для определения своего героя – «приобретатель».

В XI-ой главе представлен образ дороги как источника творческого вдохновения: «Боже! как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога!.. А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грёз, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!» [1, с. 232].

Ко всему прочему, по мнению исследовательницы А.А. Елистратовой, дорога в поэме Гоголя – это ещё и «образ авторского сознания, не только широко открытого всем впечатлениям действительной жизни, но и осмысляющего их, стремящегося постичь их глубинную суть. Сам процесс художественного мышления предстаёт перед нами – и не только в таких прямых авторских отступлениях, как, например, начало шестой главы первого тома, или начало главы седьмой, или «дорожные» раздумья в главе одиннадцатой, но и всюду, где мы слышим отчётливо то ироническую, то восхищённую интонацию не безликого «рассказчика», а именно автора, с его раздумьями, его смехом сквозь невидимые миру слёзы, с его предчувствием глубокого значения тех тайн русской жизни, к которым он приближается вместе с читателем» [3, с. 132].

Стремительный бег «*птицы-тройки*» «символизирует в гоголевском произведении полное и свободное развитие лучших возможностей русского национального характера» [2, с. 36]. Мысль писателя стремится ко все более широкому обобщению. В XI-ой главе конкретный «географический» колорит заметно ослаблен. Это уже не «*дорога на Руси*», а «*дорога Руси*», т.е. путь (в значении «*судьба*») всей страны.

Все изложенное выше даёт основание сделать вывод, что образ дороги используется Гоголем для выражения его концепции русского национального характера, а также концепции исторического пути России, стремительно мчащейся по дороге в будущее – по дороге, на которой, по словам Гоголя, «*косясь, постораниваются <...> другие народы и государства*» [1, с. 259].

Литература

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 6 тт. / Н.В. Гоголь. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 5. – 464 с.
2. Егоров И.В. «Мертвые души» и жанр плутовского романа / И.В. Егоров // Известия Академии наук СССР: Серия литературы и языка. – Москва: Наука, 1978. – Т. 37. – № 1. – С. 31-36.
3. Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа / А.А. Елистратова. – Москва; Изд-во «Наука», 1972. – 302 с.
4. Карпенко А.И. Фольклорный мотив дороги в творчестве Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого / А.И. Карпенко // Науч. доклады высшей школы: Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 17-23.
5. Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Проблема повествования / В.Ш. Кривонос. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 160 с.
6. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – Москва: Худож. лит., 1978. – 398 с.
7. Меркулова И.И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830-1840-х годов: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец 10.01.01 «Русская литература» / И.И. Меркулова; Самарский государственный педагогический университет. – Самара, 2007. – 22 с.

*В.Г. Кравчук, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филос. н., доц. Д.Г. Кукарников*

ЛИТЕРАТУРА КАК ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Литература как явление всегда приковывала к себе интерес из-за своей возможности погружения читателя в своеобразный альтернативный мир, в котором происходит приобщение к иной, художественной, творческой реальности. Философы так же отметили данную особенность, используя литературу в качестве новой формы излияния философских идей в мир. Но, прибегнув к художественным образам, философское сообщество задалось вопросом: как можно отделить литературу от философии, а философию от литературы и где проходит грань между ними, если она есть?

Действительно, не секрет, что философия существует благодаря философу, уникально, она в самой себе не отделима от личности созерцающего, который уже в дальнейшем выражает свое мировоззрение, то есть то, что в принципе может быть ассоциировано и релевантно только ему, самому философу. Излагая мысли в форме слов, философ, по сути, совершает попытку передачи экзистенциального опыта.

Досократики не видели проблемы в невозможности передачи мировоззренческого опыта другому посредством слов, поскольку они воспринимали самих себя сущностно продолжением всего мироустройства, космического порядка, мысль в рамках которого не может появиться вне целесообразности, то есть нерелевантно. Она уже на стадии своего образования истинна для объективного мира вещей. «Сущее будет для них таковым, каким они его будут считать», так говорил Анаксагор своим друзьям, полагая, что ум каждого есть проявление Ума бытия задавшего [2, с. 343].

Но шло время, окружающая действительность менялась, с ней и философия. Она стала принимать предпочтительно не речевой, а письменный характер, то есть

восприятие и существования философской мысли, оторванное от личности самого философа, стало нормальным явлением. Таким образом, количество спекуляций над философскими идеями возросло, но в то же время сами идеи стали обретать некие понятийные рамки, методологические границы, своеобразную научность. Ведь во время беседы происходит изменение мировоззренческого курса философа в зависимости от влияния на него обстоятельств, продиктованных действиями воспринимающего другого, создающего все новый и новый опыт, дополняющий глобальный опыт рассказывающего.

Выходит, излагая в литературной форме свои идеи, философ будет вовсе отказываться от них в пользу языка, в пользу системы понятий, он будет искать слова, нечто общее, что отдаляет его от своего собственного бытия настолько, что сама изначальная идея умирает. Как справедливо замечает Мераб Мамардашвили: «Многое из того, что мы испытываем, что мы думаем и делаем, – мертво. Мертво (в простом начальном смысле...), – потому что подражание чему-то другому – не твоя мысль, а чужая. Мертво, потому что – это не твое подлинное, собственное чувство, а стереотипное, стандартное, не то, которое ты испытываешь сам. Нечто такое, что мы только словесно воспроизводим, и в этой словесной оболочке отсутствует наше подлинное, личное переживание» [3, с.1].

Да, в речи так же мы оперируем общими словами, но, говоря, мы совершаем жизненный акт, не прерываем поток своей экзистенции. Философ, ведя диалог, находится в состоянии письма, как его понимал Ролан Барт: «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая тождественность пишущего» [1, с. 384]. То есть, философ в диалоге с другим нестандартен, так как он рефлексировать не от этого другого, а от самого себя. В результате рождаются слова, идейный контекст как нечто побочное от его жизни.

Выходит, что вне литературы возможно создать доступный для восприятия философский контекст, сравнимый с тем, который мы открываем для себя читая литературные произведения, но не отрывая его от живой экзистенции. Из этого следует, что литература не является исчерпывающим способом передачи философского опыта, но может служить для философии своеобразным верификационным полем, полем, в котором может быть обнаружен след экзистенции, то есть потенциальная возможность для философского дискурса. «... "Чистая" литература: субъективность, в облике объективности, так хитро построенная речь, что она аналогична молчанию», и это молчание стоит услышать [4, с. 30].

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт / Сост., общ. ред. и вступ. Ст. Г. Косикова. – М.: Прогресс, 1989 – 616 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф. Лосев / Вступ.ст А.А. Тахо-Годи; – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
3. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. Лекция первая [Электронный ресурс] // Мераб Мамардашвили, URL: <https://mamardashvili.com/archive/lectures/proust/01.html> (Дата обращения: 10.05.17).
4. Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова / Ж.П. Сартр.– Мн.: ООО "Попурри", 1999. – 448 с.

*М.В. Сапрыкина, студ. института филологии ЕГУ им. И.А. Бунина
(Елец)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.А. Мещерякова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНКРЕТИКА И СМЫСЛОВАЯ СИМВОЛИКА СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ИНСПИРАЦИЯ»

Как однажды справедливо отметила М. Цветаева, «в жизни символиста все – символ. Не-символов – нет...» [4]. Это же можно сказать о стихотворении поэта и теоретика символизма Андрея Белого «Инспирация». Созданное в июне 1914 года и опубликованное в сборнике стихотворений 1918 года, оно, на первый взгляд, видится поэтической картиной природы, но в то же время все в нем символ.

С точки зрения цветовой символики фундаментальными для стихотворения станут два цвета: золотой и голубой. В стихотворение очень много цвета (и света): он может быть спрятан как за словами, так и в самих словах. Например, стихотворение начинается со строк:

В волне

Золотистого

Хлеба

По-прежнему ветер бежит

Уже в первых двух стихах появляются два знаковых цвета: *золотистый хлеб* и волна, которая прямой ассоциацией имеет морские синие волны. Далее в стихотворении появляются такие цветовые обозначения как *синие зыби*, где вторая лексема – *зыби* – ассоциативно отсылает нас к песчаным золотистым зыбям, или зыбям, которые появляются от ветра на воде, *нежное небо*, *небесная глыба*, закат солнца и *солнечные крылья*. А. Белый будто расписывает, как художник, небесный храм.

Интересно, что мотив голубого (точнее – лазурного) и золотого, солнечного цвета будет сопровождать поэта на протяжении всей жизни – это лейтмотив творчества А. Белого. (Первый поэтический сборник А. Белого 1903 года получил многозначительное для творческого пути поэта название «Золото в лазури»).

Свет в стихотворении разлит везде. Точно так же, как и цвет, свет не присутствует в тексте де-факто, не представлен прямым значением лексем, но он «прячется» в самих словах, наполняя собой все семантическое пространство стихотворения. Озаряет строчки и золотой цвет, и *нежное* воздушное небо, и небесный житель – Архангел, *локочущий светом*, явившийся на *солнечных крыльях*. Кроме того, сема света экспонирована в таких словах как *алмазы*, *светочи*, *блеск*, *молнии*. Перцептивные слова цвета и света, отличающиеся конкретикой, входят в стихотворение с самого начала и одновременно увязываются с символическим пониманием света и неба.

То же самое можно сказать и о лексеме *ветер*, которая формирует мотив дышащей стихии. В творчестве А. Белого ветер может быть мощной хаотической силой (например, в стихотворении «Возмездие») или вестником с того света, или откровением (например, в стихотворении «Призыв»). В стихотворение «Инспирация» ветер становится, наряду с молнией, вертикалью – от неба до земли, своеобразным связующим звеном между миром небесным и миром земным.

Небо и земля в стихотворении противопоставлены друг другу на лексическом уровне. Это противопоставление будет как будто рифмоваться в парных строфах. Например, в первой строфе (*В волне/ Золотистого/ Хлеба*) земное экспонировано в лексеме *хлеб*, во второй строфе – небесное представлено конкретной лексемой – *нежное небо*. В третьей строфе – небесное (*В безмирные/ Синие/ Зыби/ Лети, литургия...*) и в

четвертой – земное (*В земле - / Упадающей глыбе...*). И не случайно образ ветра будет присутствовать на стыке строф, как бы служа мостиком между *безмирными синими зыбями* и миром земным.

Однако у ветра есть и иной способ присутствия в стихотворении: лексически образ ветра представлен в тексте семой полета, создающей впечатление потока воздуха (*лети, литургия, ...прежним приветом/Слетает в невольный мой стих, на солнечных крыльях*), не случайно воздух становится «доступным органам чувств благодаря своему движению» [3, с. 241], т. е. ветру; а также посредством звукописи. Неслучайно исследователи творчества поэта отмечают особую музыкальность строфы А.Белого, а сам поэт писал, что «музыка идеально выражает символ» [1, с. 249]. Особенно частотными оказались звуки [л] и [н], благодаря чему на звуковом уровне поддерживается ощущение нежности и легкости. Порой эти звуки могут стоять рядом, например, в середине слов: *Волна золотистого хлеба...* или в начале анафорических авторских стихов *Нежное / Небо / Над зорями...*, *Лети, литургия*, усиливая и подчеркивая это впечатление. Свистящий звук [с] (*золотистый, синий, зыбь, светоч, блеск, сотканная, слетает, стих, свет, на солнечных крыльях своих*) передает движение воздуха, дуновения ветра, подерживая на звуковом уровне ощущение воздуха и полета.

Однако первое, что видит читатель – это форма, а не содержание. Но в стихотворении А. Белого содержательна и форма: архитектура стихотворения также обладает значимостью и работает на идею произведения. Пространство, занимаемое стихотворными строчками на листе, их разбег создают впечатление легкости, а большое пустующее пространство вокруг – впечатление невесомого, светлого стиха, в единстве чего строится легкая, воздушная конструкция стихотворения.

Еще одним частотным сочетанием в стихотворение становится родственное сочетание *душ-дыш*: оно употреблено трижды в рамках этого небольшого по объему стихотворения (*душу наполни, стариною дыша, плачет душа*). Деепричастие *дыша (родной стариною дыша)*, будучи родственным слову *дыхание*, в русской языковой картине мира, как отмечает А.Д. Шмелёв, тесно связано со словом *дух*: «Слово дух, наряду с интересующим нас значением, относящимся к психическим свойствам или состоянию, к тому, что "одухотворяет" человека, имеет значения "дыхание" (ср. перевести дух)» [2, с. 137]. *Душа* же имеет общий корень со словами *дух*, так же со словом *воздух* [3, с. 241].

Этим диктуется и образ Архангела, слетающего в *невольный* стих лирического героя на солнечных крыльях, ведь ветер, воздух и дыхание тесно связаны в мистическом символизме [3, с. 241], где «по ветру, как легкой, духовной субстанции прилетают крылатые божественные вестники, например, ангелы» [3, с. 241]. Однако вестником чего в стихотворении А.Белого выступает архангел? Архангел, спустившийся с *безмирных синих зыбей* – это метафора творческого вдохновения поэта, поэтому стих назван *невольным*, что значит, легкий, саморождающийся, спустившийся на поэта как небесное откровение.

Вторит этой идее и название стихотворение – «Инспирация», что означает «внешний, более высокий духовный источник творческой деятельности, чем земная эмпирия; обычно – прямое воздействие на художника духовных сил (ангелов, демонов, Духа, Бога), побуждающее его к творчеству» [5, URL]. Кроме того, являясь термином многозначным и применимым в разных областях знаний, инспирация – альтернативное наименование *вдоха*, в противоположность *выдоху* (экспирации), например, в медицине.

Специфичен в стихотворении и характер других лексических пластов: широко используются патетические слова, возвышенные и торжественные (например, *упадающая глыба, о, небо, провижу тебя, безмирные синие зыби, наполни, сотканная душа, невольный, клокочущий* и др.), употребляется

церковная и архаичная лексика (например, *литургия, свеч, архангел*).

Сема вдоха, дыхания вместе с церковной лексикой реминисцирует к библейской легенде в книге Бытия, где дух божий до сотворения света и тверди небесной носился над водой [3, с. 241], а так же к легенде о сотворении первого человека – Адама, которому господь вдохнул дыхание жизни и йстал человек душою живоюЙ.

Итак, наполненное конкретикой, стихотворение А. Белого «Инспирация» изобилует и символикой, становясь торжественным гимном божественному явлению – вдохновению поэта, подобному вдоху жизни и высшей цели для творческого человека.

Литература

1. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия : [В 2 т.] / Гл. ред. С.А. Токарев. – М. 1991.
4. Цветаева М.И. Сочинения : [В 2 т.] / М.И. Цветаева. – М., 1988. – Т. 2. – 259 с.
5. Энциклопедия культурологии. Инспирация. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1011/Инспирация.

*Д.В. Умылина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук – д-р филос. н., проф. А.С Кравец

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ЧАСТЬ ФИЛОСОФСКОГО РАССУЖДЕНИЯ

На первый взгляд, проблема визуального не характерна для западноевропейской философии, которая всегда стремилась дистанцироваться от эмпирических данных и познавать мир лишь посредством чистого умознания. Со времен античности философы говорили о том, что чувственный опыт ведет лишь к заблуждениям и, следуя ему, невозможно достичь истины. Однако визуальные образы являются неотъемлемой частью человеческой жизни - человек использует их в процессе общения, дополняя или даже заменяя ими свою речь. К тому же «без визуализации в широком смысле – воображения – научное творчество было бы невозможным»[4, с. 6 - 27]. В силу этого можно предположить, что немаловажную роль визуальный образ играет и в философии.

Смыслообразы различных стихий в концепциях первых натурфилософов, образ «пещеры» Платона, «лев, верблюд и ребенок» как этапы развития человеческого духа у Ф. Ницше, образы «складки» и «ризомы» в постмодернизме, «пузыри» и «пена» у П. Слотердайка – все эти и многие другие образы хорошо знакомы нам. Объяснение использованию таких средств выразительности можно найти у И. Канта в «Критике способности суждения», где он отмечал, в частности, что образы искусства есть выражение эстетических идей (прообразов) в пространстве [6, с. 422]. Если же абстрактные эстетические категории, такие, как красота, гармония и т. д., могут быть выражены посредством образа или описания, то так же, вероятно, могут быть выражены и другие философские идеи.

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос о том, какое место занимают подобные средства выражения мысли в философском рассуждении, и какие перспективы открывает их использование в философии в современную эпоху поворота к визуальной составляющей культуры. В первую очередь философские идеи излагаются с помощью

текста, в котором использование чисто визуальных элементов затруднено (хотя находятся и исключения, например, уже упомянутый П. Слотердаjk, использовавший в своих работах иллюстрации), однако есть возможность прибегнуть к вербальным средствам создания образа.

Использование художественных средств выразительности, казалось бы, противоречит статусу философии как знания теоретического. Широко распространено представление, согласно которому философия должна оперировать максимально абстрактными категориями, любое же отступление от этого принципа приводит к профанизации философского знания. Однако, обращаясь к работам уже упомянутых выше и многих других философов, мы не можем сказать, что использование визуальных образов лишило их работы статуса философских. Визуальный образ, действительно, может послужить достойной формой репрезентации философских идей, как бы приближая нашу мысль к привычному миру, делая философскую мысль более яркой, лично окрашенной. Однако это можно рассмотреть и как большой минус, придающий философии, стремящейся к объективности знания, столь нежелательный субъективизм.

Если рассмотреть ситуацию, в которой философия находится сейчас, мы сможем обратиться к еще одной (помимо объяснительной) функции визуального образа, которую он приобретает в современном философском рассуждении – это создание иллюзии реальности того, о чем рассуждает философ. Используя визуальные образы для разъяснения своих концептов, философ как бы отсылает читателя к миру материальных вещей, что может быть использовано как средство демагогии - с целью сформировать у читателя бессознательную убежденность в том, что идеи и проблемы, с которыми он знакомится, столь же реальны, как и материальные вещи, к которым отсылает репрезентирующий их визуальный образ. Это приводит нас к выводу о том, что в современной философии визуальный образ может выступать в двух ипостасях – как демагогический прием и как средство оправдания самой философии, ее попытка выйти на новый уровень и приобрести актуальность в современных условиях, используя образ как выражение смысла.

О поиске философией своей социокультурной ниши, в том числе и с использованием визуализации философских концептов, свидетельствует, например, попытка лондонского дизайнера Дж. Каррерас создать «визуальный словарь философии», подбирая подходящие образы под каждую философскую концепцию и упрощая их до самых элементарных форм. Как говорит автор этих работ: «Я надеюсь, книга поможет людям разобраться в различных философских теориях нашей культуры, или, по крайней мере, привлечет внимание к ним. С помощью этого проекта я пытаюсь заставить людей говорить о теории, принести философию в повседневную жизнь» [11, URL].

Современную культуру в целом можно охарактеризовать как состояние визуального, или иконического поворота. Визуальные образы используются повсеместно, поскольку они наиболее непосредственно приобщают человека к информации, репрезентируют события и факты. Обратимся к высказыванию П. А. Флоренского: «...в эпохи культур, достигших, казалось бы, наибольшего расцвета, сказывается некое тяготение к зрительным формам изображения понятий, при которых зрительные образы становятся способом выражения отвлеченных понятий простых и сложных, и в которых конкретные изображения становятся знаками и символами идей» [8, с. 18]. Акцент в современной культуре смещается с того, что представляет образ, на сам образ, который в некотором смысле начинает замещать «симулировать» реальность.

Именно этот приоритет визуального привел к иконическому повороту, который свидетельствует также об «отказе» от метафизики [8, с. 16 – 29]. На первый взгляд, для философии эта ситуация неблагоприятна, и эта точка зрения дискредитирует образ,

представляя его как нечто неподлинное, заслоняющее реальность. Однако можно поставить вопрос иначе: «Что философия как мировоззренческая наука и теоретическое знание могла в целом утверждать о мире, не прибегая к помощи образа? Разве не обнаруживала она его содействие там, где речь шла о различении формы, образовании понятия, выделении объекта в представлении реального, или «Я» как субъекта мысли, образном моделировании различных процессов?» [3, с. 31]. Конечно, все приведенные выше рассуждения касаются, в первую очередь, письменного философского дискурса – философских текстов.

Для анализа проблемы использования литературных элементов в философских текстах можно также обратиться к полемике Г. Г. Иггерса и Х. Уайта по поводу историографии. Хотя эта полемика и касается исторической науки, прежде всего она затрагивает проблему наличия художественных средств выразительности в тексте, претендующем на научность. Х. Уайт считает, что природа историописания скорее дискурсивная, нежели когнитивная, т. е. исторические сочинения предстают, как чисто лингвистические структуры [9, с. 155 - 156]. В самом деле, в исторических сочинениях мы подчас встречаем литературные элементы, придающие тексту художественный характер, атмосферу, заставляющие сопереживать историческим персонажам, чья жизнь описывается в работе. Эти и подобные «непроизвольные мелочи, свидетельствующие о том, насколько остро он <историк> видит внешний облик происходящего» [10, с. 495], связывают исторические события в нарратив, повествование, которое предстает как сценарий, форма дискурса.

Такой позиции нередко придерживаются критики как исторической науки, так и прочих гуманитарных наук. «В каждом еще не редуцированном (или не вознесенном) до положения подлинной науки поле исследования мысль остается пленницей лингвистического метода» [5, с. 143]. Применив это высказывание об исторической науке к любой области знания, полагающейся, прежде всего, на текст, мы приходим к выводу, что никакое объективное исследование реальности и познание мира в принципе невозможно, и полностью зависит от лингвистических факторов, т. е. в данном случае исследователь «строит факты посредством «выбора метафоры, которой организует мир» [5, 149].

Однако именно визуальное восприятие в первую очередь обеспечивает непосредственную связь человека с миром, визуальное мышление как универсальная способность человека создает целостное и эмоционально окрашенное представление о существенных характеристиках предмета или явления. «Эйдосы, умозрения, иначе – визуальные мыслеобразы правят миром» [4, с. 6 – 27], а значит, сущность можно попытаться схватить с помощью образа, ассоциативной связи. Философские тексты лишены возможности предоставить читателю визуальный образ как непосредственную данность, однако они способны вызвать представление о нем. Письменный дискурс, помимо основного сообщения, несет в себе множество смыслов, как вложенных сознательно, явных, так и неосознанных, коннотативных, скрывающихся в глубине. Механизм воздействия этого глубинного слоя на человека во многом похож на механизм воздействия поэзии, однако это не гарантирует ненаучного характера такого текста.

Литература

1. Беззубова О.В. Визуальный образ как носитель экзистенциального смысла / О.В. Беззубова // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – СПб., 2009, вып. 4. – с. 22 – 27.
2. Березняк М.В. Визуализация и естественный язык / М.В. Березняк // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования). – М.: ИФРАН, 2008 – 247 с. – с. 43 – 54.
3. Богатырева Е.Д. Философия визуального: онтологический аспект / Е.Д. Богатырева // Одесса: Издательство Куприенко, 2012. - с. 29-36.

4. Герасимова И. А. Визуализация, творчество и культурные практики / И.А.Герасимова // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования). Москва: ИФРАН, 2008 – 247 с. – с. 6 – 27.
5. Иггерс Г.Г. История между наукой и литературой / Г. Г. Иггерс // Одиссей. Человек в истории. 2001. – М.: Наука, 2001. – 414 с. – с. 140 – 154.
6. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант // Кант И. Сочинения с шести томах. – М.: Мысль, 1966. Т. 5. - 564 с. – С.161-529.
7. Кириченко О.В. Зрительный образ и его роль в европейской культуре. Электронный ресурс. URL: <http://dlib.rsl.ru/01000273696> (дата обращения: 08.01.2017)
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М.: Академический проект, 2005. - 496 с.
9. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности / В. Савчук. – СПб.: Издательство РХГА, 2013. - 350 с.
10. Уайт Х. Ответ Иггерсу / Х. Уайт // Одиссей. Человек в истории. – 2001. – М.: Наука, 2001. - 414 с. – с. 155 – 161.
11. Хэйзинга Й. Осень Средневековья / Сост. предисл. и пер. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. – 768 с.
12. Электронный ресурс. URL: <http://vev.ru/blogs/vizualnaya-filosofiya.html> (дата обращения: 06.01.2017).

*А.С. Шамшина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. К.А. Нагина*

КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Одним из загадочных и чарующих литературных образов является фигура женщины на Кавказе. Облаченная в чадру, скрываемая мужем и отцом на «женской половине» дома, но обладающая умением оставаться счастливой в этих непостижимых для европейцев условиях – она, женщина Кавказа, притягивает к себе неподдельный интерес и обывателей, и художников.

М.Ю. Лермонтов и Л.Н. Толстой знают о жизни на Кавказе не понаслышке: они оба жили там некоторое время, воевали, мечтали и сочиняли. Они своими глазами видели красоту и загадочность кавказских женщин.

Наше мировоззрение в корне не совпадает с образом жизни и мышлением жительниц гор. Их бытовые традиции и религиозные предписания сильно разнятся с нашими. Невозможно сказать о единстве вероисповедания, ведь Кавказ населяет множество народов. Но большинство придерживается исламских традиций. Поэтому и положение женщины во многом зависит от Корана, где указано, что женщины должны быть послушны и преданы мужьям.

Жизнь и судьба девочек с самых первых минут появления на свет в корне отличается от участи мальчиков. Девочки воспитывались иначе. Если в мальчике воспитывали храбрость, отвагу, понятие чести, то девочек приучали к аккуратности, стыдливости, чуткости, заботливости, терпению, мягкости, чтобы они могли понравиться окружающим. Но, несмотря на то, что от девушек не требовали силы, храбрости и смелости, они все же обладали этими чертами и сами требовали их от

мужчин. Пример проявления женщиной стойкости духа запечатлен в поэме Лермонтова «Беглец», где мать отвергает пришедшего к ней сына, который не отомстил за смерть своего отца:

– «Ты отомстил?» – «Не отомстил... <...>

– «Молчи, молчи! гяур лукавый,

Ты умереть не мог со славой,

Так удались, живи один. <...>

Ты раб и трус – и мне не сын!..» [1, т.2, с.46]

Женщины всегда играют в произведениях М.Ю. Лермонтова важную роль – они зачастую становятся причиной гибели героя или, наоборот, спасением.

Так ангельский женский голос, услышанный героем, может стать защитой от «мира печали и слез». Лирический герой стихотворения «Люблю я Кавказ» только среди скал может вновь услышать голос матери, а Измаил-Бей говорит о целебных свойствах близкой душе мелодии. Поэтому в творчестве Лермонтова большое значение уделено женскому голосу. *Не случайно Печорин подошел к Бэле сразу после того, как она пропела свою песню. В мире Лермонтова песня – это показатель искренности, безыскусственного выражения чувств. На звуки голоса молодой грузинки идет и Мцыри: «И ближе, ближе все звучал / Грузинки голос молодой, / Так безыскусственно живой, / Так сладко вольный»* [1, т.1, с.191]

Поют у Лермонтова не только женщины, однако мужская песня несет в себе совсем другую правду. Казбич в своей песне говорит о «молодецкой воле» в противовес «красавицам аула», и символом этой воли становится «лихой конь». Сравнение женщины с лошадей – постоянный мотив русской литературы. Вот первое описание Бэлы в романе «Герой нашего времени»: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу» [1, т.4, с.15]. Несколько страниц спустя мы встречаем описание лошади Казбича: «...уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, – ну, просто ... этаким в целом мире нет» [1, т.4, с.20]. Если не знать, кому принадлежат эти описания, с легкостью можно перепутать одно с другим. Такая идентичность описания лошади и Бэлы отражает отношение горцев к женщине, четкое осознание *цены* девушки и *цены* лошади. И горцы знают цену горянкам, поэтому они стремятся обрести Родину рядом с ними. Лейла скажет Хаджи Абреку: «Поверь мне, – счастье только там, Где любят нас, где верят нам!» [1, т.2, с.340]

Женщины борются за свою любовь и за свое счастье. Крепки в них годами воспитываемые правила, законы, но ничто не сдержит горячей кавказской крови. «Ага! <...> И в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!» [1, т.4, с.33], – подумает Максим Максимыч, увидев, как сверкают глаза Бэлы. Для Лермонтова горячая кровь «звезды востока» – основа бушующего в ней пламени: «В твоих щеках как метеор / Играет пламя крови южной» [1, т.2, с.337]. Любовь и гордость – два чувства, не оставляющие деву гор. Гордый нрав горянок всегда был особенностью «крови южной».

В кавказских произведениях Толстого большее внимание уделено мужскому образу, однако любой этнологический портрет народа базируется не только на мужском, но и на женском образе. Л.Н. Толстой, описывая женщин Кавказа, отметил в них самые главные характеризующие их черты. Даже тот факт, что в грубом, «мужском» мире гор, где война – привычное дело, женщина «показывается» на страницах произведений довольно редко, говорит об особой иерархии в семье. Для женщины кавказских народов места их «обитания» заранее определены: это все, что связано с хлопотами по хозяйству, с гостеприимством, с родственными связями. Женщина – это всегда мать, жена или дочь.

Но в появлении женщины на страницах повести всегда есть особенное значение. Они вселяют в мужчин уверенность, спокойствие, разделяют с ними их убеждения. Так

в повести «Хаджи-Мурат» «немолодая, тонкая, худая женщина» [2, т.14, с.25], проявившая по обычаю гостеприимства радушие к неожиданному гостю, полностью подчинилась решению своего мужа. Они приютили Хаджи-Мурата, рискуя собственными жизнями. В этом эпизоде описывается и еще одна характерная черта кавказских народов – это гостеприимство. «Приход твой к счастью» [2, т.14, с.25], – встречает хозяйка гостя.

В повести «Казачки» взгляд Толстого падает по другую сторону Терека, где он пытается заглянуть в душу веселым хозяйкам станицы. Мутный и быстрый Терек отделяет казаков от горцев, но река не может помешать смешению двух культур. Многие черты жизни казаки перенимают у черкесов. Но это заимствование в мелочах не обуславливает абсолютное сходство народов, казаки гордятся своей кровью, как и горцы – своей. Казачки представляют собой интересную смесь двух таких разных народов. «Красота грёбенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины» [2, т.3, с.165].

Статность и силу нежных девушек Толстой воплотил в образе Марьянки – казачки, признанной первой красавицей станицы. Но не только красота ценится у казаков; Марьяна – «королева девка» [2, т.3, с.196] и за озорство, и за силу, и за то, что работать привыкла с улыбкой, с охотой. А потому и назовут ее то «королева», то «кряля девка, работница девка» [2, т.3, с.170], а то и «чертовой девкой» [1, т.3, с.168] наречет мать.

Женщина Кавказа, будучи не менее ослепительна, чем белоснежные шапки гор, остается недоступной для Оленина, пока он далек от этого нецивилизованного мира, пока он остается *чужаком*. Женщина – как проводник для Оленина в мир природы и естественной красоты.

Любовь женщины для Толстого – это способ обретения мира, через любовь к женщине Чужак становится Обитателем, частью чего-то целого. Женщины Кавказа – символ, основа всего мирного казачества, они поддерживают жизнь в станицах и отвечают за мир и порядок в семье. Сложно переоценить значение женщины на Кавказе.

Подводя итоги работы, хочется привести слова Н.Я. Эйдельмана: «От “Кавказского пленника” до “Хаджи-Мурата” Кавказ, может быть, оттого столь сильно притягивал многих российских людей, что помогал им отыскать, понять самих себя, заново открыть смысл, суть таких начал, как дружба, честь, свобода» [3, с.14].

Женский образ в творчестве Лермонтова и Толстого во многом отличается, на что повлияли литературные направления, которых придерживались писатели, особенности биографии авторов, их впечатления от Кавказа. Однако есть черты, которые составляют основу образа кавказской женщины – это храбрость, гордость и сила любви, способная на многое.

Литература

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 тт. / М.Ю. Лермонтов – М., 1975.
2. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 тт. / Л.Н. Толстой – М., 1951.
3. Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа / Н.Я. Эйдельман – М., 2006.

*С.В. Волков, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук – канд. филол. н., доц. Е.В. Васильева*

КОНФЛИКТ И ПРИЧИНЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ». ОТ ЮМОРА ДО ТРАГЕДИИ

Мировая литература имеет массу примеров конфликтов в своих произведениях. Не стал исключением и скандинавский архаический эпос «Старшая Эдда».

Для обозначения словесных поединков в скандинавской словесности употребляются два термина: *senna* – «перебранка» и *mannjafnaðr* – «сравнение мужей». Е.А. Гуревич и И.Г. Матюшина выдвинули версию, что оба термина восходят к юридической терминологии: «перебранка» имеет целью доказать вину другого, «сравнение мужей» состоит в том, что родичи убитых оценивают их «ценность». В синхронии между перебранкой и сравнением мужей есть различия: первая обычно состоит в уничижении противника, второе – в самовозвеличивании; цель первой – обеспечить победу в битве, функция второго – развлечение, часто на пиру [2, с. 53-54].

Обратимся к песне «Поездка Скирнира». В ней Скирнир, в облики которого предстает сам Один, выступает сватом Фрейра (прим. бог плодородия и лета) к дочери ётуна (прим. ледяные великаны). Скирнир отправляется уговаривать Герд выйти за хозяина замуж, но девушка даёт отрицательный ответ. После этого Скирнир начинает угрожать ей. Сначала храбрый слуга угрожает мечом, что убьёт и Герд и её отца, но это не помогает. Тогда Скирнир прибегает к брани, переходя от простых оскорблений и угроз («Чудищем станешь, / для всех, кто увидит! / Пусть Хримнир глазеет, / всяк пусть глазеет!...» [3, с. 43]) к проклятию Всеотца («Я в рощу пошел, / в сырую дубраву / за прутком волшебным; / взял прут волшебный. // Ты разгневала Одина, / асов главу...» [4, с. 44]). Также Один перечисляет все наказания, которые будут преследовать девушку: безбрачие, употребление мочи, уныние и т.д. Эти и ранее сказанные слова испугали девушку (возможно, она поняла, кто перед ней на самом деле), и она согласилась на свадьбу, о чём Скирнир после поведал Фрейру. Данную песнь можно назвать брачной перебранкой, так как, вероятно, она восходит к свадебному ритуалу соединения бога солнца и богини земли.

Далее мы поговорим о «Песне о Харбарде». В этой песне бранятся Тор и перевозчик Харбард («седая борода»), в котором нетрудно узнать Одина. Герои вступают в перебранку, оскорбляя друг друга. Тор: «Что там за парень / стоит у пролива?». Тот ответил: «Что за старик / кричит за проливом?» [3, с. 45]. Спустя несколько стихов перебранка приобретает вид «сравнения мужей», но каждый из героев нарушает каноны этого вида спора. Харбард нарушает канон содержания песни, так как вместо рассказов о славных подвигах, как это делает Тор, хвастает своими любовными похождениями («...бились мы там, / убивали врагов, / и то еще делали – / дев соблазняли» [4, с. 46]), что сбивает аса с толку. Тор в свою очередь нарушает форму песни, используя вместо полного стиха, одну лишь строку («Ну и как у вас шло с ними дело?» [4, с. 46]). Как нетрудно догадаться, Харбард превосходит Тора в мудрости и в знании канонов перебранки, но заведомо нарушает их, чтоб сбить того с толку. Всё это позволяет предположить, что песня эта была задумана автором как развлечение читателя.

Следующей исследуемой нами частью «Старшей Эдды» станет «Перебранка Локи». Данную песню можно отнести к застольным перебранкам, имеющим цель высмеять противника для развлечения гостей. В этой песне Локи обличает богов, обвиняя их в трусости, женоподобии и изменах. При этом стоит отметить, что асы не отрицают дан-

ных фактов, что говорит о соответствии этой песни жанру перебранки, которая подразумевает под собой оскорбления, доказательства которых приводить было не нужно, ибо рассматривается сам факт оскорбления, а не его истинность [3, с. 464]. Боги лишь пытаются примириться с дерзким богом или выдвигают ответные претензии, что со стороны человека непосвящённого выглядит довольно странно для всемогущих богов. Но этому есть объяснение.

В современной науке существует теория о том, что данная песня была создана разочаровавшимся язычником или новообращённым христианином и выражает некий «кризис язычества», но это мнение не закрепилось в научных кругах впоследствии. Также существует теория Адольфа Готтарда Нурена о том, что данная песня была сложена для развлечения читателя, но она не была доказана. София Свиридова, автор первого перевода «Старшей Эдды», считала, что «Перебранка» – это констатация порочности богов, деяния которых ведут к неминуемой гибели мира, в котором даже боги несовершенны. Наиболее правдоподобной, по нашему мнению, является версия о том, что «Перебранка Локи» – это ритуальная песня.

Данная теория была разработана известными советскими учёными А.Я. Гуревичем и М.И. Стеблиным-Каменским. Суть её в том, что песня «Перебранка Локи» выражала представление древних исландцев о том, что богам можно то, что простым людям делать нельзя. Также известные учёные считали, что насмешка над богами является скорее проявлением силы данной веры, нежели слабости (сильная религия может себе это позволить, тогда как слабая всячески от этого защищается). При этом стоит вслед за Гуревичем заметить, что боги здесь уже несколько смущены от признания факта порочности, поэтому всё же стоит вспомнить о теории С. Свириденко, но в несколько ином виде. В состав текста «Старшей Эдды» вместе с «Перебранкой Локи» входит «Прорицание Вёльвы», и в своём взаимодействии они рисуют перед нами картину гибели богов. В обеих песнях говорится о конце света, в «Прорицании» это сугубо серьёзная речь, а в «Перебранке» эта информация подается юмористически. Юмор этот напоминает нам о трагическом будущем богов, о Рагнарёке (прим. конец света у скандинавов). При этом хочется добавить, что кроме трагических мыслей о неизбежности гибели богов во взаимодействии контекстов ранее упомянутых песен присутствует идея и о появлении молодых «непорочных» богов нового мира, которые построят его заново из пепла старого порочного мира.

Анализируя текст «Песен о богах» в целом, хочется сказать о причинах конфликта внутри сюжета. Основной причиной конфликтов в данной части «Старшей Эдды» является противопоставление всемогущих богов – асов и обитателей остальных миров, в частности ётунов (прим. ледяные великаны) и гномов. Отметим, что причин для конфликтов Локи и асов было много. Стоит начать с того, что Локи – это сын ледяного великана, а не ас, боги же позволили Локи жить среди них за его хитрость и выдающийся ум. Также причиной конфликтов является тот факт, что Локи – отец хтонических существ (прим. – существа, действия которых непосредственно приведут к концу света). В данном контексте таковыми являются: Хель (прим. владычица мира мёртвых, Хельхейма), Ёрмунганд (прим. огромный змей, живущий в океане, окружающий Мидгард, мир людей) и Фенрир (прим. огромный волк, который, по легенде, убьёт Одина). Ну и самой парадоксальной причиной является элементарная зависть Локи к счастью богов – асов.

Говоря о конфликте в «Песнях о героях», стоит упомянуть, что данная их составляющая является в сюжете изначально ритуальной и выражает жанр перебранки в чистом виде. Так в «Первой песне о Хельги, убийце Хундинга», так же как и во «Второй» Синфьётли и Гудмунд бранят друг друга перед битвой, разжигая взаимную ненависть и пытаясь оскорбить или даже напугать противника для того, чтоб тот сдался [4, с. 76-77,

89]. В «Песни о Хельги, сыне Хьёрварда» ночью Атли бранится с Хримгердой, дочерью ранее убитого великана Хати. Дочь требует выкуп за смерть отца: «Хельги, очнись, / выкуп дай Хримгерд, / Хати убийца!...» [4, с. 82], но её прогоняют. Таким образом, данные песни относятся к военным ритуальным перебранкам, имеющим цель разозлить или даже испугать противника.

Итак, перебранки, будучи одной из форм конфликта, представлены в «Старшей Эдде» довольно широко. Явный словесный конфликт мы находим в трёх песнях: «Поездка Скирнира», «Песне о Харбарде» и «Перебранка Локи». Тексты данных песен отличаются ритуальностью. Ритуал этот может быть как свадебный, так и военный. «Перебранка Локи» выражена ритуальным смехом над богами, но смех этот приобретает здесь вид «смеха сквозь слёзы», как предвестие будущей гибели богов.

Причиной конфликтов внутри сюжета очень часто становится противопоставление богов-асов остальным обитателям 9 миров скандинавской мифологии.

Литература

1. Гуревич А.Я. «Эдда» и сага / А.Я. Гуревич – М.: Наука, 1979. – 192 с.
2. Матюшина И.Г. Перебранка в древнегерманской словесности./ И.Г. Матюшина – М.: РГГУ, 2011. – 304 с.
3. Поэзия скальдов / Е.А. Гуревич, И.Г. Матюшина. – М.: РГГУ, 2000. – 750 с.
4. Старшая Эдда. СПб.: Наука, 2015. – 260 с.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф./ М. И. Стеблин - Каменский – Л.: Наука, 1976. – 104 с.

*Н.П. Беляева, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р. филол. н., проф. Г.А. Шпилевая

ОБРАЗ ВЕСНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ШЕВЧУКА

Образ весны был одним из центральных в творчестве многих русских поэтов. Например, для А.С. Пушкина весна была символом некоего болезненного состояния, переходного периода (смятения, волнения): «...я не люблю весны; / Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен...» (А.С. Пушкин, «Осень», 1833) [5, с. 109]. В творчестве Ф.И. Тютчева, напротив, весна указывает на обновление жизни, что сопряжено с радостным волнением: «Игра и жертва жизни частной! / Приди ж, отвергни чувств обман / И ринься, бодрый, самовластный, / В сей животворный океан!» (Ф.И. Тютчев, «Весна», 1821) [5, с. 227]. В «Весеннем дожде» А.А. Фета мы также видим радостное ощущение обновления мира: «Две капли брызнули в стекло, / От лип душистым медом тянет, / И что-то к саду подошло, / По свежим листьям барабанит» (А. А. Фет, «Весенний дождь», 1857) [5, с. 342].

Традицию изображения весны продолжают и рок-поэты. Исследователь И. Авдеенков в работе «Семантика символа Весна в языке русской рок-поэзии» приходит к выводу, что весна в поэзии русского рока приобретает следующую семантику: «...это желаемое, потенциальное, природное, зрелищное, но связанное с опасностью обмана ожиданий, преобразование мира, <...> движения, свободы, разрушение рамок в ограниченном пространстве, сопряженное с неопределенностью результата» [1, с. 538].

Образ весны у Ю. Шевчука приобретает дополнительное автобиографическое переживание. Хотя его называют «осенним» поэтом, а не «весенним», частое обращение к весне связано с переживаниями по поводу личной трагедии – потерей самого близкого

человека. В лирической системе Шевчука, в данном контексте, коррелируют такие центральные образы, как «Актриса Весна» и «Беда». При рассмотрении одноименных стихотворений можно сделать вывод о том, что их объединяет личность безвременно умершей Эльмиры Шевчук, жены поэта. В стихотворении «Нежность»: *«Я лежу, задуманный весной, все песни о тебе...»*, (Ю. Шевчук, «Нежность», 2011) [6, с. 150], – очевидно, что весна становится временем потерь и горя. В песне «Актриса Весна» весна ассоциируется и с тяжелой болезнью, и со сценой: *«Актриса Весна после тяжелой болезни снова на сцене...»* (Ю. Шевчук, «Актриса Весна», 1992) [6, с. 26]. Это также автобиографический момент, поскольку Эльмира мечтала о сцене. Несмотря на весь острый драматизм данного стихотворения, отметим, что в нем присутствуют две весны: «Актриса Весна» и «весна». Последняя является *будущей светлой жизнью*: *«Позволь нам дожить, / Позволь нам допеть / До весны...»* (Ю. Шевчук, «Актриса Весна», 1992) [6, с. 26].

Стихотворение «Когда ты была здесь» (2011), по словам Ю. Шевчука, является самым «светлым» посвящением Э. Шевчук. Здесь также присутствует атрибуты весны (*«цветы», «над весенним небом Невы», «я не видел зеленее травы, / когда ты была здесь!»*), *«меняла экспонаты весна»* (Ю. Шевчук, «Когда ты была здесь») [3]). Заявляет о себе мотив танца и театра (*«танцевала душа», «ты сыграла свою роль, что была так для нас важна»*) (Ю. Шевчук, «Когда ты была здесь») [3]). Как видно, в данном произведении присутствует два пласта: трагедийный личностный (подтверждаемый автоматопаратекстом) и традиционный, пришедший из классики: весна – это светлая надежда.

В произведении «Беда» (1992) весна предстает перед нами в апокалиптическом контексте в иносказательных образах: *«Выросли перья у тощей зимы. / Серая грязь от луны до креста / Затопила дома, как кошмарные сны, / Как голодная шлюха после поста...»* (Ю. Шевчук, «Беда», 1992) [6, с. 86]. Очевидно, что здесь создается образ «нездорового», неблагоприятного хронотопа. Весна ассоциируется с *распадом мира*, весна подобна плену, она не радуется героя: *«Полным распадом мира весна / Салютует всем нам, что она удалась. / Чует новые запахи стерва-страна, / Все готовится жить, ты одна не спаслась...»*, *«я впустил ее в дом, я в тисках у весны!»* (Ю. Шевчук, «Беда», 1992) [6, с. 86].

Кроме образов, объединенных переживаниями биографического автора, в поэзии Ю. Шевчука можно видеть весну в узкополитическом контексте. Известно, что Ф.И. Тютчев назвал начало правления (1855) Александра II *«оттепелью»* [4]. По аналогии создавались термины *«арабская весна», «пражская весна», «крымская весна»* и т.д. Остросоциальная лирика Ю. Шевчука вобрала в себя и термин *«русская весна»* (*«Что нас примирит, как нам вместе быть? / Как весну с тобой эту пережить? / Звезды на плечах плавают в печах, / Тают тонны лжи, кого еще сожрет она / Русская весна...»*) (Ю. Шевчук, «Русская весна», 2016) [3]). В данном случае создается атмосфера социального неблагополучия, тревожности: *«пьяные бомжи, чахлая сосна...»*, *«Сочи в облаках, ФСО в кустах...»*, *«серый полумрак, лагерный барак...»* (Ю. Шевчук, «Русская весна») [3]. Очевидно, что пацифист Шевчук иногда воспринимает весну как острополитический, небезопасный образ-сигнал.

Нельзя не заметить, что весна часто присутствует в творчестве Ю. Шевчука в составе ярких тропов: сравнений, эпитетов, метафор. Иногда сложные образы маркируют рождение или обновление мира: *«...кувыркаясь в весенне-бездонно-лазуревом небе...»* (Ю. Шевчук, «Черное солнце», 1980) [3]. Порой весна «поддерживает», «подкрепляет» некие процессы, «пробивающиеся» в жизнь: *«Билась за любовь рваная весна...»* (Ю. Шевчук, «Пасха», 2003) [3], *«Твои 4 окна разбила птица-Весна...»* («4 окна», 1994) [3]. В таких эпитетах, как *«весной венчальной»* (Ю. Шевчук, «Танцует солнце», 2014) [3], *«хватит на всех весеннего солнца...»* (Ю. Шевчук, «Россияне», 2000) [3] поэт создает

суггестивные образы, указывающие на сложные и знаменательные внутренние процессы. Иногда эти образы парадоксальны: «...сколько верности в тающем снеге...» (Ю. Шевчук, «Расстреляли рассветами», 1998) [6, с. 46], «слышишь, как весна была выше...» (Ю. Шевчук, «Помнишь», 2014) [3], «Коммунизм подошел, как **весенние талые воды**...» (Ю. Шевчук, «Коммунизм подошел...») [6, с. 113], «Ты глядишь, как **весна на войне**...» (Ю. Шевчук, «Ночь Людмила», 2000) [3].

Ощущение парадокса вызвано, видимо, тем, что лирический герой Ю. Шевчука воспринимает весну в двух ракурсах: с одной стороны, весна традиционно понимается им как радостное рождение жизни, а с другой, он осознает, что этот образ обманчив. Поэтому «шестилетняя весна» не «приносит урожаев» (Ю. Шевчук, «В это», 1992) [3], «**нескладные трели весны**...» рифмуются с «криминальными снами» (Ю. Шевчук, «Мне снилось...») [6, с. 134], даже «**мечты весной вернулись в свои клетки**» (Ю. Шевчук, «Облом», 2003) [3]. Можно предположить, что поэт разрушает веками складывающуюся традицию. Лишь изредка Шевчук создает красивый тонкий образ, сводящий весну с женщиной: «Ты, как весна, смущаясь, / С чем-то чужим прощаясь, / Сбросила все...» (Ю. Шевчук, «Адам и Ева», 2005) [6, с. 88], но тут же, продолжая развивать метафору весна-женщина, возникает иронический контекст: «Когда ходила весна налево...» (Ю. Шевчук, «Адам и Ева», 2005) [6, с. 88].

Ю. Шевчук отдает себе отчет в том, что он – часть «цеха поэтов», для которых весна – некий рубеж. Например, в стихотворении «Ленинград» можно видеть несколько искаженную цитату из стихотворения А. Вознесенского «Напоили»: «*Напоили. / Первый раз ты так пьяна, / на пари ли? / Виновата ли весна?..*» (А. Вознесенский, «Напоили», 1967) [2, с. 146]. У Шевчука читаем: «*Напои до пьяна, / Весна!..*» (Ю. Шевчук, «Ленинград», 1991) [6, с. 40]. Вопреки всему трагизму и неблагополучию стихотворение «Ленинград» заканчивается признанием: «*Пан Ленинград, я влюбился без памяти / В ваши стальные глаза...*» (Ю. Шевчук, «Ленинград», 1991) [6, с. 40].

Итак, чаще всего весна является неотъемлемой органичной частью «накрученных», почти «барочных» образов, дополняющих дисгармонию русского постмодерна, «рваный» хронотоп, соединяющий «абсолютный верх» и «абсолютный низ», (например, небеса и кладбище), соединение, казалось бы, несоединимого, острую парадоксальность, и, при этом, трагическую незащищенность и особую нервность лирического героя: «*Мы без солнца и неба / Доползем до весны...*» (Ю. Шевчук, «Новые блокадники» 1992) [3], «*Я только на кладбище верю в прогресс, / И вижу, как вам еще далеко до весны...*» (Ю. Шевчук, «Пост-интеллигент», 1992) [3], «*Когда режутся птицы ранней весной...*» (Ю. Шевчук, «Предчувствие гражданской войны», 1998) [6, с. 60].

Литература

1. Авденков И.А. Семантика символа Весна в языке русской рок-поэзии / И.А. Авдеенков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 536–540.
2. Вознесенский А. «Ты меня никогда не забудешь...» / А. Вознесенский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 288 с.
3. ДДТ – Все тексты песен. URL: <http://lyricsreal.com/ru/ddt/>.
4. Дело лишь в слабом кучере? URL: <http://telegrafua.com/world/11762/print/>.
5. Русская лирика XIX века. – М.: Художественная литература, 1981. – 511 с.
6. Шевчук Ю. Сольник: Альбом стихов / Ю. Шевчук. – М.: Новая газета, 2009. – 208 с.

ПРИЗРАКИ В РУССКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Призрак – один из излюбленных персонажей русской лирической поэзии эпохи романтизма. Он нашёл своё отражение в творчестве многих романтиков первой четверти 19 века, которых в высшей степени привлекала область непознанная. А этот объект как раз и представлял собой нечто, возникающее на границе двух пространств: небесного и земного.

В своей работе я ставила перед собой следующие задачи:

1. Выявить, какие лексемы используются обычно для обозначения призраков; какова частотная картина употребления этих лексем и какова доля соответствующих специализированных значений в общем спектре значений «призракологических» лексем.

2. Выяснить, какие «призракологические» лексемы выделяются в толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля, словаре Академии Российской, словаре языка Пушкина и какую они получают в них семантическую классификацию.

3. На основе анализа поэтических текстов построить свою лексико-семантическую классификацию призраков.

Материал для решения этих задач – полный корпус поэтических текстов Жуковского, Батюшкова, Баратынского, Туманского, Вяземского.

Итак, в ходе исследования я проанализировала большое количество поэтических текстов и выяснила, что основные лексемы, с помощью которых именуются в них призраки, – «призрак», «привидение», «видение», «тень». В творчестве поэтов романтической эпохи эти слова полисемичны. Их необходимо подвергнуть лексико-семантическому анализу. Так, на основе интерпретации поэтических текстов я построила свою лексико-семантическую классификацию, которая расходится с теми дифференциациями, что даны в словарях.

Под призраком мной понимается визуализация одушевленного (или неодушевленного) предмета, который физически отсутствует в настоящий момент времени в поле зрения лирического субъекта. Как уже было отмечено выше, одной из лексем, используемых для обозначения призраков, выступает «тень». Эта лексема является самой частотной среди других трёх. На неё приходится 89 случаев употребления. Так, в своей классификации я выделяю 7 ипостасей «тени».

1) Тень как визуализация одушевленного (или неодушевленного) предмета, который физически отсутствует в настоящий момент времени в поле зрения лирического субъекта.

2) Тень как малейшая доля чего-либо, малейший намёк на что-нибудь.

3) Тень как нечто неустойчивое, лишённое предметности, отчётливости.

4) Тень как покров, который ночь опускает на мир, и как сень, под которую можно войти.

5) Тень как проекция – знак чего-либо.

6) Тень как тёмное отражение на чём-нибудь предмета, освещённого с противоположной стороны.

7) Тень как след, отпечаток прошлого.

Следующей по частоте использования обозначения призраков является лексема «видение». На неё приходится 30 случаев употребления.

В моей классификации лексема «видение» имеет 2 основных значения:

1) Видение как откровение. Подобная дефиниция иллюстрирует такую ситуацию, изображённую в тексте поэта-романтика, когда взору лирического субъекта становится доступно то, что ему является в определённый период времени. При этом акте откровения видение представляет некий процесс, где человек находится как бы внутри происходящего сакрального действия, является субъектом, погружённым в сладостную мечту или глубокий сон. Ему открывается истина, даётся новое понимание чего-либо.

2) Видение как визуализация одушевленного (или неодушевленного) предмета, который физически отсутствует в настоящий момент времени в поле зрения лирического субъекта. Характерной особенностью этого рода видений является степень физического отсутствия в определённый период времени тех или иных визуализируемых предметов в поле зрения героя-созерцателя – том пространстве, объекты которого могут быть одновременно видимы им при фиксированном взгляде. Однако степень этого отсутствия может быть различной. При минимальной степени отсутствия визуализируемые образы просто отдалены от взора лирического субъекта на определённое расстояние, но которые с течением времени обязательно представятся ему вблизи. При максимальной степени отсутствия, причиной которого является только смерть, визуализируемые объекты не появятся никогда перед взором созерцающего субъекта.

Лексеме «видение» в частоте использования обозначения призраков совсем немного уступает лексема «призрак». На её долю приходится 29 случаев употребления. В моей квалификации выделяется 6 соответствующих специализированных значений лексем «призрак».

1) Призрак как визуализация одушевленного (или неодушевленного) предмета, который физически отсутствует в настоящий момент времени в поле зрения лирического субъекта.

2) Призрак как иллюзия, обман.

3) Призрак как нечто несуществующее – метафора отсутствия.

4) Призрак как плод фантазии – галлюцинации.

5) Призрак как след, отпечаток прошлого.

6) Призрак как малейшая доля чего-либо, малейший намёк на что-нибудь.

Завершает ряд в общем спектре значений «призракологических» лексем лексема «привидение». На неё приходится всего 9 случаев употребления. Лексеме «привидение» в построенной мной классификации я даю 4 дефиниции:

1) Привидение как малейшая доля чего-либо, малейший намёк на что-нибудь.

2) Привидение как нечто неустойчивое, лишённое предметности, отчётливости.

3) Привидение как след, отпечаток прошлого.

4) Привидение как визуализация одушевленного (или неодушевленного) предмета, который физически отсутствует в настоящий момент времени в поле зрения лирического субъекта.

Таким образом, моё исследование демонстрирует, что основными лексемами, с помощью которых именуются призраки, являются – «призрак», «привидение», «видение», «тень». Суммарное количество этих лексем в исследуемых текстах – 480; для обозначения призраков они используется 157 раз, из которых на «тень» приходится 89 случаев употребления. При этом доля специализированных значений для слова «призрак» – 0,41, для слова «привидение» – 0,35, для слова «видение» – 0,61, для слова «тень» – 0,27. Последняя из лексем оказывается самой полисемичной: она имеет 7 различных значений.

Литература

1. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: В 2 тт. / Е.А. Баратынский. – Л.: Советский писатель, 1936. – Т. 1. – 368 с.

2. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений / К.Н. Батюшков. – М.: Советский писатель, 1964. – 354 с.
3. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений / П.А. Вяземский. – СПб., 1878. – Т. 1. – 355 с.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 тт. / В.А. Жуковский. – М.: Языки славянской культуры. – Т.5. Эпические стихотворения. – 2010. – 424 с.
5. Словарь Академии Российской : [В 6 т.]. – В Санктпетербурге: При Императорской академии наук, 1789-1794. – Т.1. – с.134; Т.3. – с.456; Т.5. – с.564.
6. Словарь языка Пушкина: в 4 тт.: Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000.
7. Толковый словарь живого великорусского языка : [В 4 т.] / В.И. Даль. – 2-е изд. – СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1880-1882. – Т.2. – 312 с.
8. Туманский В.И. Стихотворения и письма / В.И. Туманский. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1912. – 434 с.

СЕКЦИЯ «ЦЕЛИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

*Н.І. Чарніцкая, факультэт педагогікі і псіхалогіі БарДУ
(Баранавічы, Беларусь)
Навук. кiр. – магістр педагагічных навук В.М. Шавель*

ВІДЫ ПРАКТЫКАВАННЯЎ ПА РАЗВІЦЦІ ЗВЯЗНАЙ МОВЫ Ё ШКОЛЬНЫМ КУРСЕ МОВЫ

Адна з важнейшых задач работы па развіцці мовы – усвядомленае авалоданне моўнымі сродкамі звязнага выказвання. Рашаецца яна шляхам комплекснай работы пры вывучэнні ўсіх раздзелаў курса. Адны раздзелы курса беларускай мовы з’яўляюцца базавымі для развіцця навыкаў выкарыстання пэўнага моўнага сродку, а іншыя даюць магчымасць арганізаваць трэніровачную работу і далейшае ўдасканаленне данага навыку. На гэтым будуюцца этапнасць работы па развіцці мовы, якая мае на ўвазе «якаснае змяненне навыку на кожнай ступені навучання» [1, с. 206].

М.Р. Львоў вылучае наступныя віды практыкаванняў, якія садзейнічаюць развіццю звязнай мовы:

- разгорнутыя адказы на пытанні (у тым ліку і ў час размовы);
- розныя тэкставыя практыкаванні, звязаныя з аналізам прачытаных твораў, з вывучэннем граматычнага матэрыялу, з актуалізацыяй граматычных форм лексікі, калі выказванні вучняў (вусныя і пісьмовыя) у цэлым адказваюць патрабаванням;
 - запісы па назіраннях (калі яны не адзінкавыя, а вядуцца сістэматычна);
 - вусны пераказ прачытанага ў розных варыянтах;
 - вусныя апаведы вучняў па дадзенай тэме, па карціне, па назіраннях, па дадзеным пачатку ці канцы, па дадзеным плане ці сюжэце і г.д;
 - пераказ мастацкіх тэкстаў, завучаных на памяць, запіс такіх тэкстаў па памяці;
 - імправізацыя казак (звычайна вусна), пачатак літаратурна-мастацкай творчасці — складанне вершаў, невялікіх апавяданняў;

- пісьмовыя пераказы ўзорных тэкстаў (мастацкіх, публіцыстычных, навукова-папулярных);
- перабудова прапанаваных настаўнікам тэкстаў (выбарачны пераказ, творчыя формы пераказу, інсцэніроўка аповедаў і г.д.) як вусна, так і пісьмова;
- розныя віды драматызацыі, вуснага (славеснага) малявання;
- ілюстраванне прачытаных тэкстаў, уяўная экранізацыя прачытаных твораў ці самастойна складзеных;
- пісьмовыя сачыненні розных тыпаў;
- водгукі аб прачытаных кнігах, спектаклях, кінафільмах, сяброўскія лісты;
- складанне зместу афіцыйных папер: аб’явы, тэлеграмы і г.д. [2, с. 354]

Часта вучні, ведаючы значэнне слова, асаблівасці яго словазмянення, недакладна выкарыстоўваюць яго ў маўленні. У выніку чаго слова ці форма слова не асацыіруецца з маўленчай задачай і затым пры неабходнасці выканання той ці іншай функцыі не ўспамінаюцца.

Таму Я. І. Пасаў выдзяляе прынцып функцыянальнасці ў развіцці звязнай мовы, які вызначае перш за ўсё дарэчны адбор матэрыялу:

- адбор з тых сфер камунікацыі, да якіх мы рыхтуем вучняў;
- адбор лексікі не на аснове глабальнай частотнасці, а частотнасці для дадзенай маўленчай задачы;
- адбор лексікі, неабходнай для абмеркавання праблем міжчалавечых зносін [3, с. 38].

Практыкаванні, якія прапануюцца ў падручніках па мове, валодаюць пэўнымі тыпаланічнымі прыкметамі:

- маўленчыя практыкаванні забяспечваюць моўную стратэгію і тактыку гаворачага;
- навізну сітуацыі і актуалізацыю ўзаемаадносін удзельнікаў зносін;
- пэўны ўзровень маўленчай актыўнасці і самастойнасці гаворачых;
- вербальную і структурную разнастайнасць выказванняў.

Важна адзначыць, што гэта адносіцца да маўленчых практыкаванняў ва ўсіх відах маўленчай дзейнасці.

На думку Я. І. Пасава, маўленчыя практыкаванні будуцца на аснове ўсіх чатырох тыпаў сітуацыйных пазіцый, таму што сітуацыя як сістэма ўзаемаадносін «стварае ўмовы для рэалізацыі моўнай стратэгіі і тактыкі, выклік маўленчай актыўнасці моўных партнёраў і забяспечвае навізну выказванняў» [3, с. 36].

Практыкаванні па развіцці маўлення не замяняюць тэарэтычнай інфармацыі, таму «толькі дасканаласць планавання моўных практыкаванняў на працяглы тэрмін (так званае перспектыўнае планаванне) дазволіць, з аднаго боку, пазбегнуць паўтораў адных і тых жа відаў работ, з другога — не прапусціць чаго-небудзь важнага» [2, с. 355].

У маўленчых практыкаваннях раэлізуюцца ўсе асноўныя маўленчыя функцыі. Я. І. Пасаў вылучае розныя віды ўстановак да практыкаванняў па развіцці звязнай мовы [3, с.138-139]:

Табліца 1. 2. 1 — Устаноўкі да практыкаванняў па навучанні маналагічнаму выказванню

Тыпы маналагічнага выказвання	Прыклады камунікатыўных устаноўак
Паведамленне	Раскажы нам, што цікавага ты прачытаў на канікулах.
Тлумачэнне	Растлумач сваім сябрам, чаму табе падабаецца часопіс «Змена».
Адабрэнне	Прапануй сябрам прачытаць кнігу, якая табе спадабалася.

Асуджэнне	Пракрытыкуй свайго сябра за тое, што ён мала чытаў летам.
Перакананне	Пераканай свайго сябра, што для зарадкі заўсёды можна знайсці час. Дакажы яму, што спорт дапамагае табе вучыцца.

Табліца 1.2.2 — Устаноўкі да практыкаванняў па навучанні дыялагічнаму выказванню

Тып дыялога	Прыклады камунікатыўных устаноўак
Устанаўленне зносін	Пазнаёмцеся са сваімі сябрамі з Германіі.
Інтэрв'ю	Распытайце адзін аднаго пра тое, як вы правялі зімнія канікулы.
Двухбаковае падахвочванне да дзеяння	Парэкамендуйце адзін аднаму кнігу для чытання.
Абмеркаванне планаў сумеснай дзейнасці	Размяркуйце абавязкі па падрыхтоўцы пазакласнага мерапрыемства.
Абмен думкамі, уражаннямі	Абмяняйцеся ўражаннямі пра сумеснае наведванне філармоніі.
Дыскусіі	Як вы думаеце: што такое праўдзівае і лжывае сяброўства?

З. Б. Варановіч у залежнасці ад работы над гатовым ці ствараемым тэкстам практыкаванні па развіцці звязнай мовы падзяляе на пяць груп:

1. Практыкаванні аналітычнага характару па гатоваму тэксту. Яны садзейнічаюць выпрацоўцы навыкаў аналізу тэксту.

2. Практыкаванні аналітыка-моўнага характару па гатоваму тэксту. Накіраваны на ўзнаўленне асобных элементаў тэксту.

3. Практыкаванні на пераапрацоўку гатовага тэксту. Патрабуюць навыкаў выпраўлення тэксту; стварэння ўдасканаленых, новых ці адноўленых (перапрацаваных) частак тэксту шляхам увядзення ў тэкст цытат, якія пацвярджаюць выказаныя аўтарам меркаванні; выключэння з тэксту лішняга (паўтарэнняў).

4. Практыкаванні па стварэнню новага тэксту на аснове данага (гатовага).

5. Практыкаванні, якія трэніруюць вучняў у стварэнні свайго тэксту [1, с. 210].

Маўленчая накіраванасць працэсу навучання мове мае на мэце выкарыстанне вялікай колькасці маўленчых практыкаванняў. Калі прыняць да ўвагі тое, што «толькі захаванне маўленчай накіраванасці дазваляе навучыць гаварэнню як сродку зносін, то яе можна далучыць да заканамернасцей навучання маўленчай дзейнасці» [2, с. 37].

Такім чынам, з дапамогай практыкаванняў, якія прымяняюцца ў рабоце па развіцці звязнай мовы, вучні авалодваюць навыкамі стварэння тэксту. Гэтым тлумачыцца асаблівасць дадзеных практыкаванняў: яны, як правіла, будуць на дыдактычным матэрыяле, які ўяўляе сабой звязны тэкст. Настаўнік павінен быць кампетэнтным ў пытаннях рэалізацыі зместу працы па развіцці звязнай мовы праз сістэму практыкаванняў, паслядоўным увядзенні іх у працэс навучання.

Літаратура

1. Варановіч З.Б. Методыка выкладання беларускай мовы : вучэбны дапаможнік / З. Б. Варановіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 248 с.

2. Львов М.Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах : учебное пособие / М.Р. Львов, Т.Г. Рамзаева, Н.Н. Светловская. – 2-е изд., перераб. – Москва : Просвещение, 1987. – 415 с.

3. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование / Е.И. Пассов. – Липецк : Концепция, 1998. - 158.

*А.В. Богданова, студ. института филологии
ЕГУ им И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – канд. пед. н. И.В. Зайцева*

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ГУМАНИТАРНОМ ПРОФИЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Школьное образование – это важный элемент образования в современном обществе, формирующий у обучающегося готовность к будущей профессиональной деятельности. В соответствии с *распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. №1756-р* об одобрении Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. на старшей ступени общеобразовательной школы предусматривается **профильное обучение**. Ставится задача создания «системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда <...> отработки гибкой системы профилей и кооперации старшей ступени школы с учреждениями начального, среднего и высшего профессионального образования» [2].

Г.К. Селевко и О.Ю. Соловьёва **рассматривают** профильное обучение как образовательную технологию, представляющую особый вид **дифференциации и индивидуализации** обучения, позволяющий за **счёт изменений (вариаций) структуры**, содержания и организации **образовательного процесса** более полно учитывать интересы, **склонности и способности учащихся**, создавать условия для обучения **старшеклассников в соответствии** с их познавательными и **профессиональными интересами и намерениями** в отношении **продолжения образования** [3].

Основные задачи системы профильного обучения:

- Дать учащимся глубокие и прочные знания по профильным дисциплинам.
- Выработать у учащихся навыки самостоятельной познавательной деятельности, подготовить их к решению задач различного уровня сложности.
- Сориентировать учащихся в широком круге проблем, связанных с той или иной сферой деятельности.
- Развить у учащихся мотивацию к научно-исследовательской деятельности.
- Выработать у учащихся мышление, позволяющее не пассивно потреблять информацию, а критически и творчески перерабатывать ее; иметь своё мнение и уметь отстаивать его в любой ситуации.
- Сделать учащихся конкурентоспособными в плане поступления в выбранные ими вузы.

На основании *письма Минобрнауки РФ от 04.03.2010 N 03-412 (О методических рекомендациях по вопросам организации профильного обучения)*, выделяют несколько моделей организации профильного обучения.

Рассмотрим каждую модель.

1) *Модель внутришкольной профилизации*. Общеобразовательное учреждение может быть однопрофильным (реализовывать только один избранный профиль) и многопрофильным (несколько профилей обучения).

2) *Модель сетевой организации.* В подобной модели профильное обучение учащихся конкретной школы осуществляется за счет целенаправленного и организованного привлечения образовательных ресурсов иных образовательных учреждений [2].

Важнейшим и первым в совокупности из знаний является понимание языка как знаковой системы, лежащей в основе человеческого общения; формирование гражданской, этнической и социальной идентичности, позволяющей понимать, быть понятым, выражать внутренний мир человека. Поэтому одним из важных направлений подготовки сегодня является «Филология». Данная предметная область включает следующие предметы: русский язык, родной язык, литературу, родную литературу, иностранный язык, второй иностранный язык.

Согласно *ФГОС-II основного общего образования от 17 декабря 2010 года №1897* изучение предметов филологической направленности должно обеспечить:

1. Получение доступа к литературному наследию и через него к сокровищам отечественной и мировой культуры и достижениям цивилизации;
2. Формирование основы для понимания особенностей разных культур и воспитания уважения к ним;
3. Осознание взаимосвязи между своим интеллектуальным и социальным ростом, способствующим духовному, нравственному, эмоциональному, творческому, этическому и познавательному развитию;
4. Формирование базовых умений, обеспечивающих возможность дальнейшего изучения языков с установкой на билингвизм;
5. Обогащение активного и потенциального словарного запаса для достижения более высоких результатов при изучении других учебных предметов [4].

Поэтому в системе профильной подготовки одним из приоритетных направлений является гуманитарный профиль (изучение следующих учебных предметов на профильном уровне «Русский язык» и «Иностранный язык»). В классах данного профиля увеличено количество часов на изучение литературы, изучается второй иностранный язык. Целью обучения иностранным языкам в старших классах гуманитарного профиля является удовлетворение профессионального интереса школьников к занятиям языками и филологией.

Насколько востребован сегодня гуманитарный профиль? За основу исследования мы выбрали Липецкую область. Всего в Липецкой области 288 образовательных организаций, из них 63 – в городе Липецк. 30 липецких школ реализуют профильное обучение, из них 24 школы осуществляют филологическую подготовку.

Для анализа нами были выделены следующие учебные заведения Липецкой области, реализующие, в том числе и гуманитарный профиль: МАОУ СОШ № 55 «Лингвист» и МАОУ гимназия № 69 им. С. Есенина в городе Липецке, МБОУ гимназия № 97 в городе Ельце.

В МАОУ СОШ № 55 «Лингвист» функционируют классы социально-экономического, биолого-химического, филологического, физико-математического профилей. Изучение иностранного языка начинается с 1-го класса, изучение 2-ого языка (французского, немецкого, испанского, английского языков) с 5-го класса. Широко применяются внеурочные формы обучения: театральные кружки на английском языке, переписка и общение с носителями языка. Предпрофильная подготовка осуществляется для учащихся 7-9-х классов через профориентационные курсы, преподаваемые на английском языке.

МАОУ гимназия № 69 им. С. Есенина позиционирует себя как школа с углубленным изучением предметов: русский язык, английский и немецкий языки, математика. Изучение английского, французского, немецкого языков начинается со 2 класса, а второ-

го иностранного языка с 6 класса. В школе функционируют химико-биологический, физико-математический, социально-гуманитарный, а также, гимназия предлагает лингво-социальный класс, лингво-математический профили.

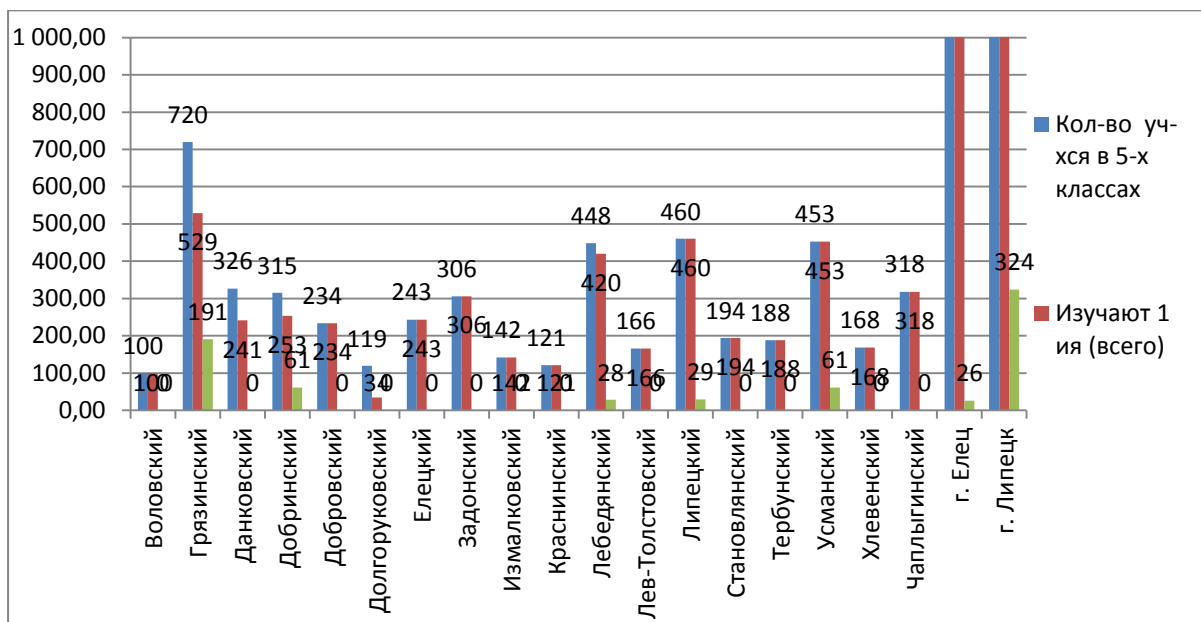
I. МБОУ гимназия № 97 реализует *физико-математический, химико-биологический и социально-гуманитарный* профили. **Предпрофильная подготовка** осуществляется для учащихся 7-9-х классов через профориентационные курсы, диагностические административные контрольные работы, психологические тестирования. Преподаватели школы активно применяют все формы обучения, а также внеурочные, такие как элективные курсы, языковые кружки, вебинары, театральные кружки.

В двух учебных заведениях, а именно в МАОУ СОШ № 55 «Лингвист» с углубленным изучением отдельных предметов города Липецка и в **гимназии №97** города Ельца был проведен опрос учеников и учителей иностранных языков, работающих в 10-11 классах. Они ответили на целый ряд вопросов. Например, «*Зачем, ты изучаешь иностранный язык на (не)профильном уровне?*» – для учащихся или «*Зачем, по Вашему мнению, ученики выбирают профильное изучение иностранного языка?*» - для педагогов.

Ученики *филологического* профиля определили следующие цели изучения ИЯ на профильном уровне: найти хорошо оплачиваемую и интересную работу, научиться общаться с носителем языка на профессиональные темы, успешно сдать ЕГЭ. Учащиеся *социально-экономического и биолого-химического* профилей изучают иностранный язык для общего развития и использования системы Интернет, хотят быть в курсе общественно-политической и культурной жизни стран изучаемых языков.

По мнению педагогов, главная возможность, предоставляемая в профильном обучении – преодоление в будущем языкового барьера во время деловых и туристических поездок, а также возможность успешной сдачи ЕГЭ и поступления в престижный университет. МАОУ СОШ № 55 «Лингвист» позиционирует себя как лингвистическое учебное заведение, поэтому педагоги считают необходимым изучение третьего иностранного языка.

Как показал проведенный нами анализ, в выше названных образовательных учреждениях есть практически все необходимые условия успешной реализации профильного обучения иностранным языкам, а именно: наличие нормативно-правовой базы и необходимой материально-технической базы, соответствующей требованиям профильного обучения. Учителя иностранных языков, работающие в профильной школе, мотивированы на внедрение инновационных технологий в учебный процесс, систематически посещают курсы повышения квалификации. Мы рассмотрели в качестве примера три учебных заведения, которые являются одними из самых лучших школ Липецкой области. А как обстоят дела в целом с изучением иностранных языков в Липецкой области? Департамент образования Липецкой области предоставил нам сводную таблицу за 2014/15 учебный год.

Проанализировав статистические данные, мы пришли к заключению, что только 7 % учеников 5 классов изучают второй иностранный язык. Это ученики, проживающие в Грязинском, Добринском, Лебедянском, Липецком, Усманском районах, а также в городах Елец и Липецк. В то же время в Воловском, Добровском, Долгоруковском, Елецком, Задонском, Становлянском и ряде других районов второй иностранный язык не является школьным предметом. Очевидно, что процентное соотношение на данный момент не в пользу второго иностранного языка. Одной из причин такого положения является, в том числе и недостаточное количество учителей немецкого, французского и других иностранных языков.

В связи с переходом на двухступенчатую систему высшего образования и согласно требованиям ФГОС 3+ изменилась подготовка специалистов в области иноязычного образования. По программе четырехлетнего бакалавриата готовят специалистов только одного иностранного языка, как правило, это английский язык. Данная проблема требует безотлагательного решения! Необходимо вернуться к программам обучения с двумя иностранными языками.

Тем не менее следует отметить, что гуманитарный профиль является приоритетным в Липецкой области. Из 30 школ, реализующих профильное обучение, 24 школы ориентированы на гуманитарный профиль.

Литература

1. Департамент образования администрации города Липецка [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.doal.ru/node/61> (дата обращения 17.04.16)
2. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования. – М., 2002.
3. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку / Т.И. Жаркова, Г.В. Сороковых. – 2-е изд., стер. - М.: ФЛИНТА, 2014. - 320с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413) [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://минобрнауки.рф/documents/2365> (дата обращения 17.04.16)

РАЗВИТИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТА СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

В современных социально-экономических условиях, предъявляющих к каждому человеку высокие требования к его внутренней активности, к самостоятельному поиску и воплощению себя в многомерном мире, к необходимости самоопределения на различных этапах профессиональной карьеры, невозможно обойтись без специальных знаний о Я-концепции.

Я-концепция возникает у человека в процессе социального взаимодействия как неизбежный и всегда уникальный результат психического развития, как относительно устойчивое и в то же время подверженное внутренним изменениям психическое приобретение. Окружающий мир, представления о других людях воспринимаются нами сквозь призму Я-концепции, формирующейся в процессе социализации, воспитания, но имеющей и определённые соматические, индивидуально-природные детерминанты. С ней согласуются чувства и эмоции, поступки и поведение, психологическое здоровье, действия и ожидания, успех в практической деятельности.

В литературе, как отечественной, так и зарубежной, нет единой трактовки понятия Я-концепции, ближе всего по смыслу к нему находится самосознание. Мы понимаем Я-концепцию как более или менее осознанную совокупность представлений индивида о себе, сопряжённую с их оценкой, которая является динамичной системой и обуславливает поведение индивида.

Студенческий возраст представляет собой особый период жизни и развития личности. Если рассматривать студенческий возраст, учитывая лишь биологический возраст, то его следует отнести к юношескому возрасту или ранней молодости, а в зарубежной психологии ранней взрослости. В отечественной психологии период юношества характеризуется достижением нового уровня развития внутренней позиции, самосознания и самоуважения, в этом возрасте происходит активное становление личности, построение образа мира, прогнозирование своего места в этом мире, планирование своего будущего и способов самоосуществления [5, с.129].

В среднем, большинство авторов нижней границей юношеского периода считают 16-17 лет, когда приобретает первичная социализация. Верхним пределом называется 24-25 лет, на который приходится завершение социализации, т.е. усвоение профессиональных, семейных, культурных функций [5, с.130].

Важнейшим новообразованием этого периода является развитие самопознания, суть которого заключается в установке по отношению к себе: открытие своего Я, представление о своей индивидуальности, своих качествах и сущности самооценки, самоуважения. Также важным новообразованием юношеского (студенческого) возраста является появление жизненных планов, а в этом проявляется установка на сознательное построение собственной жизни как проявление начала поиска её смысла [5, с.132].

Развитие личности студент осуществляется в учебно-профессиональной деятельности, которая является ведущей на этом возрастном этапе. В связи с этим Орлова Г.В. говорит об активном формировании не просто Я-концепции или профессиональной Я-концепции студентов в период учебно-профессиональной деятельности, но о становлении учебно-профессиональной Я-концепции [6, с.5]. Содержательно профессиональная Я-концепция есть часть общей Я-концепции личности, актуализированная в результате её осмысления в связи с профессией.

Учебно-профессиональная Я-концепция студента состоит из трёх взаимосвязанных компонентов: когнитивного (познавательного), эмоционально-ценностного и конативного (поведенческого). Когнитивный компонент является центральным для выявления содержания Я-концепции и описывает представления индивида о своём «Я». Каждый человек имеет множество образов своего «Я», существующих в разных ракурсах: каким воспринимает себя сам человек в настоящий момент («реальное Я» или «актуальное Я»), каким он мыслит идеал своего «Я» («идеальное Я»), каким это «Я» выглядит в глазах других людей и т.д. Степень адекватности образа «Я» выясняется при изучении одного из важнейших его аспектов – самооценки личности, т.е. оценки личностью самого себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. С помощью самооценки происходит регуляция поведения.

Системность в изучении Я-концепции личности проявляется в комплексном подходе, объединяющем особенности профессиональных, социальных, психических и личностных качеств каждого студента.

Процесс развития Я-концепции студента мы понимаем, с одной стороны, как целенаправленный процесс качественных и количественных изменений её компонентов в их взаимозависимости, влияющий на построение будущей профессиональной карьеры. Системообразующим фактором при этом является личностная включенность студента в развитие собственной учебно-профессиональной Я-концепции. С другой стороны, как создание эффективных психолого-педагогических условий (в частности, использование эффективных психолого-педагогических средств) для развития и саморазвития студента как самоорганизующегося субъекта.

Каждый этап в процессе профессиональной подготовки должен быть снабжён набором педагогических технологий (и, соответственно, средств), обеспечивающих развитие и саморазвитие соответствующего уровня самосознания и его перевод на более высокий уровень. Оптимизация развития учебно-профессиональной Я-концепции студента может осуществляться разными путями, в частности, путём интенсификации традиционных методов воздействия на личность студента, а также путём внедрения инновационных методов работы, среди которых, на наш взгляд, является арт-терапия.

Метод развития и изменения сознательных и бессознательных сторон психики личности посредством разных форм и видов искусства получил название арт-терапии [3, с.15]. Само слово «арт-терапия» состоит из двух: арт – искусство и терапия – лечение. Термин впервые начал использоваться в англоязычных странах примерно в 40-е годы XX века. Им обозначались разные по форме и теоретическому обоснованию варианты лечебной и реабилитационной практики. Однако в современное время рамки терапии искусством намного расширились и под термином «арт-терапия» стало пониматься использование искусств визуального ряда (рисунок, живопись, лепка, пластика, грим, боди-арт). Арт-терапия приобрела преимущественно психопрофилактическую, социализирующую и развивающую направленность. Отсюда многочисленные попытки ее использования в образовательных учреждениях и социальной работе [1, с.8]. Часто арт-терапия рассматривается как одно из ответвлений так называемой психотерапии искусством наряду с танцевальной терапией, библиотерапией, драматерапией, музыкотерапией, ландшафтотерапией, этнотерапией и т. д.

Лебедева Л.Д. выделяет следующие виды арт-терапии [4, с.9]: изотерапия (рисуночная терапия); визуальная (терапия образами); медитативное рисование; мультимедийная (интегративная) арт-терапия.

Преимущество арт-терапии в том, что её «оружие» - не только слова: во время терапии продукты воображения и фантазии находят помимо вербального более разнообразное и многогранное выражение (с помощью карандашей, красок, глины, бумаги, ткани,

песка и т.п.). Многие люди не находят правильных, нужных слов (или не находят вообще никаких слов) для выражения своих внутренних картин, фантазий и связанных с ними чувств, не могут выразить себя при помощи слов так, чтобы это было понятно другим.

Едва ли какое-нибудь, даже самое богатое в языковом отношении, описание может сравниться по силе с визуальным образом, например, нарисованным образом Я.

Наиболее простой путь, позволяющий возникнуть зримому образу Я, – это методика «Нарисуй свое имя». Наши имена – часть нашей идентичности. Со своим именем человек связывает свой образ Я, по его имени другие люди его идентифицируют. Представлять имя означает представлять себя. «Я зовусь...», «Меня зовут...» – всегда означает «Я есть...». В основу картины может быть только имя, или домашнее имя, или имя и фамилия, или прозвище, и т.п. Работу с этой методикой можно проводить индивидуально и в группах. С точки зрения логики, перенести свое имя на бумагу несложно, но эмоционально это сделать достаточно трудно. Важно, чтобы человек не оставался один на один с этим образом-картиной, а обменивался мнениями и чувствами по этому поводу с другими людьми: с терапевтом (педагогом-психологом) или с группой в целом, в малых группах вдвоем или втроем. Образ имени также помогает человеку открыть себя, увидеть, какие возможности открываются для его будущего. [2, с.180]

Методика «Терапевтический триптих» может с успехом применяться как в социальной работе, так и в психотерапии. Благодаря своей простоте и лаконичности она подходит для работы с различными людьми, различными темами, при различной организации процесса взаимодействия. Трехчастная форма триптиха предоставляет хорошую возможность для создания связей между опытом, уже имеющимся у человека, между тем, что человек испытывает сейчас, и тем, что он может сделать в будущем. Уже в процессе создания триптиха начинается серьезная – как внутренняя, так и внешняя – работа с темой, причем на первый план выходят различные чувства, физические ощущения, образы, мысли и воспоминания человека. Благодаря картинам и обмену мнениями о них студенты могут осознать то, что прежде было неосознаваемым. В работе с «Терапевтическим триптихом» нет никаких ограничений при выборе форм и материалов [2, с.209].

Для работы по теме «Я» разделы триптиха можно обозначить следующим образом: 1) что во мне чужое, что я в себе не люблю, не принимаю; 2) я сам, какой я есть на самом деле; 3) что я принимаю, люблю в себе.

Методику активного символизирования «Волшебная палочка» удобно применять, когда затрагивается тема изменений, возникает вопрос: «Как я могу изменить себя, как я могу изменить мою жизнь, изменить определенные аспекты моей жизни?». С помощью волшебной палочки можно колдовать, т.е. что-то изменять, творить волшебство, т.е. превращать, рождать что-то новое. Волшебная палочка, созданная из различных материалов (дерева, бумаги, глины, ткани, красок), может сопровождать своего владельца и поддерживать его, помогать ему, когда ему нужно что-то получить или от чего-то освободиться, что-то сохранить или превратить [2, с.227].

Названные методики в рамках арт-терапии могут быть использованы педагогами (при взаимодействии с психологами) в образовательном процессе вуза с целью развития Я-концепции студентов (выявления представлений о себе и их корректировка, изменения отношения к себе, осознание мотивов собственного поведения).

Литература

1. Арт-терапия – новые горизонты / Под ред. А.И. Копытина. – М.: Когито-Центр, 2006. – 336 с.

2. Баер Удо. Творческая терапия – терапия творчеством. Теория и практика психотерапии, использующей разнообразные формы творческой активности / Удо Баер ; пер. с нем. Е. Климовой и В. Комаровой. – М. : Независимая фирма "Класс", 2015. – 548 с.
3. Киселева М.В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе / М.В. Киселева. СПб : Речь, 2007. – 336 с.
4. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л.Д. Лебедева. – СПб.: Речь, 2003. - 256 с.
5. Малютина Т.В. психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский научный вестник. – 2014. – №2. – С.129-133.
6. Орлова Г.В. Развитие учебно-профессиональной Я-концепции студента: учебное пособие для вузов / Г.В. Орлова. – Воронеж, ВГУ, 2012. – 82 с.

*Л.А. Наумова, студ. ф-та иностранных языков КГУ
(Курск)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. С.Ю. Умеренков*

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ УСПЕШНОЙ ПОДГОТОВКИ К ОСНОВНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В данном исследовании рассматривается процесс создания педагогической модели интерактивных технологий для повышения результативности учащихся при подготовке к основному государственному экзамену по английскому языку. Выбор темы обусловлен тем, что сравнительно недавний переход от традиционной сдачи экзамена в 9 классе к сдаче в формате ОГЭ пока не позволяет обеспечить обширную информационную и тренировочную базу по подготовке учащихся, и тем самым способствует не совсем полному интеллектуально-познавательному усвоению английского языка.

Использование интерактивных технологий на уроках иностранного языка, а также в качестве самостоятельной подготовки к ОГЭ - это процесс, в рамках которого учащиеся эффективнее и результативнее усваивают материал, необходимый для успешной сдачи экзамена [6, с.116]. В нашем исследовании моделируется процесс использования интерактивных технологий при подготовке к ОГЭ по иностранным языкам.

Объектом исследования является процесс иноязычного образования в общеобразовательном учреждении, предметом нашей работы является применение ИКТ для подготовки учащихся к ОГЭ по иностранным языкам

Целью исследования является создание эффективной модели интерактивной среды, включающей создание комплекса электронных тренажеров для подготовки к ОГЭ по английскому языку.

В методической литературе модель рассматривается, как совокупность компонентов, которая схожа с исследуемым объектом и которая показывает его структуру, содержание и взаимосвязи между его частями. Для более детального описания данной модели мы выделили следующие параметры: сформированная цель разрабатываемой модели, её содержание, принципы и средства достижения цели, условия, при которых будет реализован процесс; критерии оценки процесса; соответствие ожидаемых и реальных результатов.

На основе вышеизложенных критериев рассмотрим модель. Определение цели процесса является первоначальным действием при разработке модели. Она состоит в со-

здании мультимедийной обучающей сферы, в которой происходит процесс интеллектуального развития школьников, совершенствуется процесс познания. Содержание образования выстроено на основе методики преподавания иностранных языков, педагогики и информационных технологий в образовании.

Далее целесообразно будет определить принципы, на которых основывается наша модель обучения. Опираясь на методологические исследования, мы считаем мотивированным указать следующие принципы для нашего процесса: принцип активности и сознательности, принцип приоритета самостоятельного обучения, принцип связи обучения с практикой, принцип системности, принцип наглядности [6, с.63].

Упомянутые выше принципы помогают подобрать средства успешной подготовки к экзамену, такие как специально разработанные интерактивные упражнения для выпускников 9 класса и их компьютерное обеспечение.

Следующим компонентом предлагаемой модели являются педагогические условия. Первым условием создания интерактивной образовательной среды является техническое обеспечение процесса обучения. Второе условие – компьютерная грамотность преподавателей иностранных языков.

Далее мы определим критерии оценки эффективности использования интерактивной образовательной среды для подготовки к ОГЭ. Разработка чёткой системы критериев позволяет оценивать результативность применения того или иного учебного электронного продукта, выявлять инновационные методические решения. Первым критерием является степень повышения качества учебного процесса в целом (повышение скорости усвоения материала, мотивации школьников, уровня формирования информационной культуры учащихся; увеличение познавательной активности учащихся). Вторым критерием рассматривает оценку уровня информационно-технологической компетентности учащихся [8, с.87].

Для оценки эффективности применения ИКТ была использована методика Д.С. Горбатова «Критериально-ориентированное тестирование как средство диагностики учебных достижений школьников». Чтобы определить коэффициент усвоения материала (К), необходимо a / p , где a – число правильно выполненных операций, p – общее число операций. Коэффициент усвоения может быть определён как $0 \leq K \leq 1$ и сопоставим со следующей шкалой оценки: K менее 0,7 соответствует низкому уровню, $K = 0,7 - 0,9$ – среднему уровню, $K = 0,9 - 1,0$ – высокому уровню усвоения [2, с. 45].

Таким образом, наша модель интерактивной образовательной среды для успешной подготовки к ОГЭ отличается оригинальностью и уникальностью содержания. Содержание, принципы, средства и условия могут применяться как для подготовки к ОГЭ по иностранным языкам, так и к учебному процессу в целом.

На основании изложенного выше и описания модели обучения, предлагаются электронные тренажёры для подготовки к ОГЭ по английскому языку. Данные мультимедийные тренажёры прошли проверку, включающую констатирующий, формирующий и результирующий этапы опытно-экспериментального обучения. Опытнo-экспериментальная работа проводилась среди учащихся 9 «А» и 9 «Б» классов МОУ «Гимназия №10» города Железногорска Курской области. Проведенное анкетирование, а также беседы, наблюдение за выпускниками подтвердили недостаток учебных тренажёров для подготовки к ОГЭ и желание школьников работать с электронными приложениями [1, с.56].

На констатирующем этапе исследования было проведено пробное испытание в бумажном формате ОГЭ, по результатам которого было выявлено, что ученики имеют знания на среднем уровне (чтение, грамматика, лексика). По этим критериям только два человека из протестированных 32 школьников прошли предложенный нами тест с пока-

зателями высокого уровня. В результате высокий уровень владения данными умениями в 9А классе показали только 12,5 % протестированных школьников, средний уровень показали 75 % учащихся, низкий уровень был зафиксирован у 12,5 % девятиклассников. В 9Б классе результаты были ниже, но не намного: высокие знания показали 6,3% учеников, средние-75%, низкие-18,8%.

Особые затруднения у всех учащихся возникли с такими заданиями, как аудирование, говорение и письмо, хотя общий результат можно признать удовлетворительным. Высокий уровень был отмечен всего у 6,3 % школьников из 9А класса, в 9Б таких учащихся не выявлено. 43,8 % участников тестирования из 9А класса показали средние результаты, в то время как только 31,3% школьников из 9Б показали те же результаты. На низком уровне зафиксированы знания у 37,5% учеников 9А класса и у 50% из 9Б. Процент не справившихся с заданием составил 12,5 % в 9А и 18,8 в 9Б классах. Полученные данные подтвердились и словами педагога, преподающего в классах.

Эффективность предложенных нами электронных тренажеров была проверена на формирующем этапе. Учащимся 9-х классов были предложены игры, включающие задания по лексике, грамматике, чтению и аудированию, говорению. Формирующий эксперимент осуществлялся в малых группах по 16 человек, что позволяло тщательно наблюдать за процессом и результатом опытно-экспериментального обучения. Экспериментальная группа из 9 «А» класса занималась на интерактивных тренажёрах в течение двух месяцев, в то время как учащиеся из 9 «Б» класса выполняли тесты в традиционной форме.

Завершающим этапом опытно-экспериментального исследования являлся результирующий контрольный срез, который проводился на похожих материалах, что и предварительный срез на констатирующем этапе. Усредненные результаты, полученные после статистической обработки, свидетельствуют о том, что реализация разработанных мультимедийных тестов позволила повысить уровень владения в экспериментальном классе:

1. При выполнении заданий по критериям «Чтение», «Грамматика», «Лексика»: высокий уровень изменился с 12,5 % до 50%
средний уровень изменился с 62,5 % до 43,7 %,
низкий уровень сократился с 25 % до 6,3 %.

2. При выполнении заданий по критериям «Аудирование», «Говорение», «Письмо»:
высокий уровень изменился с 6,3 % до 37,5 %,
средний уровень остался по-прежнему 43,7 %,
низкий уровень сократился с 37,5 % до 18,8 %,
несправившиеся с заданием составили 0 % по сравнению с 12,5 % в предэкспериментальном срезе

В то время, как учащиеся 9Б класса, которые выполняли тесты традиционного формата показали лишь незначительное повышение качества образования.

1. При выполнении заданий по критериям «Чтение», «Грамматика», «Лексика»: высокий уровень изменился с 6,3 % до 18,8%
средний уровень изменился с 75 % до 37,5 %,
низкий уровень остался по-прежнему у 43,7 % .

2. При выполнении заданий по критериям «Аудирование», «Говорение», «Письмо»:
высокий уровень изменился с 0 % до 6,3 %,
средний уровень изменился с 43,8 % до 31,3 %,
низкий уровень изменился с 37,5 % до 50 %,

несправившиеся с заданием составили 12,5 % по сравнению с 18,8 % в предэкспериментальном срезе

Таким образом, количественный и качественный анализ результатов проверки компьютерных тренажёров подтвердил предположение об эффективности данного метода. Показатели опытно-экспериментальной работы доказали адекватность и успешность предлагаемой технологии, а полученные данные итоговых срезов свидетельствуют о достаточной степени сформированности умений при подготовке к ОГЭ по английскому языку в течение такого короткого срока.

Литература

1. Веселова Ю.С. Основной государственный экзамен. Английский язык. Комплекс материалов для подготовки учащихся. Учебное пособие/ Ю.С. Веселова. - Москва: Интеллект-Центр, 2016.-128 с.
2. Горбатов Д.С. Критериально-ориентированное тестирование как средство диагностики учебных достижений школьников [Текст]: дисс. канд. пед. наук / Д.С. Горбатов – Воронеж, 1996. – 186 с.
3. Гудкова Л.М. Английский язык: 10 тренировочных вариантов экзаменационных работ для подготовки к основному государственному экзамену. Учебное пособие./Л.М. Гудкова, О.В. Терентьева. - Москва: АСТ, 2016.-109 с.
4. Мясоед Т.А. Интерактивные технологии обучения [Текст] : спец. семинар для учителей / Т.А. Мясоед. – М., 2004. – 82 с.
5. Слостенин В.А., Психолого-педагогическая подготовка учителя в структуре многоуровневого педагогического образования [Текст]: Науч. Труды МПГУ им. В.И. Ленина – Серия: Психолого-педагогические науки / В.А. Слостенин – М.: Изд-во Прометей, 1986.
6. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс / Е. Н. Соловова. — М.: Просвещение, 2008. — 238 с.
7. Ступина С. Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе [Текст] : учебно- методическое пособие / С. Б. Ступина. – Саратов : Наука, 2009. – 52 с. 7.
8. Суворова Н. А. Интерактивное обучение: новые подходы [Текст] / Н.А. Суворова. – М., 2005. – 167 с.

*Д.В. Золотарев, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р пед. н., проф. И.Ф. Бережная

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН КУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

В настоящее время в системе образования активно внедряются информационно-компьютерные технологии. Одним из результатов этого процесса является появление такой формы обучения, как электронное. Данный вид обучения подразумевает не только использование новых технологий в традиционном обучении, но и появление совершенно новых форм, одним из которых являются массовые открытые онлайн курсы. На данный момент подобного рода курсы создают многие известные университеты и образовательные компании, из-за чего актуальным становится вопрос внедрения результатов обучения МООС в систему государственного образования.

В связи со стремительным распространением массовых открытых онлайн курсов, расширением сферы научных исследований этой проблемы и активным участием в создании курсов ведущих мировых учебных заведений, термин «массовый открытый онлайн курс» изменялся и приобретал различные формы. Сейчас МООК – это обучающий курс с массовым интерактивным участием, применением технологий электронного обучения и открытым доступом через Интернет, одна из форм дистанционного образования [1, с.148]. Более подробные характеристики мы можем дать через расшифровку его аббревиатуры:

- massive (массовый): как правило, в курсах участвует большое количество слушателей (до 100 000, а иногда и более);
- open (открытый): это бесплатные курсы и участвовать может любой человек. Обычно в МООК используются открытое бесплатное программное обеспечение и сервисы;
- online (онлайн): Все материалы курса находятся в сети Интернет в открытом доступе. Также участники курса имеют возможность совместной работы и общения на интернет площадках МООК;
- course (курс): МООК имеет определённую структуру, правила, общие цели и задачи.

Благодаря такой структуре в создание онлайн курсов включилось множество университетов и образовательных организаций, что привело к появлению большого количества популярных платформ. На данный момент самые популярные из них это Coursera, edX, Udacity, Академия Хана, MIT OpenCourseWare. При поддержке Министерства образования и науки РФ для развития открытого образования был создан российский образовательный проект «Открытое образование» (openedu.ru).

Благодаря активному участию российских университетов в распространении и разработки МООК активно обсуждается вопрос о том, какими способами можно внедрить результаты образования открытых курсов в традиционный образовательный процесс ВУЗа. Анализ теоретической литературы и опыта российских университетов показал, что сейчас это возможно следующими способами:

1. *Перезачет пройденных курсов.* Так как проект «Открытое образование» является инициативой министерства образования, то студенты имеют уникальную возможность перезачесть пройденный курс в своем вузе. Ассоциация «Открытое образование» обеспечивает заключение соглашений между университетом, реализующим образовательную программу, и университетом, разработавшим курс. В отличие от других платформ онлайн-обучения, университетам предоставляется возможность получать полную информацию об успеваемости своих студентов, при необходимости обеспечивать их методическое сопровождение и участвовать в проведении контрольных мероприятий, выполняя функцию идентификации личности.

У такого вида перезачета есть свои особенности. Например, в Высшей Школе Экономики курс «Основы менеджмента» может быть перезачтен только в том случае, если данный курс имеет аналогичное количество образовательных единиц. Но на экономических направлениях, где менеджмент изучается более глубоко, такой курс перезачесть нельзя. К сожалению, еще не все вузы в России знакомы с данной системой перезачета, и в регионах перезачеты курсов сайта openedu.ru сталкиваются с проблемами. [4, URL].

2. *Использование МООК в смешанном обучении.* Смешанное обучение, или blended learning, – «современная образовательная технология, в основе которой лежит концепция объединения технологий «классно-урочной системы» и технологий электронного обучения, базирующегося на новых дидактических возможностях, предоставляемых ИКТ и современными учебными средствами» [3, с.32].

Одна из форм смешанного обучения «перевернутый класс» имеет широкие возможности внедрения МООК в образовательный процесс. В отличие от традиционной

организации занятий, когда большое время в аудитории отводится на объяснение нового материала, модель «перевернутого класса» подразумевает перенесение репродуктивной учебной деятельности на домашнее изучение. Напротив, работа в аудитории посвящается обсуждению изученного, разным видам деятельности, организации индивидуальной и групповой формы работы за счет высвобождения времени от зазубривания теории и написания лекций.

При использовании МООК в данной форме педагог может задавать на дом прослушивание определенных лекций или модулей, доступных в МООК, а в аудитории обсуждать вопросы, которые вызвали наибольший интерес у группы. Стоит отметить, что не все МООК имеют открытые материалы, то есть преподаватель должен найти такие курсы и платформы, которые имеют доступ к лекциям круглый год.

3. *Использования МООК для поддержки процесса традиционного образования.* В принципе, суть МООК заключается в самообразовании. Такого рода курсы имеют широкий набор лекций и тестов по различным направлениям. Благодаря созданию проекту «Открытое образования» студент российского бакалавриата или магистратуры может выбрать специальность, на которой он обучается и увидеть все онлайн курсы, доступные по его направлению.

Каждый МООК имеет также широкие возможности для самопроверки знаний. Тесты удобно разделены по модулям и в случае неправильных ответов могут давать ссылку на видеолекцию, которую надо посмотреть для восполнения знаний.

4. *Использования электронного контента МООК для увеличения наглядности лекций.* Так как в создание МООК вкладывается много средств, то каждая лекция является уникальным и интересным продуктом. Использование отдельных лекций из курсов на занятиях в вузах позволят как повысить интерес студентов к предмету, так и познакомить его с такой интересной формой обучения, как массовые онлайн курсы.

Подводя итог, можно сказать, что массовые открытые онлайн курсы являются довольно эффективным и популярным видом электронного образования. Благодаря курсу министерства образования на активное внедрение МООК в образовательный процесс российских вузов качество обучения повышается, а многообразие форм использования такого рода курсов открывают широкие возможности для развития традиционного образования в вузах.

Литература

1. Бугайчук К. Массовые открытые дистанционные курсы: история, типология, перспективы / К.Бугайчук // Высшее образование в России. – 2013. – № 3. – С. 148–155.
2. Магомедова К.Т. Этапы развития электронного обучения и их влияние на появление новых технологических стандартов качества электронного обучения / К.Т. Магомедова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 22–29.
3. Майкл Б. Хорн, Хизер Стейкер «Смешанное обучение. Использование революционных инноваций для улучшения школы» / Майкл Б. Хорн, Хизер Стейкер - Москва: Буки Веди, 2016. – 310 с., ISBN 978–3–1423–2032–6.
4. О проекте «Национальная платформа открытого образования» [Электронный ресурс] – (дата обращения: 14.04.2017). Режим доступа: <http://npoed.ru/about>, свободный.

*Е.Д. Иванова, студ. филологического ф-та ЕГУ им. И.А. Бунина
(Елец)
Науч.рук. – д-р филол. н., проф. В.А. Бурцев*

**ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В 5 КЛАССЕ
НА МАТЕРИАЛЕ ТИПА РЕЧИ «ПОВЕСТВОВАНИЕ»
(С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕКСТОВ СМИ)**

Одна из проблем школьного обучения – развитие связной речи. В данной работе показываются приемы развития связной речи учащихся при построении ими функционально-смысловых типов речи на материале текстов современных СМИ.

Обращение к типам речи при обучении связного монолога обусловлено следующими обстоятельствами. Во внешнем облике речи, в ее строении очень многое зависит от задачи, которую говорящий ставит перед собой, то есть от назначения речи. Одно дело описать что-либо, другое - рассказать о событии, третье - растолковать, объяснить, причины. Естественно, что в каждом случае строй речи будет меняться. В связи с постоянным, непрекращающимся развитием языка, а также мышления и речи, были выработаны наиболее точные и экспрессивные способы, словесные схемы и структуры для соответствующих литературных задач. Поэтому были выделены такие компоненты речи, как описание, повествование и рассуждение, которые в лингвистике принято называть функционально-смысловыми типами речи.

Функционально-смысловые типы речи (ФСТР) – это коммуникативно обусловленные типизированные разновидности монологической речи. К их числу традиционно относят повествование, описание и рассуждение. В истории развития поэтики, стилистики, риторики они назывались по-разному: способы изложения, типы текста, словесно-стилевые единства, композиционно-речевые формы и т.д. Впервые термин «функционально-смысловой тип речи» был употреблен профессором Нечаевой О.А. в ее монографии «Функционально-смысловые типы речи (повествование, описание, рассуждение)», посвященной исследованию повествования, описания и рассуждения (в основном на материале художественных текстов). Выход в свет монографии положил начало активному изучению ФСТР, функционирующих в стилевых разновидностях современного русского литературного языка [4].

Традиционная трехкомпонентная схема справедлива и достаточна при рассмотрении редактором текстов художественных произведений. Но многие редакторы имеют дело со справочными и информационными материалами, а также с учебной, научной и научно-популярной литературой, и работают в широкой и разветвленной системе средств массовой информации [3, с. 54]. Поэтому система видов текста, которые характерны для материалов массовой информации, может быть представлена следующим образом:

Изобразительные виды текста		Логизированные виды текста	
повествование	описание	рассуждение	объяснение
сообщение	информаци-	умозаключение	определение
онное описание			

Повествование, описание и рассуждение - понятия не новые для школы. Как методические термины они давно используются в литературе. Сами по себе эти понятия не затрудняют учащихся, они довольно успешно определяют тип готового текста. Однако изучение не должно ограничиваться только этим. Главная цель обучения должна заключаться в том, чтобы использовать эти типы речи для обучения связной

речи, как ориентир для построения правильных текстов того же типового значения в разных коммуникативных ситуациях.

Система обучения связной речи была разработана Т.А. Ладыженской. В ней особое внимание обращено на содержательную сторону высказывания [2].

В данной статье я бы хотела кратко показать систему работы над связной речью на примере такого типа речи, как повествование.

Повествование – это функционально-смысловой тип речи, который представляет рассказ о событии, событие в его динамике [4]. В качестве самого краткого примера повествования можно привести знаменитое высказывание Цезаря: «Пришел, увидел, победил», которое приводит Г.Я. Солганик в своем учебном пособии «Стилистика текста» [5]. Этот пример наиболее ярко передает суть повествования, это рассказ о том, что произошло, случилось. К языковым средствам повествования относятся:

- глаголы прошедшего времени совершенного вида;
- глаголы несовершенного вида, которые придают тексту выразительность и выделяют одно из действий, обозначая тем самым его длительность;
- глаголы настоящего времени помогают представить действие, которое как бы происходит на глазах слушателя или читателя;
- глаголы будущего времени, которые делают повествование стремительным, динамичным, создают впечатление неожиданности действия.
- союзы, которые обозначают сопоставление, возникновение событий, а также чередование;
- обстоятельственные и любые другие слова, которые демонстрируют временную последовательность действий;
- обозначение места действия, лиц и др. предметов.

Перед тем как приступить к работе необходимо, прежде всего, вспомнить с учащимися, что особенность повествования как типа речи заключается в том, что в нем говорится о следующих друг за другом действиях.

Связность текста проявляется в том, что каждое последующее предложение строится на базе предыдущего, вбирая в себя ту или иную его часть. То, что повторяется в последующем предложении из предыдущего, получило название «данное», а то, что сообщается дополнительно, — «новое». «Данным» в предложениях повествования является указание на лицо, которое совершает действие и на время. Сообщение о сменяющихся действиях и есть «новое» в предложениях такого текста. Другими словами, есть главная информация, ради которой создается высказывание [1, с. 70]. Например: *Вчера главный государственный санитарный врач по городу Ельцу, Елецкому, Измалковскому, Долгоруковскому, Становлянскому районами А. Д. Дорохина отменила ограничительные мероприятия (новое), введенные в связи с подъемом заболеваемости ОРВИ (данное) (газета «Красное знамя», № 9, с.1).* Для усвоения этой информации может быть проведена следующая беседа:

– *Познакомьтесь с двумя текстами, один из них – повествование. Какой? Докажите. Назовите, к какому типу речи относится другой текст? Какими средствами языка обозначены действия? Во всех ли предложениях назван предмет, который совершает действия? Какими словами автор подчеркивает последовательность действий?*

а) В производстве металлопластиковых окон и дверей компания «ОКНА ВАШЕГО ДОМА» использует качественные и экологичные материалы, тщательно проверенные в России и за рубежом. К их числу относится продукция ведущих европейских производителей оконных и дверных профилей «Veka», «Gealan», «Plafen», «Rehau», «KBE», и «LG». Высокое качество этих профилей и послужило основой выбора их производителями в качестве основных партнеров компании «ОКНА ВАШЕГО ДОМА». Все профили

«Rehau», «Gealan», «Plafen» и «LG» обладают изолирующими показателями высокого европейского уровня, что помогает максимально защитить помещение от внешнего шума и холода. Металлопластиковые окна от компании «ОКНА ВАШЕГО ДОМА» также гарантируют изоляцию от внешних раздражителей, они долговечны, за счет особых усилителей конструкции, и устойчивы к внешним воздействиям, благодаря высокому качеству пластика (газета «Елецкая реклама», №10(728), с.3).

б) В Комсомольском сквере у памятника генералу В.Ф. Маргелову состоялся митинг, посвященный 108-й годовщине со дня рождения легендарного командующего Воздушно – десантными войсками СССР. Перед представителями местного отделения «Союза десантников» военно – патриотических клубов и организаций выступили глава города С.А.Панов, председатель городского отделения «Союза десантников» Г.В.Поляков. В начале мероприятия, отмечая заслуги генерала армии В.Ф.Маргелова, они говорили о необходимости воспитания на его примере и примерах других защитников Отечества подлинных патриотов России, о проводимой в этом направлении работе в Ельце. За большой вклад в работу по военно-патриотическому и нравственному воспитанию молодежи, поддержку и укрепление ветеранского движения и популяризацию воздушно-десантных войск был награжден орденом «Генерала армии Маргелова» глава города С.А.Панов. Вручение состоялось прямо на митинге. Кроме того, Г.В.Поляков вручил медали « За верность долгу и Отечеству» председателю местного отделения ДОСААФ В.В.Льготкину и старшему инженеру управления образования администрации города О.В.Салькову. Затем состоялось награждение грамотами юных ельчан – победителей соревнований по военизированному кроссу. В конце митинга его участники возложили к памятнику генерала армии цветы (газета «Красное знамя», № 408-409, с.1).

Из двух представленных текстов первый относится к описанию, а второй к повествованию. Второй текст является повествованием, так как в нем изображается событие в его развитии. Последовательность события передают такие сочетания, как предлог с существительным « в начале, в конце» и наречие «затем», а также, такие языковые средства повествования как глаголы прошедшего времени совершенного вида, а именно: «состоялся», «выступили», « вручил», «возложили». В тексте присутствует причастие «награжден» со связкой в форме 3-го лица, единственного числа «был», которое, как и глаголы совершенного вида передает последовательность. Помимо этого, в тексте мы наблюдаем один глагол прошедшего времени несовершенного вида «говорили», с помощью которого выделяется одно из действий и подчеркивается его длительность. Кроме того, в тексте присутствуют такие лексические средства выражения повествования, как обозначение места действия « В Комсомольском сквере у памятника генералу В.Ф.Маргелову» и обозначение самих лиц « ...глава города С.А.Панов, председатель городского Совета депутатов В.Н.Никонов, руководитель городского отделения «Союза десантников» Г.В.Поляков».

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что систематическое проведение такой работы позволяет приблизить учебную речевую деятельность школьников к реальной речевой практике, сделать более продуктивным процесс обогащения лексического и грамматического строя речи учащихся.

Литература

1. Капинос В.И. Развитие речи: теория и практика обучения : 5-7 кл.: Кн. для учителя / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик. – М. : Просвещение, 1991. – 342 с.
2. Ладыженская Т.А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся / Т.А. Ладыженская – М., 1975.

3. Накорякова К.М. Литературное редактирование / К.М. Накорякова. – М. : Изд-во ИКАР, 2009. – 432 с.

4. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О.А. Нечаева. – Улан-Удэ, 1974.

5. Солганик Г.Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – 10-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 256 с.

*В.Н. Михнева, студ. естественно-географического ф-та ВГПУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. пед. н., доц. С.В. Веретенникова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПЕДАГОГИКИ

Последние несколько десятилетий культурологами, философами, историками обозначены как период постмодернизма. Отличительной особенностью сложившейся социокультурной ситуации явились размытость мировоззренческого ядра и, как следствие, деконструкция (расколотость, нецельность). Сегодня налицо проявляется приоритет формы перед содержанием как яркий показатель деконструкции. Это нашло отражение и в языке, в слове. Нередко за внешней устоявшейся формой известных понятий наблюдается деформация содержания.

Сегодня значительная часть нашего общества так или иначе связана с системой образования: кто-то учится, кто-то работает. Но что есть «образование»? Вспоминается достаточно известная неустаревающая работа отечественного академика, доктора психологических наук В.П. Зинченко «О целях и ценностях образования», где автор призывает читателя размышлять: «Образ, образа, образец, образок, образчик, образина, наробраз, однообразие – образованщина, разнообразие – образование... Образ всегда требует пояснения, дополнения. Образ чего, кого, каков, чей? Образ Бога, человека, мира, вещи, действия?»[1].

Изучая педагогические дисциплины, готовясь стать дипломированным педагогом, нельзя обойти вопрос о смысле, сущности основных педагогических понятий. Найти ответ помогли не только словари, изданные в разные исторические периоды, но и нормативно-правовые документы.

В Толковом словаре живого великорусского языка, составленном Владимиром Ивановичем Далем в середине XIX века, определение «образование» мы не находим. Корень этого слова «образ» составитель определяет как: ОБРАЗ и образец **м.** – вещь подлинная или снимок с нее, точное подражание ей, вещь примерная, служащая мериллом для оценки ей подобных. *Образованность*, просвещение; внешний лоск. *Образованный человек*, получивший образование, научившийся общим сведениям, познаниям. Научно развитой; *воспитанный*, приличный в обществе, знающий светские обычаи. Первое, *умственное образование*; второе, *внешнее*[2, с.613].

Советское время. Толковый словарь русского языка, составленный С.И. Ожеговым, содержание «образования» определяет так: ОБРАЗОВАНИЕ, -я, ср. 1. Обучение, просвещение. *Граждане СССР имеют право на о. Народное о.* 2. Совокупность знаний, полученных специальным обучением. *Высшее о. Среднее о. Специальное о. Дать о. кому-н.*[3, с.372].

Конец XX века. Малый толковый словарь Лопатина и Лопатиной дает следующее толкование: ОБРАЗОВАНИЕ2, -я, ср. 1. Обучение, просвещение. 2. Совокупность знаний, полученных в результате обучения[4, с.358]

Наши дни. В федеральном законе «Об образовании Российской Федерации» мы нашли такое определение: Образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов[5, гл.1, ст.2].

Исходя из найденного материала, можно проследить, как понятие «образование» сокращается по объему, теряя частички смысла. В дореволюционное время в толковании Даля образованным человеком считался тот, кто был научно развит, умел правильно вести себя в обществе. Далее объем понятия сужается, «отбрасывается» воспитательный аспект образования и слово означает, непосредственно, само обучение и усвоение знаний. Обратившись к нормативно-правовому документу, мы обнаружили, что понятие, зафиксированное там, полно раскрывает содержание слова, не сокращено по объему, содержит в себе толкование всех сторон образования (обучения и воспитания).

Проанализируем портрет выпускника основной школы, который предлагается ФГОС. Человек, получивший образование, должен любить свою Родину, знать свой родной и русский язык, уважающий других людей, соизмеряющий свои поступки с нравственными ценностями, умеющий учиться, способный применять знания на практике и т.д.[6]. Мы видим, что выпускник должен закончить школу прежде всего воспитанным человеком. Знания здесь тоже важны, но перечисляется больше духовных качеств.

Так почему же в толковых словарях нашего родного русского языка мы находим такие оскудевшие понятия, сокращенные и урезанные до минимума? Когда нам необходимо узнать толкование того или иного слова, мы обращаемся именно к толковым словарям. Обеднение понятий в нашем языке не что иное, как влияние нового времени: постмодернизма. Это время характеризуется размытостью понятий, отсутствием Истины. Именно отсутствие Истины ведет к утрате способности различения понятий. А это, в свою очередь, приводит к дегуманизации, потере человечности. Мы должны вовремя понять, что наше слово, наш язык – не только средство общения. Все значения, вся суть слов сливаются воедино и передают нам всю мудрость человечества, которую по крупицам веками копили наши предки. Если мы разрушим наш язык – мы разрушим духовность народа.

Литература

1. Зинченко В.П. О целях и ценностях образования / В.П. Зинченко // Интернет-журнал «Эйдос» [Режим доступа - <http://www.eidos.ru/journal/1999/0330-04.htm>] (Последнее обращение 16.04.2017).
2. Даль В.И Толковый словарь живого великорусского языка: [В 2 т.] / В.И. Даль. - М., 1979.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ С.И. Ожегов. - М., 1984
4. Лопатин В. Малый толковый словарь русского языка / В. Лопатин, Л. Лопатина. – М., 1990.
5. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Утвержден 26 декабря 2012 г. № 273).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Утвержден Приказом Минобрнауки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897).

*Н.Н. Боева, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.В. Загоровская*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОБЛЕМНО-ДИАЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ФРАЗЕОЛОГИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Известно, что основными образовательными целями учебного процесса являются: знания (научная информация), умения (применяемые на практике знания), навыки (автоматизированные действия).

Цель «знания» достигается двумя этапами учебного процесса: введением и воспроизведением нового материала. Умения формируются на этапе решения задач и выполнения упражнений. Навыки вырабатываются путем многократного повторения действия [2].

На таких уроках, где используется проблемно-диалогический метод, обучающиеся больше думают, чаще говорят, активнее формируют мышление и речь и им очень нравится, что они сами могут объяснить увиденные явления, опыты, формулы. Это мотивирует школьников к усвоению нового материала, включая в работу практически весь класс. Диалогический поиск решения, в отличие от готовых сведений, обеспечивает понимание нового знания каждым учеником. Они учатся отстаивать собственную позицию, рискуют, проявляют инициативу, и в результате вырабатывают характер.

Проблемно-диалогическое обучение – это тип обучения, обеспечивающий творческое усвоение знаний учащимися посредством специально организованного учителем диалога.

Данная технология используется в образовательной системе «Школа 2100» на этапе введения знаний. Она позволяет организовать исследовательскую работу учащихся на уроке и самостоятельное *открытие* знаний. Технология проблемного диалога разработана на основе исследований в двух самостоятельных областях – проблемном обучении (И.А. Ильницкая, В.Т. Кудрявцев, М.И. Махмутов и др.) и психологии творчества (А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, А.Т. Шумилин и др.).

При традиционном введении материала постановка проблемы сводится к сообщению темы учителем, а поиск решения – к сообщению готового знания учителем, вследствие чего деятельность учащихся репродуктивна. При проблемном введении материала на уроке *открытия нового знания* (ср. традиционную методику: урок *объяснения* нового материала) методы постановки проблемы обеспечивают формулирование учениками вопроса для исследования или темы урока, а методы поиска решений организуют «открытие» знания учащимися, и, следовательно, деятельность последних можно отнести к творческому типу (учащиеся творчески усваивают знания через диалог с учителем) [4].

Основная особенность этой технологии заключается в том, что новые знания не даются в готовом виде. Дети «открывают» их сами в процессе самостоятельной исследовательской деятельности. Каждый учитель подтвердит, что дети лучше усваивают не то, что получили в готовом виде и зазубрили, а то, что открыли сами и выразили по-своему. Учитель лишь направляет эту деятельность и в завершении подводит итог, давая точную формулировку новых знаний и знакомя с общепринятой системой обозначения [3].

Как показывает практика, проблемно-диалогический метод оказывается весьма эффективным при изучении различных разделов и отдельных тем курса русского языка,

а именно таких как «Морфемика», «Морфология», «Лексикология», в том числе и «Фразеология».

Проблемный диалог при изучении темы «Фразеология» в настоящее время весьма актуален. Многие исследователи сетуют на то, что разделу фразеологии в школьном курсе русского языка отводится небольшое количество часов. Поэтому в задачи педагога входит оптимальное поурочное распределение материала, чтобы в короткие сроки дать учащимся комплексное представление о фразеологизмах.

До изучения понятия «фразеологизм» ученики должны прийти к тому, как различать свободные и несвободные словосочетания.

На этапе изучения нового материала используется проблемно-диалогический метод. Обучающимся предлагаются для сравнения и анализа два предложения, в одном из которых слова-фразы могут быть свободно изменены, а в другом этого сделать невозможно.

Далее выдвигается гипотеза о том, что в русском языке есть фразы, которые не могут быть изменены, и эти слова являются одним членом предложения. В ходе учебного диалога приходим к таким выводам:

1. Слова в некоторых фразах не могут быть изменены, потому что от этого теряется смысл.
2. Лексическое значение у слов в таких фразах общее.
3. В предложении они являются одним членом.
4. В таких словосочетаниях не допускается изменение порядка слов, а также изменение числа и падежа, так как эти фразы устойчивы.
5. Такие фразы называются несвободными.

На следующем этапе ученикам предлагается выяснить, чем отличаются свободные и несвободные словосочетания, и создать таблицу сравнения.

Только после проверки способов владения понятиями свободных и несвободных словосочетаний учитель вводит термин «фразеологизм», говоря, что несвободные словосочетания и будут называться фразеологизмами — устойчивыми сочетаниями. С определением фразеологизмов знакомимся по учебнику русского языка.

Проблемно-диалогический метод изучения нового материала отвечает требованиям, предъявляемым к урокам русского языка новым Федеральным государственным образовательным стандартом: обучающиеся не получают знания готовыми, а «открывают» их самостоятельно в ходе исследовательской деятельности по анализу специально подобранного учителем языкового дидактического материала; при столкновении с трудностью учащиеся активны и ищут пути выхода из затруднительного положения; новые знания, «открытые» в ходе микроисследования, переформатируются в таблицу; изучение нового материала включает и освоение способа действия при определении фразеологизмов в контексте.

Литература

1. Богуславская Н.Е. Методика развития речи на уроках русского языка / Н.Е. Богуславская. — М.: Просвещение, 1991. — 240 с.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. / И.А. Зимняя. — М.: Логос, 2002. — 384 с.
3. Кудрявцев Т.В. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы / Т.В. Кудрявцев. — М.: Знание, 1991. — 80 с.
4. Мочалова Н.М. Методы проблемного обучения и границы их применения / Н.М. Мочалова. — Казань: Издательство Казанского университета, 1979. — 157 с.

АНАЛИЗ МЕТОДОВ И МЕТОДИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В нашей статье мы акцентируем внимание на старшем школьном возрасте, так как при переходе от школьной жизни к взрослой острее чувствуется потребность в саморазвитии, самопознании себя, своих особенностей, потребностей, целей. В этом возрасте поиски смысла жизни, своего места в этом мире могут стать особенно напряженными. Возникают новые потребности интеллектуального и социального порядка, внутренние конфликты и трудности в отношениях с окружающими. 14-16 лет – переходный период между подростковым и юношеским возрастом. У старших школьников развивается самосознание, усиливается значимость собственных ценностей, хотя они еще во многом подвержены внешним влияниям. Именно рефлексия позволяет в такой сложный для юношей и девушек период адаптироваться к трудным условиям в школе, дома, в общении со сверстниками.

В современной психологии наблюдается как интенсивный рост экспериментальных и прикладных исследований рефлексивных процессов, так и углубленный анализ их теоретических оснований. В целом это свидетельствует о выделении и становлении такой особой области знания, как психология рефлексии. Если раньше рефлексия была лишь объяснительным принципом функционирования психических процессов или привлекалась в качестве категориального средства для обоснования теоретических концепций психического развития в работах Б. Г. Ананьева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и других исследователей, то теперь она выступает еще и особым психологическим предметом экспериментального изучения.

Существует необходимость в проведении анализа проблем, в систематизации достижений в теоретико-методическом и экспериментально-прикладном плане.

Задача настоящей статьи ограничена выделением и анализом основных аспектов психологического изучения рефлексии, которые акцентируются в ее прикладных трактовках. Конструктивное решение этой задачи предполагает краткую характеристику общенаучного контекста к пониманию феномена рефлексии, а также описательный анализ методик, используемых для эмпирического исследования рефлексии в целом и в частности рефлексии старших школьников. Указанная логика решения задачи данной статьи и определяет ее структуру.

Развитие в отечественной психологии конкретно-экспериментальных работ, посвященных изучению рефлексии, было подготовлено проработкой данного понятия Б. Г. Ананьевым, П. П. Блонским, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, И. М. Сеченовым и другими учеными сначала на теоретическом уровне психологического знания в качестве одного из объяснительных принципов организации и развития психики человека, и прежде всего ее высшей формы — самосознания. И сейчас понятие «рефлексия» привлекается в качестве объяснительного принципа для раскрытия психологического содержания различных феноменов и фактов, получаемых в экспериментальных исследованиях конкретных предметов психологического изучения: мышления, памяти, сознания, личности, общения и т. п. [2], [3], [4], [7], [8], [11], [12] и др.

В целом анализ отечественных конкретно-экспериментальных работ, посвященных изучению рефлексии, показывает, что она исследуется в четырех основных аспектах: кооперативном (работы Н. Г. Алексева, В. В. Рубцова, А. А. Тюкова [9],

Г. П. Щедровицкого [17] и др. Коммуникативном (исследования И. Е. Берлянд, Н. И. Гуткиной, К. Е. Данилина, А. В. Петровского, Л. А. Петровской и других) [3]. Личностном (исследования Н. И. Гуткиной [3], Е. Р. Новиковой [12], И. Н. Семенова и С. Ю. Степанова и др. [14]. И интеллектуальном (В. В. Давыдов определяет рефлексию как умение субъекта «выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия» [4; с.687]. Такое ее понимание служит одним из оснований, позволяющих раскрыть представления о психологических механизмах теоретического мышления и реализовать их в возрастной и педагогической психологии.

При этом первые два аспекта выделяются в исследованиях коллективных форм деятельности и опосредствующих их процессах общения, а другие два — в индивидуальных формах проявления мышления и сознания. Эта акцентировка позволяет, с одной стороны, различить коллективную и индивидуальную формы осуществления рефлексии, а с другой – указать области психологии и пограничных с ней наук, в которых преимущественно изучается тот или иной аспект рефлексии.

Исходя из вышесказанного, мы видим, что рефлексия исследуется в различных аспектах, и, соответственно, для изучения каждого из них должен использоваться соответствующий методологический аппарат, исходя из целей и задач конкретного исследования.

При всех различиях общим в понимании рефлексии является то, что она характеризует направленность на внутренний мир в различных его качествах и проявлениях. Это могут быть и эмоциональные состояния и переживания, и явления совести, и действия сознания. Рефлексивность будет выступать как качество личности, характеризующее направленность познания на себя.

Осуществив анализ проблемы диагностики рефлексии, нами были обнаружены следующие методики:

1. Дифференциальный тест рефлексивности (ДТР) Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин [10].
2. Методика определения индивидуальной меры рефлексивности А. В. Карпова и В. В. Пономарёвой [16].

Как мы видим, для изучения рефлексии в общем виде достаточно мало методик. Это связано со сложностью, многоструктурностью феномена. В основном используются методики, изучающие рефлексивность и отдельные аспекты рефлексии, к которым относятся:

1. Уровень самоактуализации личности (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Кроз) [13].
2. Исследование самоотношения личности (В.В. Столин) [15].
3. Личностный дифференциал (Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд) [1].

Для изучения рефлексии старшего школьника используются следующие методы и методики:

1. В исследованиях доктора психологических наук Ю. В. Епимахиной используются методики: «Методика исследования самооценки» по Г. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн, «Тест-опросник субъективной локализации контроля (СЛК)» С. Р. Пантелеева и В. В. Столина, авторский вариант оценки адекватности восприятия личностных качеств с использованием диагностического материала 16-факторного опросника Р. Кеттела [6].
2. В исследованиях кандидата психологических наук М. В. Демиденко изучается социально-личностная рефлексия с помощью следующих методик: «Аутосоциметрическая методика» К. Е. Данилина, модифицированная автором, «Опросник социально-психологической адаптации Роджерса и Даймонда» в адаптации Г. А. Бояринцевой (1997 г.) [5].

Анализ психолого-педагогической литературы по заданной теме показал, что рефлексия в настоящее время изучается многими авторами. Теоретический аспект данного феномена изучен достаточно полно, существует большое количество теорий, подходов.

Отмечаются разногласия в вопросе эмпирического изучения рефлексии и подборе необходимого диагностического инструментария. Данное понятие является сложным, многоструктурным, следовательно, должно изучаться в контексте определенного методологического аппарата. Авторы, изучающие данный феномен (М. В. Демиденко, Ю. В. Епимахина, Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин и др.) используют авторские методики или изучают отдельные аспекты рефлексии: рефлексивность, самоактуализацию, самоутверждение, самоотношение, личностный дифференциал.

Литература

1. Бажин Е.Ф. Личностный дифференциал: метод. рек. / Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд – Спб., 1983. – 24 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений / Л.С. Выготский. – Т 4. — М., 1984. – 433 с.
3. Гуткина Н.И. О психологической сущности рефлексивных ожиданий / Н.И. Гуткина // Психология личности: теория и эксперимент. – М., 1982. – С. 100-108.
4. Давыдов В.В. О двух основных путях развития мышления школьников / В.В. Давыдов // Материалы ГУ Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. – Тбилиси, 1971. – С. 686-687.
5. Демиденко М.В. Исследование социально-личностной рефлексии как средства социализации старших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.В. Демиденко. – Самара, 2000. – 23 с.
6. Епимахина Ю.В. Развитие личностной рефлексии как фактора формирования смысложизненных ориентаций старших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю. В. Епимахина. – Ростов-наДону, 2008. – 25 с.
7. Захарова А.В., Боцманова М. Э. Особенности рефлексии как психического новообразования в учебной деятельности / А.В. Захарова, М.Э. Боцманова // Формирование учебной деятельности школьников. – М., 1982. – С. 152-162.
8. Кулюткин Ю.Н. Рефлексивная регуляция мыслительных действий / Ю.Н. Кулюткин // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. – М., 1979. – С. 22-28.
9. Рефлексия в науке и обучении: сборник научных трудов. // Под ред. И.С.Ладенко. – Новосибирск: 1984. – С. 184.
10. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная» : от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Вып.4. – С. 110-135.
11. Муканов М.М. Исследование когнитивной эмпатии и рефлексии у представителей традиционной культуры / М.М. Муканов // Исследование речемысли и рефлексии. – Алма-Ата, 1979. – С. 54-74.
12. Новикова Е.Р. Особенности рефлексивных механизмов мышления у школьников подросткового возраста / Е.Р. Новикова. – Вестник МГУ. – Серия 14 «Психология». – 1984. – №4. – С. 71-72.
13. Ракович Н.К. Практикум по психодиагностике личности / Н.К. Ракович. – Мн.: БГПУ, 2002. – 248 с.
14. Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии / И. Н. Семенов, С.Ю.Степанов // Исследование проблем психологии творчества. – М., 1983. – С. 154-182.

15. Столин В.В. Психодиагностика самосознания / В.В. Столин // Общая психодиагностика. – М.: МГУ, 1987. – С. 45.
16. Филатова О.В. Современные методы психологической диагностики : практикум / Е. А. Винарчик, Н. Ю. Литвинова, О. В. Филатова. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011. – 296 с./
17. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия / Г.П. Щедровицкий // Исследования речемыслительной деятельности. – Алма-Ата, 1974. – С. 12-28.

*С.И. Маликовская, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.В. Загоровская*

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА?

Известно, что в последние десятилетия в системе русского языка и его функционировании происходят значительные изменения, которые касаются всех парадигматических группировок, в том числе синонимических групп слов [1]. Прежде всего, в настоящее время синонимические ряды русской лексики активно пополняются новыми словесными единицами: иноязычного происхождения или созданными из собственных ресурсов. Ср., например: *фотография – фото – снимок – селфи; девушка – подруга – любимая – возлюбленная – гёрлфренд (гёлфренд); телефон – радиотелефон – стационарный телефон – мобильный телефон – мобильник*. С другой стороны, некоторые члены синонимических рядов переходят из активного запаса слов в пассивный, становясь устаревшими или малоупотребительными. Ср., например: *контора* (устар.) - *офис*; *магазин* (малоупотребительное) - *супермаркет* и *гипермаркет*. Происходят изменения и в функционально-стилистических характеристиках синонимов. Например, в синонимическом ряду *беззаконие – беспредел* второе слово из разряда жаргонных в настоящее время перешло в состав разговорных.

Очевидно, что высокий уровень культуры речи и сформированность навыков правильного, нормативного использования синонимов предполагают знание и понимание носителями русского языка особенностей тех или иных синонимических единиц и их различий, в том числе, различий в стилистических характеристиках. Данное утверждение в полной мере относится к молодым носителям русского языка, в частности, к школьникам. Однако, как показывают наблюдения, а также опыт практической работы по преподаванию русского языка, современные школьники нередко не понимают смысловых расхождений употребляемых ими слов-синонимов и имеют очень слабое представление об их стилистических характеристиках.

Для изучения вопросов восприятия синонимов языковым сознанием современных школьников нами был проведён психолингвистический эксперимент, выполненный методом анкетирования. В процессе эксперимента проверялась сформированность умений подбирать подходящие синонимы, понимать лексическое значение слов-синонимов, определять и дифференцировать стилистическую окраску слов-синонимов. Результаты проведенного эксперимента позволили сделать два вывода. Во-первых, выяснилось, что умение подбирать синонимы к словам неплохо сформированы у школьников только применительно к довольно небольшому кругу словесных знаков, которые представлены в школьных учебниках, по отношению же к лексике, не включенной в названные учеб-

ные издания, но входящей в состав активного словарного запаса современного русского языка, такого вывода сделать нельзя. Во-вторых, было подтверждено, что умения определять и дифференцировать стилистическую окраску (стилистические характеристики) слов-синонимов у современных школьников практически отсутствуют.

Исследования позволяют утверждать, что причины несформированности чётких представлений о стилистических характеристиках слов-синонимов и стилистических нормах русского словоупотребления при их использовании связаны в значительной мере с ограниченностью, а иногда и некорректностью соответствующих сведений в существующей учебно-методической литературе для средней школы и школьных словарях синонимов.

В большинстве научных изданий и в школьных учебниках синонимы традиционно трактуются как слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения. Однако как доказано в современной научной литературе по семасиологии (см., например, работы проф. О.В.Загоровской) абсолютных синонимов в языке быть не может: даже при внешнем смысловом тождестве и полном совпадении понятийных сем (*лингвистика – языкознание*), синонимы будут различаться особенностями употребления и их следует называть «условно полными». При более очевидных различиях синонимы являются неполными («частичными»). Такие синонимы могут различаться: дифференциальными денотативными семами (*бежать – мчаться*); эмотивными семами (*лошадь – кляча*); синтагматическими семами (*коричневый – карий – каштановый*); стилистическими семами, в том числе: функционально-стилистическими (*отец – папа*); темпорально-стилистическими (*фотография – селфи*); в) экспрессивно-стилистическими (*победа – виктория*) г) нормативно-стилистическими (*голова – башка*).

Очевидно, что информация обо всех указанных выше стилистических различиях русских синонимов должна оговариваться в школьных учебниках и словарях. При этом сам языковой материал, включаемый в учебную литературу для средней школы, должен соответствовать современному уровню развития русского языка.

Вместе с тем, как показывает анализ современных школьных учебников русского языка, а также анализ школьных словарей синонимов [4], в современной учебной литературе для средней школы в синонимических рядах слов практически не представлена новая актуальная лексика русского языка, а в некоторых учебных лексикографических изданиях, включая те, которые именуются новейшими словарями синонимов, не представлено ни одного современного неологизма. Во всех проанализированных словарях стилистические характеристики слов-синонимов указываются не в полном объёме, при этом в некоторых школьных словарях синонимов названные пометы вообще отсутствуют. Следует отдельно подчеркнуть и то, что в современной справочной учебной литературе по русскому языку никак не представлена информация о нормативности или ненормативности синонимов с точки зрения русского литературного языка в целом и русского литературного языка как языка государственного, принятого для использования в официальных сферах общения. Данное обстоятельство представляется недопустимым с учетом современной языковой ситуации в России и необходимости проведения со школьниками постоянной работы по повышению культуры речи и овладению нормами русского литературного словоупотребления, предполагающими «осознание тех или иных средств языкового выражения в качестве правильных, образцовых» [3, с.164].

Все изложенное выше доказывает необходимость подготовки специального Школьного нормативно-стилистического словаря синонимов русского языка (Ср.[2]). Проект такого словаря в настоящее время разрабатывается в Региональном центре русского языка Воронежского государственного педагогического университета в рамках научной школы профессора О.В.Загоровской.

В основу подготовки Школьного нормативно-стилистического словаря синонимов положены следующие идеи: 1) создаваемый словарь должен быть ориентирован и на современную актуальную лексику русского языка, и на устаревшую лексику, встречающуюся в текстах классической русской литературы, а также отражать некоторый объем субстандартной лексики (просторечной, жаргонной), актуальной для современного молодежного дискурса; 2) слова, включенные в словарь, должны сопровождаться информацией об их различиях на уровне всех макрокомпонентов значения, в том числе денотативного, эмотивного собственно-языкового, включающего информацию о парадигматических и синтагматических связях слова, а также его стилистических характеристиках; 3) в новом словаре синонимов должна содержаться информация не только о функционально-стилистических характеристиках слов-синонимов (литературное, просторечное, жаргонное), но и об их темпорально-стилистических, экспрессивно-стилистических и – что особенно важно - нормативно-стилистических характеристиках; 4) современный учебный нормативно-стилистический словарь для школьников с необходимостью должен быть автоматизированным, что позволит не ограничивать объем включаемой в него информации, работать со словарем в диалоговом режиме и выбирать по запросу нужные сведения, а также пополнять и корректировать представленные в словаре данные.

Очевидно, что проектируемый Школьный нормативно-стилистический словарь синонимов будет ориентирован на работу не только по расширению лексического запаса современных школьников, но и на повышение уровня их речевой культуры и владения разными видами норм русского литературного языка.

Литература

1. Загоровская О.В. Русский язык на рубеже XX-XXI веков : Исследования по социолингвистике и лингвокультурологии [Текст] / О.В. Загоровская. – Воронеж: Научная книга, 2013. – 232 с.

2. Загоровская О.В. Вариантность нормы в русском языке начала XXI века и задачи создания современного учебного нормативно-стилистического словаря / О.В. Загоровская // Известия ВГПУ. – 2015. – №1 (266). – С. 184-190.

3. Загоровская О.В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия/ О.В. Загоровская // Известия ВГПУ. – 2016. – №2 (271). – С. 161-165.

4. Маликовская С.И. Синонимы в современной учебной и справочной литературе для средней школы / С.И. Маликовская // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе [Текст] /под ред. О.В. Загоровской. – Выпуск 25. – Воронеж: Научная книга, 2016 – С.39-43.

*Г.А. Федюшина, студ. института филологии ЕГУ им. И.А. Бунина
(Елец)*

Науч.рук.– д-р пед. н., проф. Т.Г. Бирюкова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОМОНИМОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В научной литературе существует множество определений понятия **проблемное обучение**. На современном этапе проблемное обучение часто соотносят с педагогической технологией, под которой понимается «специально созданная система специфических

приемов и методов, которые способствуют самостоятельному добыванию и применению знания в решении новых познавательных задач» [4, с. 236].

В плане обучения русскому языку в школе считаем целесообразным рассматривать проблемное обучение как тип развивающего обучения, «содержание которого представлено системой проблемных задач различного уровня сложности; в процессе решения таких задач учащимися в их совместной деятельности с учителем и под его общим руководством происходит овладение новыми знаниями и способами действия, а через это – формирование творческих способностей: продуктивного мышления, воображения, познавательной мотивации, интеллектуальных эмоций» [2, с. 49]. На наш взгляд, такое понимание наиболее полно отражает деятельность учителя и ученика в ходе проблемного обучения, а также характер этой деятельности.

Формой реализации проблемного обучения является проблемный урок, который обеспечивает творческое усвоение знаний. На таком уроке ученик включается в следующие виды деятельности: создание проблемной ситуации и постановка проблемы; попытка решить проблему с опорой на имеющиеся знания, выдвижение гипотез; решение проблемы; обобщение и систематизация полученных знаний, выводы; творческое применение новых знаний в практической деятельности.

Наша статья посвящена организации проблемного обучения при изучении грамматики русского языка, поэтому рассмотрим типы задач проблемного содержания, соответствующие данному языковому разделу. К ним относятся задачи

- на выяснение состава слова, особенностей словообразования;
- на определение грамматического значения и грамматических признаков, синтаксической роли, а также роли части речи в речевой практике;
- на определение особенностей словоизменения, связей слов в предложении;
- на определение грамматических особенностей конструкции, входящей в состав предложения;
- на выяснение грамматических особенностей предложения [3, с. 12].

В решении проблемных задач важна поэтапность продвижения. Учащимся предлагается задание, сформулированное таким образом, чтобы ученики не нашли прямого ответа в учебнике, а также «вопросы-ступеньки», способствующие решению проблемы. Вопросы даются сразу, и весь урок учащиеся работают самостоятельно. Проверка результатов работы осуществляется после выполнения задания всеми учениками.

Рассмотрим возможности реализации проблемного обучения при изучении такого сложного явления, как функциональные, или грамматические, омонимы. Трудность их анализа обусловлена тем, что «функциональные омонимы – это совпадающие по звучанию этимологически родственные слова, относящиеся к разным частям речи» [1, с.121].

При анализе функциональных омонимов в школе возникают трудности, связанные в первую очередь с их образованием. В зависимости от того, какая группа частей речи охватывается процессами возникновения функциональных омонимов, разграничивают три основные зоны их образования: 1) внутри знаменательных частей речи; 2) внутри служебных частей речи; 3) между знаменательными частями речи и служебными частями речи, модальными словами и междометиями.

В соответствии с дидактическим принципом преемственности на уроках русского языка функциональные омонимы целесообразно рассматривать сквозь призму лексических омонимов. Такое сопоставление проводится на основе критериев классификации частей речи, среди которых выделяют синтаксическую функцию, категориальное значение, лексическое значение, морфологические категории, морфемный состав. В качестве дифференциальных признаков, позволяющих разграничивать функциональные омонимы в школьной практике, можно выделить следующие: 1) соотношение лексиче-

ских и функциональных омонимов; 2) обоснование отнесения функциональных омонимов к разным словам; 3) взаимодействие частей речи; 4) критерии дифференциации однозначных и синкретичных фактов языка.

В школьных учебниках выделяются такие типы функциональной омонимии, как переход слов из одних самостоятельных частей речи в другие и переход слов из самостоятельных частей речи в служебные. Эти типы представлены главным образом следующими случаями:

а) переход прилагательного в существительное: *Дежурного ученика просят зайти в учительскую.* - *Дежурный подал учителю список отсутствующих;*

б) переход причастия в прилагательное: *Раненный пулей солдат.* - *Раненый солдат;*

в) переход существительного с предлогом в наречие: *В дали голубой крутился песок.* - *Вдали я видел горы;*

г) переход самостоятельных частей речи в служебные: *Он шел, не смотря под ноги.* - *Он пришел, несмотря на болезнь.*

д) омонимия слов на -о: кратких прилагательных, наречий, слов категории состояния: *Его лицо спокойно.* - *Он говорил спокойно.* - *Ему спокойно.*

Для правильного определения частеречной принадлежности слов учащимся необходимо перестроить свои знания и умения, включить их в новую систему координат. Учитель, формулируя проблемную задачу, предлагает учащимся способы ее решения, говорит о том, что дифференциальные признаки, по которым можно различить омонимичные части речи, носят как морфологический, так и синтаксический характер. Учащиеся в ходе сопоставительного анализа должны сами назвать эти признаки и прийти к правильному решению.

Так, при разграничении существительного и прилагательного задается вопрос (*какой? кто?*), определяется синтаксическая роль слов. В отграничении причастия от прилагательного, наречия от существительного с предлогом указывается на наличие зависимого слова. При определении производных предлогов и союзов выявляется их функция в предложении, возможность замены непроизводными служебными словами. Разграничение функциональных омонимов на -о проводится главным образом по синтаксическим признакам.

Таким образом, изучение функциональной омонимии как сложного грамматического явления создает объективные предпосылки для постановки учебной проблемы и ее решения. Разграничение омонимичных слов разных частей речи требует от учащихся знания семантических, морфологических и синтаксических особенностей этих слов. Анализ по совокупности признаков представляет собой сложную проблему, решение которой осуществляется на основе лингвистических знаний и аналитико-синтетической деятельности. Такая работа, подкрепленная соответствующей организацией учебного процесса, способствует проявлению познавательной активности учащихся.

Литература

1. Бабайцева В.В. Избранное. 1995-2005: Сборник научных и научно-методических статей / В.В. Бабайцева. - М.- Ставрополь, 2005.

2. Кудрявцев В.Т. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы / В.Т. Кудрявцева. - М., 1991.

3. Напольнова Т.В. Познавательные задачи в обучении русскому языку / Т.В. Напольнова. - М., 1991.

4. Чернилевский Д.В. Дидактические технологии высшей школы / Д.В. Чернилевский. - М., 2002.

*О.П. Попова, студ. института филологии ЕГУ им. И.А. Бунина
(Елец)*

Науч. рук. – д-р пед. н., проф. Т.Г. Бирюкова

РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛА В ШКОЛЕ

Изучение основ науки о языке в средней школе тесно связано с речевым развитием школьников, что обусловлено как взаимосвязью языка и речи, так и специальными целями обучения родному языку – формированием языковой, коммуникативной и лингвистической компетенций.

В настоящее время ученые-лингвисты (А.В. Бондарко, Н.С. Дмитриева, Г.А. Золотова, Л.Б. Пастухова и др.) усилили внимание к особенностям реализации функционального подхода в новых условиях обучения языку. Функциональный подход определяется ими как реализация принципа коммуникативности и рассматривается в рамках таких проблем, как функционально-коммуникативное описание языка, практическая грамматика функционально-коммуникативного типа и др.

В методике преподавания русского языка в школе функциональный принцип изучения единиц языка является одним из ведущих и определяется как общеметодический. Суть его заключается в показе функций языковых явлений в речи. «Изучая те или иные языковые явления, необходимо сообщать детям их функции и проводить наблюдения, подтверждающие роль этих функций» [2, с. 210].

Реализация функционального принципа в практике преподавания расширяет сферу знаний учащихся об особенностях употребления грамматических форм в тексте, обеспечивает разнообразие грамматического строя речи. Таким образом, функциональный подход в обучении напрямую связан с формированием коммуникативной компетентности учащихся.

В содержание обучения при функциональном подходе включены знания о функциональных возможностях грамматических категорий и композиционно-стилистическом потенциале грамматических форм, а также о функционировании переносных значений как одном из средств языкового воздействия. Эти знания обуславливают введение понятий *текстообразующая функция* языковой единицы (способность «строить» текст, участвовать в его создании) и *изобразительно-выразительная функция* языковой единицы (способность «рисовать» образные картины, передавать с разной степенью выразительности те или иные мысли и эмоции, отношение автора к описываемому предмету).

Знания о функционировании языковых единиц больше востребованы на уроках развития речи. На уроках морфологии отмечается формализация усвоения данных знаний: учащиеся заучивают лингвистическую теорию, часто не осознавая сущности языковых явлений и коммуникативной перспективы применения полученных сведений. Необходимо научить школьников полноценно пользоваться языком, т. е. «реализовать в преподавании органичные связи между речью как способом общения и языком как средством общения» [1, с. 87].

Эта задача может быть успешно реализована при изучении глагола. Глагол в русском языке отличается такими свойствами, как смысловая емкость, динамичность, выразительность, коммуникативная значимость. Место глагола в школьном курсе морфологии исключительно велико. Эта часть речи имеет большое значение для овладения грамматическим строем русского языка, для речевого развития учащихся. Рассмотрим две наиболее распространенные функции частей речи – текстообразующую и изобразительно-выразительную – применительно к глаголу.

Под текстообразующей функцией единиц языка будем понимать их способность «участвовать в создании текста, ... «строить» текст, связывать воедино все его части и отдельные предложения с учетом коммуникативного намерения, цельного смысла, общего замысла – всех факторов, обуславливающих его создание или интерпретацию» [3, с.76]. Изобразительно-выразительная функция связана со стилистическими особенностями грамматических единиц, употреблением грамматических категорий – например, времен глагола, лица, наклонения, – а также образным употреблением словоформ.

Знакомство с функцией грамматических форм происходит на уроке грамматики, включающем в себя в качестве примеров фрагменты живой речи. Учащимся предлагается текст, иллюстрирующий функции изучаемой грамматической формы и особенности употребления грамматических форм в связном высказывании.

Приведем пример такого фрагмента при изучении темы «Виды глагола». Задача первого этапа – ввести понятия текстообразующей и изобразительно-выразительной функций глагола. Затем на основе анализа текста определяется роль глаголов совершенного и несовершенного вида в построении текста, а также в выражении авторской позиции.

Митя Кулдаров, возбужденный, взъерошенный, влетел в квартиру своих родителей и быстро заходил по всем комнатам. Родители уже ложились спать. Сестра лежала в постели и дочитывала последнюю страничку романа. Братья-гимназисты спали.

– Откуда ты? – удивились родители. – Что с тобой?

– Ох, не спрашивайте! Я никак не ожидал! Нет, я никак не ожидал! Это... это даже невероятно!

Митя захохотал и сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах от счастья.

– Это невероятно! Вы не можете себе представить! Вы посмотрите!

Сестра прыгнула с постели и, накинув на себя одеяло, подошла к брату. Гимназисты проснулись.

– Что с тобой? На тебе лица нет!

– Это я от радости, мамаша! Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что на этом свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом! Мамаша! О, господи!

Митя вскочил, побегал по всем комнатам и опять сел.

(А.П. Чехов)

Анализ показывает, что сюжетную линию текста, развитие действия организуют глаголы совершенного вида (*влетел, захохотал, прыгнула, вскочил, побегал, сел*). Выделение цепочки данных глаголов образует модель текста. Глаголы несовершенного вида используются в тексте для описания: *ложились спать, лежала, дочитывала, спали*.

Таким образом, глаголы совершенного вида, обозначая последовательные действия, выполняют текстообразующую функцию организации сюжета; глаголы несовершенного вида, передавая действия длительные или участвуя в описании предмета, организуют статические картины: экспозицию, фрагменты описания.

Изобразительно-выразительная функция глаголов в тексте связана с созданием художественного образа. Изобразительные глаголы «рисуют» образы, выразительные – экспрессивно передают мысли и чувства, отношение автора. Так, например, образ Мити создается глаголами *влетел, заходил, захохотал, вскочил, побегал, сел*. Автор передает чувства героя на протяжении всего рассказа: во время возвращения домой, в момент прочтения родителями газетной заметки и в момент ухода Мити к Макаровым.

Умения определять функции глагола в тексте формируются на основе системы упражнений. К основным типам упражнений относятся опознавательные, классификационные, аналитические и коммуникативные.

Опознавательные упражнения развивают языковую зоркость, умение отличать одно явление от другого. Они связаны с доказательством принадлежности языкового явления к указываемому разряду и с узнаванием в данном дидактическом материале изученного языкового явления, подбором примеров.

Классификационные упражнения заключаются в группировке изучаемых явлений, объединенных общей смысловой основой. К ним даются задания: определить основы группировки языковых явлений; распределить языковые явления на группы по данной основе; сгруппировать языковые явления, данные вперемешку; составить таблицы и заполнить их примерами.

Аналитические упражнения представляют собой полный или частичный разбор слов, словосочетаний, предложений и текстов в соответствии с их грамматическими и семантическими признаками.

Данные виды упражнений являются подготовительными, с их помощью происходит актуализация ранее изученного материала. Они формируют лингвистическую базу, необходимую для перехода к более сложным коммуникативным умениям.

Коммуникативные упражнения формируют умения создавать текст на заданную тему с учетом адресата и цели высказывания; собирать материал в соответствии с темой, систематизировать его; отбирать языковые средства, соответствующие теме, адресату и стилю будущего текста; связно излагать мысли в форме того или иного типа речи; редактировать написанное.

Использование коммуникативных упражнений соответствует принципам обучения при функциональном подходе: функциональности, речевой направленности и ситуативности. Такие упражнения выступают связующим звеном между формальной и функциональной сторонами грамматического навыка.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: методика преподавания русского языка располагает сегодня достаточным потенциалом – лингвистическим, психолого-педагогическим и собственно методическим – для решения проблемы соединения линий языка и речи в школьном курсе на основе реализации функционального принципа при изучении частей речи, в частности глагола.

Литература

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л., 1984.
2. Баранов М.Т. Логико-предметные категории и способы их выражения в языке и речи / М.Т. Баранов // Программы для общеобразовательных школ, гимназий, лицеев. Русский язык. – М., 2000.
3. Ипполитова Н.А. Текст в системе изучения русского языка в школе / Н.А. Ипполитова. – М., 1992.
4. Чехов А.П. Радость // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – Т.2.(1883–1884). – М.: Наука, 1975. – С. 12–13.

*Е.И. Мельникова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. С.А. Чуриков

КОНЦЕПЦИЯ «УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ КЛАССИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.»

В настоящее время существует множество словарей русского языка, представляющих различные его пласты. Среди этого массива изданий есть и словари авторских неологизмов. Однако произведения многих авторов еще не представлены в таких словарях, что не может не сказываться на образовательном процессе. Создание новых и более полных словарей авторских неологизмов представляется необходимым, т. к. это даст возможность более глубокого изучения русской классической литературы.

В современной лингвистике под **неологизмом** понимается новое слово или выражение, а также новое значение старого слова. [3, с. 5]

Кроме того, выделяется термин **окказиональное слово** – это «одноразовая» лексическая единица, лишенная воспроизводимости, а значит, и исторической протяженности своего существования. Это слово не способно устаревать, в то время как понятие неологизма противопоставлено понятию архаизма. Окказиональное слово – это чисто речевая единица. Только благодаря вхождению в язык оно становится неологизмом. [3, с. 18]

Термин *окказионализм* достаточно широко используется в лингвистической литературе, но его общепризнанного определения до сих пор нет. Встречаются следующие наименования, обозначающие это понятие: *писательские новообразования, художественные неологизмы, творческие неологизмы, стилистические неологизмы, индивидуальные неологизмы, слова-самоделки, слова-однодневки, эгологизмы, индивидуально-авторские новообразования, произведения индивидуального речетворчества, эфемерные инновации*. [3, с. 18]

Наиболее часто употребляются термины *авторский неологизм* и *окказионализм*. Так, под *авторским неологизмом* понимается новообразование, у которого есть установленный автор, но которое, тем не менее, достаточно прочно вошло в литературный язык. Под *окказионализмом* подразумевается то слово, которое является «одноразовым» в авторском использовании: оно употреблялось только определенным автором в определенном контексте.

В работе мы придерживаемся широкого взгляда на авторские новообразования, т. е. употребляем термин *авторский неологизм*, т. к. представляется нецелесообразным не учитывать те слова, которые заняли определенное место в языке.

Среди описываемых слов относительно широко используются в языке такие слова, как *головотяп, стушеваться, благоглупость, белоручничать*.

Классических окказионализмов значительно больше. К ним можно отнести следующие примеры: *мордемондия, левитанистый, толкастика, окошкодохлиться, нимфозория, клеветон, душедранствовать, аплодисментошиканье, ольдекопничать* и другие.

В последние десятилетия XX века сложилось особое направление русской неографии – писательская неография. Созданные к настоящему времени русские словари авторских неологизмов ориентированы на описание словотворчества поэтов XX в.

В 1995 г. увидел свет «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н. Перцовой. Он является ценным руководством к пониманию творчества поэта.

В 2008 г. был издан «Словарь индивидуально-авторских слов Игоря Северянина» В.В. Никульцевой.

В 2009 году появился еще один неографический труд – книга «Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко». По мнению авторов этого издания Р.Ю. Намитоковой и И.А. Нефляшевой, словарь позволяет проникнуть в творческую мастерскую художника и даёт возможность определить тенденции в развитии языка.

Также отметим Словарь неологизмов из романа А. Белого «Москва» Яны Кандовой. В этой работе представлены неологизмы «Московского чудака» и самого начала «Москвы под ударом», составляющие около тридцати процентов лексем романа.

Между тем авторская неология классиков русской литературы XIX столетия представляет, на наш взгляд, не меньший интерес и нуждается в многоаспектном словарном описании. Эту задачу призван решить «Словарь авторских неологизмов классиков русской литературы XIX в.»

Объектом описания данного словаря является литературный язык классической литературы XIX века. Предмет описания – авторские неологизмы.

Словарь предназначен для учебных целей, поэтому целевой аудиторией являются школьники, студенты, преподаватели, а также все интересующиеся русской классической литературой и её языком.

Форма представления – печатная и электронная. В электронной форме поиск будет осуществляться с помощью встроенного поискового аппарата. В бумажной форме основной принцип расположения описываемых единиц в словаре – прямой алфавитный. Известные недостатки такого порядка расположения будут компенсированы несколькими приложениями, в которых неологизмы упорядочиваются по автору-создателю, способу образования и т.д.

Структура словарной статьи будет включать 6 элементов:

- 1) заголовочное слово;
- 2) краткая грамматическая характеристика;
- 3) значение;
- 4) авторская принадлежность и пример(ы) употребления;
- 5) Примеры использования другими авторами (факультативно);
- 6) Словарная фиксация (факультативно).

Приведём пример словарной статьи:

Драмодел, сущ.

Человек, неудачно пишущий драмы.

Введено А.П. Чеховым.

Гославский неопытный драматург, но всё же драматург, а не драмодел. [А.П. Чехов. Письмо к А.С. Суворину (29 сентября 1896 г. Мелихово.)]

Использование другими авторами:

Найдёнов был бы просто драмодел, если бы сыпал из себя драмы, как из мешка картофель. [А.С. Серафимович. Сарказм – могучее оружие (1903)]

Было тут много низкопробного хлама, на лету состряпанных драмоделами сценических текстов. [М.М. Морозов. Василий Николаевич Андреев-Бурлак (1948)]

Шекспира при этом нередко зачисляли в драмоделы елизаветинских времён, писавшего за несколько фунтов пьесы, согласно штампам своего времени. [Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир (1962)]

В отличие от наших тусовочных драмоделов мировая кинодраматургия охотится за историями из жизни, как правило, поражающими нас силой человеческого духа. [Валерий Кичин. О странностях любви (2002) // «Известия», 2002.02.01]

Словарная фиксация: Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS.

На данный момент имеется около 100 проанализированных авторских неологизмов и соответствующих словарных статей. Рассматривались произведения и письма А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого. На данном этапе больше всего неологизмов найдено в творчестве А.П. Чехова – так называемых «чеховизмов». Среди частей речи, к которым относятся неологизмы, преобладают существительные, из способов словообразования можно отметить суффиксацию.

Создание «Словаря авторских неологизмов классиков русской литературы XIX в.» представляется важным, так как в нем объясняются отдельные лексические единицы, отражающие своеобразие языка автора. Создаваемый словарь может помочь читателю более полно понять авторскую мысль и субъективное отношение писателя к описываемым персонажам, ситуациям, предметам и явлениям действительности.

Литература

1. Ефремов В.А. Современная академическая неография : проблемы и перспективы / В.А. Ефремов // Вестник НГПУ. 2014. №3 (19) с. 14–21.
2. Котелова Н.З. Теоретические аспекты описания неологизмов / Н.З. Котелова // Советская лексикография. М., 1988.
3. Попова Т.В. Русская неология и неография / Т.В. Попова. – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2005. – 96 с.

*Л.В. Бедрина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н., доц. О.А. Иванова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Экзамены – это серьезное испытание на прочность всей нервной системы и проверка не только знаний выпускника, но и его психологической устойчивости. Исследования показывают, что экзаменационный стресс занимает одно из первых мест среди причин, вызывающих психическое напряжение у школьников (В.А. Бодров) [1]. Наиболее подвержены стрессу учащиеся с ослабленным здоровьем, а особенно – страдающие хроническими соматическими заболеваниями, либо имеющие отклонения от нормы в нервном и психическом плане. Для понимания причин возникновения экзаменационной тревожности имеют значение и тип темперамента ребёнка, и уровень его социальной адаптации. В группу риска повышенной экзаменационной тревожности входят подростки с низким уровнем самооценки, поэтому стресс может подкосить не только тех, кто плохо успевает, но и, казалось бы, вполне благополучных детей с хорошей подготовкой и высоким чувством ответственности.

Как отмечает В.С. Мухина, старший школьный возраст – это период жизни от старшего подросткового до юношеского [5]. К основным психологическим особенностям данного возрастного периода относятся: формирование самосознания, появление возможности самовоспитания, возросшая волевая регуляция, формирование собственного мировоззрения, стремление к самоутверждению своей независимости, оригинальности, пренебрежение к советам старших.

Старший школьный возраст представлен наличием многих эмоциональных проблем. Перед учащимися старших классов стоят серьёзнейшие задачи: окончание школы,

построение новых отношений с окружающими, профессиональное самоопределение, автономность от семьи и другие важные составляющие вхождения во взрослость [4]. Всё это отражается на эмоциональной сфере школьников. Для них характерно: перепады настроения, частое возникновение сильных эмоций, формирование новых глубоких чувств.

Под состоянием тревожности А.М. Прихожан понимает «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, с предчувствием грозящей опасности» [6, С. 39].

Устойчивая личностная тревожность возникает у школьников с такими чертами, как: ранимость, повышенная впечатлительность, мнительность. Этот вид тревожности выступает как реакция на угрожающего-то несуществующего, не имеющего ни названия, ни четкого образа, угрожающего человеку потерей себя, утратой своего «Я» [3].

Мы в своём исследовании выделили группы факторов. Тревожность, порождаемая фактором личностной особенности, конфликтностью самооценки, наличием в ней противоречия между высокими притязаниями и достаточно сильной неуверенностью в себе [1]. Подобную тревожность часто испытывают старшеклассники, которые учатся хорошо и даже на «отлично», ответственно относятся к учебе, общественной жизни, школьной дисциплине. Самые частые социальные факторы тревожности: завышенные требования к ребёнку, негибкая, догматическая система воспитания, не учитывающая собственную активность учащегося старших классов, его интересы, способности и склонности [1]. Ситуационный фактор, способствующий развитию тревожности в период выпускных экзаменов, – ситуация постоянной оценки знаний и достижений школьника.

Исследователи обнаружили, что в ситуации оценивания, поведение человека зависит от двух факторов: эмоциональности и постоянных мыслей о последствиях возможного «провала», «неудачи». Причем, именно постоянные негативные мысли отрицательно влияют на результаты контрольных, проверочных работ и экзаменов [1, С. 13].

В последнее время в связи с введением процедуры ЕГЭ можно говорить о специфичном типе – экзаменационной тревожности учащихся. Проблема высокого уровня тревоги в ситуации сдачи ЕГЭ относится к группе личностных трудностей. Кроме этого, выделяются трудности когнитивные, связанные с особенностями переработки информации в ходе ЕГЭ, со спецификой работы с тестовыми заданиями. Процессуальные трудности связаны с самой процедурой единого государственного экзамена, например, – со спецификой фиксирования ответов, с ролью взрослого, с критериями оценки и с незнанием своих прав и обязанностей. При этом когнитивные и процессуальные трудности могут стать одним из факторов повышения уровня экзаменационной тревожности во время сдачи ЕГЭ [2].

Отношение к ЕГЭ у старшеклассников играет важную роль при сдаче экзаменов. Оно влияет на сам процесс сдачи экзамена, результат выполняемой работы и на самого субъекта деятельности [8, С. 28]

Следовательно, для того чтобы избежать чрезмерной тревожности, мешающей нормально функционировать старшекласснику, следует особое внимание уделить профилактической работе. Незаменимой в решении данной проблемы является роль специально подготовленного школьного психолога и учителя, способных вести профилактику экзаменационной тревожности школьников в условиях общеобразовательной школы [7]. Так же, на наш взгляд, большую роль, как в повышении тревожности, так и в её понижении играет влияние родителей.

Литература

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.

2. Граница В.Г. Диагностика экзаменационной тревожности старшеклассников / В.Г. Граница // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2015. – №1. – С. 1-4.
3. Долгова В.И. Коррекция страха смерти у подростков: монография / В.И. Долгова, Н.В. Кормушина. – Челябинск: ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2009. – 324 с.
4. Калистратова А.А. Взаимосвязь уровня рефлексивности и показателей тревожности в старшем школьном возрасте / А.А. Калистратова // Молодежь и наука: X Юбилейная Всероссийская научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященная 80-летию образования Красноярского края. – 2016. – №1. – С. 45-47.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития / В.С. Мухина. – 10-изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
6. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст / А.М. Прихожан. – СПб.: Питер, 2011. – 234 с.
7. Фокина И.В. Специфика профилактической работы психолога с экзаменационной тревожностью у старшеклассников в условиях общеобразовательной школы / И.В. Фокина // Перспективы науки и образования. – 2014. – №4 (10). – С. 106-110.
8. Шаповал В.В. Приемы и правила успешной сдачи экзаменов / В.В. Шаповал, К.Г. Митрофанов, Е. В. Саплина. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 188 с.

*Г.В. Митрофанова, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц., О.Я. Емельянова*

СОПРОВОЖДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время проблема образования детей с ограниченными возможностями здоровья является одним из приоритетных направлений в современной социальной и образовательной политике российского государства. Опыт европейских и североамериканских стран показывает, что практически все дети с особенностями в развитии способны обучаться в общеобразовательных учреждениях в условиях инклюзивного обучения.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года (с изменениями 2015-2016 года) дает родителям право самостоятельно выбирать формы обучения ребенка, защищать его права и интересы, а также выбирать образовательную организацию, в которой будет обучаться их ребенок. Но, к сожалению, на пути реализации конституционного права на образование перед родителями и ребенком возникает множество трудностей [1, с.138].

Одной из самых серьезных и часто встречающихся проблем, препятствующих вхождению ребенка в инклюзивную среду общеобразовательного учреждения, является прямой отказ администрации в приеме данного ребенка в школу. Но существует и «обратная сторона медали». Встречаются случаи принудительной интеграция детей с ОВЗ в среду нормотипичных сверстников без создания специальных образовательных условий. Также очень важной проблемой, прежде всего для ребенка, является неготовность принятия его сверстниками и учителями. В связи с этим, родители детей с особенностями в развитии при выборе формы обучения для своего ребенка не редко выбирают обучение на дому, которое, безусловно, не способствует получению ребенком качественного образования, а главное, ведет к трудностям его социальной адаптации и интеграции в общество [2, с.103].

Но все же современные родители детей с ОВЗ являются в своем большинстве достаточно открытыми для общения. Они проявляют интерес к обучению своего ребенка в общеобразовательной школе в условиях инклюзивного образования, верят в успешное осуществление этой идеи и поэтому готовы преодолевать любые трудности.

Одной из самых сложных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся в условиях инклюзивного образования, принято считать детей с расстройством аутистического спектра. Это связано со спецификой данного расстройства и вытекающими отсюда методическими проблемами.

По последним данным Центра по контролю и профилактике заболеваний США в среднем 1 из 68 детей (или 14,7 на 1000 восьмилетних) имеет расстройство аутистического спектра [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения расстройство аутистического спектра диагностируются в 1 случае на 160 детей [4, URL].

Количество детей с аутизмом Воронежской области растет в абсолютных значениях. Конечно, прежде всего, это связано с улучшением диагностики заболевания, но все же данные различных эпидемиологических исследований, проведенных за последние десятилетия, показывают, что распространенность РАС увеличивается во всем мире [4, URL].

С декабря 2012 года в Воронежской области работает пилотная для России программа «Аутизм. Маршруты помощи», предложенная фондом содействия решению проблем аутизма «Выход». Целью программы является создание комплексной помощи людям с расстройством аутистического спектра. В рамках данной программы с 2015 года реализуется региональный проект «Обучение детей с РАС с использованием технологии прикладного поведенческого анализа». В настоящее время в проекте принимают участие 9 образовательных учреждений, в которых обучаются 68 детей с аутизмом. Для них создаются специально оборудованные ресурсных классы (группы). Со временем многие дети начинают посещать совместные занятия с нормотипичными сверстниками, а некоторые полностью переходят на обучение в регулярные классы (группы).

На базе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средняя общеобразовательная школа № 90 города Воронежа в сентябре 2016 года был открыт ресурсный класс, в котором обучаются 6 детей с расстройством аутистического спектра.

В начале учебного года (сентябрь 2016 г.) психологом ресурсного класса нашей школы проводилось анкетирование родителей детей с расстройством аутистического спектра, целью которого была оценка первоначальных навыков детей, а также определение целей и ожиданий родителей. Главным ожиданием всех без исключения родителей является социальная адаптация детей, приобретение навыков общения со сверстниками, умение работать в коллективе.

Для повышения эффективности инклюзивного образовательного процесса специалистами ресурсного класса используются формы взаимодействия с родителями детей с расстройством аутистического спектра, включающие в себя:

1. Различные методы исследования: анкетирование, опрос, беседы, наблюдение. Анализ результатов исследования позволяет выявить психолого-педагогические потребности родителей, отношение к инклюзивному образовательному процессу и его участникам, различного рода проблемы и трудности, возникающие на пути успешной адаптации ребенка к условиям инклюзивного обучения и так далее.

2. Листы обратной связи, которые ежедневно заполняются родителями, с одной стороны, психологом и учителем ресурсного класса – с другой. Каждое утро родитель заполняет и приносит в школу лист обратной связи, в котором он указывает состояние ребенка, прием лекарств, взаимодействие с окружающими людьми, возникновение нежелательного поведения вне школы. При этом учитель и психолог заполняют аналогич-

ный документ, в котором указывают достижения ребенка в инклюзивном образовательном процессе, проблемы, возникающие в течение дня, рекомендации по их решению.

3. Индивидуальное консультирование родителей, которое проводится один раз в неделю.

4. Индивидуальные и групповые тренинги, на которых родители обучаются новым методам коррекции, способствующим ускорению адаптации ребенка к условиям инклюзивного обучения.

5. Родительские собрания, которые проводятся один раз в месяц. На таких собраниях обсуждаются общие вопросы по инклюзивной практике в нашей школе.

6. Создание родительского комитета.

7. Организация участия в совместных досуговых мероприятиях.

К сожалению, родители, воспитывающие ребенка с отклонениями развития, сами нуждаются в помощи. Многие из них имеют неадекватные представления о потенциальных возможностях своего ребёнка. Отдавая своего ребенка в общеобразовательную школу, они ждут мгновенных результатов, но чаще всего перспектива является долгосрочной, или вовсе нереализуемой. Процесс адаптации ребенка к учебному заведению зависит от многих факторов, на которые родители не в состоянии повлиять в связи с непредсказуемостью ребенка.

Для повышения эффективности инклюзивной практики специалистам общеобразовательного учреждения необходимо осуществлять психолого-педагогическое сопровождение родителей. Организация поддержки семьи ребенка с ОВЗ является одним из самых важных условий успешной адаптации ребенка к школе в условиях инклюзивного обучения.

Литература

1. Нарратив инклюзивного образования: монография / под ред. О.Я. Емельяновой. - Воронеж: Фирма Элист, 2013. – 198 с.

2. Шалагинова К.С. Психолого-педагогическое сопровождение родителей при переходе к инклюзивному образованию / К.С. Шалагинова// Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы международной научно-практической конференции 20-22.06.2011/ ред. О.Н. Ертанова, М.М. Гордон. – Москва: Московский городской психолого-педагогический университет, 2011. – С. 103-105.

3. Christensen D.L. Community Report on Autism: Community Report from the Autism and Developmental Disabilities Monitoring (ADDM) Network/ D.L. Christensen, J. Baio, K. Van Naarden Braun [et al.]. – United States, 2012. – MMWR Surveill Summ, 2016.

4. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (рус.): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/ru/> (дата обращения: 30.03.2017).

*В.Н. Юдина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р пед .н., проф. Н.И. Вьюнова

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ ПЕДАГОГУ

В настоящее время резко возрастает потребность к поиску нестандартных способов решения проблем, возникающих в современном мире. А вместе с этим возникает потребность в людях, умеющих креативно и творчески мыслить. Именно, творческое

мышление, если его развивать с самого раннего детства, позволит достичь успеха в современном мире.

Перед обществом с каждым годом возрастает большое количество проблем и запросов на их скорое и оригинальное решение. Для этого нужны талантливые, творческие личности с нестандартным, сильным мышлением, которые смогут их решить. Поэтому проблема формирования творческого мышления весьма актуальна. Развитие творческого мышления является одной из основных задач современного образования. Для этого необходимы специальные образовательные технологии, которые позволили бы формировать уникальный творческий потенциал каждого ученика.

Категория «творческое мышление» давно активно употребляется в психологической и педагогической литературе, однако содержание данного понятия по настоящее время является достаточно спорным и, возможно, не до конца разработанным. В современной психологии существуют разнообразные подходы к определению творческого мышления.

В зарубежной психологической науке творческое мышление сопоставляют с таким понятием, как «креативность». Данный термин был выделен, когда появились показатели об отсутствии связи между выполнением тестов интеллекта и успешностью решения проблемных ситуаций. Также было выделено, что творческие возможности человека нельзя смешивать со способностями к обучению.

В трудах отечественной психологии и педагогики широко разрабатываются проблемы творческого мышления. Термин «продуктивное (творческое) мышление» был введен М. Вертгаймером, но ему не удалось раскрыть эту категорию с необходимых сторон [4, с.63].

В словаре практического психолога категория «творческое мышление» рассматривается как один из видов мышления, который характеризуется созданием субъективно нового продукта и новообразованиями в ходе познавательной деятельности по его созданию. Этими новообразованиями считаются мотивация, постановка целей, оценок, замыслов, смыслов и т. д. Стоит разграничить мышление творческое от репродуктивного мышления, в процессе последнего применяются уже готовые знания и умения [1, с.72].

Таким образом, анализируя работы зарубежных и отечественных исследователей, можно сделать следующий вывод, что если создание некоторой идеи или продукта деятельности, является оригинальным и принципиально новым, то это считается результатом творческого мышления.

Итак, творческое мышление – это процесс создания принципиально новой идеи или некоторого продукта творческой личностью, в число основных характеристик которой входят: воображение, интуиция, оригинальность, работоспособность, упорство, инициативность, уверенность в себе и др. Личность, обладающие такими качествами, находит удовлетворение в самом процессе творчества, а не только при достижении поставленной цели.

Младший школьный возраст совпадает с периодом обучения в начальной школе, сроки младшего школьного возраста в настоящее время с 6-7 до 9-10 лет [4]. В этот период происходит дальнейшее психофизиологическое и физическое развитие ребенка, которое обеспечивает возможность систематического обучения в школе.

Важными предпосылками развития творческого мышления являются возрастные особенности ребенка, которые можно считать компонентами способностей младших школьников. Некоторые психические особенности, которые качественно отличают ребенка от взрослого, непосредственно отражаются на творческом мышлении [2, с.145].

Возрастными предпосылками развития творческого мышления у младших школьников являются повышенная восприимчивость, готовность усваивать новые знания, вера

в истинность того, чему учат, также отмечается развитие самостоятельности. Все это открывает особые возможности для многостороннего развития [3, с.201].

Главным фактором, определяющим творческое мышление младшего школьника, является его опыт: творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от богатства и разнообразия прошлого опыта.

Одной из ключевых особенностей творческого мышления младших школьников является то, что ребенок некритически относится к своему продукту творчества. Детский замысел не направляется никакими идеями, критериями, требованиями, а потому субъективен.

Развитие творческого мышления неотделимо от формирования исполнительских умений и навыков. Чем разностороннее и совершеннее умения и навыки учащихся, тем богаче их фантазия, реальнее их замыслы, тем более сложные задания выполняют младшие школьники.

По результатам исследования, в котором приняли участие 50 младших школьников, 25 из которых имеют задержку психического развития, мы пришли к следующим выводам.

Младшие школьники с задержкой психического развития имеют более низкий уровень развития творческого мышления чем младшие школьники без особых образовательных потребностей. В первую очередь это может быть связано с уровнем психического развития, дети с задержкой психического развития отличаются личностной незрелостью и слабо развитой эмоционально-волевой сферой, все это может отражаться на творческом мышлении и на творческих способностях.

Младшие школьники без особых образовательных потребностей показали результаты, находящиеся в рамках среднего и выше среднего уровней развития творческого мышления.

Приведенные данные результаты исследования являются свидетельством того, что развитие творческого мышления у младших школьников должен носить целенаправленный характер.

На основе нашего исследования мы разработали следующие психолого-педагогические рекомендации по развитию творческого мышления у младших школьников для учителей:

1. В процессе обучения необходимо применять проблемный метод обучения, для активизации исследовательских и творческих способностей.
2. Развивать и поддерживать атмосферу доверия на уроках, предоставлять ребенку «право на ошибку».
3. Применять на уроках нестандартные задачи, которые имеют несколько способов решения.
4. Проводить работу над ошибками, которые могли встретиться при решении нестандартных задач.
5. Использовать большое количество раздаточного материала, наглядных пособий, музыкальное сопровождение, создающих эмоциональный настрой и побуждающих детей к активной творческой деятельности.
6. Проводить дополнительные занятия во внеурочное время.
7. Занятия следует проводить регулярно.

Воспитание подрастающего поколения составляет важную задачу любой социальной системы. Но в развитом обществе формирование нового человека как личности, обладающей высокими нравственными качествами, творческим отношением к действительности, общественной активностью, превращается в главную задачу, являясь необходимым условием его построения.

Формирование и развитие творческого мышления – это долгий целенаправленный процесс, который должен носить системный характер. Для того чтобы можно было полноценно развивать творческое мышление у учащихся, необходимы специальные занятия, на которых будут соблюдаться определенные условия.

Литература

1. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Москва : АСТ, Харвест, 1998 – 91 с.
2. Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст / Н.С. Лейтес – Москва : Педагогика, 1971. – 227 с.
3. Лейтес Н.С. Об умственной одарённости / Н.С. Лейтес – Москва : Академия педагогических наук РСФСР, 1960. – 254 с.
4. Пономарев Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев. – Москва : Наука, 1976. – 365 с.

*М.В. Костылева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н. Ю.А. Гончарова*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В настоящее время всё более важным становится вопрос о формировании психологически здоровой личности, которая могла бы эффективно справляться с различными угрозами современного мира, как технологическими, так и психологическими. Вследствие этого при разработке новых образовательных стандартов важно создавать такие условия образовательной среды, которые помогли бы ученику чувствовать себя комфортно и физически, и психологически. Одним из требований, предъявляемых к организации образовательного процесса, а также одним из показателей качества образования является обеспечение психологической безопасности. Рассматривая актуальность данной темы в глобальном масштабе, хотелось бы подчеркнуть её приоритетность в рамках школьной образовательной организации. Именно в школе закладывается основа целостного развития личности ребёнка: интеллектуального, эмоционально-нравственного, волевого, социально-личностного.

Обеспечение такого развития предполагает решение основной задачи образовательного учреждения – это охрана жизни и укрепление физического и психического здоровья школьников. Современная школа должна не только давать знания ученикам, но также и стать стартовой площадкой для становления счастливых людей. Данная тенденция может быть реализована в атмосфере душевного комфорта и благоприятного социально-психологического климата в образовательном учреждении. Именно поэтому деятельность образовательной организации по решению этой задачи состоит в обеспечении безопасных и психологически комфортных условий для каждого ребёнка.

Психологическая безопасность важна для школьников в связи с особенностями их социальной ситуации развития, отношений к самому себе и окружающим. Психологически безопасная образовательная среда способствует качественному усвоению учебного материала, развитию, адекватному разрешению возникающих проблем и трудностей, физическому и психическому здоровью. Ребенок, испытывающий страх перед од-

ноклассниками, учителями, и школой, не защищённый от психологического насилия, не в состоянии продуктивно учиться и нормально развиваться.

Актуальность изучаемой проблемы к тому же обусловлена и тем, что она изучается относительно недавно. Это связано с тем, что проблема психологической безопасности образовательной среды как многогранное явление требует неоднозначных и разносторонних подходов при её решении.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что проблема обеспечения психологической безопасности образовательной среды только начинает формироваться как самостоятельное направление исследований.

Категория «безопасность» активно стала разрабатываться в 90-х годах XX века и с этого момента нашла свое отражение в различных психологических исследованиях. Изучением феномена психологической безопасности образовательной среды занимались И. А. Баева, Е. Н. Волкова, Л. А. Гаязова, Б. А. Еремеев, О. Н. Истратова, М. Б. Калашникова, Е. Б. Лактионова, Л. А. Регуш и другими исследователи.

В отечественных исследованиях имеются различные трактовки данного феномена.

В.Б. Челпанов под психологической безопасностью понимает положительное самоощущение человека, его эмоциональное, интеллектуальное, личностное и социальное благополучие в конкретных социально-психологических условиях, а также отсутствие ситуаций нанесения психологического ущерба личности и ущемления ее прав [1, с. 156].

Т.С. Кабаченко рассматривает психологическую безопасность «как самостоятельное измерение в общей системе безопасности, представляет собой состояние информационной среды и условия жизнедеятельности общества, не способствующее нарушению психологических предпосылок целостности социальных субъектов, адаптивности их функционирования и развития» [3, с. 49].

Другое представление психологической безопасности у Г.В. Грачева и И.А. Бaeвой. Они определяют психологическую безопасность как отсутствие необходимости защищаться от угроз. А именно Г.В. Грачев понимает психологическую безопасность как «состояние защищенности психики от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентированной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе, а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [4, с. 15].

В своих работах И.А. Баева под психологической безопасностью образовательной среды понимает состояние психологической защищенности, а так же способность человека и среды отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия. По мнению И. А. Баевой модель психологической безопасности складывается из защищённости от психологического насилия, удовлетворенности в личностно-доверительном общении и референтной значимости среды. При отказе от психологического насилия, соблюдении принципов диалога и сотрудничества в образовательной среде мы можем рассчитывать на воспитание психологически здоровой личности. Так как субъектами образовательной среды выступают не только учащиеся, но и учителя и родители, то безопасность образовательной среды нужно оценивать с позиций каждого из этих трех субъектов [2, с. 28].

Таким образом, рассмотрев понятие психологической безопасности, можно сказать, что ее наличие необходимо для каждого, так как она способствует благоприятному развитию личности, способствует более успешному отражению негативных факторов. В нашей статье мы согласны с определением И.А. Бaeвой и будем понимать под психологической безопасностью защищенность от угроз, психологического насилия, унижения и оскорбления, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-

доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [2, с. 28].

Таким образом, психологическая безопасность образовательной среды это сложное структурное образование. Понимание данного феномена позволит проектировать различные технологии, обеспечивающие безопасность участников образовательного процесса от угроз их продуктивному развитию и психическому здоровью. А именно, создать среду, в которой будут организованы благоприятные условия для обучения, воспитания и развития личности. Работа по созданию психологической безопасности образовательной среды должна основываться на гуманистически ориентированных технологиях. Большая роль в обеспечении психологической безопасности должна быть отведена учителям, формированию их профессиональных навыков. Кроме того, психологическая безопасность зависит от психического состояния учеников, наличия доверительных взаимоотношений со всеми участниками образовательного процесса.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании / И.А. Баева. – СПб. : Речь, 2002. – 271 с.
2. Баева И.А. Общепсихологические категории в практике исследования психологической безопасности образовательной среды / И.А. Баева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб. : Речь, 2010. – № 128. – С. 27-39.
3. Кабаченко Т.С. Психология управления: Учебное пособие / Т.С. Кабаченко. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 118 с.
4. Тимерьянова Л.Н. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды : Учебно-методическое пособие / Л.Н. Тимерьянова. – Уфа: ИРО РБ, 2011. – С. 3-30.

*В.В. Сопельняк, студ. института психологии и педагогики
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. С.Н. Числова*

КРАЕВЕДЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Концепция развития образования Российской Федерации до 2020 года – один из основных документов, который определяет цели и задачи современного образования, среди которых «формирование у обучающихся гражданского и патриотического сознания, общей культуры и толерантности; овладение системой знаний, умений, навыков, компетенций» [5, URL] и т.д.

Реализации данных установок, на наш взгляд, способствует использование в образовательном процессе краеведческого материала.

Термин «краеведение» в толковом словаре С.И. Ожегова трактуется как «изучение какого-нибудь края, изучение отдельных местностей, районов со стороны их природы, истории, экономики, быта и т.п., производимое преимущественно местными силами» [3, URL].

Академик Д.С. Лихачев относит краеведение к комплексной науке, которая «соединяет в себе сведения природоведческие, исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т.д. Объединяющее начало состоит в том, что все они относятся к одной местности» [2, с.159].

О необходимости использования краеведческого материала в образовательном процессе говорится в работах Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, М.В. Ломоносова, В.Г. Белинского Б.Е. Райкова, Ю.А. Анохина и т.д. Определенный вклад в исследование данной проблемы внесли П.В. Иванов, Н.П. Кузин, Н.П. Милонов, А.Ф. Родин, А.Е. Сейненский и др.

Например, Т.А. Бабакова рекомендует связывать познавательную деятельность с приобретением и совершенствованием знаний, получаемых обучающимися от учителей в виде информации, выполнение опытов и наблюдений, чтение краеведческой литературы [1, с.16].

Полагаем, что использование краеведческого материала в обучении школьников необходимо начинать еще с начальной школы. Именно он способствует гармоничному развитию личности, воспитывает интерес к малой родине, ее истории, культурным ценностям, формирует знания о быте, хозяйственной жизни и обрядах народа, а также обеспечивает самореализацию в досуговой, культурной, познавательной деятельности.

Краеведческая работа с младшими школьниками имеет определенные особенности. К числу таких особенностей мы относим:

- систематичность организации;
- актуальность и доступность содержания;
- учет индивидуальных и возрастных особенностей обучающихся.

Краеведческую работу мы осуществляем непосредственно в процессе обучения, на уроке.

Приведем примеры заданий по математике, имеющих краеведческую направленность.

Например, на этапе «включения нового знания в систему знаний» при изучении темы «Задачи на нахождение неизвестного уменьшаемого» обучающимся можно предложить задачу, основанную на данных о Вознесенском соборе г.Ельца.

Задача.

Согласно проекту длина основания Вознесенского собора 84 м., а ширина – 34 м. На сколько метров длина собора больше, чем его ширина?

После решения задачи целесообразно выяснить у детей, что они еще знают о главном соборе города и предоставить им краткие сведения о нем. При изучении темы «Копейка. Рубль» внимание обучающихся можно акцентировать на краткой истории возникновения денежных средств и их совершенствовании, предоставить на интерактивной доске коллекции монет и по возможности посетить после занятий музей.

Подобные задания предлагаются детям и на других уроках. Они позволяют не только дать детям необходимые предметные знания, но и знания о родном крае.

Краеведческую работу мы осуществляем не только на уроке, но и во внеурочной деятельности.

Федеральный государственный стандарт (ФГОС) предусматривает такую организацию внеурочной деятельности, в ходе которой младшие школьники «включаются в ее различные виды, способствующие решению задач воспитания» [4, с.45]. Во внеурочной деятельности мы используем следующие ее виды: игровую, досугово-развлекательную, познавательную, трудовую, спортивно-оздоровительную, туристско-краеведческую, художественную и творческую. Полагаем, что краеведческий материал можно использовать в каждом из обозначенных видов.

Так, проведение игры-путешествия «Окрестности родного края» способствует актуализации знаний обучающихся об особенностях флоры и фауны своей малой родины.

Игра «Достопримечательности моей малой Родины» способствует развитию интереса обучающихся к памятникам истории и культуры.

Хочется отметить, что в последнее время вырос уровень проведения мероприятий, краеведческой направленности. Младшие школьники активно включаются в исследовательскую, проектную, творческую деятельность. Проводить такие мероприятия нам помогают центры дополнительного образования, детские библиотеки, музеи.

Успешность проведенной краеведческой работы проявляется в качестве знаний обучающихся, их активности, ответственности, дисциплинированности, а так же в развитых моральных чувствах и осознании ими себя как граждан своей страны. Вместе с тем, хочется подчеркнуть, что в процессе данной работы решаются задачи формирования у школьников универсальных учебных действий, что является необходимым условием обеспечения образовательного процесса в школе, в том числе и в начальной школе.

Таким образом, роль краеведения в образовательном процессе в школе велика. Использование краеведческого материала способствует развитию познавательного интереса младших школьников, а значит, и повышению качества знаний, уровню их воспитанности.

Литература

1. Бабакова, Т.А. Эколого-краеведческая работа с младшими школьниками / Т.А. Бабакова // Начальная школа. – 2003. – № 9. – С. 16-17.
2. Лихачёв Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачёв. – М.: Искусство. – 2000 – 440 с .
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://ozhegov.textologia.ru>
4. Пашкова А.М. Формы организации внеурочной деятельности в начальной школе / А.М. Пашкова // Начальная школа. – 2015. – №11. – С.45-49.
5. Федеральная концепция развития образования на 2016-2020 гг. Постановление от 23 мая 2015г. №497. – URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2015/06/FCPRO_2016-2020.pdf

*А.А. Евдокимова, студ. института филологии
ЕГУ им. И. А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д-р пед. н., проф., З.П. Ларских*

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОФЕССОРОМ З.П. ЛАРСКИХ ПРОБЛЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ В ШКОЛЕ

На современном этапе интерес к изучению русской орфографии как в лингвистическом, так и в дидактическом плане не ослабевает. Так, только недавно начато исследование того, насколько правописные навыки могут быть скорректированы у учащихся с помощью информационных технологий. Это напрямую зависит от требований к языковой компетенции школьников в контексте личностно-ориентированного обучения. Изучению проблем достижения эффективного использования информационных технологий обучения орфографии в начальном и среднем звеньях школе с 90-х гг. XX века занимается выпускница ВГУ (1979 г.) профессор З. П. Ларских. В 1992 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Изучение правописания согласных с применением ЭВМ (5 – 8 классы)» (Московский областной педагогический институт), в 2000 г. – докторскую дис-

сертацию «Теоретические основы использования новых информационных технологий в процессе адаптивного обучения младших школьников орфографии» (Московский государственный областной университет) и продолжает проводить изыскания в области педагогической информатики. Актуальность ее исследовательской работы заключается в том, что проблемы формирования грамматико-орфографической компетенции школьников сохраняет остроту, о чем свидетельствуют данные методистов, учителей и результаты письменных работ учащихся. З. П. Ларских накопила большой практический материал, позволяющий выяснить основные причины недостаточно высокого уровня орфографической грамотности школьников и наметить концептуальные, обуславливающие повышение результативности усвоения русского языка, методические подходы. Они реализуются на основе осуществления личностно-ориентированного и дифференцированного обучения в условиях применения информационных технологий. Ученый разработала общую концепцию более продуктивной методики на основе осуществления личностно-ориентированного и дифференцированного обучения в условиях использования информационных технологий.

Проблемой исследования З. П. Ларских является разработка теоретических основ концепции развития методики орфографии для школы с использованием информационных технологий, выявление ведущих, основополагающих идей (основных аспектов, понятий, закономерностей, принципов и факторов), помогающих вскрыть её сущность и наметить перспективные пути формирования высокой языковой (орфографической) компетенции учащихся.

Развивая положения концепции, исследователь в своих трудах рассматривает комплекс теоретических аспектов: 1) предметно-содержательный (лингвистический); 2) психологический; 3) дидактический; 4) методический; 5) технологический.

Предметно-содержательный аспект ориентирует на вычленение тех ведущих категорий лингвистики, на которых базируется формирование сознательного орфографического навыка. Данный аспект также нацеливает и на разработку типологии учебных заданий, так как их характер и содержание диктуется спецификой, лингвистической сущностью изучаемых тем.

Психологический аспект предполагает анализ особенностей деятельности обучающихся при применении орфографических правил, выявление закономерностей актуализации самостоятельных учебных действий школьников в ходе применения информационных технологий.

Дидактический аспект предполагает обобщение результатов научных исследований, посвященных разработке программных педагогических средств по орфографии; описанию приемов, методов, форм организации учебного процесса, способствующих стимулированию и формированию орфографических навыков.

Методический аспект исследования – это разработка и апробация системы средств, приемов, форм, применяемых на уроках с учетом специфики личностно-ориентированного обучения.

Технологический аспект предусматривает определение принципов и этапов разработки и последовательности применения программных педагогических средств по орфографии с целью индивидуализированного и дифференцированного подхода.

К достижению цели – определению лингвометодических основ и созданию модели обучения орфографии в начальном и среднем звеньях школы с использованием информационных технологий – З. П. Ларских подходит, последовательно решая поставленные задачи по

– выявлению особенностей методики орфографии для школы в лингво-психологическом и дидактическом контекстах;

- разработке принципов технологии проектирования программных педагогических средств для обучения орфографии;
- созданию программно-методического комплекса, включающего модули различного целевого назначения;
- структурированию системы упражнений для продуктивного освоения конструктивных способов деятельности по применению правил;
- определению на практике возможности повышения уровня орфографической компетенции школьников с помощью компьютерной поддержки.

З. П. Ларских с 1993 года по 2009 год в ЕГУ им. И. А. Бунина возглавляла лабораторию компьютерного обучения русскому языку, в рамках которой был разработан пакет программ по орфографии, получивший сертификат качества в Российском центре информатизации образования за № 7. В 2005 г. в издательстве «Просвещение». В соавторстве с Г.И. Пашковой, Е. И. Фитковской под руководством Е. Н. Алгазиной вышел электронный учебник по русскому языку для 5 класса.

З. П. Ларских участвовала в работе двух советов по защите докторских и кандидатских диссертаций (Д 212.059.01; Д 212.059.02) в ЕГУ им. И. А. Бунина. Под ее руководством 3 человека защитили кандидатские диссертации.

Результаты научно-методической деятельности З. П. Ларских нашли отражение в публикациях. Общий список ее печатных трудов включает 224 названия. За последние пять лет (2012 – 2016 гг.) опубликованы 4 учебно-методических пособия (21,4 п. л.), 4 монографии (9 п. л.) В изданиях, рекомендованных ВАК для изложения результатов научных исследований, напечатаны 14 статей; есть печатные работы, вышедшие за рубежом: в Украине; в Болгарии; в Венгрии; в Чехии, в Германии, в Таджикистане.

С 2004 года она является действительным членом Академии информатизации образования РФ.

З. П. Ларских многое делает для повышения информационной грамотности студентов, читает лекции на курсах повышения квалификации учителей, готовит педагогических работников к тому, чтобы они широко использовали информационные технологии в образовательном пространстве школы.

Перспективы предложенной З. П. Ларских концепции информатизации процесса обучения русскому языку (и, в частности, орфографии) видятся в том, что следует развивать три основные направления деятельности в области педагогической информатики, которые определяются рядом требований к компьютерным системам учебного назначения (электронным учебникам). Первая группа требований связана с отбором рекомендуемого к усвоению материала (системы понятий, учебных задач, сложности действий с ними). Вторая группа требований касается организации работы с интерфейсом (предпочтительнее использовать возможности мультимедиа в области конструирования структуры и динамики смыслового поля дисплея и клавиатуры, проектирования режима диалога между пользователем и компьютером). Третья группа требований определяется необходимостью проводить апробацию программных педагогических средств в условиях реального процесса обучения и дальнейшую их корректировку в соответствии с достижениями информационных технологий.

Литература

1. Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой: Пособие для учащихся 5 – 7 классов / Н. Н. Алгазина, З. П. Ларских, Г. И. Пашкова, Е. И. Фитковская; Под ред. Н. Н. Алгазиной. – М.: Просвещение, 1996. – 176 с.

2. Ларских З. П. Адаптивные программно-педагогические средства в обеспечении орфографической компетентности младшего школьника: монография / З.П. Ларских. – Харьков: Федорко, 2015. – 192 с.
3. Ларских З.П. Концептуальные проблемы развития информационных технологий обучения орфографии в начальной школе: монография / З.П. Ларских. – М.: МПУ, 1998. – 100 с.
4. Ларских З.П., Ларина, И.Б. Интеграция компьютерного и традиционного обучения русскому языку: Учебно-методическое пособие / З.П. Ларских, И.Б. Ларина. – Saarbrücken: Palm arium Academic Publishing: AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG, Deutschland, 2013. – 210 с.

*А.В. Карпова-Рождественская, студ. ф-та русской филологии МГОУ
(Москва)*

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗАДАЧ ЛЕКСИКОГРАФИИ В XXI ВЕКЕ

В частых спорах о состоянии русского языка в XXI веке большинство лингвистов сейчас придерживается позиции, которую можно обозначить словами главного редактора портала «Грамота.ру» Владимира Пахомова: «русскому языку ничего не угрожает».

Тенденция спокойного принятия «новояза» прослеживается и у лексикографов. В академических словарях, изданных в конце 20 – начале 21 века, обычно указано, что они продолжают традиции отечественной лексикографии. Однако при сопоставлении словников и сопроводительных материалов к словарям обнаруживается существенный отход от прежних принципов отбора лексики, наметившийся в последние десятилетия. Тогда как до перестройки составление словника велось с учётом тщательного анализа ценности включаемых слов, современные словари стремятся к максимально полному отражению лексики русского языка в них. Это приводит не только к значительному (как правило) увеличению словника, но и к изменению процентного соотношения между стилистическими пластами в сторону увеличения количества просторечий, жаргонизмов и ещё не устоявшихся в языке иноязычных заимствований последних лет.

Для сравнения принципов, служивших руководством для лексикографов от Д.Ушакова до перестройки с принципами современными, обратимся к пояснительным статьям, предваряющим толковые и орфографические словари (как самые популярные среди читателей).

В СУ (около 85 000 слов) сказано, что словарь «не ставит себе целью обнять все богатство русского языка» [9, стб. XXI], но помогает «усвоить образцовый, правильный язык» [9, стб. IX-X]. В предисловии к 4-ому изданию «Словаря русского языка» (53 000 слов) С.И. Ожегов пишет о желании «сделать более строгой нормативную сторону словаря, усовершенствовать его как пособие по повышению культуры речи» [4, с. 3].

В 1-ом издании МАС отмечается, что его нормативный характер достигается «подбором слов, включаемых в словарь», «стилистическими пометами, устанавливающими сферу и границы употребления того или иного слова (или его значения)» [8, с. 6]. Наконец, лексический состав самого большого академического словаря 20 века в 120 000 слов («Словарь современного русского литературного языка»), понятен из его названия.

В этих толковых словарях, а также «Орфографическом словаре русского языка» 1956 г. под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро, конечно, оговаривается включение некоторых просторечий, встречающихся в художественной литературе прошлого. Но следует

учесть, что произведения художественной литературы, выходявшие в печати до перестройки, подвергались цензуре и, пройдя проверку временем, представляют собой совершенные образцы русской речи.

Из анализа вступительных статей и состава словарей вышеперечисленных словарей можно заключить, что основной упор делался не на фиксировании всей массы активно используемых в речи слов, а на разъяснении норм и стремлении повысить культурный уровень у читателей, чему служили не только стилистические пометы, но и непосредственно отбор лексики в целом.

Судя по словарям конца XX – XXI века, взгляды лексикографов на цели словарей изменились. Очевидно, составители российских словарей теперь во многом ориентируются на европейскую лексикографию, описывающую все слова в языке и потому фиксирующую больше единиц. Можно отметить, что толковые и даже орфографические словари пытаются вобрать в себя специальные словари, изучающие одну сторону языка: словари жаргона, неологизмов, иностранных слов и т.д.

Например, такие мотивы демонстрирует БТС С.А. Кузнецова 2000 г. «Величина словаря (около 130 тыс. слов) позволяет полно представить лексический состав русского языка, сложившийся к концу нынешнего столетия» [1, с. 3]. «...Включены... слова и значения, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее... <...> ... остававшиеся до недавнего времени на границе отдаленной периферии (курсив наш. – А.В.) литературного языка (сниженная, жаргонная и бранная лексика)» [1, с. 3]. Но разве они уже вошли в литературный язык?

Словарь С.И. Ожегова в переиздании Н.Ю. Шведовой существенно отличается от прижизненных изданий первого автора. Вобрав в себя 30 000 новых слов и пополнившись вульгаризмами и жаргонизмами, в 2006 году он приблизился к среднему типу толковых словарей по классификации Ожегова, тогда как задумывался им как словарь малого типа.

«Русский орфографический словарь» Лопатина (200 000 слов) преподносит себя как «академический словарь, отражающий русскую лексику в том ее состоянии, которое сложилось в начале XXI века» [6, с. II].

Если включение слов, вошедших в жизнь вместе с новыми реалиями, закономерно, то целесообразность присутствия в словарях некоторых пластов лексики вызывает вопросы. В первую очередь, можно выделить слова, издавна присутствовавшие в языке, но ранее не вносившиеся в академические словари из-за грубо-просторечного окраса: **жопа, говно** (СОШ, БТС, РОС), эфемизмы бранных слов и выражений вроде **охренеть, фигня, ни хрена, на фиг**, междометие **блин** (РОС) и т.д. Доцент МГУ Н.В. Николенкова, комментируя намерения составителей РОС «фиксировать языковые изменения последнего времени», замечает, что просторечие – это отнюдь не явление последнего времени. И далее констатирует, что «новым является... **стремление филологов зафиксировать явление и включить его в словарь**» [3, URL]. Кроме того, в словарях получили «право на жительство» просторечные формы **чё, по-его, ихний, по-каковски** (РОС).

Второй пласт могут составить жаргонизмы (часто из тюремного жаргона и молодёжного сленга): **прикид, шестерить, чмо, чувак, шмон, гомик, ширяться** (БТС, РОС). Третий – заимствования (в том числе сленговые), имеющие русские аналоги и не представляющие ценности для языка: **герла, кол-гёрл, беби, дансинг, пати, фейс, вау, имхо** (РОС).

Особенно спорным представляется наличие просторечий и сленга в орфографическом словаре. Если словарь регламентирует правописание данных слов, значит, этим признаётся, что присутствие таких слов в письменной речи вполне допустимо. А широко распространённая в РОС помета «сниж.», стирающая различия между словами **охреневать** и **квиток**, фактически уничтожает степени градации просторечий.

Должны ли подобные слова включаться в словари, предназначенные широкому кругу читателей? По мнению В.А. Плунгяна, В.М. Пахомова, И.Б. Левонтиной, задача лингвиста – бесстрастно наблюдать за непрерывным развитием языка и заносить в словарь те слова, которые широко распространены в речи его носителей. Но словарь – не просто хранилище слов. Филолог К.С. Горбачевич называл словари «наиболее действенным средством проведения целенаправленной и научно обоснованной языковой политики» [2, с. 77]. Это означает, что словарь способен оказывать влияние на носителей языка, формируя их вкус и представление о нормах. А любое влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Н.А. Семёнов ещё в 1959 году отмечал по поводу вульгарной лексики в словаре Ушакова, что фиксация таких слов «лишь помогает их закреплению в языке и даже расширению сферы употребления» [7, с. 35].

Значение, издавна придававшееся в народе написанному слову, ёмко запечатлено в пословице: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Бессознательное доверие общества к надёжности печатного слова, сформированное за годы цензуры, вместе с уважением к авторитетным изданиям может отразиться на отношении людей к словам.

Особенностью литературного языка является закреплённость его норм в словарях. Однако в XXI в. литературный язык вынужден конкурировать с разговорной речью не только в СМИ и в художественной литературе, но также и в словарях, и в учебных пособиях. И если даже предположить, что *русский* язык «всё переварит», то его *литературной* части угрожает растворение в общем массиве лексики, а следовательно, и постепенное исчезновение этого пласта как высшей формы языка.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000 (БТС)
2. Горбачевич К.С. Современная нормативная лексикография / К.С. Горбачевич // Вестник РАН 1982. – Журнал №1. – С.77-86.
3. Николенкова Н.В. Орфографические словари русского языка сегодня и их соответствие действующим правилам русского языка / Н.В. Николенкова. URL: <http://grammar.ru/KOL/?id=2.88>
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. / С.И. Ожегов. – М. : Советская Энциклопедия, 1970. – 900 с. (СО).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с. (СОШ).
6. Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013 (РОС)
7. Семёнов Н.А. Толковые словари русского языка / Н.А. Семенов. – Киев : Изд-во Киев. Ун-та, 1959. – 118 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР / Гл. ред. А.П. Евгеньева; АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984 (МАС)
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935—1940 (СУ).

РОЛЬ ЮМОРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Позиции английского языка в мире как лидирующего средства международного общения все более и более усиливаются, и не наблюдается никаких весомых тенденций к остановке или замедлению данного процесса. Культура Великобритании в современных реалиях и литература в частности претерпевают изменения не менее быстро. Корреляция «комического» в англоязычной культуре и в английской литературе очевидна. «Комическое» всегда было одним из предметов стилистического исследования. Но с течением времени меняется менталитет и понимание «комического» эффекта. Изменяются его формы и средства, а также стили авторов. Используются определенные приемы и способы выражения комического, из-за чего стиль и язык становятся уникальными и неповторимыми.

Вышеперечисленное влияет и на появление все новых методов и тенденций в преподавании английского языка, а требования к уровню его знания, которым необходимо соответствовать, все возрастают. Вопросы повышения качества обученности и уровня воспитанности личности учащегося были и остаются приоритетными в современной методике преподавания иностранного языка. Реформирование образования и внедрение новых педагогических технологий в практику обучения следует рассматривать как важнейшее условие интеллектуального, творческого и нравственного развития учащегося. Цели, поставленные перед предметом «иностранный язык», должны решаться методически грамотно учителем, владеющим современными технологиями обучения иностранному языку, знающим психолого-педагогические особенности учащихся. Инновационные процессы, интегрируя традиции и новаторство, выступают механизмом разработки новых целей, содержания, форм, методов и технологий организации учебного процесса.

Несомненную педагогическую ценность, как одна из новых гий несет в себе юмор и его естественное выражение - смех. Использование данного средства может стать опорной точкой повышения эффективности процесса воспитания, обучения и развития личности. Что же такое юмор? Для разведения понятий следует уточнить терминологию.

Петровским А.В. и Ярошевским М.Г. «юмор» определяется, как интеллектуальная способность подмечать в явлениях их комичные, смешные стороны. Чувство юмора связано с умением субъекта обнаруживать противоречия в окружающем мире [1].

Толковый словарь Ожегова дает следующее определение «юмора» - понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-либо [2]. А комическое по А.А. Сычеву (от др.-греч. κωμῳδία, лат. comœdia) – философская категория, обозначающая культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное [3].

Как упоминают Якушева С.Д. и Сапожникова В.В., в истории педагогики ученые постоянно акцентировали внимание на значении юмора в образовании и воспитании (М.Ф. Квинтилиан, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, В.А. Сухомлинский и многие другие). Роль юмора велика и для педагога. Для него это одно из важнейших профессиональных качеств и средство актерского мастерства. Владение юмором – это прежде всего умение импровизировать, поддерживать дружескую обстановку и интерес к предмету. Педагог, который умело применяет различные средства юмора (каламбуры,

пословицы, поговорки, исторические анекдоты, травести, бурлески, метафоры, гиперболы и т.д.), тем самым снижает напряжение на уроке, освежает внимание, развивает ассоциативное мышление слушателей, расширяет кругозор, оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию [4].

Рассматривая юмор как педагогическое средство, следует определить его функции в педагогической деятельности, то есть задачи, которые ставит перед собой педагог. Т.Б. Козлова отмечает, что использование юмористических текстов на уроках может выполнять разные функции: 1. Активизирующая. Юмор повышает внимание и активность. 2. Релаксирующая. Способствует переключению внимания, расслаблению и отдыху. 3. Мотивирующая. Побуждает к определенным действиям. Юмор выступает средством стимулирования саморазвития. 4. Нормирующая. Выступает в качестве обратной связи. Юмор регулирует отношения между участниками образовательного процесса[5].

На использование юмора в педагогике можно посмотреть и с иной стороны, рассмотрев его не только как средство обучения, но и как объект. Об этом говорит А.В.Карасик, подчеркивая, что юмор является необходимым компонентом общения, вместе с тем многие характеристики юмора, в частности его прагматика, недостаточно изучены в лингвистической литературе. Он также отмечал, что неизбежной характеристикой межкультурного общения являются коммуникативные сбои, происходящие в силу несовпадения картин мира и требующие лингвокультурного объяснения, а объяснение и предупреждение коммуникативных сбоев, вызванных непониманием английского юмора, важно как для лингвистической теории, так и для практики межкультурного общения.

Юмор по А.В. Карасику является одним из концептов английской национальной картины мира, его предметно-образная характеристика представляет собой множество хранящихся в коллективной памяти ситуаций, сопряженных с добродушно-насмешливой интенцией, тональностью и образцами поведения людей, его понятийная характеристика — перечень определений, связанных с характеристиками ситуаций, которые ассоциируются с юмористическим поведением, его ценностная характеристика — снятие сравнительно незначительной угрозы с помощью психологической разрядки в виде положительной эмоции, выражаемой смехом.

Прагмалингвистические характеристики английского юмора заключаются в тех смыслах, которые кодируются отправителем речи в юмористических текстах и затем адекватно либо неадекватно декодируются получателем речи. Для адекватного декодирования английского юмора необходимо понимать лингвокультурную специфику англоязычного общения.

Карасик А.В.упоминает также, что английский юмор включает релевантные характеристики универсального юмора, а также юмора тех социальных групп, из которых состоитанглийская нация. Сумма наиболее характерных признаков этих групп и позволяет заключить, что перед нами – именно английский юмор [6].

Таким образом, юмор играет существенную роль в педагогическом процессе. Он может быть как средством обучения, так и объектом, на который направлен процесс познания. На наш взгляд стоит дополнить, что более популярно и широко применяется использование юмора как средства и тем более объекта изучения в педагогической практике в виде текстов варьирующихся от анекдотов до юмористических книг. Однако можно с уверенностью сказать, что применение юмора как средства может быть гораздо более многообразным: видео ресурсы (фильмы, юмористические шоу, обучающие сериалы), включение юмора в лекционную составляющую, презентации, отдельные темы посвященные специальному вокабулярию или в дополнительные задания на тренировку грамматики, произношения.

Литература

1. Петровский А.В. Психология. Словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Политиздат, 1990. – 167 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
3. Сычев А.А. Природа смеха или Философия комического / А.А. Сычев. – М., 2003. – 66 с.
4. Якушева С.Д. Юмор в воспитании и обучении современного подростка / С.Д. Якушева, В.В. Сапожникова // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. III междунар. науч.-практ. конф. № 3.* – Новосибирск: СибАК, 2010.
5. Козлова Т.Б. Использование юмористических текстов малой формы в преподавании иностранных языков / Т.Б. Козлова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – Вып. 4 (104). – 2012.
6. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. / А.В. Карасик. – Волгоград, 2001. – 13 с.

СЕКЦИЯ «ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ: ОБРАЗЫ, ЖАНРЫ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА»

*Д.Н. Гальцова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., проф. В.И. Дьякова*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ СЁЛ СТАРЫЙ КУРЛАК И НОВЫЙ КУРЛАК АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Воронежский край относится к территории позднего заселения. В XVI-XVIII веках он заселялся выходцами с юга, севера и других мест. Этим и объясняется пёстрая диалектная картина Воронежской области, однако на её территории господствующим является всё же южнорусское наречие.

Мы заинтересовались говорами сёл Старый Курлак и Новый Курлак, так как известно, что они заселялись выходцами из разных губерний – северных в Новом Курлаке и южных в Старом Курлаке [2, с. 9-10]. Особенный интерес возник в связи с тем, что данные сёла находятся в тесном контакте друг с другом. Мы решили выявить, в чем сходство и отличие старокурлакского и новокурлакского говоров, а также рассмотреть, какие процессы происходят в этих говорах в связи с их взаимодействием.

Приблизительная дата появления села Старый Курлак – 1701 год. В это время сюда были переселены дворцовые крестьяне из удаленных уездов России. Здесь же поселились и однодворцы – потомки служилых людей. [1, с. 432]. Через 39 лет, в 1740 году на противоположном, правом берегу реки обосновались переселенцы из Владимирского уезда и других мест России. Вновь появившееся селение получило наименование Новый Курлак [3, с. 216-217].

В результате исследования нами выявлены следующие различия в фонетической системе:

1. В Старом Курлаке присутствует недиссимилятивный тип яканья: *p'am'e'n'*, *z'amл'a'*, *b'aуu't'*. В Новом Курлаке наблюдается иканье – явление, общее с литературным языком: *риме'n'*, *зимл'a'*, *бигу't*. Нужно отметить, что недиссимилятивное яканье присутствует и в Новом Курлаке, но это единичные случаи, например, *пл'аса'ли*, *прил'ата'ли*. Мы считаем, что эти явления заимствованы из соседних южнорусских говоров.

2. В Новом Курлаке наблюдается оканье: *воро'tах*, *приоткры'tа*, *обе'дат'*. В Старом Курлаке – аканье: *варо'tа*, *приаткры'tа*, *абе'дат'*. В Старом Курлаке за всё время исследования зафиксировано всего шесть случаев оканья. Мы считаем, что эти случаи единичны и несистемны.

3. Произношение звука <г>. В Старом Курлаке в большинстве случаев употребляется <γ> (фрикативный), что является южнорусской чертой: *b'aуu't'*, *л'aуу'шычк'у*, *уавари't*. А в Новом Курлаке более распространена севернорусская черта – <г> (взрывной): *огоро'ды*, *фсигда'*, *гл'a'ниш*. Однако зафиксированы случаи употребления <г> в Старом Курлаке (*стигане't'*, *на Гу'дафки*, *Гаври'л*) и <γ> в Новом Курлаке (*иура'ли*, *уаду'*, *уусиница*). Эти случаи нечасты, возможно, они объясняются тесным взаимодействием местных жителей друг с другом.

4. В Старом Курлаке выявлено отсутствие перехода *e* → *o*: //яво' забра'л'и, а ја аста'лас'а ни вдава', ни **назав'е'иш** н'ика'к// В Новом Курлаке переход *e* → *o* наблюдается: //ох, сра'зу-та и ни **назав'о'иш**//

5. В Старом Курлаке широко распространено прогрессивное смягчение заднеязычных: //Микала'вна, ваз'ми' риб'ати'шык **на ниде'л'к'у**// В Новом Курлаке это явление полностью отсутствует.

6. В Новом Курлаке отмечено произношение <и> на месте <ѣ> и <е> исконного под ударением: //тот вапце' никаму' ни **ви'рил**, **дочири'й** к себе' ни пуска'л// В Старом Курлаке не выявлено ни одного случая подобного произношения.

7. В говоре Нового Курлака наблюдается произношение <и> во втором предударном начальном слоге на месте <о>: //шасто'ва **актибр'а'** јий zde'лали **ипира'цју**// В старокурлацком говоре такое произношение не зафиксировано.

8. В Новом Курлаке наряду с отвердением присутствует и исконная мягкость шипящих: //ой, э'та **пријиж'ж'а'ла** ка'к-та, ну ба'бушка у нијо' ту'та жыла// //пато'м **до'ж'д'** пашо'л, мы фсе' прямо'кли//. В Старом Курлаке сохранение исконной мягкости шипящих не наблюдается.

Из морфологических черт, которые являются различными для исследуемых говоров, можно выделить:

1. В Старом Курлаке – утрату среднего рода и замена его на женский: //пла't'је на мне **бе'лаја** была'// //а мне адна' и гавари't: «ой, **кака'ја** у таб'е' **харо'шаја** се'на// В Новом Курлаке – утрату среднего рода и наряду с заменой его на женский - замену на мужской: //одна'жды ја ждал, а две'r' **приоткры'tа**, **совища'није** был// //а на сва'д'би **пла't'је** на мне **был** цвито'чкими, **крипжарже'тывый**, **ни бе'лый**//

2. В Старом Курлаке наблюдается употребление <т'> в формах глаголов 3 лица настоящего времени: //ја јл'a'нул на сте'ну: фтаро'й пост **ар'о't'** и ни **пиристајо't'**//. В Новом Курлаке – употребление <т> в формах глаголов 3 лица настоящего времени: //говори't, не'скъл'ка подво't **поје'дут повизу't** куда'-то в А'нну или ф Садо'ваје//.

3. В Старом Курлаке зафиксировано употребление глаголов 3-го лица без <т>: //кнута'м је'здил, **пajма'ја** – **заст'аја'ја**//. В Новом Курлаке это явление отсутствует: //када' **пajма'јит**, тада' ху'жы будит//

4. В Старом Курлаке присутствует <с'> постфикса возвратных глаголов: //жыни'лис' ани', а чо то'лку-та, жыт'-та не'гди бы'ла// В Новом Курлаке повсеместно отмечается твёрдое <с> постфикса возвратных глаголов: //в э'тай фате', ф како'й ја за'муш выхадил'а, сто с'ол жыни'лис// Нужно отметить, что в старокурлакском говоре мы тоже можем наблюдать употребление <с>: зап'уса'л'уса, щита'л'уса, учи'лас. Но данное употребление не частотно и не системно.

5. В Новом Курлаке встречается употребление родительного падежа существительных женского рода единственного числа первого склонения с окончанием -е под ударением и с окончанием -и в безударном положении: //у Ли'ди два сы'на и у Јурки сын// //у систре' кало'диж был на дваре', л'уди к ней за вадой хадил'у//. В Старом Курлаке такое употребление единично.

6. В новокурлакском говоре существительные третьего склонения усваивают окончания существительных первого склонения: //смотр'у он в гризе' сидит ковыр'а'ица, ја аж обомле'ла фс'а/. В старокурлакском говоре данное явление не выявлено.

Общими морфологическими чертами исследуемых говоров являются:

- 1) наличие общего спряжения: ко'с'ут', бро'с'ут', гало'с'ут';
- 2) сохранение древних форм местоимений: мине', табе' (тобе'), сабе';
- 3) употребление окончания -а в словах женского рода в именительном падеже множественного числа: матир'а', дачир'а'.

В лексической системе говоров Старого Курлака и Нового Курлака различия не столь многочисленны, так как лексика – самый подвижный и изменчивый уровень языка. Однако, опираясь на данные СРНГ, мы выявили, что некоторые слова, употребляемые диалектоносителями только Нового Курлака, отмечены в Костромских и Владимирских говорах, например, *простенок* – постройка для временного проживания //мы тада' одно' ври'м'а ф просте'нки жы'ли// В СРНГ присутствуют пометы – Костр. и Влад. [4, т.32, с.240] В Старом Курлаке данное слово не употребляется, постройка для временного проживания называется там *временка* //снача'ла врим'а'нку пастро'или, а патом уж дом//

Проанализировав выявленные нами общие и различные черты в говорах сёл Старый Курлак и Новый Курлак, мы пришли к выводу, что, действительно, данные говоры имеют различное происхождение. Говор Старого Курлака южнорусский, говор Нового Курлака относится к владими́ро-поволжской группе Восточных среднерусских окающих говоров. В связи с тесным взаимодействием исследуемые говоры приобрели определённую общность на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях, но сохранили основные особенности своих исконных территорий.

Исследование таких взаимодействующих говоров, какими являются старокурлакский и новокурлакский, очень важно для изучения всей системы говоров Воронежской области. Оно помогает представить целостную картину воронежских диалектов, проследить особенности их развития и контактов с другими говорами.

Литература

1. Анна. За веком – век / Под ред. А.Н. Акиньшина. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1998.
2. Микляева М.М. История сёл Новокурлакской волости / М.М. Микляева. – Воронеж, 2013.
3. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь / В.А. Прохоров. – Воронеж : 1973.
4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1-47-. – М.-Л. : Наука, 1965-2014-.

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА А.К. ТОЛСТОГО
«ЦАРЬ ФЁДОР ИОАННОВИЧ»

Теоретической основой работы является теория языка, речи и стиля. В исследовательской практике они реализуются в конкретных научных направлениях: герменевтика текста рассматривает речевые смыслы; лингвистика текста – доминантные значения, а стилистика текста – изучает его образные смыслы. На данном этапе исследования мы остановимся на герменевтическом аспекте текста, т.е. на его смысле. [2, с.20] В конкретном анализируемом тексте реализуется и язык, и речь, и стиль. На семиотическом (знаковом) уровне язык в тексте связан с различительным означиванием денотатов, речь – со сходным означиванием денотатов и смыслов денотатов, а стиль – с вторичным номинированием образных смыслов денотатов. Для анализа мы выдвигаем самые значимые, на наш взгляд, в тексте трагедии фрагменты. Обратимся к одному из них:

*Кн. Иван Петрович
Мой путь не прям. Сегодня понял я,
Что чистым тот не может оставаться,
Кто борется с лукавством. Правды с кривдой
Бой неравен; а с непривычки трудно
Кривить душой! Счастлив, кто в чистом поле
Перед врагом стоит лицом к лицу!
Вокруг него и гром, и дым, и сеча,
А на душе спокойно и легко!
Мне ж на душу легло тяжёлым камнем,
Что ныне я не право совершил.
Но, видит бог, нам все пути иные
Заграждены. На Федора опоры
Нет никакой! Он - словно мягкий воск
В руках того, кто им владеть умеет.
Не он царит - под шурином его
Стеня, давно земля защиты просит,
От нас одних спасенья ждет она!
Да будет же - нет выбора иного -
Неправдою неправда сражена
И да падут на совесть Годунова
Мой вольный грех и вольная вина!*

(А.К. Толстой)

Для начала мы рассмотрим типологию смыслов текста. Они раскрываются в отрывке, прежде всего с точки зрения речи. Акцентируя герменевтику как стратегию анализа названного текста, сосредоточим своё внимание на тактиках анализа текста, т.е. смыслах текста. *Энциклопедический смысл* (тема данного отрывка): «вынужденность решения». Серия косвенных маркеров данного смысла: *путь не прям – бой неравен – кривить душой – тяжёлым камнем – вольный грех – вольная вина*. Они имеют несходные конкретные лексические значения. Так, существительные (*путь, бой, камнем*) аллегорически обозначают ментальное и духовное состояние персонажа, существительные (*душой, грех, вина*) – обозначение вечных ценностных ориентиров, прилагательные (*не*

прям, неравен, тяжёлым, вольный, вольная) – признак, обозначение оценки внутреннего состояния говорящего, глагол (*кривить*) – физическое действие. Нерядоположены и синтаксические функции: у существительных – подлежащего, дополнения, у прилагательных – определения, сказуемого, у глагола – сказуемого. Далее рассмотрим то, как раскрывается энциклопедически смысл с точки зрения речи. Имея в системе множество различительных признаков, все названные словоформы, входя в текст, их отчасти утрачивают, другими словами, происходит нейтрализация языкового различительного означивания денотатов сходным речевым означиванием смыслов этих денотатов и, в частности энциклопедического смысла. Это и есть речевая функция слов в тексте. [3, с.31] Рассмотрим наиболее общий энциклопедический смысл речевые средства его выражения, перейдём к более конкретному смыслу данной композиционной формы речи – *контекстуальному*, раскрывающему микротему отрывка. Его можно охарактеризовать так: «сложность решения», серия-маркёр: *понял я – кривить душой – не право совершил – тяжёлым камнем*. Этот смысл выражается словами разных частей речи: глаголами (*понял, кривить, совершил*), существительными (*душой, камнем*), прилагательным (*тяжёлым*). У них нетождественны категориальные значения, т.е. наиболее обобщенные. В частности: категориальное значение глагола – действие; прилагательного – признак предмета; существительного – обозначение предмета. Так, глагол *понял* обозначает работу мысли говорящего персонажа, а *кривить, совершил* - требующее духовных усилий действие. Прилагательное *тяжёлым* характеризуют сложность терзаний героя. Имя существительное *каменем* обозначает предмет. Местоимение *я* указывает на лицо. Нерядоположены и синтаксические функции этих слов. У глаголов функции сказуемого, у существительного функция дополнения. У прилагательного функция определения, у местоимения функция подлежащего. Но, включаясь в текст, данные слова отчасти погашают языковые признаки. Они нейтрализуются речевым означиванием смысла денотатов. В частности, контекстуального смысла – «сложность решения». Следующим, более конкретизированным смыслом является *ситуативный*, раскрывающий сведения об участниках ситуации. Мы берём во внимание тот факт, что перед нами монологическая речь. Фактически в ситуации участвует один человек – князь Иван Петрович. Субъект выражен личным местоимением *я* (Им.п., 1 лицо). Косвенно же в тексте присутствует «неопределённый субъект», который выражен местоимениями *кто, него* (Им.п., Р.п., 3 лицо); главный герой всего произведения царь: *Фёдора* (существительное в Р.п.), *он* (личное местоимение в Им.п., 3 лица) и Годунов: *шуриным* (существительное в Тв.п.), *Годунова* (существительное в Р.п.). Как видим, субъекты выражены как именительным падежом лица, действующего во времени, так и формами косвенных падежей лиц, пребывающих в пространстве. Это значит, что наряду с категорией времени в текстообразовании участвует и категория пространства, что принципиально важно в нашем исследовании. Далее мы рассмотрим *прагматический смысл*, т.е. цель письменного речевого высказывания. Оценка происходящего автором представлена не однозначно. С одной стороны маркёры – *пути заграждены, опоры нет, земля защиты просит, нет выбора*. Маркёры обладают отрицательной оценкой. С другой стороны маркёры – *видит бог, спасенья ждёт*. Открывается перспектива вступление лирического героя на праведный путь. В выражении прагматического смысла также участвуют слова разных частей речи: глаголы, существительные, причастие. Это слова разных категориальных значений: обозначение действия, предмета, признак предмет по действию. Они нетождественны по лексической семантике, неодинаковы по грамматическим признакам и несходны по синтаксической функции: сказуемое, подлежащее, дополнение. Включаясь в текст, эти слова отчасти утрачивают свои языковые признаки различительного означивания денотатов. Эти признаки нейтрализуются сходным означиванием смысла данных денотатов, в

частности, *прагматического смысла* – «предопределённость принятого решения». Рассмотрим *образные смыслы* данного отрывка: они не нейтральны. Это подчёркивается аллегорическим выражением мыслей и чувств говорящего: *путь не прям, бой неравен, тяжёлым камнем, мягкий воск, земля защиты просит* и т.д. Отметим, что, на наш взгляд, прямой авторской оценки как таковой нет, т.к. речь идёт о неизбежности принятия решения. Однако мы наблюдаем авторское присутствие в многократном использовании восклицательных предложений. В результате создаётся образ глубокого человека, князя Ивана Петровича, обдумывающего своё решение в соответствии с верой. Итак, **речевые функции** (значимости) текстообразующих средств в данных смыслах заключаются в выражении энциклопедического, контекстуального, ситуативного, прагматического и образных смыслов.

Литература

1. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / Леонтьев А.А. – М.: Просвещение, 1969. – 216 с
2. Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смысла / А.А. Припадчев // Теоретические проблемы современного языкознания: сб. науч. ст. Воронеж, 2009. – С. 20-37.

*С.В. Караборчева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч.рук. – канд. филол. н., доц. Л.Я.Бобрицких

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ВИДЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жанр видения – один из самых древних и распространённых в русской средневековой литературе. Он мог функционировать как самостоятельно (например, «Видение иеромонаха Нижегородского Печерского монастыря Мардария», «Повесть о видении Антония Галичанина»), так и внутри других жанров: хождений, житий, знамений и др.

К основным чертам жанра исследователи относят дидактичность видения, открывающего читателю некие истины; «наличие героя-“визионера”, который должен воспринимать содержание видения и ассоциировать увиденное с чувственными образами, и психофизиологические явления, то есть обстановку и обстоятельства видения: летаргия, галлюцинация» [5, с. 70].

Традиционное древнерусское видение имеет определённую композицию. Так, оно, как и житие, начинается с молитвы. Однако, в отличие от агиографического произведения, во вступлении которого автор самоуничижает себя и обращается к Всевышнему с просьбой помочь в написании жития, в видении на первый план выступает герой-созерцатель, молитва которого предваряет психофизиологические состояния, сопровождающиеся видениями. Развитие действия представляет собой ряд эпизодов, где центральными персонажами выступают чудесные образы. Они являют герою некие истины. В кульминации видения описывается испуг ясновидца, после чего раскрывается смысл самого «откровения». В развязке явленные образы призывают героя- визионера проповедовать увиденное.

«Являющиеся» образы в древнерусских видениях – это чаще всего персонажи христианской мифологии, святые: Пресвятая Богородица, Сергей Радонежский, Николай Чудотворец, благоверные князья Борис и Глеб.

С видением святых связан мотив света, который усиливает свою тональность благодаря образным эпитетам: Святой Николай – «*муж светел ... в одежде святительской, великим же светом сияя*», преподобный Сергей – «*светозарный образ*», Пресвятая Богородица – «*жена прекрасна и светолепна*».

Создавая образы святых, автор обращает внимание на их возраст: Святитель Николай, преподобный Сергей – «*мужи древны*», Борис и Глеб – «*юноши*»; детали одежды, указывающие на «чин» святого: для Святого Николая характерна «*риза святительская*», для Сергия Радонежского – «*ветхие ризы чернеческие*», для Пресвятой Богородицы – «*риза светлая*».

Моментом появления видения обычно считается самое мистическое время суток – ночь. Это то особое сакральное время, когда исчезают все преграды и пределы, уступая место свершению божественной благодати. Видения зачастую возникают на границе двух пространств: небесного и земного, находящегося между конкретным, реальным «здесь» и загадочным «там».

Мы в своей статье рассмотрим роль и место видений в произведениях таких жанров, как житие и воинская повесть.

Обратимся к «Житию Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, в текст которого агиограф вводит целый ряд видений. Приведем одно из них. Однажды, глубокой ночью, преподобный Сергей читал акафист Божией Матери. Совершив обычное правило, он сел немного отдохнуть, но вдруг сказал своему келейнику, преподобному Михею: «Чадю! Будь бдительным и бодрствуй, потому что видение чудесное... будет нам в сей час» [3, с. 395]. Слова преподобного Сергия свидетельствуют о том, что он изначально осенен божественной благодатью: святой предчувствует появление чудесного образа. Едва он произнес эти слова, как был услышан голос: «Се пречистая грядет!». Преподобный Сергей поспешил из келии в сени, и внезапно его осиял «свет ослепительный, сильнее солнца». Не в силах вынести чудного света, преподобный Сергей благоговейно склонился перед Божией Матерью, она же «своими руками прикоснулась к святому, говоря: “Не ужасайся, избранник мой! Ведь я пришла посетить тебя <...> отныне всего будет здесь в избобилии, и не только при жизни твоей, но после твоего к господу ухода не покину я обители твоей, всё нужное подавая в избобилии, и снабжая всем, и защищая”. Сказав это, стала она невидима» [3, с. 395-397]. Этот эпизод очень показателен: здесь налицо все основные признаки жанра: предшествующая видению молитва святого, появление чудесных сил, которые сообщают преподобному Сергию откровение и призывают к действию. Долго преподобный Сергей «в смятении ума страхом и трепетом великим объят был» [3, с. 397], а придя в себя, призвал двух своих учеников, преподобных Исаакия и Симона, и сообщил им общую радость и надежду. Чудесное видение Пресвятой Богородицы, созерцания которого удостоился Сергей Радонежский, его благоговейный трепет, проповедование среди братии «откровения» Божией Матери, с одной стороны, являются формальными признаками жанра, а с другой – несут определённую смысловую нагрузку: подчёркивают избранность святого, который с детства стремился к безмолвию и созерцанию. Именно преподобный Сергей – первый русский святой, которого можно назвать тайнозрителем, олицетворяющим жизнь духовную.

Со временем видения, входящие в жития, приобретают некоторые изменения: если ранее видения являлись кульминацией произведения, то в более поздних памятниках они «*рассыпаны*» по всему тексту. Герою-созерцателю предстают уже не только образы святых, но и образы-символы, которые теряют свой сакральный смысл, взамен приобретая философский, а порой и бытовой характер. Так, например, в начале «Жития протопопа Аввакума» герой рассказывает о чудесном сне-видении: по Волге плывут «стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы», а за ними плывет третий ко-

рабль, « не златом украшен, но разными красотами испещрѣн – красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо», на том судне «юноша светел», который на вопрос Аввакума о принадлежности корабля отвечает: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, и з женою, и з детми» [1, с. 32-33]. Этим символическим видением было предначертано многотрудное «плавание» Аввакума по волнам житейского моря.

Во время пребывания героя в Астраханской темнице ему было другое видение: протопопа Аввакума посадили в темницу на цепь. Его не кормили три дня, но потом пришёл некто – «не вем человек, не вем ангел» [1, с. 37] – и принес протопопу тарелку щей, «зело прикусных». Здесь налицо бытовой характер видения.

Однако изменения происходят не только в видении, но и в жанре жития в целом, в котором появляются черты бытовой повести, а если говорить о «Житии протопопа Аввакума» – автобиографической.

А теперь рассмотрим воинские повести. Видения, входящие в данные произведения, утрачивают свои формальные признаки, но при этом усиливается их смысловая нагрузка.

Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» (как и в «Житии Александра Невского») некоему мужу, разбойнику Фоме Кацибю, поставленному великим князем в охранение на реке Чурове, было видение: «На высоком месте стоя, увидел он облако, с востока идущее <...> С южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обоих руках острые мечи, и сказали предводителям войска: “Кто вам велел истребить отечество наше, которое нам господь даровал?” И начали их рубить, и всех порубили, ни один из них не спасся» [6, с. 169]. Фома с тех пор стал «целомудрен и благоразумен» и уверовал в Бога, а о видении святых Бориса и Глеба рассказал наутро великому князю. Видение именно этих мучеников перед битвой вполне обоснованно, ведь они – святые патроны земли Русской. Такая характерная деталь, как «острые мечи», свидетельствует о том, что святые помогают русскому воинству не только словом, но и делом.

Великий князь запретил Фоме Кацибю, как некогда Александр Невский ижорскому старейшине Пелугию, говорить об этом видении кому-либо, а сам же воздел руки к небу и стал молиться. Мы видим, что в этом эпизоде изменяется композиционная структура жанра: если в каноническом видении молитва тайнозрителя предшествовала видению, то здесь, напротив, она следует после явления чудесных образов.

С развитием жанра воинской повести изменяются и художественные функции видений. Вспомним «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Во-первых, в произведении усиливаются религиозные мотивы: так, автор подчёркивает, что видение было казакам в пост, когда они совершали молитвы. Во-вторых, здесь предстаёт уже не один, а целый ряд чудесных образов: одни казаки видели «во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и светолепну, на воздухе стояще посреди града Азова», иные – «мужа древне власы, в светлых ризах, взираючи на полки бусурманския» [3].

Следует отметить, что созерцать видение чудесных образов дано не только казакам, но и врагам: видели турки страшное видение: тучу, которая шла от Руси, а перед тучею – «двух юношей», которые «грозились» мечами на «полки бусурманские» [3]. Эти два юноши с мечами – Борис и Глеб, шествующие впереди огромного облака, идущего от Московского царства, обращают турок в бегство. А далее повествователь приводит пространную речь Богородицы, объясняющую, что за прегрешения турок против православных Бог даровал победу казакам. В конце речи Богоматерь обещает: «И вы, братья, не заботьтесь, отгоните всякий страх от себя, не тронет вас никакой бусурманский меч. Положите упование на бога, примите венец от Христа нетленный. А души ваши примет бог, имеее царствовать с Христом вовеки»[4].

Как видим, в поздних воинских повестях изменяется назначение видений: теперь они не предвещают ход событий, как прежде, а объясняют уже свершившееся.

С развитием литературного процесса в России разрушается жанровая система, а также внутренняя структура отдельных жанров, что сказывается и на видении. Изменения наблюдаются как в области формы: и на уровне композиции (если в ранних произведениях молитвы святых предшествовали появлению чудесных образов, то в произведениях более позднего периода молитвы героев-созерцателей следуют после появления видения, которое зачастую является кульминацией произведения, в развязке отсутствует толкование смысла «откровения» или его проповедь среди народа), и на уровне системы персонажей (изменяется их социальный статус – «тайнозрителями» могут выступать не только святые, но и простые воины, разбойники, которые, удостоившись видения, уверовали в Бога), так и содержания.

Литература

1. Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. – М., 1991. – 368с.
2. Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С. 256-429.
3. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков. URL:<http://www.bibliotekar.ru/rus/42.htm>
4. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков. URL: http://drevlit.ru/texts/a/a_azovskom_sid_pred.php
5. Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе / Н.И. Прокофьев // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1964. – Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы. – С.33-34.
6. Сказание о Мамаевом побоище //Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С.132-189.

*Н.В. Касимцева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч.рук – канд. филол. н., доц. Л.Я. Бобрицких*

ОБРАЗ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ Л. МЕЯ: ПОЭМА «ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА»

В 1237 г. полчища Золотой Орды под предводительством хана Батыя вторглись на территорию Руси. Первым городом на пути кочевников оказалась Рязань. Ордынское войско разбило рязанскую дружину и разрушило город.

Один из героических эпизодов борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием связан с подвигом рязанского вельможи Евпатия Коловрата, который нашел свое отражение в народной поэзии (предания, сказания, исторические песни), памятниках древнерусской литературы («Повесть о разорении Рязани Батыем»), а также в литературе Нового времени.

В 1859 году Л.А. Мей написал «Песню про боярина Евпатия Коловрата», переложив стихами «Повесть о разорении Рязани Батыем». Автор поэтически переработал эпизоды из далекого прошлого, почти не отклоняясь от исторических фактов. Опираясь на

московские и рязанские летописи, Мей создал образ героя, выросшего и возмужавшего в подмосковном Зарайске, совершившего подвиг на Рязанщине.

«Песня про боярина Евпатия Коловрата» начинается своеобразным заповедом-зачином: «На святой Руси быль и была, / Только быльём давно поросла...» [4, URL], – в котором сразу же ощущается устно-поэтическая стихия. В «запевке» «святая Русь» изображается широкой и раздольной: зорюшки-зори поднебесные купаются в синем море и освещают расположенные за тысячи вёрст от морских берегов «насыпные курганы, степные», что покоят «русскую силу» и «русскую удаль»; «бор дремучий кругом повисился / Вековыми дубами и соснами» «в неоглядную даль, в необъездную...» [4, URL]. Создавая эту картину, поэт использует различные средства русского фольклора: постоянные эпитеты («*курганы седые*», «*красное солнышко*», «*в синем море*»), метафоры («*шелковым ковром зеленеючи*», «*заря занималась на небе*»), олицетворения («*зорюшки ... в синем море купаются*», «*курганы ... подгорюнившись, стонут*»), а также слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («*Где жемчужинки, где и алмазинки...*», «*Где лесок проскочил, там и забега / Зверю всякому, там же и гнездышко...*» [4, URL]), что придает тексту особый лиризм.

На фоне раздольной русской природы раскрывается характер главного героя поэмы. Взяв за основу древнерусский памятник, Мей создает свой образ боярина Коловрата. Если в «Повести о разорении Рязани Батыем» о Евпатии сказано только, что он «некий из вельмож рязанских», оказавшийся в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингваревичем, то у Мея это герой со своей «биографией». Евпатий у поэта не только символ народной силы, мужества и отваги, как в «Повести...», но персонаж, наделенный своими особыми чертами. В поэме Евпатий Коловрат предстает перед читателем не просто воином, защитником родины, но человеком, способным на верную дружбу и глубокое чувство.

Евпатий впервые появляется перед читателем во время свадьбы своего «брата крестового», князя Федора, с греческой царевной. Поэт создает картину веселого праздника: «И гостям и хозяину весело: / Чарка с чаркой у них обгоняются, / То и знай – через край наливаются» [4, URL]. В описании «светлого свадебного пира» Мей обращается к народным поэтическим образам. Так, молодых чествуют, «на вечное место их глядячи». Описывая новобрачных, Мей использует фольклорные сравнения: «*Будто солнышко с зорькой вечернею*», «*Сизый голубь с голубкою ласковой*» [4, URL], – связанные со свадебной обрядовой поэзией (Ср.: «Молодая княгиня <...> поплыла лебедью, / Лебедушкой белою. / Прилетела соколушкой ясною, / Садилась за стол с соколом» [5, 143]).

На свадебном пиру у князя Федора и Евпраксии «рязанский витязь» тоскует («Прискучило / Мне на печке сидеть, а ходить по гостям / Неохоч я...» [4, URL]) и просит разрешения отправиться в Чернигов «повидать осударь – князя Игоря: / Может, вместе сходил бы на половцев...» [4, URL]. Автор нарушает факты: Игорь княжил в Чернигове до 1202 года. Видимо, здесь сказались отголоски «Слова о полку Игореве», над поэтическим переложением которого работал Мей. Князь Юрий не хочет отпускать Евпатия, но тот настаивает: «Не погневайся: / Я зарок себе дал перед образом / Самому не жениться, не бабиться, / Да и вчуже на свадьбе не праздновать, / Хоть пришлось бы у брата крестового» [4, URL].

Но не только желание заняться делом понуждает Евпатия покинуть Рязань. Он беззаветно влюблен в жену князя Федора, и потому «кручина», «истома сердечная», гонит его в Чернигов.

Сцена проводов «удалого князя» создана в устно-поэтической традиции. Княжич Федор, прощаясь с Евпатием, «обнял его крепко-накрепко, / И обоим глаза затуманила / Дорогая слеза молодецкая» [4, URL]. Коловрат любим народом: весь город пришел по-

прощаться с боярином («Провожали удалого витязя / Горожане и люди посельные, / А почетные гости рязанские / Хлебом-солью ему поклонилися» [4, URL]).

Но и в Чернигове «тоска сердечная» не оставляет Евпатия: «Едет с поля ... домой, да не к радости...». Ничто не радует молодца: ни «приволье раздольное, Молодецкая ширь необъездная», ни «река», ни «лесок», и только встреча с Ополоницей отвлекает боярина от тяжелой думы.

Согласно «Повести...», Евпатий Коловрат, узнав о нападении Батыя, возвратился в Рязань, когда город был уже разграблен и сожжен. Увидев эту страшную картину, он «распалился в сердце своем», собрал дружину по окрестным селам и пустился вслед за Батыем. Нападение полка Евпатиева поэт рисует с помощью приемов, характерных для народной поэзии: параллелизма («...сыр-бор зашатался вот словно под бурю < ...> Только ломятся ставки и валятся...» [4, URL]), метафоры («стон поднялся вдоль по стану ордынскому» [4, URL]), гиперболы («Полилася рекой кровь горячая...» [4, URL]).

Евпатий в одиночку наводит страх на вражескую рать («Отшатнулись со страхом и трепетом... / Рать ордынская дрогнула, тыл дала» [4, URL]) (в «Повести...»: «И возболылись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин» [6, 193]).

Центральное место в поэме Мея, как и в «Повести...», занимает поединок Евпатия с шуричем Батыя Хостоврулом, являющийся кульминацией: «И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла» [6, 193]. Мея почти дословно воспроизводит эту сцену в поэме: «Налетел Хоздоврул, только не в пору: / Исполин был Евпатий от младости силою — / И мечом раскроил Хоздоврула он на-полы / До седла...» [4, URL]. Данный эпизод Мея создает, опираясь на былинную поэтику (Ср. в былинне «Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина»: «Он рассек-то его на мелки речки, / Он рассеял-развеял да по чисту полю» [3, URL]). Да и сам Евпатий подобен русским богатырям. Он наделен гиперболической силой, отвагой и мужеством и олицетворяет собой героизм и патриотизм всего русского народа.

Евпатий наказывает предателя Нездилу: «распалился» он «душой молодецкою», изловил изменника и призвал того к ответу. Согласно былинной традиции, «взмахнул над шеломом он Нездилу / И разбил его о землю вдребезги» [4, URL]. (Ср. в былинне «Алеша Попович и Тугарин»: «Сверстался Алеша Попович млад / Против Тугарина Змеевича, / Хлеснул ево шелепугою по буинои голове, Розшиб ему буину голову...» [2, 217]).

Последний эпизод, в котором рассказывается о гибели Евпатия Коловрата, в «Повести...» и в поэме почти дословно совпадает. Хан Батый, узнав, что Евпатий убил его шурича, разгневался и «велел навести» на героя «пороки, орудия те стенобитные... / И убили тогда крепкорукого, / Дерзосердого витязя» [4, URL]. Но и мертвому Евпатию дивились враги: «Изумился и хан, и улусники / Красоте его, силе и крепости», а Батый «почтил ... усопшего витязя: / Отдал тело рязанским дружинникам / И самих отпустил их, примолвивши: / Погребите вы батыря вашего с честью, / По законам своим и обычаям, / Чтоб и внуки могиле его поклонялися» [4, URL].

Итак, как показал анализ, Мея привлекали характеры сильные, стойкие, мужественные. Удалство и богатырский размах, которые поэт «подчеркивает в русском характере, связаны у него с ... патриотическим подвигом», который с «“помощью божьей” совершают “благолепные” и “благоверные” русские витязи, всегда поборники не только свободы родины, но и православной веры» [1, 14]. Таков Евпатий Коловрат. Опираясь на фольклорные и книжные традиции, Мея создал в своей поэме не обобщенный героический характер, как в «Повести о разорении Рязани Батыем», а целостный образ защитника Руси, честного, благородного в любви и дружбе, беспощадного к врагам и изменникам родины.

Литература

1. Бухмейер К.К. Лев Александрович Мей (1822-1862) / К.К. Бухмейер // Мей Л.А. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. К.К. Бухмейер. – М.: Сов. Россия, 1985 – С. 5-22.
2. Былины / вступ. ст. В. Калугина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 512 с.
3. Былина «Алеша Попович освобождает Киев от Тугарина». URL:http://thelib.ru/books/slavyanskiy_epos/alesha_popovich_osvobozhdaet_kiev_ot_tugarina-read.html
4. Мей Л.А. Песня про боярина Евпатия Коловрата. URL: <http://militera.lib.ru/poetry/russian/mei/02.html>
5. Народные песни Воронежского края. Антология – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во. – 280 с.
6. Повесть о разорении Рязани Батыем / [подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева] // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981 – С. 184-199.

*Н.С. Мерзликина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.Я. Бобрицких

МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Мотив «блудного сына» – один из древнейших в мировой литературе и встречается во многих произведениях. Не стал исключением и величайший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Читая это произведение, невольно вспоминаешь знаменитую библейскую притчу, главный герой которой на все времена стал символом греха и покаяния.

Обратимся к тексту памятника, который, по мнению Б.М. Гаспарова, содержит ряд элементов, позволяющих сопоставить его с притчей [1, с. 195].

Как младший сын в притче о блудном сыне желает ещё при жизни отца получить положенную часть имения, так и Игорь выходит из повиновения киевского князя Святослава, желая *«исхитити славу», «копие приломити конец поля Половецкаго»* [4, с. 375]. Игорь Святославич, князь Новгород-Северский, был младшим среди своих братьев, и военные походы воспринимались им как способ утвердить своё положение среди остальных князей. В тяжёлый для Руси период он втайне от киевского князя Святослава отправляется в поход с *«малой дружиной»*, тем самым подвергая опасности Русскую землю, и тогда всё живое восстаёт против князя. Чтобы показать это, автор использует такие изобразительно-выразительные средства, как постоянные эпитеты: *«крававья зори», «чръныя тучя», «синии мльнии»* и олицетворение: *«Солнце ему тьмою путь заступаше, ночь стонуци ему грозою птичь убуди, свисть звъринь въста, збися Дивь, кличеть врѣху древа»* [4, с. 375]. Однако, ища славы, Игорь не хочет внимать природным знаменаниям и тем самым предаёт интересы Матери-земли.

В притче младший сын начинает жить распутно и быстро расточает отцовское богатство. В «Слове...» дружинники Игоря после первой битвы с половцами, *«помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты»*. Чтобы подчеркнуть размеры трофеев, автор «Слова...» использует приём гиперболы: *«Орьтъмами, и япончицами, и кожухыначашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочыи половецкыими»* [4, с. 375]. Б.Н. Гаспаров обраша-

ет внимание на то, что поражение Игоря следует осмыслять в контексте расточения не только *«имения»* Русской земли, но и *«отцовского богатства»*, поскольку поход князя сопоставлен с описанием подвигов Святослава, который назван в произведении *«отцом»* Игоря и Всеволода [1, с. 195].

Как в притче, так и в «Слове о полку Игореве» герои возгордились, желая завладеть богатством, славой. Они легко добыли материальные ценности, но так же легко их растеряли, забыв о том, что важнее духовные сокровища: преданность близким, семейным традициям для блудного сына, верность Родине и идее феодального вассалитета для князя Игоря.

В притче блудный сын вынужден был, как раб, пасти свиней у *«единого отъ житель тоя страны»*, не имея возможности даже *«насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядыху свиния»* [3, с. 525]. В «Слове...» князь Игорь, потерпев поражение, *«высede из седла злата, а в седло кощиево»* [4, с. 379].

Для передачи всеобщей скорби об Игоре и павших воинах автор использует метафору и метонимию. После битвы не только *«въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускьи»* [4, с. 379]. В повествование введены образы Карны и Жели, которые в славянской мифологии являлись персонификациями плача и горя и были связаны с погребальным обрядом; девы-Обиды, *«плещучи, убуди жирня времена»* [4, с.379], и одухотворённой природы: *«Ничить трава жалоцями, а древо с тугою къ земли преклонилось»* [4, с. 379].

Скорбь Матери-земли о погибших дружинниках и попавшем в плен Игоре выражена и в образе Ярославны, чей плач символизирует плач всех русских матерей, жён, сестёр. Она обращается к ветру, Днепру, *«тресвътлому слънцу»* с просьбой помочь Игорю и его дружине [4, с. 385].

Великий князь Святослав Киевский укоряет Игоря и Всеволода за то, что *«рано еста начала себъ славы искати»*, но вместе с тем, как любящий отец, скорбит о них, призывая всех удельных князей отомстить *«за землю Русскую, за раны Игоревы»* [4, с. 381].

Пася свиней в чужой стране, блудный сын начинает осознавать свою вину: *«Согрешихъ на небо и предъ тобою, и уже несмь достоин нарещися сынъ твои»* [3, с. 525]. Он хочет вернуться в дом отца, но уже не претендует на положение наследника, а желает стать хотя бы работником в родном доме. Так и князь Игорь, находясь в плену, раскаивается в своей гордыне и в том, что пробудил непокорством зло. Душевные муки Игоря переданы с помощью градации: *«Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ»* [4, с. 385]. Он решает вернуться на Русь, чтобы принести покаяние, при этом осознавая возможное наказание. Важно отметить, что и факт пленения для князя считался несмываемым позором. Об этом говорит сам Игорь перед боем: *«Луце же бы потяту быти, неже полонену быти»* [4, с. 375]. Здесь уместно вспомнить слова князя Святослава из «Повести временных лет»: *«Да не посрамим земли Русский, но ляжем костьми, ибо мёртвые сраму не имам»* [2, с. 84].

Словно почувствовав раскаяние князя, природа начинает помогать ему: дятлы указывают путь к реке стуком, соловьи возвещают рассвет весёлыми песнями, вспенилось море в полночи, в тучах движутся вихри, а *«Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, възврѣжесе на брѣзь комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами»* [4, с. 385].

Интересно отметить, что автор проводит параллель между половецкой рекой Стугной и Донцом. Если чужая река, *«худу струя имѣя»*, поглотила ручьи и потоки и скрыла юношу князя Ростислава на дне, то Донец *«лелѣявишу князя на влънахъ, стлавшу ему зельну траву на своихъ сребреныхъ брѣзгахъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ*

стению зелену древу. Стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ» [4, с. 387].

Как в притче блудный сын приходит в дом своего отца, так и Игорь возвращается в столичный град Киев к великому князю Святославу. «Сын мой се мертвъ бе, и оживе: и изгибъ бе, и обретеся», - говорит отец в притче [3, с. 525]. Игорь едет на покаяние в смертном грехе — гордыне — «къ святѣй Богородици Пирогощей» [4, с. 387], что символизирует воскресение, начало новой жизни. Вся Русская земля славит Игоря за то, что он осознал свою вину. Чтобы передать всеобщую радость, автор использует такой стилистический приём, как параллелизм: «Солнце свѣтитсѣ на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Страни рады, гради весели» [4, с. 387].

Итак, как показал анализ, мотив «блудного сына» является одним из ведущих в «Слове о полку Игореве» и раскрывается на всех уровнях текста: сюжетном, композиционном, образном, что способствует более глубокому пониманию идейного замысла автора.

Литература

1. Гаспаров Б. Н. Поэтика «Слова о полку Игореве» / Б. Н. Гаспаров. – М.: Аграф, 2000. – С. 195-198.

2. Повесть временных лет / подгот. текста О.В. Творогова, пер. и коммент. Д.С. Лихачёва // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / [вступ.ст. Д. С. Лихачёва; сост. и общ. ред. Д.С. Лихачёва и Л.А. Дмитриева]. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 84.

3. Притча о блудном сыне // Библия. – К.: Киево-Печерская лавра, 1878. – С. 525.

4. Слово о полку Игореве / подготов. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XII / [вступ. ст. Д.С. Лихачёва; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева]. – М.: Худож. Лит., 1978. – С. 375 - 387.

**О.А. Острогорская, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)**

Науч.рук. – канд. искусствоведения, доц. М. А. Кривоцова

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ПОДГОРЕНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Православное искусство включает в себя храмовую архитектуру, росписи, иконы, церковную утварь. Рассмотрим в статье храмовую архитектуру Подгоренского района, сохранившиеся росписи и иконы. Подгоренский район расположен в центральной части Воронежской области, территория Подгоренского района с момента своего постоянного заселения (середины XVII века) входила в подчинение г. Острогожска. Как административная единица Подгоренский район был образован в 1928 г., в современных границах сложился к 1973 г. [1, с. 4-5].

Первые храмы, строившиеся на территории района, были деревянные. Деревянные церкви продолжают строиться вплоть до середины XIX в. Упоминаний о внешнем облике деревянных храмов не сохранилось. Первые каменные храмы появляются в крупных слободах в середине XVIII века. К концу XVIII – началу XIX вв. в камне пере-страиваются почти все деревянные храмы крупных слобод (Подгорное, Белогорье, Семейки, Колодежное, Саприно, Костомарово, Сергеевка) [1, с. 12-13].

Сохранились фотографии Преображенской церкви Белогорья и Никольского храма Колодежного, храмы выглядят тяжеловесными, имеют массивный барабан, высокие прямые окна, шлемовидные купола. А. В. Чекмарев относит Преображенскую и Троицкую церкви Белогорья к двухбашенным храмам слободской Украины и называет в качестве прототипа храмов Покровский собор в Ахтырке и Троицкий собор в Острогожске [2]. Отличается от других церквей храм в с. Семейка. Он имеет видимую внешне крестобразную форму; построен в стиле барокко с элементами классицизма; ему свойственны простота и структурность композиций в отделке фасада.

Массовое строительство храмов началось в конце 1840-х гг. и продолжалось до конца 1870-х гг. Это связано с ростом населения слобод рассматриваемой территории [1, с. 13]. Выделим некоторые черты сходства этих храмов. Храмы в Верхнем Карабуте и Украинской Буйловке имеют рустовку на углах первого этажа, в буйловском храме линии широких блоков рустовки продолжают и по всей длине храма. Также рустовка в храме более поздней постройки – Воскресения Христова в Белогорском монастыре. Храмы в Верхнем Карабуте и Большой Хвощеватке имеют стрельчатые арки на окнах и над входом.

В 1880–1890-х гг. новые храмы не возводились. В начале XX века было выстроено всего три храма, характеризующихся выразительным крупномасштабным декором с использованием мотивов русского средневекового зодчества и Ренессанса: 1903 г. – Сергиевская церковь в слободе Куренное при усадьбе; 1903 г. – Успенская церковь, каменная, в слободе Басовка; 1916 г. – Вознесенский собор в Белогорском монастыре [1, с. 13]. Все эти храмы имеют форму храма-корабля. В Басовке и Куренном колокольни имеют колонны на каждом уровне; у обоих храмов барабан купола цилиндрический, округлый, поставленный на четверик. Храм в Басовке имеет как арочные украшения, так и треугольные фронтоны с южной и северной сторон, как Воскресенский храм в монастыре. Все три храма имеют вытянутые арочные окна на барабане. Входы храмов в Куренном и Белогорском монастыре оформлены сдвоенными арками.

Наиболее распространенный тип храма в Подгоренском районе – корабль (на русской почве византийская базилика стала кораблем): Преображения Господня в Белогорье, Успения Божией Матери в Басовке. Также встречаются крестово-купольные храмы: Воскресения Господня в селе Семейка, Сергия Радонежского в Куренном. Храм Вознесения Господня в Белогорском монастыре соединяет черты храма-корабля и шатровые формы. Храмы чаще всего однокупольные, трехкупольные и пятикупольные храмы не сохранились.

В Подгоренском районе церкви и приделы чаще всего освящали во имя Святой Троицы, Воскресения Господня, Николая Чудотворца, Успения Божией Матери, Вознесения Господня, Сергия Радонежского. Храмы чаще однопрестольные; трехпрестольными были храмы в Белогорье и Семейке.

К 1917 году в Подгоренском районе было 23 наземные церкви и 4 пещерные (Алекسانдро-Невская и Троицкая (ныне Св. Духа) в Белогорском монастыре; Нерукотворного Спаса, с приделом Веры, Надежды, Любви и Софии и Серафима Саровского в Костомаровском монастыре) [1, с. 14].

Меловые пещерные храмы распространены в средней полосе России и являются особенностью Воронежской области. На территории Подгоренского района находятся два действующих пещерных монастыря: Белогорский Воскресенский мужской и Костомаровский Спасский женский. В XIX в. пещерные храмы стали очень популярными, и началось строительство пещерных храмов в слободе Семейка и селе Басовка, которые по разным причинам были не окончены. Пещерный храм в Семейке имеет схожие формы с Алекسانдро-Невским храмом Белогорского монастыря, но в несколько укрупненных

пропорциях. Пещерные храмы Подгоренского района имеют прямоугольную форму. Алтарь отделен меловой стеной. Практически все пещерные храмы имеют сводчатые потолки. Храмы, в основном, имеют три нефа, разделенных между собой меловыми стенами или колоннами. Большинство храмов имеют форму креста. Вокруг храма сделан круговой обход для прохождения крестным ходом. Место для исповеди удалено от основного помещения храма. Пещерные церкви украшаются иконами подвесными или вырезанными из мела. Об украшении храмов до 1917 года встречается немного упоминаний, в основном, описываются иконы (переносные), из чего можно судить, что настенных росписей в храмах не было. Однако жители села Белогорья называют два помещения Белогорских пещер «цветными» (малая (ныне алтарь храма Св. Духа) и большая цветные комнаты), кроме того, что в них находились цветные розетки, говорится о росписи стен и потолков этих помещений библейскими сюжетами.

Некоторые храмы Подгоренского района расписывались мастерами из Басовки. Для росписей больших соборов приглашались мастера из столицы (Воскресенский храм в Белогорском монастыре был в 1916 году расписан Щукиным) [1, с. 70-83]. В настоящее время сохранились росписи лишь в храме села Басовка, в храмах сел Юдино и Украинская Буйловка видны следы росписей в некоторых местах на стенах. Известны некоторые почитаемые иконы, которые находились в монастырях Подгоренского района: в Белогорском монастыре – икона Божией Матери «Мария обрете благодать у Бога» (была воссоздана в 2007 г. студентами Воронежской Духовной семинарии была на основе найденных фотографий и старинного списка с оригинальной иконы); в Костомаровском монастыре – иконы «Святое семейство», «Благодатное небо».

В 1920-30-е гг. храмы стали закрывать. К 1950-м гг. большинство храмовых зданий было разобрано. Сохранились храмы лишь в небольших селах и хуторах (Басовка, Куренное и др.). Всего на территории Подгоренского района сохранилось 7 наземных храмов, построенных до 1917 года: Рождества Пресвятой Богородицы в селе Верхний Карабут, Успения Божией Матери в селе Басовка, Архангела Михаила в селе Украинская Буйловка, Георгия Победоносца в хуторе Большая Хвощеватка, Воскресения Господня в селе Семейка, Сергия Радонежского в хуторе Куренное, Казанской иконы Божией Матери в селе Юдино.

С 1990-х гг. начинается восстановление Костомаровского Спасского монастыря; с 2000-х гг. – Белогорского Воскресенского монастыря, а также церквей в селах Подгоренского района. На 2017 год в районе существуют 8 действующих наземных храмов. Строятся два новых храма: с 2014 года – Сергия Радонежского в поселке Подгоренском; с 2015 – Антония и Феодосия Киево-Печерских в Белогорском монастыре. Восстановление церкви в Большой Хвощеватке было произведено грамотно, с сохранением всех архитектурных деталей. Реставрация храма в Верхнем Карабуте еще не завершена, и о ее качестве и говорить пока сложно.

Росписей в восстановленных или вновь отстроенных храмах нет. Большая часть икон массового производства. По заказам выполнены иконы иконостаса и местночтимые. В пещерных храмах вырезаются иконы из мела, как отдельно стоящие, так и на меловой стене. Выполняется в качестве украшения резьба по мелу. Новые иконостасы заказываются в иконописных мастерских.

Литература

1. Кригер Л. Подгоренские высоты. Звенья времени / Л. Кригер. – Воронеж : Творческое объединение «Альбом», 2011. – 116 с.
2. Шамаев О.В. Летопись Белогорского Воскресенского монастыря / О.В. Шамаев. – Воронеж : «Левый берег», 1996. – 88 с.

3. Чекмарев А. В. Двухбашенные храмы Слобожанщины: трансформация украинской типологии в XVIII - начале XIX в. / А. В. Чекмарев // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Спб. : Издательский дом «Коло», 2013. – Вып. 18 (34). – С. 277-311.

*Ю.А. Рощупкина, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. О.А. Харитонов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА»)

Агиография – «это вся художественная литература и искусство, посвященные святым» [1, с. 15]. Являясь принадлежностью церковной культуры, агиография строго подчиняется канону – закреплённому традицией и не подлежащему никаким изменениям своду законов и правил. Но смена исторических эпох накладывает свои отпечатки и даже на такую, казалось бы, непоколебимую сферу, как религия, поэтому претерпевает изменения и агиографический канон.

На Руси агиографические произведения (жития святых) получили широкое распространение с принятием христианства. Поначалу это были переводные византийские жития, но уже с XI в. появилась и оригинальная литература, созданная на русской почве. Повествование в житии, как правило, ведется от имени автора. Структура, в соответствии с каноном, имеет три части: вступление, основное повествование и послесловие. Каждая из них обладает своими стандартными мотивами, переходящими из одного текста в другой лишь с незначительными изменениями.

Так, вступление содержит похвалу и благодарность Богу, самоуничижение автора, указывающего на свои неразумность и недостойность, цели, побудившие его взяться за составление жития и в завершении предначертательную молитву.

Основное повествование начинается с восхваления родителей святого, которые обязательно являются людьми благочестивыми, затем следует описание детских лет героя. Ребенок уже в раннем возрасте проявлял святость, отказывался от баловства, чуждался игр со сверстниками, тяготел к слову божьему. Повзрослев, святой уходит от мира, приняв монашеский постриг. Став иноком, он поражает всех своей аскезой, борется с дьявольскими искушениями, а одолев их, приобретает чудесные способности. Также святой предсказывает точную дату своей смерти, его кончина ознаменуется неким фантастическим явлением, он творит посмертные чудеса, а его мощи остаются нетленными.

В послесловии агиограф воздает благодарность Богу, призывает к восхищению подвигом и чудесами святого, прилагает молитву к нему с просьбой о покровительстве.

Житийный канон накладывал свои отпечатки на изображение и самого святого, который должен был воплощать собой все возможные христианские добродетели. Прежде всего, это смирение, труд, кротость, проявленные самим Христом в Евангелии.

Современные жития, которые в наши дни именуются жизнеописаниями, также имеют ориентацию на канон. Но ориентация эта несколько ослабела по сравнению с предшествующими эпохами. В настоящей работе мы попытались проследить трансформацию жанрового канона на примере «Жизнеописания преподобного Симеона», которое включено в сборник очерков о жизни Оптинского Старчества «Православные старцы XX века».

Сам сборник имеет ряд некоторых особенностей. Примечательным является то, что в нем дается общее вступление ко всем жизнеописаниям, расположенное во введении, что уже нарушает композицию классического жития. Во вступлении доктор филологических наук и специалист по религиоведению Девятова Светлана Владимировна, следуя канону, упоминает о целях, побудивших ее к составлению сборника. Также вступление содержит и традиционное самоуничижение автора. Что касается благодарности к Богу и сотворения предначертательной молитвы, то данные элементы отсутствуют. За введением следуют некоторые сведения об истории Оптинского Старчества, где составитель помимо прочей информации воздает общую похвалу всему Старчеству, а не каждому святому в отдельности, как того требует канон.

Говоря непосредственно о «Жизнеописание преподобного Симеона», необходимо указать на то, что значительный объем произведения состоит из воспоминаний самого старца, куда изредка вкрапляются авторские замечания, что также не является характерным для агиографического стиля.

Основное повествование можно разделить на три части: 1) жизнь святого до ухода в монастырь, 2) жизнь и деятельность в послушничестве, 3) воспоминания современников.

Первая часть описывает юность героя. Автор сообщает нам о происхождении святого, называя точную дату и место его рождения, далее следует упоминание о благочестивых родителях. Из воспоминаний самого Симеона мы узнаем о том, что ему с детства было предсказано стать «монахом» и «старцем великим», а также то, что с ранних лет мальчик почувствовал любовь к Богу [2, URL]. Впоследствии Симеон несколько раз изъявляет желание уйти в монастырь, но встречает препятствие в лице родителей, которые в конечном итоге все же принимают выбор сына.

Из второй части мы узнаем о монашеской жизни Симеона, о его пути к схимничеству. Перед нами предстает хронология монастырской жизни преподобного старца, сухое перечисление фактов из его биографии. Примечательно, что здесь отсутствуют характерные для традиционного жития элементы: святой не истязает плоть и не борется с искушением. Есть лишь упоминание преподобного старца о тяготах схимнической жизни. Третья часть повествования состоит из воспоминаний современников о старце Симеоне. Здесь впервые мы видим упоминания о христианских добродетелях святого, очевидцы называют его «ангелом в образе человека», который «был прост, ревнитель безмолвия, старец по дарованию от Бога». [2, URL].

Далее идет повествование о многочисленных чудесах Симеона, переданных со слов его современников. В целом, описание чудес отличается большей достоверностью по сравнению с житиями предшествующих эпох. Агиограф старается привести как можно больше фактов, делая акцент на правдоподобию и реальности происходящего. Завершается повествование описанием смерти святого. Преподобный старец являет чудо, предсказывая точную дату своей кончины. Присутствует упоминание и о посмертных чудесах Симеона.

В завершении С.В. Девятова приводит основания для канонизации святого и дату ее совершения. Затем следуют наставления и советы старца.

Относительно структуры, современное жизнеописание в целом соответствует канону, меняется лишь объем сведений, и нарушается порядок следования некоторых элементов его композиции. К примеру, в жизнеописании нет упоминания о страданиях подвижника, а его поучения из основной части переносятся в заключение, отсутствуют такие элементы, как предначертательная молитва, хвала и благодарность Богу. Также в жизнеописании присутствует такая особенность как «воспоминания» самого святого и его современников. Чудеса святого обладают большей достоверностью, автор насыщает

свое повествование фактами, делая акцент на правдоподобию описываемых явлений, приводя достаточное количество конкретных дат, что также является отступлением от жанрового канона.

Относительно художественных особенностей, стиля и манеры изложения, жизнеописание более походит на биографию, но это заявление не вполне правомерно, поскольку биография может быть написана для любого человека, «жизнеописание же повествует только о праведнике или уже о прославленном святом» [3, с. 89]. И жития, и жизнеописания имеют своей целью составить полный рассказ о человеке, прославленном Церковью. Но время и культурная обстановка Древней Руси и современной России накладывают собственные отпечатки на характер повествования. Древнерусское житие обычно включало назидательные поучения, мотивировало читателя на полезные размышления, поскольку книга являлась редкостью и религиозная литература служила универсальным научением. В настоящее время человек окружен множеством книг, поэтому дидактическая направленность жанра потеряла свои ведущие позиции.

Несмотря на все это, древнерусское житие и современное жизнеописание нельзя разделять, так как они представляют собой варианты одного и того же агиографического жанра, который строится по своему канону, сложившемуся еще в Византии.

Литература

1. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И.П. Еремин. – Л., 1987. – 328 с.
2. Девятова С.В. Православные старцы XX века. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/pravoslavnye-startsy-xx-veka/25.
3. Иванова Т.А. Житие и жизнеописание: особенности жанра / Т.А. Иванова // Церковь и проблемы современной коммуникации: сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007. – 85-93 с.

СЕКЦИЯ «СЛОВО, ОБРАЗ, КОММУНИКАЦИЯ»

*А.О. Завалина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч.рук. – канд. филол. н., доц. Е.В. Сидорова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПЕРЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ Т. КРЮКОВОЙ «ВОТ ТАК ЦИРК!»

«Я пишу для детей, чтобы передать им ту доброту, любовь и улыбки, которыми меня щедро наградило мое детство. Я хочу, чтобы они полюбили этот мир так же, как люблю его я», – так о своем предназначении пишет Тамара Крюкова в автобиографии «Кем я не стала, или как я пришла к писательству» [1, URL].

Тамара Шамильевна Крюкова – автор книг для детей и юношества. Работает в разных жанрах и для читателей разного возраста. Одни книги написаны для дошкольников, другие адресованы старшим школьникам и взрослому читателю. Писатель разно-

плановый: в её багаже есть фантастические и реалистические повести, повести-сказки, рассказы и стихи. Книги Т. Крюковой переведены на многие языки.

Тамара Шамильевна является лауреатом премий различных фестивалей и конкурсов (IV Всероссийского конкурса произведений для детей и юношества «Алые паруса», лауреатом Премии Правительства Российской Федерации в области образования).

По её произведениям сняты два полнометражных художественных фильма: молодёжная романтическая история по повести «Костя+Ника» и кинокомедия «Потапов, к доске!»

Одним из замечательных произведений Т.Крюковой является сказка «Вот так цирк!», в которой рассказывается удивительная история, произошедшая в наши дни. Герой книги Данька мечтает стать артистом цирка, но убедить в этом родителей непросто. На помощь ему приходят пес Бублик, крыса Грымза, котенок Сосиска и кролик Фокус-Покус. Путешествуя в Черном ящике фокусника Анастаса Родионовича, друзья попадают в полные неожиданностей смешные ситуации.

Именно на основе этого произведения будет рассмотрена репрезентация пространства и времени в литературной сказке.

Художественное время – важнейшая характеристика художественного образа. В каждом конкретном произведении художественное время организовано по-разному (оно соотносится или не соотносится с историческим временем, может быть более или менее определенным (день, год, несколько лет), может быть ретроспективным).

Художественное время представляет собой отражение времени реального мира, увиденного, осмысленного автором, включается в систему важных характеристик художественного образа, основных координат художественного мира, которые обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют всю композицию произведения.

Художественное пространство – это созданная писателем некая модель, картина мира, в котором происходит действие; оно организует композицию произведения и создает в нем условный образ. Художественное пространство многомерно. Основными его типами в сказочном тексте являются: пространство, приближенное к реальному, фантастическое, социальное, точечное, психологическое. Все эти типы пространства совмещаются, создавая смешанные варианты.

Важным является понятие хронотопа, которое введено М.М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе» [2]. Хронотоп – это взаимоотношение темпоральной и пространственной оси повествовательного текста, которое позволяет отнести его к некоторому множеству текстов, с общим для них пространственно-временными признаками.

Ю.М. Лотман выделил точечное, линейное, плоскостное или объемное пространство [3]. Точечное пространство – превращение пространства из совокупности заполняющих его вещей в некоторый абстрактный язык. Линейное пространство – это пространство, ограниченное в ширину и не ограниченное в длину (образ дороги). Плоскостное пространство имеет горизонтальную и вертикальную направленность, то есть разворачивается не только вдаль, но и по вертикали (рай – ад, внешнее – внутреннее, тьма – свет). Объемное пространство направления не имеет, оно не имеет также ограничений по длине, ширине и высоте. Оно связывается с историческим временем в прошлом и будущем.

Литературная сказка – прозаическое или поэтическое произведение с установкой на вымысел, сохраняющее традиции пражанра, при этом определяющим в нем являются идейно-эстетические установки автора.

Рассмотрим, как организовано пространство и время в сказке Т. Крюковой «Вот так цирк!». Уже в первом предложении даются ориентиры, в которых будет происходить действие: «*Однажды в городе начались чудеса*» [4, с.5]. Временной ориентир, выраженный наречием *однажды*, свидетельствует о том, что точно определить, когда произошли события, невозможно, потому что они могли произойти когда угодно, как и должно быть в сказке. Пространственный ориентир *в городе*, выраженный существительным с предлогом, имеет «точечное» значение, но вместе с тем читатель не может догадаться, в каком именно городе происходят сказочные события, возможно, именно в том, в котором живет сам читатель.

В первом же предложении второй части рассказа появляется временной ориентир *с утра*, выраженный существительным с предлогом. Далее автор обозначает время «*сегодня четверг*» [4, с.14], выраженное наречием и существительным, что помогает более точно определить временной промежуток. В сознании читателей, вероятно, актуализируется поговорка «после дождика в четверг», что находит отражение в самом тексте.

В пятой главе Бублик раскрывает Даньке тайну Черного ящика. Мальчик убеждается в действии этого магического предмета на собственном примере. Здесь автор знакомит читателя с волшебным временем и пространством.

Повествование начинается с введения автором ориентира времени «*на следующий день*» [4, с.43], который говорит о развитии действия в сказке и его продолжительности.

Черный ящик является промежуточным пространством между реальным и волшебным миром, порой изменяющим и время. Т. Крюкова дает такое описание этого магического предмета: «*В ящике было, так темно, что Данька не видел даже кончика собственного носа*» [4,45].

«Алле-оп!» – вот все, что нужно сказать в Черном ящике, чтобы за несколько секунд перенестись в нужное волшебное пространство. Впервые произнеся эти слова, Данька попадает в Африку. Этот пространственный ориентир становится реальным географическим объектом, с подробным описанием его деталей.

В восьмой главе через сновидение мальчика пространство текста плавно переходит из реального в волшебное и наоборот: «*Ему снилось, что он летит в Черном Ящике все выше и выше, а чуть поодаль парит Бублик. Данька хотел окликнуть пса, как вдруг ящик налетел на вершину высокой горы и рухнул на землю. Данька открыл глаза. Оказалось, что во сне он свалился с дивана вместе с одеялом*» [4, с.83-84].

В главе «Ведро яблок, или спасенная жизнь» рассказывается о переезде цирка и о новом друге Даньки котенке Сосиске. Наречие «наконец», являющееся детерминантом времени, говорит о том, что последней на новое место гастролей отправилась семья мальчика.

Существительное с предлогом *в дорогу* вводит в текст образ пути: «*Колеса вагона ритмично постукивали по рельсам, за окном мелькали телеграфные столбы, и проносились деревеньки с аккуратными резными домиками и палисадниками...*» [4, с.141]. Таким образом, появляется линейное пространство, не ограниченное в длину, но ограниченное в ширину.

Существительное с предлогом *под ногами* заставляет читателя опустить взгляд вниз и увидеть там «*котенка, лапы враслопырку*» [4, с.144], так появляется пространственная вертикаль.

Автор прибегает к приему интертекстуальности, напоминая читателю о «Сказках дядюшки Риммуса» про Братца Лиса и Братца Кролика. Герои перемещаются к дому Братца Лиса, наспех сколоченному из грубо обструганных досок, из трубы которого валит дым. Следует заметить, что пространственным ориентиром, выраженным существи-

тельными с предлогом, становится ящик для писем и газет, на котором написаны имена владельцев домов.

В этой главе описывается и пространство волшебного цилиндра, с помощью слова «алле-оп», можно получить желаемое: *«Ты каждый день на обед можешь по кролику доставать»*. Несмотря на небольшие размеры магического предмета, он оказывается достаточно объемным.

Автор вводит словосочетания *«после обеда»* и *«после ужина»*, состоящие из существительных с предлогами. Предлог сообщает о действии, которое началось после трапезы друзей, а существительное обозначает часть дня, в которой она произошла.

Пространство в сказке описано подробно, так как на перемещении главного героя Даньки строится весь сюжет. В тексте встречается точечное (18 раз), линейное (1 раз) и объемное (2 раза) пространство. Наиболее часто автор использует точечное пространство, а линейное является самым редким.

Пространственные ориентиры выражены наречиями и существительными с локальным значением. Пространство «закольцовано» ареной цирка. Это является значимым элементом, так как весь сюжет строится на чудодейственной силе цирковой жизни.

С помощью Черного ящика Даньке удалось побывать: в Африке, в Америке, в Кото-Васии и в мышинном царстве. Для достижения своих целей он также использовал еще один магический предмет – цилиндр.

«Время» в литературной сказке помогает читателю лучше ориентироваться в ее пространстве и сюжете. Оно выражено в тексте наречиями времени, существительными, обозначающими время суток и время года, также используются числительные, глаголы настоящего времени.

Время, в отличие от пространства, всегда реальное: оно изменяется вместе с перемещениями Даньки, если оно обусловлено часовым поясом или какими-либо географическими явлениями.

Таким образом, мы рассмотрели пространственно-временные репрезентанты в современной литературной сказке на материале книги Т.Крюковой *«Вот так цирк!»*. Языковая реализация категории пространства многогранна: это и характеристика объемного, точечного, линейного пространства, которое совмещает реальный и волшебный мир сказки. Языковая репрезентация категории времени в произведении Т.Крюковой не выходит за рамки реального. Наблюдения, представленные в статье, отражают своеобразные черты сюжетной организации современной литературной сказки.

Литература

1. Крюкова Т. Кем я не стала, или как я пришла к писательству. URL:<http://www.fant-asia.ru/aboutbio2.htm>

2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки исторической поэтики / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С.234-407.

3. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя/ Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.

4. Крюкова Т. Вот так цирк! : Повесть-сказка / Т. Крюкова. – М.: Аквилегия – М; 2013.– 256 с.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СМЫСЛ «СОСТОЯНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОЭЗИИ Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА

Несмотря на то, что понятия «чувства» и «эмоции» можно разграничить, всё же надо признать, что они тесно взаимосвязаны, поскольку эмоций без чувств не бывает: эмоция может выражать различные чувства, а одно и то же чувство может выражаться в разных эмоциях.

Но эмоции и чувства могут быть выражены не только в той или иной жизненной ситуации, но и запечатлены в строках художественных текстов. Благодаря их изучению мы можем говорить о состоянии автора, что и является предметом нашего исследования в данной статье.

Состояние поэта, явленное в его художественном мире, мы хотели бы рассмотреть с трёх позиций: физическое состояние (состояние тела), состояние души и состояние чувств. В этой связи мы решили проанализировать стихотворения Д.В. Веневитинова, используя классификацию И.Я. Чернухиной. На наш взгляд, эта классификация обладает наибольшей объяснительной силой.

И.Я. Чернухина классифицирует универсальный смысл «состояние», выделяя три его типа. С точки зрения учёного, можно выделить следующие типы художественного состояния:

1) конкретный тип. И.Я. Чернухина указывает, что это «продукт творчества автора, эстетическое отражение состояния, переживаемого конкретным лицом в конкретный отрезок времени (обычно презентивного)» [2, с.73];

2) состояние-обобщение, то есть «продукт творчества автора, эстетически воспроизводимое состояние, субъектом которого может быть неограниченно широкий круг лиц. Речевыми признаками состояния-обобщения являются следующие: субъект состояния называется существительными с абстрактным или собирательным значением, местоимения в форме множественного или местоимение единственного числа в значении множественного» [2, с.76];

3) состояние-абстракция – «продукт творчества автора, эстетическое воплощение состояния, не имеющего субъекта бытия» [2, с. 83].

Показателен тот факт, что когда мы начали искать примеры физического состояния, то таковых (ярко выраженных) не оказалось. Но в то же время нам встретились строки, где через обозначение состояния тела передаётся состояние души. Например:

Не мучь напрасным искушеньем

***Груди** истерзанной моей.*

Или:

Когда ж внезапно что-нибудь

*Взволнует огненную **грудь** –*

***Душа**, без страха, без искусства,*

Готова вылиться в речах

*И блещет в пламенных **очах**...*

Следует отметить, что во всех примерах физический показатель (в данном случае слово «грудь») служит для передачи состояния души, обиталищем которой является грудь. Необходимо обратить внимание и на «окружение» лексемы «грудь», то есть на те эпитеты, которые использует поэт, а именно: «истерзанная», «пламенная», «огненная».

Этих примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод о том, что автор этих строк страдает. Причем не только морально, но и физически. Действительно можно говорить, что человек испытывает болезненное состояние. К тому же мы знаем, что сам поэт страдал физически. Напомним, что и жизнь его прервалась из-за воспаления легких. Поэтому строки стихотворения звучат как предчувствие, что он умрёт от грудной болезни. Однако это поверхностное, самое первое восприятие стихотворений.

Подробнее хотелось бы остановиться на стихотворении «К любителю музыки». Приведем в качестве примера следующий отрывок:

*Когда б ты знал, что эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник, –
Поверь, уста твои и руки
Сковались бы, как в час святой,
Благоговейной тишиной.
Тогда душа твоя, немея,
Вполне бы радость поняла,
Тогда б она живей, вольнее
Родную душу обняла.*

Д.В. Веневитинов очень точно описывает состояние человека, «подвергшегося» влиянию тех или иных творческих мук. Музыка, стихотворная речь приводят к оцепенению, состоянию внешней неподвижности при внутреннем пламени. Мы видим, что не только этот пример, но и все предыдущие построены на антитезе, главной из которых, пронизывающей все стихотворения, является «пламенная грудь» и «холодные сомненья».

Следует обратить внимание, что в этом стихотворении помимо «онемевшей души» появляются новые физические объекты – уста и руки. Вероятно, их появление обусловлено тем, что именно они способны многое сказать о человеке. В данном случае описать лирического героя сложно. Единственное, что мы можем отметить, – указание на его тонкую душу, на которую сильное влияние оказывают звуки музыки. Думается, что именно такой ранимой и чувствительной душой, несмотря на кипящие внутри огненные страсти, обладал и сам Д.В. Веневитинов.

Помимо физических показателей, отраженных в языке и указывающих на универсальный смысл «состояние» в поэзии Д.В. Веневитинова, поэт создает волнительную гамму человеческих чувств, рождённых любовью. Его любовь к З. Волконской стала своеобразным символом вечной, но, к сожалению, неразделённой любви. Следует отметить, что подлинные чувства самого поэта выражены исключительно в стихотворениях, которые посвящены истории его любви, что является признаком конкретного типа художественного состояния в языке поэзии Д.В. Веневитинова, согласно классификации И.Я. Чернухиной, изложенной выше. В остальных же он переносит акцент с себя на любого другого человека. Это свидетельствует о том, что состояние-обобщение в языке его поэзии является преобладающим типом универсального смысла «состояние». Благодаря такому смещению читателю кажется, что в стихотворении описываются его собственные чувства. Надо заметить, что порой он употребляет местоимение «ты», тем самым обращаясь к читателю и будто бы исключая себя:

*С живым восторгом упоенья
Ты бродишь с милою мечтой.*

Порой наоборот, употребляя местоимения «нас», «мы» или же выражая с помощью глагольных форм множественное число, поэт характеризует и себя как человека, испытывающего те же самые чувства:

Сначала жизнь пленяет нас:

Всё в ней тепло, всё сердце греет.

Таким образом, проанализировав язык стихотворений Д.В. Веневитинова, мы можем сказать, что в его произведениях присутствуют все три типа художественного состояния с преобладанием состояния-обобщения. Это свидетельствует о том, что нередко поэт пытается скрыть свои чувства, пытаясь приписать их всем людям.

В произведениях Д.В. Веневитинова мы обнаружили следующие лексемы-физические показатели, благодаря которым мы можем судить о состоянии поэта: *руки, грудь, сердце, ланиты, очи*. Следует ещё раз подчеркнуть, что поэт использует в своём творчестве только наименование только тех частей тела, которые наиболее точно и полно могут охарактеризовать его состояние.

Говоря о физическом состоянии лирического героя и поэта, следует ещё раз подчеркнуть, что оно болезненно. Причём это касается не только его здоровья, но и душевного самочувствия: душа пылает, грудь горит. Благодаря всем вышеперечисленным физическим показателям поэт передает видимые показатели состояния невидимой души.

Литература

1. Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д.В. Веневитинов – М. : Наука, 1980, – 607 с.
2. Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики / И.Я. Чернухина.– Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990 .— 197 с.
3. Чернухина И.Я. Поэтическое речевое мышление / И.Я. Чернухина. – Воронеж : Петровский сквер, 1993. – 188 с.

*Е.А. Шедогулова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч.рук. – канд. филол. н., доц. Т.В. Ильина*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ АНЕКДОТАХ

Давно известно, что анекдот является неотъемлемой частью русской культуры. Под анекдотом в настоящее время исследователи понимают «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка» [4, с. 20].

Основная функция анекдота – развлекательная, отсюда напрашивается вывод о необходимости изучения анекдота через призму комического. С точки зрения создания комического, анекдоты бывают референциальные и лингвистические [3, с. 30].

Нами было проанализировано порядка 175 примеров русских лингвистических социально-бытовых анекдотов. По нашему мнению, именно в анекдотах, затрагивающих семейные ценности, наиболее четко прослеживается душа народа.

На основе изученных работ составлена классификация всех основных языковых средств создания комического, используемых в анекдотах. Выделены фонетические, лексические и грамматические (морфологические и синтаксические) средства.

На фонетическом уровне частым средством создания комического является подражание человека речи животных или птиц – звукоподражание, пародирование речи иностранцев, дефекты речи. В проанализированных нами анекдотах не были найдены подобные примеры.

Было выявлено, что к **лексическим средствам** создания комического эффекта в русских социально-бытовых анекдотах относятся «формальные приемы» каламбура, т.е. **полисемия**. Было замечено, что чаще всего обыгрываются многозначные слова, выраженные глаголами.

Например:

Теща с зятем сидят за обедом. Внезапно, вторая мать давится куском мяса...

– *Сынок, **похлопай!***

– *Браво, мама, браво!*

В данном анекдоте теща просит своего зятя ударить ее по спине, как и принято делать в случае, если человек подавился пищей. Зять интерпретирует глагол в значении «рукоплескать, аплодировать» [1, с. 1445].

Обыгрыванию в целях создания комического эффекта подвергаются полные **омонимы**. Например:

Отец спрашивает сына:

– *Сынок, тебя какая-нибудь профессия **привлекает?***

– *Да, папа, милиция.*

– *А почему?*

– *Не знаю. **Привлекает и привлекает.***

В современном русском языке существует несколько значений глагола «привлечь», на двух из которых и строится комический эффект в данном примере:

1) вызывать интерес;

2) заставить нести ответственность [1, с. 972].

Руководствуясь, работой В. З. Санникова, мы относим к разделу омонимии еще **случайное совпадения или сходство иностранных и русских слов, выражений**.

– *Теща мне на день рождения обещала подарить **Porsche Cayenne...***

– *Дорогой, ты не расслышал: **борщ и хрен!***

В данном лингвистическом исследовании были проанализированы анекдоты, в которых комический эффект основан **на контекстуальной антонимии и контекстуальной синонимии**.

– *Невестушка, ты хоть скотинку покормила?*

– *Нет еще, мама, спит ваш сыночек.*

В данном контексте синонимами для невестки становятся существительные «скотина» и «муж». Рассмотрим явление контекстуальной антонимии на примере:

– *Твоя прическа, – говорит муж, – словно чудесный сон!*

– *А твоя, – отвечает жена, – словно голая действительность.*

В данном контексте противопоставляются друг другу выражения «чудесный сон» и «голая действительность».

Еще одним продуктивным средством создания комического эффекта считается **сравнение**.

Жена в семье должна быть как президент – все деньги у нее, все решения принимает она.

Но каждые 4 года – выборы.

Наличие общих характеристик у жены и президента обыгрывается в данном примере, что и служит причиной создания комического эффекта.

На **использовании фразеологизмов** строится комический эффект в 15 % анекдотов социально-бытового жанра. Пример:

– *Почему ты не убрал в квартире? – строго спрашивает жена, – Ведь ты же весь день сидел дома!*

– *Никак не мог, дорогая: с самого утра ждал тебя с расprostертыми объятиями!*

В современном русском языке выражение «с распростертыми объятиями» устойчиво и обозначает «радушно, приветливо». Понимание выражения в буквальном смысле служит созданию комического эффекта в анекдоте.

В некоторых случаях встречается разрушение, переделывание пословиц и поговорок, с расчетом, что читатель/слушатель анекдота знаком с оригиналом (3%).

Жених звонит в дверь своей невесты. Открывает ее младший брат и зовет сестру:

– *Маша, твоя синица в руках пришла!*

Поговорка «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» обозначает, что лучше обладать чем-либо в реальной жизни, пусть и немногим, чем стремиться иметь что-либо гораздо лучшее, но вряд ли достижимое. Таким образом, младший брат имеет в виду, что данный молодой человек не является прекрасной парой, женихом мечты, для сестры.

Грамматические средства, в свою очередь, делятся на морфологические и синтаксические.

К **морфологическим** средствам можно отнести **обыгрывание форм слов** (1%):

– *Папа, как отличить зайца от зайчихи?*

– *Очень просто, сынок! Надо посмотреть, кто побежал.*

– *Как это?*

– *Если побежал – это заяц, побежала – зайчиха.*

Среди **синтаксических** средств создания комического эффекта, которые были задействованы в 23% анекдотов от общего числа проанализированных нами русских анекдотов, можно выделить **синтаксическую омонимию (9%)**, **синтаксическую компрессию (4%)**, **синтаксический параллелизм (5%)**, **синтаксическую сочетаемость компонентов предложения (1%)**.

Синтаксическая омонимия – это «совпадение в синтаксической конструкции (словосочетании или предложении) двух значений» [2, URL]. Ее механизм заключается в том, что синтаксическая конструкция сначала «прикидывается», таким способом заманивая слушателя на ложный путь, но с расширением контекста истинный смысл становится явным.

Например:

– *Скажи мне, милый, только честно, как ты находишь мою грудь?*

– *Если честно, то с трудом дорога!*

Представляется вполне логичным вопрос «как ты находишь?» истолковать различными способами. В первом случае его можно понимать, как синонимичный вопросу «как тебе?», «нравится ли тебе?». В данном анекдоте супруг понимает вопрос буквально, т.е. придает слову «находить» значение поиска.

Еще одним средством создания комического эффекта в анекдотах становится **синтаксическая компрессия (4%)**, то есть те случаи, где опускается высоковероятное дополнение, обстоятельство, определение или подлежащее. Приведем примеры, иллюстрирующие сказанное.

Мужик жалуется своим друзьям:

– *Представляете, каждый божий день с женой ссоры! То постель не заправил, то собаку не выгулял, то мусор не вынес, то зарабатываю мало...*

– *А по шее?*

– *Да не... Руки, слава богу, она еще не распускает...*

Друзья имели в виду, что мужчина должен дать по шее своей жене, чтобы усмирить ее нрав. Но собеседник понял вопрос как «А она хотя бы не бьет тебя?», причиной чему послужил пропуск дополнения в синтаксической конструкции («А по шее ей?»).

К средствам создания комического эффекта в анекдотах можно отнести **синтаксический параллелизм** (5%), то есть одинаковое построение, соседних предложений, отрезков речи. Например:

Когда у жены на лице полтонны косметики – это ничего. Когда у мужа на лице немного помады – это конец света.

Синтаксическая сочетаемость компонентов предложения (1%) – еще одно средство комического. Комизм основывается на сочетании несочетаемого. Приведем пример.

– Как вы живете со своим мужем?

– Ах, не спрашивайте! Он постоянно мне изменяет! А я столько раз была ему верна!

Комизм в данном анекдоте создается за счет нарушения правил сочетаемости главного слова и обстоятельства.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что основными языковыми средствами создания комического эффекта в русских социально-бытовых анекдотах являются лексические средства, задействованные в 62% анекдотов от общего числа анализируемых примеров. В большинстве рассмотренных анекдотов комический эффект строится на основе обыгрывания формальных приемов каламбура.

Выводы данного исследования подтверждают: рассмотрение лингвистических средств создания комического эффекта представляет несомненный интерес для изучения анекдота как жанра.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М. А.Теленкова // Текстология.ру. Режим доступа : <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskieterminy/?q=484>. – 01.03.17.
3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
4. Шмелева Е.Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 143 с.

*В.А. Заварзина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч.рук. – канд. филол. н., доц. Т.Н. Голицына

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Как известно, эвфемизмы представляют собой лексические единицы, мелиоративные по форме и содержанию. Ср.: «Эвфемизм - это мягкое и дозволенное, мелиоративно-иносказательное, а иногда просто более приемлемое по тем или иным причинам слово, или выражение, употребляемое вместо слов или выражений, представляющихся говорящему запрещенными, неприличными, грубыми, нетактичными, неприемлемыми с точки зрения принятых в обществе норм морали...» [4, с. 37]. Употребление такой лексической единицы становится необходимым в тех случаях, когда сущностная характери-

стика явления или понятия воспринимается говорящим как нежелательная, некорректная и является противоречащей нормативно-ценностным системам социума.

Употребление эвфемизмов в сфере современного российского образования продиктовано, на наш взгляд, нормативно-ценностными представлениями общества, а также проводимой в стране государственной политикой.

Исследование показало, что основными целями использования эвфемизмов в исследуемой сфере являются:

1) стремление смягчить грубые и оскорбительные, унижающие человеческое достоинство слова и выражения [напр., *школа с особым контингентом учащихся, школа для детей с особыми потребностями, дети с особыми нуждами, дети со специальными потребностями в обучении, дети с ограниченными возможностями здоровья, маломобильные дети, правополушарные дети* (вместо *дети-инвалиды, умственно-отсталые дети*); *коррекционный класс (для отстающих по учебным дисциплинам детей)*; *особый ребенок, особо трудный ребенок (с отклонениями в развитии, умственно отсталый)*; *слабые университеты, университеты второго ряда, вузы со слабой конкурентной позицией* и др.];

2) стремление завуалировать негативные стороны явлений действительности [напр., *подключить ресурс к решению проблем в вузе* (вместо *подключить связи*), *объем дефицитного ресурса в вузе* (вместо *количество мест в вузе*), *государственные именные финансовые обязательства* (вместо *отказ государства от экономических обязательств перед гражданами в сфере образования*)];

3) стремление ретушировать негативные последствия неправильной государственной политики (напр., *укрупнение вуза* (вместо *сокращение расходов на административно-управленческий персонал*) и др.],

4) стремление сохранить баланс социально-статусных интересов на уровне государства как средства предотвращения общественного резонанса (напр., *оптимизация университетов* (вместо *сокращение преподавателей*), *оптимизировать расходы федерального бюджета* (вместо *сократить расходы*) и др.].

Очевидно, что основными способами и средствами создания современных эвфемизмов сферы образования являются:

– иноязычные слова, как правило, более пригодные для вуалирования смысла явления, чем исконная лексика [ср.: *эндаумент/эндаумент-фонд* (вместо *фонд целевого капитала для привлечения благотворительных пожертвований в целях финансирования деятельности вуза*), *девиантное поведение* (вместо *отклоняющееся от социальных норм поведение*), *инклюзивное образование* (вместо *обеспечение равного доступа к образованию всех, в том числе детей-инвалидов*) и др.],

– лексемы, в настоящее время переосмысленные и наполненные новым содержанием [напр., *специальное образование* (вместо *обучение детей с физическими недостатками или испытывающих по тем или иным причинам определенные трудности в учебе*), *неселективные вузы* (вместо *вузы, предлагающие образовательные программы низкого качества*), *обслуживающий университет* (вместо *университет, получающий слабую поддержку от государства*) и др.],

– аббревиатуры [ср.: *дети с ОВЗ* (вместо *дети с ограниченными возможностями здоровья*), *дети с ООП* (вместо *дети с особыми образовательными потребностями*), *ГИФО* (вместо *государственные именные финансовые обязательства*) и др.],

– номинации с достаточно общим смыслом, используемые для обозначения конкретных предметов и понятий (ср.: *ресурс, ресурсный* и др.): *Для детей с ограниченными возможностями, которые учатся в интернатах или дома, планируют открывать «ре-*

сурсные» классы (в обычных школах появились специальные аудитории для занятий с ребятами, у которых есть отклонения в развитии)[2; 3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что активные процессы эвфемизации в сфере современного российского образования свидетельствуют о формировании и развитии в сознании современных носителей русского языка системы лингвокультурных ценностей и «становлении новой морально-этической модели общества» [1, с. 12].

Литература

1. Глиос Е.С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке (на материале англоязычных Интернет-сайтов): дис...канд. филол. наук / Е.С. Глиос.– Белгород, 2007. – 187 с.

2. Заварзина Г.А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности»/ Г.А. Заварзина // Русская речь. – 2006. – №2. – С.54-56.

3. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи/ Л.П. Крысин// Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.

4. Тюрина Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка: на материале современного английского языка: дис... канд. филол. наук/ Е.Е. Тюрина. – Н. Новгород, 1998.– 134 с.

*А.С. Березина, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина
(Тамбов)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.С. Моисеева

РОЛЬ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА)

«Совокупность жестов, поз, телодвижений, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения» называют кинесикой [1]. Предметом нашего рассмотрения стали кинесические элементы в рассказах А.П. Чехова «Толстый и тонкий» и «Человек в футляре» и их функциональная составляющая.

В рассказах А.П. Чехова присутствует большое количество жестов и символов, которые во всей полноте раскрывают образы героев. Так, например, уже само название рассказа «Толстый и тонкий» показывает нам различия между героями. Многочисленные описания жестов несут большую эмоциональную нагрузку. Перечислим самые яркие из них: *«троекратно облобызались», «снял шапку», «спрятался за спину отца», «он съежился», «сгорбился», «сузился», «он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку», «пожал три пальца», «поклонился всем туловищем»* и др.

В тексте произведений ярко описаны мимические элементы, изменения выражения лиц героев. Лицо человека как важнейший коммуникативный канал, способный передавать эмоциональный и содержательный подтекст словесно выраженного содержания, позволяет реализовать обратную связь, контролировать ход коммуникации, координировать последовательность реплик, регулировать саму процедуру общения, делая его более эффективным. В текстах автор использует несколько типов мимики: выражение лица (*«вдруг побледнел», «на лице у тонкого было написано столько благоговения», «сладости и почтительной кислоты»* и т.п.); движение губами (*«лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой»*); движения глазами (*«устремили друг на друга глаза, полные слёз»*) и др.

Жесты и мимика выражают эмоциональное состояние персонажей. Например:

- радость, удивление: *«Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого; Батюшки! – изумился тонкий»;*
- опасение: *«Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца»;*
- нетерпение или раздражительность: *«Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновничество!»;*
- отвращение: *«Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило»;*
- испуг: *«Сам он сгорбился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съезжились, поморщились»* и т.д.

Исследуя стилистические характеристики кинесических элементов в текстах рассказов А.П. Чехова, мы установили, что при описаниях жестов автором используются как стилистически нейтральные слова, которые не обладают яркой экспрессией, так и стилистически маркированные, наиболее ярко и полно отображающие всю гамму чувств и переживаний персонажей. Эти экспрессивные элементы могут быть как стилистически сниженными, фамильярными, так и высокими. Так, слова, которые сопровождают жест, мимический элемент или являются вербальной формулировкой кинесического элемента, могут характеризовать человека как социального индивида, отражать внутреннее состояние героев. Кроме того, невербальные средства коммуникации и словесная их репрезентация в произведении помогают читателю понять чувства героев, увидеть их отношение к другим и к самим себе.

В ходе нашего исследования мы обратили внимание на то, что в двух рассматриваемых нами рассказах писатель использует разные группы средств невербального общения. Так, если в рассказе «Толстый и тонкий» ярче жесты, мимика, движения, то во втором произведении, «Человек в футляре», жесты и мимика в описании персонажа Беликова задействованы неактивно, и на первый план выступают элементы описания окружающей обстановки.

В рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре» бросается в глаза большое количество описаний интерьера, однако кинесические средства выражения практически не фиксируются. Из мимики у Беликова можно отметить: *«прищурил глаза»*, *«говорил со слабой кривой улыбочкой»*, *«губы задрожали»* и т.д. Из жестов: *«подняв палец вверх»*, *«покачивал головой»*, *«нервно потирал руки»* и т.д.

Автор не описывает открытых эмоций главного героя, но предметы быта и обстановка комнаты Беликова ярко характеризуют его: *«зонтик в чехле»*, *«часы в чехле из серой замши»*, *«нож в чехольчике»*, *«поднятый воротник»*, *«темные очки»*, *«фуфайка»*, *«уши, заложенные ватой»*, *«маленькая спальня, точно ящик»*, *«кровать с пологом»* и т.п. Главный герой рассказа показан как человек закрытый, очень педантичный, живущий с опаской, неуверенный в себе. Описание его домашней обстановки говорит о его замкнутости: халат, колпак, ставни, задвижки, целый ряд всяких запрещений, ограничений.

А.П. Чехов описывает Беликова как человека очень боязливого: *«И ему было страшно под одеялом. Он боялся, как бы чего не вышло, как бы его не зарезал Афанасий, как бы не забралась воры, и потом всю ночь видел тревожные сны, а утром, когда мы вместе шли в гимназию, был скучен, бледен, и было видно, что многолюдная гимназия, в которую он шел, была страшна, противна всему существу его и что идти рядом со мной ему, человеку по натуре одинокому, было тяжело».*

В рассказе «Человек в футляре» описан тип «маленького человека». Персонаж всего боится, от всего прячется, избегает близких контактов с людьми, не разбирается в жизни, не понимает детей. Обстановка вокруг него ярко отражает его внутренний мир:

что вокруг, что внутри – у него всё «в футляре», – такая своеобразная раковина, где хранятся все его вещи, поэтому Чехов и сравнивает Беликова с улиткой. В любой новой для него ситуации он «прячется» в свою «раковину».

Рассматривая невербальные средства коммуникации в рассказах А.П. Чехова, мы выделили кинесические элементы и описание интерьера. И тот, и другой тип раскрывают характер персонажей, их внутренний мир, особенности поведения, социальный статус. Кинетические элементы используются автором для описания эмоциональных людей, умеющих выражать чувства, в то время как окружающая обстановка способствует описанию замкнутых, закрытых людей. Но, тем не менее, оба типа являются средствами невербальной коммуникации, которые дают читателю возможность раскрыть характер героя, понять, почувствовать его переживания, соотнести с самим собой.

Таким образом, в ходе проведенного анализа нам удалось прийти к выводу о том, что кинесические элементы в рассказах А.П. Чехова «Толстый и тонкий» и «Человек в футляре» используются преднамеренно, придают произведению более эмоциональный и выразительный характер, делают рассказы более убедительным, наглядным, экспрессивным, позволяют лучше понять, глубоко прочувствовать состояние и положение персонажей, создают яркую, запоминающуюся картину.

Литература

1. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация и компетентность в современной коммуникации: (Опыт системного анализа) / А.П. Садохин // *Общественные науки и современность*. – 2008, № 3. – С. 156-166.

2. Чехов А.П. Толстый и тонкий. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/464/p.1/index.html>

3. Николаева Ю. «Кинетические средства общения» – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/12-zhesty.doc>

4. Чехов А.П. Человек в футляре. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/438/p.1/index.html>

*М.Г. Куликова, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – д-р филол. наук, проф. И.С. Климас

КОНЦЕПТ «СМЕХ» В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Комплексный анализ слова и стоящего за ним содержания ведет к осознанию представленного словом концепта и его роли в национальной языковой картине мира. Филологи обращали внимание на культурную значимость концепта «смех» [1]. Не случайно, по словам Ф.М. Достоевского, «смех есть самая верная проба души». Наша задача – проанализировать концепт «смех» в русской языковой картине мира по данным разнообразных лексикографических источников. В качестве предмета исследования рассматриваются лексемы-репрезентанты концепта, имеющие в своем составе соответствующий корень *-смех-/-смеиш-/-смеј-*.

К понятию концепта обращались в своих работах многие русские и зарубежные ученые, такие как Е.С. Кубрякова, А. Вежбицкая, И.А. Стернин, З.Д. Попова, А.П. Бабушкин и др. Ю.С. Степанов рассматривает концепт в культурологическом плане: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, по-

средством чего человек – рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [2, с. 40].

В толковых словарях лексема *смех* дефинируется как 'короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства'. *Покатиться со смеху*. *Со смеху умирали* (очень сильно смеялись; разг.) *Не до смеху* (нет ничего смешного, веселого в чем-н.; разг.) [3, с. 638]. Однако смех выражает не только положительные эмоции человека, такие как веселье, радость, но имеет и отрицательную семантику, например, 'при наблюдении или представлении чего-н. забавного, нелепого, комического, а также при некоторых нервных потрясениях и т.п.'. Д.Н. Ушаков говорит о гомерическом, истерическом, саркастическом смехе, смехе с целью шутки или насмешки над кем-то. *Смех разбирает, душил кого-н. Смех сквозь слёзы. Работа его – один смех* [4, с. 633–634].

Слово *смех* встречается в некоторых фразеологических конструкциях, имеющих, как правило, негативные оттенки значения. Например, А.И. Молотков определяет следующие значения фразеологизма *и смех и горе [грех]*: 'одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично'. *Учителя – смех и горе... – или позабыли все, кроме своих тетрадок, или никогда и не имели понятия ни о чем*. Чернышевский, Письмо М.И. Михайлову, 28 мая 1851 [4, с. 438]. Выражение как [*будто, словно, точно*] на смех, несущее в себе также негативный оттенок, имеет значение 'нарочно, в шутку, в насмешку'. С отрицательно оценочным значением фиксируется фразеологизм *поднимать на смех*. Несколько иную семантику, противоположную значению лексемы *смех*, выражает фразеологизм *не до смеху*: 'не время для шуток, веселья и забав. Человек не расположен веселиться и шутить'. *Признаюсь, отвечал я, при мысли об экзамене мне не до смеху*. Фет, Ранние годы моей жизни» [5, с. 438].

Особый интерес представляют данные диалектных словарей. Сводный «Словарь русских народных говоров» отражает территориальное своеобразие семантики. В Ярославской области слово *смех* употребляется во множественном числе *смехи* и обозначает 'беззаботное веселье, зубоскальство'. *Куда ни приди – все смехи*. Некрас. *А они смехи хохочут*. Зафиксировано в говорах и наречие *смехОм* – 'шутя, несерьезно', характерное для Лужского уезда Петербургской губернии, для территорий Северной Двины, Костромской, Владимирской, Калужской, Кировской, Томской, Смоленской областей, Уральского края, для территории нижнего течения реки Волги. *Полно тебе смеяться-то. Не смехОм говори, а правду. СмехОм сказала*. Выражение *смех небольшой* отмечено в смоленских диалектах, оно означает, что радоваться нечему ('говорится при упреке, порицании за что-л.'). *Тут смех небольшой, чтоб не плакать*. Лексема *смЕхи* в значении 'стыд, позор' встречается на территории Северной Двины. *Быть на/в смехУ* – 'служить для всех объектом насмешки'. *Ты за рубль старика приласкаешь, А на утро ты будешь в смеху* (Нижегородская губ., Ярославская обл.); *за смех* – 'ради насмешки' (Приморский край, Архангельск); *из-под смеху кто-л.* – 'о ком-л., кто любит шутить, смеяться'. *Из-под смеху люди бывают* (Краснодар); *наделать смехУ* – 'вызвать смех, насмешки своими действиями'. *Ай же ты мой татенько возлюбленный!.. Не надей-ко смеху по всей Руси, Не отдай-ко ты девчины да за женищину!* (Петрозаводский уезд, Олонецкая губ.). Интересны диалектные выражения *поехать со смеху, поставить на смех, пропасть со смеху. Пропустить на смех* – 'посмеяться над кем-л.'. *Смех пробирает, разбирает* – 'кому-л. становится смешно'. *А у нас паренек был, все он торчком ходил – смех забирает* (Новосибирский край). *смЕхи строить над кем-л.* – 'смеяться, насмехаться над кем-л.' (Среднеобск). *смЕху положить* – 'много, вдоволь посмеяться' (Куйбышевская, Ярославская обл.). *Со смеху известись, упасть* – 'сильно, до изнеможения посмеяться; умереть со смеху'. Лексема *смехОм* может употребляться в предложении в

качестве безличного сказуемого для выражения несерьезности поведения, склонности к шуткам, смеху у кого-л. [6, с. 7–8]. Как мы видим, исследуемая лексема в большинстве употреблений несет негативно оценочную окраску.

Согласно исследованиям языка поэзии конца XVIII – начала XX в., слово *смех* в стихотворных произведениях этого периода не было широко распространено. Наиболее частотно оно у В. Маяковского, который сравнивает смех со мглистым валом прибоя: *Вы прибоя смеха мглистый вал заметили / за тоски хоботом?* (Маяк., Несколько слов обо мне самом). Поэт говорит о коме из смеха, придавая ему материальное значение: *Каждый хотел протащить хоть немножечко / громаду из смеха отлитого кома* (Маяк., Ночь). В. Соловьев сравнивает смех с перекаточной, свободной волной: *Звучи же смех свободною волною, / Негодования не стоят наши дни* (В. Сол., Посвящение к неизданной комедии). Для Ф. Сологуба смех возлюбленной – звон ручья: *и смех твой – звон ручья* (Сологуб, Зеленый изумруд в твоём бездонном взоре). А.А. Блок в стихотворении «Заключение огнем и мраком» говорит о смехе как о тайне: *В заколдованной области плача, / В тайне смеха – позорного нет!* И.С. Никитин упоминает о насмешке, обладающей желчными свойствами: *Оставь печальный твой рассказ, / Насмешки желчию облитый* (Никит., Оставь печальный твой рассказ..). Сходное образное значение слово *смех* приобретает и в стихотворении С.Я. Надсона «Сколько лживых фраз...». У Надсона смех – это отравя: *И пускай тебя язвят отравой смеха, / И клеймят враждой нечистые уста!..* [7, с. 514].

Отношение к смеху неоднозначно, однако оно не противоречиво и в сфере разговорной речи, и в нелитературном общении. В «Словаре современного русского города» под ред. Б.И. Осипова отмечено, что выражение *смех бьёт* используется при упоминании о чем-то, вызывающем смех. *Посмотришь на-фсех этих, каторья диситикласьяники – смеи бьёт*. Не встретившееся нам в других источниках выражение *смех куриный* представлено в значении чего-то жалкого, ни на что не годного. *Эта ни-кантрольная – эта смех куриный* [8, с. 474–475]. «Толковый словарь русского жаргона» фиксирует совершенно неожиданное лексическое значение у глагола *смешить* – ‘курить гашиш’. *Девки смешили в туалете, для них – кайф, а другим – противно!* Предположительно, данная трактовка образована от фразеологизма *смешной табак* – ‘гашиш’ [9].

Итак, в ходе нашего исследования использован лингвокультурологический подход к изучению концепта «смех» на основе лексикографического материала. Смех в русской языковой картине мира не всегда связан с весельем и радостью, часто лексемы-репрезентанты концепта приобретают в разных языковых стратах отрицательно оценочную коннотацию, выражающуюся в синтагматических связях и своеобразных условиях употребления.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство смеха и народная смеховая культура) / М.М. Бахтин // М.М. Бахтин. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 4 (2). – М. : Языки славянских культур, 2010. – 752 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 944 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.

5. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 543 с.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 39.– СПб. : Наука, 2005. – 343 с.
7. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (Образный арсенал русской лирики конца XIII начала XX века): более 4500 образных слов и выражений / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М. : Астрель, 2004. – 666 с.
8. Осипов Б.И. Словарь современного русского города / Б.И. Осипов. – М.: Астрель, 2003. – 565 с.
9. Грачев М.А. Толковый словарь русского жаргона / М.А. Грачев. – М. : Юнвес, 2006. – 704 с.

*Е.А. Шубакова, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч.рук. – д-р филол. н., проф. О.А. Мещерякова*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИНФЕРНАЛЬНОГО В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ»

Фантастические и мистические мотивы широко распространены в русской классической, а также современной литературе. Эти мотивы уходят своими корнями в фольклорные и мифологические системы славянских и других языков.

Среди писателей XIX века, кто в своем творчестве неоднократно обращался к подобным мотивам, был Н.В. Гоголь.

О фантастическом у Н.В. Гоголя писал еще Д.С. Мережковский в своем сочинении «Гоголь и черт». В.Н. Ильин в статье «Адский холод Гоголя» отмечал, что в русской литературе никто так близко не стоял к миру настоящих, в видимом образе являющихся бесов-гномов.

Ю.М. Лотман отмечал, что «оппозиционную пару в системе «Вечеров...» составляют два противоположных типа пространства: реальное (бытовое) и волшебное (фантастическое)» [4, с. 420]. Реальное – ирреальное пространство характерно для раннего творчества Н.В.Гоголя.

«Фантастика в повестях Н.В. Гоголя выражает представление самого народа, его наивную веру в сверхъестественные существа. Враждебные человеку явления показаны в образе «нечистой силы», носителями зла в повестях Гоголя выступают фантастические персонажи – черти, ведьмы, русалки и др.» [6, с. 592]. Фантастичность чаще всего используется Гоголем для придания сказочности своим сюжетам.

Многие исследователи называют фантастическое inferнальным.

В науке слово «инфернальное» ещё не приобрело точного толкования и почти исключительно трактуется как «адское». Согласно словарю С.А. Кузнецова, «инфернальный» – это адский, потусторонний [3, с. 397].

Как отмечают исследователи, в цикле «Вечеров...» одна из составляющих тем обозначается как вторжение демонических сил в реальный мир людей. События почти всех повестей данного цикла связаны с потусторонним миром. Это наблюдается в произведениях «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Ночь перед Рождеством».

Объектом нашего исследования является повесть «Ночь перед Рождеством». Целью исследования является выявление языковых средств, описывающих инфернальное.

Основным инфернальным образом, представляющим носителей нечистой силы, является *черт*.

Действие происходит на канун праздника Рождества Христова, времени, характерном для появления инфернальных персонажей. В эту ночь злые силы, чувствуя приближение светлого праздника рождения Христа, стараются выместить свое зло на добрых людях. Праздник Рождества оценивался как опасное, «нечистое», «страшное» время, на которое приходится особый разгул нечистой силы. В это время становятся особенно опасными ведьмы, басуркани, колдуны и черти [5, с. 457].

Согласно словарю, лексема *черт* несет в себе следующее значение: 'по религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало, в образе человека, но с рогами, копытами и хвостом; дьявол, бес' [3, с. 1475]. *Черт* – 'олицетворение зла, враг рода человеческого; нечистый, некошный, черная сила, сатана, дьявол' [2.Т.4, с. 579]. По народным представлениям, сатана (черт) похож на человека, но покрыт черной шерстью, имеет рога, хвост, копыта.

В тексте Н.В. Гоголя черт представлен как существо в образе человека, имеющего рога, копыта, хвост, мордочку с пяточком. Это и черт, какой есть в народных представлениях, и человек одновременно, что проявляется через сравнения, детали описания.

Так, черт сравнивается (в шуточной форме) с немцем и губернским стряпчим: *Спереди совершенно немец<...> Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире<...>*. При этом Н.В. Гоголь дает пояснение, что «немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец» (Н.В. Гоголь). Такими сравнениями, несмотря на их различие, писатель усиливает впечатление об «инаковости» инфернального существа, в то же время подчеркивает «инаковость» чужестранца и чиновника.

Ключевыми словами в описании внешнего облика черта являются: *мордочка с пяточком, тонкие ноги, острый, длинный хвост, козлиная борода, рожки*.

Языковыми средствами в описании черта выступают сравнения: *мордочка, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все как у наших свиной; хвост, острый и длинный, как мундирные фалды; весь он был не белее трубочиста*.

Как видим, черт в сравнении со свиной предстает как зооморфный образ; антропоморфный образ черта предстает в сравнении с немцем, трубочистом, стряпчим.

Инфернальным пространством, то есть местом пребывания черта-персонажа, выступает не ад, а, во-первых, места пребывания людей – Диканька и Петербург – и, во-вторых, природное пространство – небо.

В Диканьке пространством черта является хата Солохи, куда черт летал через трубу; мешок, где черт прятался: *Солоха побежала отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок* (Н.В. Гоголь). Вакула выносит черта в мешке из избы и ходит с ним по улице: *Взял и тот, - продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись черт<...> Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею* (Н.В. Гоголь). Вакула осилил черта и заставил его везти в Петербург к царице. Прилетев, Вакула приказал черту спрятаться в карман: *– Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам! Черт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман* (Н.В. Гоголь). Все это говорит о том, что в пространстве человека инфернальное пространство существует, но оно очень ограничено.

В ночь под Рождество пространство неба над Диканькой включает инфернальное – там черт крадет месяц: *Между тем черт крался потихоньку к месяцу <...> подбе-*

жавши, вдруг схватил он обеими руками месяц <...> поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывал, побежал далее (Н.В. Гоголь). Однако украсть светило ему так и не удастся: <...> ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу (Н.В. Гоголь).

Ночное небо над Петербургом, на первый взгляд, выступает как открытое пространство черта, колдунов и прочей нечисти: *Воздух в легком серебряном тумане был прозрачен <...>, вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун <...> плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом <...>; летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма <...> (Н.В. Гоголь).* Однако это пространство дано не с точки зрения черта, а с точки зрения Вакулы, который замечает, что *все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло далее и продолжало свое <...>.* Это показывает, что открытое пространство от Диканьки до Петербурга тоже во власти человека, а не черта: он и ему подобные находятся в этом небе, но не властвуют в нем.

Таким образом, Диканька и Петербург как пространство пребывания нечистой силы оказывается замкнутым, постепенно сужающимся до минимума: изба – мешок – карман Вакулы. Природное inferнальное пространство не исключает победу человека над нечистой силой, что соответствует сюжету.

В повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» образ черта относится к inferнальным. В его облике писатель соединяет зооморфные и антропоморфные черты. Inferнальное пространство входит в пространство человека и природы, но оно весьма ограничено и неподвластно черту.

Литература

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т / В.И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи (в 3-х т.). – Таллин: Александра, 1993. – Т. I. – С. 413-447.
5. Толстой Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Н.И. Толстой. – М.: Международные отношения, 1995.
6. Хусаинова Р.М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя / Р.М. Хусаинова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 592-594.

*С.В. Бунин, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.С. Саломатина*

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСА ФРАЯ

В последнее время как в нашей стране, так и за рубежом переживает бурный подъём лингвистическая гендерология — дисциплина, исследующая речевое поведение мужчин и женщин, изучающая отражение гендера в языке. Нас привлекла такая сторона этого вопроса, как анализ маркеров гендерной отнесённости на материале художественного текста.

В художественной литературе нередки случаи, когда автор-женщина работает под мужским псевдонимом или наоборот. У этой ситуации два проявления: либо автор пишет исключительно под псевдонимом, либо независимо от основной авторской личности живёт своей жизнью виртуальная личность противоположного пола. Именно так, к примеру, поступал Борис Акунин во время работы над проектом «Авторы»: поскольку его фамилия ассоциировалась исключительно с детективами, ряд произведений иных жанров был издан им под именем Анны Борисовой. Конечно, когда этой уловкой пользуются профессиональные авторы, они не ограничиваются лишь псевдонимом: идёт полноценная стилизация, но, несмотря на это, у читателя есть возможность понять, кем на самом деле написан текст — мужчиной или женщиной.

Для гендерного лингвистического анализа нами были выбраны тексты Макса Фрая, а точнее его цикл рассказов «Сказки старого Вильнюса» [5]. Это было сделано по двум причинам. Во-первых, Макс Фрай – один из самых популярных современных русскоязычных писателей, работающих в редком жанре магического реализма. Во-вторых, он долго и успешно практикует прием т.н. гендерной стилизации, описанный выше. Сейчас, пожалуй, всем любителям творчества Фрая известно, что под этим псевдонимом скрывается филолог Светлана Мартынчик. Писательница не просто играет от имени Фрая в постмодернистскую игру со своими читателями, но и всячески акцентирует эту игровую стилистику. Но какими же средствами Мартынчик создавала языковой облик своего мужского «альтер-эго»?

При анализе рассказов Фрая мы опирались на исследования современных учёных, посвященные особенностям мужского и женского стилей письма. Рассмотрению подверглись как лексические, так и грамматические особенности текстов М. Фрая. При анализе лексики мы сосредоточились на двух наиболее ярких особенностях: использовании разговорной и сниженной лексики, более характерном для мужского стиля [4, с. 43], и использовании лексики с семантикой неопределенности, более характерном для женского стиля [2, URL].

Лингвистами установлено [1, с. 106], что в текстах, принадлежащих женской руке, на уровне синтаксиса более высок процент вопросительных и восклицательных предложений, а также предложений, осложнённых деепричастными оборотами и вводными конструкциями.

На морфологическом уровне приметам *женского* текста является частое использование притяжательных местоимений, возвратных глаголов и глаголов сослагательного наклонения, а также прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной степени. В *мужских* текстах, соответственно, эти средства менее употребимы.

На уровне словообразования нами учитывался лишь один признак — частотность уменьшительно-ласкательных суффиксов, чаще используемых как в устной, так и в письменной речи женщинами [4, с. 43].

Наконец, учитывалась средняя длина предложений: *мужские* предложения обычно короче *женских*.

Рассказы Фрая из цикла «Сказки старого Вильнюса» не связаны между собой сюжетно и объединены лишь местом действия, и то не в полной мере (место действия каждого рассказа цикла ограничено одной улицей Вильнюса).

Анализ лексики позволил квалифицировать рассказы Фрая скорее как *мужские*: автор чередует разговорную лексику (например, *дурацкий, ластиться, справить* в значении купить и т. д.) с просторечием (*лопать, псих, мать* как обращение и т. д.), эмоционально окрашенными фразеологизмами (*бог весть, чёрт с тобой, подложить свинью, ни в какие ворота*). Сниженная лексика, регулярно встречаясь во всех анализируемых рассказах, служит средством характеристики состояния персонажа, а также создаёт комический эффект.

Исследование грамматики текстов М. Фрая показало, что существенного отличия прямой и косвенной речи мужских и женских персонажей Фрая не обнаружено. Они говорят и воспринимают происходящее примерно одинаково, в их речи встречаются сходные парцеллированные конструкции.

Пример речи *мужских* персонажей Фрая:

Будешь смотреть? Всё-таки Литва. Не самый край света, но осязтимый шаг в том направлении.

Но есть вещи, которые я не могу изменить. А есть — которые могу. Да, я отличаю одно от другого. Как правило.

Пример речи *женских* персонажей Фрая:

Но Рейкьявик-то на самом деле есть! И Калькутта. Наверное.

— А у меня дома тоже есть кошка. Сиамская. Ну, ты же видела, да?

На словообразовательном уровне примеров активного использования такого маркера *женского* стиля, как уменьшительно-ласкательные суффиксы практически нет ни в авторской речи, ни в диалогах и внутренней речи персонажей.

Женская манера письма видна в синтаксисе рассказов Фрая по регулярному использованию вводных конструкций, особенно тех, что выражают оценку говорящим степени достоверности сообщаемого. Эти вводные конструкции являются самыми частотными в текстах Макса Фрая. Высокий процент вопросительных (около 10% от общего числа предложений) и восклицательных (до 5-6% в некоторых рассказах) говорит о скорее эмоциональном, чем рассудочном восприятии персонажами действительности. Значительная часть вопросительных предложений относится к внутренней речи персонажей Фрая, это вопросы, обращённые к самому себе (к примеру: *Впрочем, почему только детства? А теперь она, выходит, приелась? Записать, что ли, пока помню?* и т. д.)

Итак, в текстах Фрая нами были обнаружены *мужская* лексика и *женский* синтаксис. Видимо, автор не стремится к намеренной стилизации на всех уровнях текста (для сравнения, в тексте «Vremenagoda», созданном Акуниным под псевдонимом Анны Борисовой, *мужскими* оказались и лексика, и синтаксис). Можно сказать, что рассказчик, рождённый воображением Светланы Мартынчик, сочетает в себе мужское и женское и не спешит до конца снимать маску. Это также может являться частью игры с читателем. Известно, что в своих ранних произведениях автор прибегал к во многом схожему методу. Так, анализ романа «Гнезда химер» (1998), выполненный О.В. Кукушкиной, А.А. Смирновым и А.Н. Тимашевым, показал явно *женскую* лексику. При том, что роль и поведение центрального персонажа (Макса), по определению исследователей,

«супер-мужские» [3, URL], герой описывает и оценивает происходящее в манере, более свойственной женщине.

В целом ряде рассказов цикла «Сказки старого Вильнюса» герой, хотя и тяготеет к *мужской* лексике, достаточно *усреднен*, чтобы читатель вне зависимости от пола, возраста или социального положения мог свободно ассоциировать себя с ним. Граница между автором, персонажем и читателем в творчестве Макса Фрая размыта, и автор добивается этого в том числе и путём использования различных гендерно маркированных средств языка.

Литература

1. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М. : Флинта, 2004. – 232 с.
2. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования. URL : http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html.
3. Кукушкина О.В., Смирнов А.А., Тимашев А.Н. Посиделки гендерные: Макс Фрай – кто он, мужчина или женщина? URL : <http://www.textology.ru>.
4. Попова Е. А. Об особенностях речи мужчин и женщин / Е. А. Попова // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 40-49.
5. Фрай Макс. Сказки старого Вильнюса / Макс Фрай. – М. : Амфора, 2013-2014.

*А.А. Гайворонская, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – д-р филол. н, доц. С.П. Праведников

СЛОВА С СУФФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РОМАНЕ

Е.Л. МАРКОВА «УЧЕБНЫЕ ГОДЫ СТАРОГО БАРЧУКА»

Словообразование в русском языке способствует проявлению речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. Особую группу образуют суффиксы субъективной оценки, которые, не нарушая лексического значения исходных форм, отражают или реальное уменьшение или увеличение предмета, или субъективно-экспрессивное отношение к нему [1, с. 59].

Суффиксы субъективной оценки – самое показательное словообразовательное средство для выражения самооценки и оценки других людей или объектов, поэтому ни одно художественное произведение не обходится без их использования.

В данной работе мы обращаемся к творчеству нашего земляка, курского писателя Е.Л. Маркова. Нас заинтересовала его автобиографическая проза с лингвистической точки зрения. В данной работе будут рассмотрены два вопроса: как слова с суффиксами субъективной оценки функционируют в тексте; каким образом исследуемый материал может быть использован на уроках русского языка в школе. Выбор произведения «Учебные годы старого барчука» не случаен, так как повествовательный язык романа богат эмоционально-экспрессивными средствами, среди которых слова с суффиксами субъективной оценки.

Е.Л. Марков, будучи человеком всесторонне развитым, глубоко и чутко воспринимал происходящее. Художественный поиск писателя в первую очередь отразился на стиле его творчества, где зримо выражена личность автора с его особым мировосприятием, «сильным характером, ярким темпераментом» [10, с. 178]. Роман «Учебные годы старого барчука» уникален: благодаря ему мы можем взглянуть на мир гимназии, её быт, традиции, правила и уставы глазами «курносого мальчугана».

Курская гимназия отличалась весьма суровыми правилами, причём не только регламентированными в «Положении» [5, URL], но и негласными. Возьмём, к примеру, сцену первой встречи главных героев, барчуков, с гимназической жизнью. Ребята, только что приехавшие из своей деревенской усадьбы, сразу же становятся в оппозицию по отношению к «бывалым» гимназистам.

Ничем не обоснованная агрессия, желание задеть, обидеть, оскорбить как нельзя лучше характеризует отношение гимназистов к вновь прибывшим «шарапчатам». Для гимназического уклада этой поры характерным является демонстрация силы, как гласит пословица, «кто сильнее, тот и прав». Чтобы влиться в ритм гимназической жизни, барчукам необходимо пройти «боевое крещение» – участие в драке.

Семантика силы передается при помощи суффиксов оценки: *ручища, ножище, кулачище* и т. д. «Они были для нас почти то же, что филистимляне для народа израильского в первые годы его пребывания в земле Ханаанской <...>. Луценко, Есаульченко, целая толпа отчаянных и задорных **кулачонков** их не давали нам проходу ни в коридорах, ни на дворе. То и дело происходили неожиданные стычки, вероломные нападения, засады, несносные обиды, то и дело разражались из-за этого поединки силачей и битвы целых классов».

Негативное отношение к вновь прибывшим гимназистам передаётся и лексическими средствами. В первой части своего жизнеописания, посвящённого еще догимназической поре, автор пишет: «Звали меня, собственно, Гриша, но этого христианского названия ни я, ни вы, читатель, ни разу не могли услышать за бесчисленным множеством кличек и сокращений, ключ к которым известен был только Богу, да мне» [1, с. 4]. Главных героев романа, младших братьев Шараповых, именуют *малюками*. *Малюк* – «мала детина, младший школяр» (по толковому словарю украинского языка). В тексте слово *малюк* употребляется 25 раз. Откуда в романе слова украинского происхождения? Это вполне объясняется, во-первых, пребыванием Е.Л. Маркова в Харьковской гимназии в первые годы обучения, а, во-вторых, территориальной близостью Курской губернии к Украине. Так сложилось, что ещё в XVII веке Курская земля была окраиной Московского государства, рубежом между Россией и Украиной. Подавляющее число жителей были русскими, но уже тогда на территории нынешней Курской области выделялось значительное количество украинских поселений. Поэтому неудивительно, что такой многолетний контакт отразился на речи наших земляков. «*Ишь Шарапчата потешные какие! Ну, здравствуйте, здравствуйте, малюки!*».

Да и само слово *барчук*, употреблённое в заглавии, имеет украинские корни. Словарь С.А. Кузнецова даёт следующее толкование: «малолетний сын барина, юноша, чрезмерно избалованный, изнеженный» [7, с. 456]. Слово *барчук* пришло в литературный язык XIX века из южновеликорусских говоров и поддерживалось в нем влиянием украинского языка. Е.Л. Марков обращается к этому понятию в тексте 20 раз именно в значении «малолетний сын барина», например: «*Не извольте плакать, барчук.. Извольте слёзки отереть... А то глазки охватит на ветру, - участливо говорила мне старая Марья Гавриловна, жена приказчика. - Не на век, батюшка, отъезжать изволите, на время... Вот к святкам папенька лошадок за вами пошлют, опять домой пожалуйте... Пожалуйте уж ручку...*».

Нарушение порядка и обязательное наказание шли бок о бок в жизни гимназистов: «*Он отчаянно и часто махал ножом по воздуху, чуть не задевая самого себя. Солдаты испуганно отскочили назад. Ваше высокородие! Они как раз убьют. Ножом пыряют! Изволите видеть, ножище какой!* – обратился к директору Долбега» или: «*Погоди, вот я тебя, трубача, ужю поучу, – бесится Нотович. – Не хотел инспектора бес-*

покоить, а придётся. Давно, верно, в карцере не ночевал. Опять захотелось? Ишь, **ручища**-то все пообжѣг, а тоже божится – не курю...».

Суффиксы субъективной оценки особую роль играют в описании отношений гимназистов к учителям, надзирателям, ко всем, кто связан с учебным и воспитательным процессами: «Ну да и сволочь же вы отпетая, мои миленькие! <...> Думаете, басурман, **французишка** нечестивый, молитвы вашей не поймёт. Да вы знаете ли, дурачьё, что я лучше вашего архиерея всё священное писание наизусть знаю. Я ведь в знаменитой иезуитской коллегии полный курс окончил, у знаменитых профессоров, у Аббе Николь, у Девержье... Ваши здешние **учителишки** мне в подмётки не годятся. Так только не хотелось в университет идти в профессора... Жена не пожелала».

Всё это так или иначе доказывает противопоставление учителей и гимназистов. «Как бы ни был хорош преподаватель, он всегда остаётся «по ту сторону баррикады», настоящий гимназист никогда не упустит возможность доставить ему мелкую неприятность. В этой «войне» нет исключений, нет места милосердию и пацифизму» [9, с. 76].

Оценочные суффиксы помогают выразить отношение к персонажу: «Ах, сколько шуму и крику, сколько споров, божбы, рукобитий, рукопожатий слышалось по этому случаю из отворённых дверей отцовского кабинета, где разом ревели в три тромбона отец и двое дядей, таких же чёрных, **глазастых, чубастых, усастых**, таких же пузатых и плотных, как мой папенька». Определение «**усастый**» автор использует не случайно: чувствуется отрицательная коннотация. При проверке в документах Национального корпуса русского языка было выявлено, что данное слово используется чаще всего для характеристики военнослужащих: «Выходи, бесов кум!» — сказал мне **усастый** вахмистр» («Капитанская дочка» А.С. Пушкин); «Наш регламент приказ начальника!» — отвечал **браво усастый** капрал» («Последний Новик» И.И. Лажечников). В романе же Е.Л. Марков, используя данное слово в ряду однородных определений, глазами ребёнка показывает всю неестественность и жестокость положения крестьян, которых можно купить-продать, словно вещь. Образ «**двух дядей, глазастых, чубастых, усастых**» воспринимается как угроза, как воплощение несправедливости и зла.

Таким образом, слова с суффиксами субъективной оценки в произведении Е.Л. Маркова играют очень важную роль. Являясь средством выражения эмоционального отношения к событиям и лицам, данные лексемы рисуют языковой портрет каждого из героев, а также создают эмотивный фон текста.

Литература

1. Марков Е.Л. Учебные годы старого барчука : Рассказы из прошлого / Е.Л. Марков. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1901. – 677 с.
2. Марков Е.Л. Барчуки. Картины прошлого / Е.Л. Марков. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1875. – 4 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка : учеб. Пособие / И.Б. Голуб. – М. : Рольф; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
4. Девянина Г.Г. «Курский» писатель Е.Л. Марков / Г.Г. Девянина. – Курск. – Вып. №1. – 2005. – 58 с.
5. Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курская мужская гимназия [Электронный ресурс]. URL: [http:// old-kursk.ru](http://old-kursk.ru).
6. Коростина Г.Г. Очерковая проза Е.Л. Маркова / Г.Г. Коростина. – Курский край. – Вып. №5. – 2006. – 83 с.
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание / С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. –1536 с.

8. Погорелова С.Д. Основные языковые средства выражения оценочного значения / С.Д. Погорелов, А.С. Яковлева // Фил. науки в России и за рубежом : материалы междунар. научн. конф. – СПб. : Реноме, 2012. – С. 162-165.

9. Праведников С.П. Гимназический мир Е.Л. Маркова / С. П. Праведников, Н.В. Францова. – Курск : Изд-во Курского государственного ун-та, 2016.

10. Щавелев С.П. Историки Курского края. Биографический словарь / С.П. Щавелев. – Курск : Изд-во Курского государственного ун-та, 2009. – 178 с.

*К.О. Белова, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.А. Бобунова

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Известно, что лексический состав языка тесно и неразделимо связан с народной историей. Он отражает эволюцию взглядов людей, их мировоззрение; в словах и выражениях отпечатываются моральные оценки, особенности культуры и быта того или иного народа, одним словом, для словарного запаса языка характерно отражение многообразных сторон жизни человеческого общества. Появление новых предметов и явлений вызывает необходимость возникновения новых наименований. С исчезновением тех или иных явлений отпадает необходимость слов, называющих их, они уходят из употребления или заменяются новыми словами.

Предметом нашего исследования стали устаревшие слова советской эпохи в стихотворениях А.Л. Барто [1], Е.А. Благиной [2], Б.В. Заходера [4], С.Я. Маршака [5] и С.В. Михалкова [6]. Хотя произведения указанных авторов по-прежнему востребованы и изучаются в начальной школе, их не всегда можно адекватно понять из-за наличия слов, ранее употреблявшихся активно, а в настоящее время перешедших в пассивный запас. Всего нами было рассмотрено 747 стихотворений, в которых выявлена 91 лексема. При отборе слов мы опирались на словарь Д.Н. Ушакова, учитывая наименования с пометой «нов.» (новое) [7], и на словарь О.П. Ермаковой «Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века» [3].

Выявленные устаревшие слова мы разделили на несколько тематических групп: имена лиц по роду занятий; быт; школа; географические названия. Группа «Школа» является самой многочисленной, так как творчество детских авторов направлено, прежде всего, на детей школьного возраста. Поэты изображают детали повседневного быта школьников советской эпохи, используя наименования учебных предметов (*естествознание, чистописание*), школьных организаций и кружков (*звено, октябрята, звеньевая, юннат*), слов, связанных с письмом (*перо, клякса, чернильница, промокашка*) и др.

Наибольшее количество устаревших слов советской эпохи встречается в стихотворениях Агнии Барто (28 лексем в 58 словоупотреблениях). Такую высокую концентрацию указанных наименований можно объяснить следующим. Во-первых, лирическими героями стихов Агнии Барто часто выступают советские школьники, что объясняет частотность таких слов, как *пионер, пионерка, вожатый, октябренок, сбор, отряд*.

Однажды в студеную

Зимнюю пору...

Отряд пионеров

Готовился к сбору (А.Л. Барто).

Во-вторых, главная тема ее поэзии – современность. Агния Барто стремилась к воспитанию высокой гражданственности посредством простых примеров из современной жизни, поэтому в ее стихотворениях присутствуют лексемы, отражающие текущую политическую ситуацию.

В анализируемых стихотворениях Сергея Михалкова нами было зафиксировано 30 лексем в 40 словоупотреблениях. В его стихотворениях преобладают названия лиц (*большевик, красноармеец, управдом, вагоновожатый*), а также предметов и явлений быта (*зубной порошок, папиросы*). Наибольшее количество лексем встречается в цикле стихотворений «Дядя Стёпа», в котором содержатся наименования устаревших марок машин, названия профессий, организаций и т.д.

Тут сотруднику ОРУДА [отдел регулирования уличного движения]

Дядя Стёпа говорит:

– Что, братишка, дело худо?

Светофор-то не горит! (С.В. Михалков).

В стихотворениях Самуила Маршак встретилось 20 единиц устаревшей лексики (32 словоупотребления). Целый ряд стихов поэта посвящен детям младшего школьного возраста, поэтому значительное число устаревших лексем отражает быт советского школьника.

С трудом на сушу из чернил

Я вытащил бедняжку,

Потом сушиться посадил

На стол, на промокашку (С.Я. Маршак).

В поэтическом сборнике Елены Благиной было обнаружено 10 лексем в 13 словоупотреблениях. Это слова, относящиеся к тематическим группам «Имена лиц по роду занятий» и «Быт».

Если дождичек пойдёт,

Наденем галошки.

Эта – с правой ножки,

Эта – с левой ножки (Е.А. Благина).

Наименьшее количество устаревших слов зафиксировано в поэзии Бориса Заходера (3 единицы в 4 словоупотреблениях), что обусловлено тематикой его стихотворений – преимущественно животный мир. Устаревшие слова советской эпохи в лирике Бориса Заходера встречаются в стихотворениях на школьную тематику.

У нас

По расписанию

Сейчас

Чистописание. –

Воробушки и галочки

Сидят, выводят палочки... (Б.В. Заходер).

Таким образом, анализ стихотворений детских поэтов XX столетия позволяет говорить о том, что слова советской эпохи являлись неотъемлемой чертой их поэзии, так как с помощью таких лексических единиц авторы описывали предметы и явления быта, актуальные для советского школьника. В настоящее время подобные слова заслуживают особого внимания, так как многие из них могут быть непонятны современному читателю, а без знания устаревшей лексики невозможно полноценное восприятие художественного текста и формирование языковой личности.

Литература

1. Барто А.Л. Любимые стихи / А.Л. Барто. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 1996. – 250 с.

2. Благинина Е.В. Любимые стихи / Е.В. Благинина. – М.: «АСТ-ПРЕСС», 1997. – 250 с.
3. Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений / О.П. Ермакова. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 186 с.
4. Заходер Б.В. Стихи и сказки. – URL: <http://bookbee.ru/stihi-i-skazki-onlajn/boris-zahoder-stihi-i-skazki-chitat-onlajn>.
5. Маршак С.Я. Произведения для детей. – URL: http://lib.ru/POEZIQ/MARSHAK/detskaya.txt_with-big-pictures.html.
6. Михалков С.В. Стихи для детей. – URL: <http://lukoshko.net/storyList/sergey-mihalkov.htm>.
7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – URL: <http://ushakovdictionary.ru/>.

*Е.В. Демина, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.А. Бобунова*

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВОЕННАЯ СЛУЖБА» В ПОВЕСТИ К.Д. ВОРОБЬЕВА «УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ»

Лексика является центральной частью языка, именующей, формирующей и передающей знания об объектах реальной действительности. Поскольку словарный состав языка обширен, лексика членится на пласты, между которыми нет четких границ. Исследователи выделяют разные словарные объединения: лексико-семантические группы, лексико-тематические группы, лексико-семантические поля и под. [5].

Слова в указанных группировках классифицируются на разных основаниях: значение, тема, частеречная принадлежность, фрагмент картины мира и др. Основанием для объединения могут быть как лингвистические, так и нелингвистические свойства слова. Примером деления лексики на основании неязыковых характеристик являются тематические группы. Термин «тематическая группа» в словаре О.С. Ахмановой в одном из значений приравнивается к лексической серии и определяется следующим образом: «Ряд слов, объединяемых общностью родового значения, т.е. таких слов, которые обозначают разновидности одного и того же рода предметов» [1, с. 118]. Таким образом, данный термин понимается как соотношение одного родового (более широкого) и нескольких видовых (более узких) понятий.

Предметом нашего исследования стала тематическая группа «Военная служба» в повести К.Д. Воробьева «Убиты под Москвой» [4]. В данной повести нами было обнаружено 191 наименование военной сферы, общее количество словоупотреблений которых составляет 1200. Основная часть словника – существительные, которые либо имеют прямое отношение к военной тематике и употребляются исключительно в этой сфере (*взвод, танк, шрапнель*), либо представляют собой многозначное слово, одно из значений которого используется в кругу военных (*гусеница, башня*). Кроме того, мы учитывали и сочетания слов типа *строевой шаг, боевой приказ* и др.

С опорой на классификацию, предложенную в «Большом толковом словаре русских существительных» [2], мы разделили обнаруженные лексические единицы на 22 идеографических класса: «человек или группа лиц» (*автоматчик, ополченец, разведгруппа* и др.); «оружие и его части» (*миномет, парабеллум, штык* и др.); «действие, произво-

димое огнестрельным оружием» (*выстрел, залп, очередь* и др.); «боеприпасы» (*осколок, ракета, шрапнель* и др.); «военное мероприятие» (*марш, оборона, разведка* и др.); «военные подразделения» (*взвод, полк, часть* и др.); «военное сооружение» (*бастион, казарма, полигон* и др.); «виды и формы построения» (*каре, фланг, эшелон* и др.); «военные дисциплины» (*баллистика, огневая подготовка, тактико-инженерные занятия*) и др.

Чаще всего в тексте встречаются слова следующих групп: «человек или группа лиц» (281 словоупотребление, далее цифра); «военные подразделения» (162); «воинское звание» (184); «оружие и его части» (105); «военное сооружение» (100).

Самыми употребительными являются наименования *курсант* (172), *капитан* (96), *взвод* (75), *рота* (56), *лейтенант* (30), *винтовка* (29), что обусловлено содержанием произведения, в котором рассказывается о роте кремлевских курсантов – высоких и здоровых молодых людей, специально отобранных для службы в Кремле, но посланных на фронт во время наступления немцев под Москвой зимой 1941 года. Главными героями повести выступают капитан Рюмин и лейтенант Алексей Ястребов, а одним из основных видов огнестрельного оружия в период Великой Отечественной войны, во время которой разворачивается действие повести, является винтовка: *Капитан направился к роте стремительным шагом, неся на отлете хворостину* (К.Д. Воробьев); *– Мы вышли из окружения! – озлобленно сказал капитан <...>. – И нечего нас тут допрашивать, лейтенант! Накормите вот лучших людей!* (К.Д. Воробьев); *В роте насчитывается двести двадцать винтовок* (К.Д. Воробьев).

Внутри некоторых из выше перечисленных идеографических классов особо выделяются лексические единицы, противоположные по семантике. Например, в группах «человек или группа лиц» и «боевые технические единицы и их части» по признаку «свой–чужие» противопоставляются следующие наименования: *враг, диверсант, пленный, противник, фашист* и иные наименования, принадлежность которых к русской армии не обозначена в самом слове (кроме слова *кремлевец*), но выявляется из контекста – это *автоматчик, вестовой, санинструктор* и др.; *КВ* (советский тяжелый танк, получивший свое название в честь наркома обороны Климента Ворошилова [3, URL]), *«ястребок»* (советский самолет-истребитель) и *«мессеримитт»* (немецкий военный самолет), *«юнкерс»* (немецкий бомбардировщик).

Чтобы позволить читателю наиболее полно проникнуться атмосферой произведения, К.Д. Воробьев использует слова разговорной семантики, которые, как правило, употребляет в кавычках: *«лимонка», «максим», «мессеримитт», поллитра, «юнкерс», «ястребок»*. В отдельных случаях автор сам дает толкование некоторых военных наименований (*«костыль», репица*), не выявленных нами в словарях: *Кто-то из невесело-раздумчивых русских солдат с первых же дней войны назвал этот чужой самолет-разведчик «костылем», вложив в это слово презрение и горькую обиду: его трудно было сбить* (К.Д. Воробьев); *... Успел вспомнить, что то место в танке, куда он [Алексей] попал бутылкой, называется репицей...* (К.Д. Воробьев).

Таким образом, повесть К.Д. Воробьева чрезвычайно богата наименованиями военной сферы, при этом автор мастерски орудует данными понятиями, что не усложняет восприятие текста, а наоборот, делает его понятным любому читателю.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.

3. Военная литература. [Электронный ресурс]. – URL: <http://militera.lib.ru/tw/ibragimov/04.html> (дата обращения: 03.04.2017).

4. Воробьев К.Д. Убиты под Москвой: Повести и рассказы / К.Д. Воробьев. – М.: Худож. лит., 1994. 381 с.

5. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 198 с.

*Я.А. Лебедевич, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.В. Чеснокова*

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ АНТОНИНЫ В ПОЭМЕ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ЛЕСНАЯ ТОПЬ»

Поэма С.Н. Сергеева-Ценского «Лесная топь» была написана в 1905 году, по словам самого писателя, под влиянием наблюдений над жизнью крестьян в Тамбовской и Рязанской губерниях, а толчком к созданию образа главной героини послужила реальная история изнасилования и убийства жены фельдфебеля, приехавшей в деревню, где стояли солдаты [2, с.7].

Говоря о «Лесной топи», стоит отметить, что все изменения и действия топи как природного явления проецируются на действия главной героини рассказа – Антонины. Нашей задачей стало проследить, как описания топи переплетаются с описанием внутренних чувств, эмоций, переживаний, смене настроений героини и с помощью каких средств художественной выразительности автор достигает этого.

Антонина и топь в рассказе предстают вместе еще тогда, когда девочка была маленькой. С братом они ловили раков:

«Когда зашло солнце, то вода в реке стала черной, как аспидная доска, камыши сделались жесткими, серыми и большими, и ближе пододвинул лес свои сучья, похожие на лохматые лапы» (здесь и далее С.Н. Сергеев-Ценский). Описывая топь, автор использует общую темную цветовую гамму (вода черная, камыши серые), прибегает к сравнению реки с аспидной доской. По толковому словарю Д.Н. Ушакова данное словосочетание несет следующее толкование: «тонкая доска из шифера или особой массы, употребляемая для писания (грифелем)» [4, с.70], а грифель серо-черного цвета.

Необъятное пространство леса и топи постепенно заполняет все окружающее детей, окутывая их в темноту и пугая. Уже тогда зародился страх в душе героини, появилось что-то, постоянно влекущее ее к этой топи:

«...зашиуршало, зашевелилось и потянулось дальше, вдоль берега, что-то невидное и пугливое...»;

«Антонина осталась порченной» — эпитет в форме прилагательного ярко отображают суть характера и развития девочки. Автор пишет о тайне, которая по пятам преследовала героиню. Здесь тайна одушевляется и проникает во все, что окружает девочку: *«тайна шла всё время рядом с нею»; «...тайна всходила раньше зеленой на свежеспаханных полях...»; «...тайна влеталась в душную стену конопляников...»; «...садилась на толстые деревянные кресты кладбища...»; «...глядела из узких черных колодцев...»* – одушевление и олицетворения тайны как живого существа, производящего различные действия, но в тоже время скрытого, неуловимого и снова темного, и кладбищенского. Важно отметить и связь тайны, преследующую Антонину, с природными явлениями от зарождения жизни растения до его гибели.

Обморок Антонины также сопровождается природой, которая темнеет и портится тогда, когда уже девушка теряет сознание: *«березки потемнели и стали огромными»* – гипербололизация;

«...как вековые стволы дубов, глянули на неё сбоку шестигранные колонны...» – сравнение с союзом «как» и олицетворение;

«...люди кругом стали, как мелкий лес...» – сравнение с союзом «как», перенесение свойств растительного мира на человека.

Бытовые вещи и предметы Сергеев-Ценский изображает вместе с природными. Благодаря многочисленным сравнениям с союзом «как» достигается эффект перехода из материальной среды в природную материю.

Не только материальное, но и духовно-церковное для Антонины становится олицетворение темного леса, со страшно-угнетающим видом. В рассказе священник в зеленой рясе для Антонины становится олицетворением страха не только детства, но и всей жизни: *«...страшный и гогочущий, широкоглазый и алчный, как та голова...»* – автор снова прибегает к сравнительному обороту, как способу сопоставления реального и воображаемого в сознании главной героини:

«...в запахе дегтя и дыма кадил почудился знакомый запах гниющих листьев и топкого болота...» – лесная стихия и запах болотистой местности не оставляли сознание и воображение главной героини, она почувствовала такой же страх, как тогда на болоте.

Интересным является и сопоставление изменений в природе и жизни Антонины. Проследив то, какими погодными изменениями сопровождаются поступки и события в жизни главной героини, можно сделать вывод о преднамеренном сопоставлении двух образов топи как части леса, природы и человека, девушки, главной героини.

«Когда шли к венцу, падал дождь, размокли белые дешевые цветочки в волосах...» – дождливая, слезливая погода предсказывает и душевное состояние героини. Автор пишет: *«...незаметно плакала Антонина...»*.

Обратившись к описанию портрета Антонины стоит заметить его изображение через лесную, природную стороны:

«...глаза мерцали, как огоньки на болоте...» – сравнение с союзом «как»;

«...глаза у неё далекие, светлые и дерзкие...» – эпитеты.

Описанию внешности автор уделяет не такое большое внимание, однако изучив текст произведения, удалось найти лексемы, рисующие образ Антонины:

«...лицо у неё было бледное, глаза осветлели и стали большие...»;

«...серьезные большие глаза на бледном лице...» – автор делает большой акцент на бледности лица Анны, прибегая к эпитетам, и глазам, которые теряли цвет от постигших девушку горестей.

«...лицо Антонины всё влилось в глаза, отчего они стали круглыми и неподвижными...» – автор подчеркивает взгляд героини и наполненность её образа глубокими, бездонными глазами, прибегая к метафоре.

«она смотрела тальми глазами» – здесь автор обращается к сравнению глаз с тающим льдом, снегом, так как прилагательное «тальми» вызывает ассоциации именно с этими явлениями природы.

«...она стала странная и пугливая и бредила ночами ребенком...» – странность и замкнутость главной героини автор подчеркивает на протяжении всего рассказа, давая тем понять читателю, что, несмотря на внешнюю привлекательность, о которой упоминалось в начале рассказа, окружающие замечали только ее пугливость, отчужденность.

«...к весне она стала тонкая, сквозная, как весенний луч...» – автор прибегает к сравнению героини с лучом, делая акцент на незащитности и беспомощности героини, показывая тем самым её зависимость от природы.

В глазах противоположного пола Антонина выглядела привлекательной женщиной: «...и потом пошла, высокая и стройная в темноте...». Фрол так в сознании представляет героиню «У Антонины красивое белое лицо и тонкие руки...».

«...кто-то назвал её *красоткой*...» – автор использует яркое просторечие, которыми, стоит отметить, пестрит текст произведения. Это слово по словарю Ушакова имеет значение «красавица» [4, с. 786]. Однако в современном толковании это слово имеет скорее негативный, пренебрежительный характер. По словарю Ефремовой, – «статная, красивая женщина; красотка (обычно с оттенком пренебрежительности)» [1:URL]. Но так как произведение написано ранее, то, безусловно, за основу мы берем первое значение.

Очень часто состояние у главной героини удрученное. На унылое состояние души главной героини указывает следующий отрывок: «*Антонина уронила голову на руку и так сидела, согнувшись, вся тоскливая и влажная...*» – эпитеты тоски и грусти, а лексема «влажный» еще раз подчеркивает сопоставление героини с лесной топью;

«...*съёживалась и вбиралась в себя Антонина...*» – снова лексемы, несущие оттенок замкнутости и отчужденности главной героини от окружающего её мира. Достигается этот эффект с помощью метафоризации, перенесением свойств животного мира на человека [5, с.223] (*съёживалась* – зооморфизм).

Таким образом, для описания главной героини С.Н. Сергеев-Ценский прибегает к различным средствам художественной выразительности: эпитетам, сравнениям, метафорам. Любые изменения окружающей её стихии отражаются в сознании и поведении героини, и наоборот. Следует отметить, что образ лесной топи сопровождал Антонину на протяжении всей жизни. Антонина, испытав страх в детстве, навсегда стала частью этой топи, которая и забрала её, о чем, скорее всего, никогда никто не узнал бы. «*А над топью, будто в том месте, опустили тело, сидела на задних лапах жалобно плакала белая кудлатая собака...*».

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – URL: <http://www.efremova.info>.
2. Козлов В. Творческий путь Сергеева-Ценского / В. Козлов, Ф. Путнин // Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч. В 12т., Т.1. – М.: Правда, 1967. — С.7.
3. Сергеев-Ценский С.Н. Собр.соч. В 12т. / С.Н. Сергеев-Ценский. – Т. 1.– М.: Правда, 1967. – С. 209-274.
4. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1: А–Кюрины / Под. ред. Ушакова Д.Н. – М. Советская энциклопедия; ОГИЗ; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935.
5. Чеснокова Н.В. Функционирование антропоморфных лексем в творчестве С.Н. Сергеева-Ценского / Н.В. Чеснокова // Экономические явления и процессы. Серия: Современная лингвистика и литературоведение, 2011. – С.223-234.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СБОРНИКА «БОТИНКИ, ПОЛНЫЕ ГОРЯЧЕЙ ВОДКОЙ» З. ПРИЛЕПИНА

Здоровье русского языка заметно пошатнулось. Каждый из нас редко задумывается, что происходит с родной речью, как она развивается и модернизируется, быть может, тускнеет год от года.

Характер письма поэтов и прозаиков меняется вместе с инволюцией языка и речи, «новый» разговорный стиль врывается на страницы произведений, сметая на своем пути классическое представление о языке художественной литературы, все более активен в употреблении авторов. Распознать идиостиль творцов 21 века, называющих себя прозаиками и поэтами, легко, достаточно чтения их «шедевров» по диагонали... Весьма затруднительно найти «чистый» писательский продукт, имеющий ту зазывающую и притягательную силу, которую хранит в себе классическая литература.

Захар Прилепин является именно таким писателем, способным из мозаики русского слова «собрать» произведение, насыщенное чувством и цветом, через призму слова достучаться до ума и сердца всякого, кто возьмет в руки книгу под его авторством.

Одна из основных особенностей языка писателя Захара Прилепина – это игра со стилем, игра на контрасте лиричного с грубыми жаргонными «вмятинами», игра со словом «украшающим» и просторечием в произведении, их разноместное расположение во фрагментах повествования являет собой цельность и эффект взаимодополнения, создавая экспрессивную картину развития сюжета.

Так, в начале рассказа «Бабушка, осы, арбуз» метафоричное описание сбора урожая: «...из тонко порванной боковины **вылуплялась** маленькая, **легкомысленная картофелинка**» [9, стр.243] сменяет разговорная и просторечная речь, которой общается бабушка: «*Когда это мужики в земле **ковырялись**. Это **бабьи заботы***» (просторечн.). «*Ложись **вон** на травку, пока мы собираем. **Вон** какие мешки **таскаешь**, **надорвешься***» (разг.) [9, стр. 244]. «<...> **крестный ушлепал в забубенных тапках во двор.**» [9, стр. 246]. Лексема «забубенный» имеет следующее значение: (прост.). Отчаянный, бесшабашный, разгульный. Забубенная головушка (Ожегов). В тексте сочетание данной лексемы с тапками подразумевает значение «модных, крутых». В данном примере мы наблюдаем и такой троп, как ирония: сочетание просторечного глагола «ушлёпал» в сочетании с «модными» тапками несёт в себе иронический подтекст.

Генерализующие метафоры (по Арутюновой) [1], использованные автором на страницах произведения, также воедино способны сделать одним целым читателя и лирического героя.

Представлено сопоставление двух разрозненных явлений, умирающей, обнищавшей деревни, утекшего времени и обглоданных, оставленных земле таких же одиноких арбузных корок.

<...> *Утром брошенные арбузные корки смотрятся неряшливо, белая изнанка их становится серой, и по ней вместо ос ползают мухи.*

Так смотрелась моя деревня вчерашняя моя деревня: будто кто-то вычерпал из неё медовую мякоть августа, и осталась серость и последние мухи на ней [9, стр. 251].

Не менее яркая и трогательная душа следующая генерализующая метафора описания места, где когда-то были обработанные, плодородные земли, огороды:

<...> *Огороды, которые, казалось, еще недавно бурлили под землей живым соком, стихли и обросли неведомой травой* [9, стр. 251].

Захар Прилепин, будучи эксцентричной фигурой, однако, как нам кажется, являет собой образец натуры романтической, мечтающей, вместе с тем думающей, неудивительно, что определение *нежный*, в разнообразных формах, и вариациях (встречается существительное *нежность*), в сочетании с теми или иными частями речи является излюбленным определением на страницах рассказов сборника «Ботинки, полные горячей водкой».

Приведем один из примеров: так, <...> *безрассудный пульс нежности* [9, стр. 20] из рассказа «Жилка» переходит в *нежную* семью рассказа «Бабушка, осы, арбуз»: *Мы – большая, нежная семья* <...> [9, стр.243].

В рассказе прослеживаем наличие олицетворяющих, или персонифицирующих эпитетов (по Гальперину) [5]:

<...> *отец кромсал роскошный, всхлипывающий плод* [9, стр. 247].

<...> *Не громыхала бодрая картошка о дно ведра* [9, стр. 251].

Здесь же, в рассказе, по ходу развития сюжета обнаруживаем яркую, индивидуально-авторскую метафору со сравнением:

<...> *«...И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо...»* [1, стр. 253].

Примечательно наличие парцелляции, что роднит речь рассказчика с разговорной речью, это, в свою очередь, сближает читателя с бытовой ситуацией рассуждения в повествовании, когда шквал мыслей нечто нескончаемое, и уже сформулированная мысль по кирпичикам дополняется новыми фактами и положениями.

Я смолчал. И она спросила меня снова. И я снова смолчал. Что мне повторять всякую дурь за самим собой [9, стр. 253].

Еще одна из ключевых языковых особенностей письма З. Прилепина – это диалоги, которые являются отражением разговорности стиля писателя, в которых встречается такой прием, как лексический повтор:

- *Орхан, здорово, - поприветствовал крестный проходившего соседа.*

- *Привет!- сухо сказал Орхан* <...>

<...> *Слушай, - сказал он торопливо. – Бабы торопят - а мне еще свиней надо покормить. Заведи трактор, Орхан? Заведи-заведи, а я сейчас прибегу* [9, стр. 246].

<...> *Ни черта не умеешь. Завел машину, и сразу сломалась она* [9, стр.247].

Таким образом, сочетание художественных средств выразительности с «разговорным» выражением мнений и мыслей, бытующих в его книгах, не случайно, оно создает необычайную образность и наиболее понятно «читателю – обывателю» нашего потерянного в невесомости конформистского поколения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1978. Т. 37. №4. – С. 333-343.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 366.
3. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова - СПб.: Паритет. – 320 с.
4. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика: учебник / А.Н. Веселовский – СПб.: ИНФРА, 1940. – 648 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. — 144 с.

6. Жирмунский В.М. К вопросу об эпитете / В.М. Жирмунский // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. –Л., 1977. – С. 359.
7. Квятковский А.П. Словарь поэтических терминов / А.П. Квятковский. – М., 1989.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.– С.836.
9. Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой: рассказы / Захар Прилепин. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 254 с.

СЕКЦИЯ «ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ»

*Е.С. Куксова, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Е.Ю. Дьякова*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕРИАЛА «ШЕРЛОК»

Сериал BBC "Шерлок» (2010-2017) получил во всем мире широкую известность; только в Великобритании его посмотрели около 11 миллионов человек. В данной статье рассматривается семантическая структура этого сериала.

На материале диалогов сериала BBC «Шерлок» (4 сезона, 12 эпизодов) и рассказов Артура Конан Дойля «The Final Problem», «A Study in Scarlet» и др. был проведён сравнительный анализ и определены некоторые различия между современной английской культурой и викторианской эпохой.

Целью исследования было определение лингвистических (а именно семантических и прагматических) особенностей диалогов с сериале и изучение культурных, исторических и литературных аллюзий как способа установления интертекстуальных связей и роли этих аллюзий в построении художественных образов, а также выявление значимости в более широком контексте британской культуры.

Теоретическую и методологическую основы исследования составили работы российских и зарубежных учёных в области семиотики (Ч. С. Пирс, Ф де Соссюр, Ч. Моррис, Г.Г Почепцов), теории семантических кодов (У. Эко) мультимодальности (J. Murray) и теории дискурса (Т. А. ван Дейк, А. А. Кибрик).

В ходе исследования были выявлены следующие лингвистические особенности диалогов в сериале: а) имплицитное содержание некоторых реплик; б) употребление определённых языковых средств как отражение английской картины мира; в) нестандартное поведение в стереотипных ситуациях; г) шутки, характерные для британского культурного пространства.

Ниже приведены примеры изменения семантического кода (слева – отрывок из диалога в сериале «Шерлок», справа – отрывок из рассказа Артура Конан Дойля). Под изменением семантического кода подразумевается приобретение символами новых значений без утраты своего изначального абстрактного значения. Важную роль в таком распознавании играет знание прецедентного текста и умение его распознавать в различных контекстах.

<p><i>SHERLOCK: Listen. This is my hard drive and it only makes sense to put things there that are useful, really useful. Ordinary people fill their heads with all kinds of rubbish. That makes it hard to get at the stuff that matters. Do you see?</i></p> <p><i>JOHN: But it's the solar system!</i></p> <p><i>SHERLOCK: Oh, hell! What does that matter. So we go round the sun. If we went round the moon or round and round the garden like a teddy bear it wouldn't make any difference. All that matters to me is the work. Without it, my brain rots. Put that in your blog. Or better still, stop inflicting your opinions on the world.</i></p>	<p><i>I consider that a man's brain originally is like a little empty attic, and you have to stock it with such furniture as you choose. A fool takes in all the lumber of every sort that he comes across, so that the knowledge which might be useful to him gets crowded out, or at best is jumbled up with a lot of other things, so that he has a difficulty in laying his hands upon it. Now the skillful workman is very careful indeed as to what he takes into his brain-attic...What the deuce is the solar system to me? You say that we go round the the sun. If we went round the moon it would not make a penny-worth of difference to me or my work.</i></p>
---	--

Прокомментируем данные примеры. С языковой точки зрения одно и то же значение выражено в сериале совершенно другими средствами: устаревшие слова (*deuce, pennyworth*) заменены их современным эквивалентами, а также изменена сама метафора. Поскольку сейчас человеческий мозг часто сравнивают с компьютером, то память по аналогии сравнивают с жёстким диском, который, также как и чердак, имеет ограниченный объём. Именно это сравнение более близко и понятно современному зрителю, потому что в нём оперируют знакомыми предметами и идеями. Также есть различия и в стилистике: текст Конан Дойля написан стилем, характерным для художественной литературы. В «Шерлоке» он адаптирован для экрана: более короткие предложения, максимально приближенные к разговорному стилю.

В приведённом выше отрывке есть пример прецедентного текста: «*round and round the garden like a teddy bear*» – цитата из известного в Англии детского стишка. Эти стишки (*nursery rhymes*) очень прочно вошли в сознания носителей британского и американского английского.

Поскольку одна из важных отличительных черт диалогов в сериале - нестандартное языковое поведение в стереотипных ситуациях, нами был проведён анализ речи, которую говорит на свадьбе лучший друг жениха (*the best man*). Содержание такой речи регламентируется набором правил. В таблице (см. ниже) сравниваются шаблонные фразы (средняя колонка), типичные для этой ситуации, и слова Шерлока (колонка справа) [«*Sherlock*», *The Sign of Three*]. Курсивом выделены явные различия, свидетельствующие о несоответствии речи Шерлока ситуации.

<i>For those of you who don't know me, I'm Brian, [groom's name]'s little brother.</i>	<i>Ladies and gentlemen, family and friends, and...er...others</i>
<i>Dear Jane. Best of luck with marrying Jason. From...</i>	<i>To John and Mary, All good wishes for your big and special day With love and many big squishy cuddles</i>
<i>I am his oldest, most handsome and intelligent... ok, ok I'm his friend...</i>	<i>Love..love...love... bit of a theme, you get the gist. People are basically fond.</i>
<i>Back when we were kids he used to tease me mercilessly</i>	<i>For funny stories about John one has no look no further than John's blog...</i>

<i>And now I would like to say a few words about the beautiful and radiant woman who..</i>	<i>I'm afraid, John, I can't congratulate you...</i>
<i>He is the best friend and companion you could wish for</i>	<i>...the bravest and kindest and wisest human being I have ever had the good fortune of knowing.</i>
<i>Ladies and gentlemen, I'd like to propose a toast to Mary and Jeff. May they have years of joy, happiness, and health ahead of them.</i>	<i>Ladies and gentleman, pray charge Ladies and gentleman, pray charge your glasses and be upstanding.</i>
<i>Marriage isn't about looking at each other. It's about looking outward in the same direction."</i>	<i>A wedding is, in my considered opinion, nothing short of a celebration of all that is false and specious and irrational and sentimental in this ailing and morally compromised world.</i>

Как видно из приведённых выше отрывков, речь Шерлока не полностью соответствует ситуации. Он говорит, что не может поздравить Джона (*I can't congratulate you*), хотя речь должна быть поздравительной. Далее Шерлок заявляет, что свадьба, по его мнению - это ненужный обычай (*A wedding is, in my considered opinion, nothing short of a celebration of all that is false and specious ... in this ailing and morally compromised world.*)

Таким образом, текст диалогов насыщен ссылками на различные факты британской культуры и на прецедентные тексты, что играет важную роль в развитии характеров и снабжении действия на экране необходимым контекстом. С точки зрения прагматики, в сериале есть множество примеров дискурсивно неадекватного поведения, что помогает нам глубже изучить конвенциональные коды британской культуры.

Литература

1. Conan Doyle A. The Adventures of Sherlock Holmes. URL: <http://www.gutenberg.org/etext/1661>
2. Conan Doyle A. The Return of Sherlock Holmes. URL: <https://www.gutenberg.org/files/108/108-h/108-h.htm>
3. Murray J. Composing Multimodality Multimodal Composition: A Critical Sourcebook / Murray J. – Bedford.St. Martin's, 2013

*Н.А. Зяблицева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. А.А. Припадчев

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ)

На современном этапе развития лингвистики текста требуется переход от его элементарного анализа к комплексному. Системный анализ текста требует особой когни-

тивной технологии: подключение понятийного аппарата, теорий языка, речи, стиля, космологий и темпорологий, теорий относительности, вероятности и множеств.

Реализуется данный подход в конкретных стратегиях и тактиках анализа текста: герменевтика и типология смыслов текста, лингвистика и семантические модели текста, стилистика и средства оформления текста, прагматика текста и его целевая установка, восприятие текста и средства их выражения.

Рассмотрим одну из глав Книги Притчей Соломоновых («Не премудрость ли вызывает?») в аспекте типологии смыслов.

Энциклопедический смысл – познание мудрости, т.е. Бога. Во многом косвенным маркером данного смысла является серия синтаксем [4] и синтагм [13]: 1. *примите – учение*, 2. *нашел – жизнь*, 3. *имел меня – началом пути Своего*.

Тот, кто познает мудрость, приходит к пониманию того, что в ней заключается вся жизнь и благодать (*нашел – жизнь*). Человек начинает выстраивать свою внутреннюю и внешнюю жизнь согласно принципам мудрости, поскольку она является основой всего сотворенного мира и человека (*имел меня началом – пути Своего*). Таким образом, смысловая модель вертикального развертывания текста выглядит так: 1. «познание» (*примите – учение*) – 2. «понимание» (*нашел – жизнь*) – 3. «применение» (*имел меня началом – пути Своего*).

Контекстуальный смысл – изображение свойств и преимуществ мудрости, основа которой в Божественной Премудрости. Истинная мудрость учит разуму, т.е. способности логически и творчески мыслить, и благоразумию, т.е. умению разум направлять на достижение счастья и блага, поэтому призывает развивать ум и укреплять сердце в стремлении к добру и справедливости. Только при содействии Божественной Премудрости человек способен достичь успеха и благодати. Косвенным маркером данного смысла выступает серия синтаксем и синтагм: 1. *научитесь – благоразумию*, 2. *научитесь – разуму*, 3. *у меня сила*, 4. *получит благодать*.

Речевая серия синтаксем и синтагм выделима по теории множеств [5]. Объем серии определяется по теории вероятности [16].

Ситуативный смысл – проповедь премудрости, обращенная ко всем людям. В ситуации (не реальной, локализованной в пространстве-времени, а коммуникативной) участвуют 2 лица: **премудрость** (*я – премудрость*) обращается к **человечеству** (*к сынам человеческим*) с призывом к познанию ее сущности.

Прагматический смысл – не нейтральный: это проповедь премудрости, обращенная ко всем людям и призывающая к познанию ее сущности. В тексте встречаем глаголы повелительного наклонения со значением имплицитной желательности: *научитесь – слушайте – примите*. Также находим различные формы оценки: *важное – лучше – больше*.

Образные смыслы – не нейтральны. Весь отрывок представляет собой аллегорию: Божественная премудрость предстает как реальное лицо и призывает к познанию ее человечеством. Встречаются тропы-аллегии: *я (премудрость) – обитаю с разумом* – семантическая структура тропа: конкретное значение (находиться с кем-то) + конкретное значение (находиться там, где принимают разумные решения) = конкретное второе название действия (призыв развивать разум).

Таким образом, речевые функции текстообразующих средств жанра «притча» в данных смыслах таковы: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанра «притчи» в данных смыслах: 1) серия глаголов повелительного с семантикой имплицитной желательности и изъяснитель-

ного склонения: *примите – нашел – имел* в совокупности с существительными, притяжательным и личным местоимениями: *учение – жизнь – меня началом пути Своего*; 2) серия глаголов повелительного склонения с семантикой имплицитной желательности и изъявительного склонения: *научитесь – научитесь – получит* в совокупности с существительными: *благоразумию – разуму – благодать*; 3) серия существительных и местоимений в косвенных падежах: *к вам (Д.п.) – для разумного (Р.п.) – у меня (Р.п.)*; 4) серия существительных и местоимений со значением лица в И.п.: *премудрость (И.п.) – разум (И.п.) – Он (И.п.)*; 5) серия тропов-аллегорий: *я (премудрость) – обитаю с разумом, я (премудрость) хожу по пути правды*.

Применение когнитивных технологий в анализе текста позволяет не противоречить его идентификации в отношении жанра (по репертуару семантических моделей) и индивидуально-авторского стиля (по смысловой модели). При этом очевидным является то, что языковая системность текста заключается в различительном означивании денотатов [13], речевая системность текста проявляется в сходном (тождественном) означивании денотатов и смыслов денотатов [10] и стилистическая системность обнаруживается в соотношении вторичных номинирований денотатов (образные средства).

Литература

1. Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е.Б. Артеменко. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. – 174 с.
2. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
3. Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А.И. Горшков. – М.: Литературный институт им. М.А. Горького, 2008. – 542 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Изд-во РАН, 1998. – 528 с.
5. Кантор Г. Учение о множествах / Г. Кантор // Новые идеи в математике. – СПб.: Образование, 1914. – №6. – 192 с.
6. Книга Притчей Соломоновых: Притчи всех времен и народов / Под ред. В. П. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – С. 247 – 267.
7. Ломоносов М.В. Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Труды по филологии [В 7 т.] – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 996 с.
8. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 627 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
10. Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста / А.А. Припадчев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. – 600 с.
11. Припадчев А.А. Речевая системность текста в данных смыслов (на материале произведения жанровой формы «житие») / А.А. Припадчев // Текст – Дискурс – Картина мира. – Воронеж.: Истоки, 2009. – №5. – С. 11 – 20.
12. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр: Вист, 1997. – 555 с.
13. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
14. Трубецкой Н. С. Основы филологии. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4481646/page:25/>.
15. Эйнштейн А. Сущность теории относительности / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов [В 2 т.] – М., 1966. – С. 5 – 82.

16. Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация / А.М. Яглом, И.М. Яглом. – М.: Государственное изд-во технико-теоретической литературы, 1957. – 160 с.
17. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. – Hdlb., 1924
18. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes –Hdlb., 1931.

*М.Ю. Тарасюк, студ. факультета филологии и журналистики
ТГУ имени Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Е.Б. Рыбых*

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА, ОТРАЖЁННОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА ДЖ.Х. ДЖЕБРАНА «ПРОРОК»)

В свете когнитивной лингвистики текст рассматривается как способ фиксации и трансляции индивидуального сознания продуцирующего его автора, в связи с чем проблема выявления индивидуально-авторского смысла, индивидуально-авторской метафорической интерпретации различного рода объектов, событий, их характеристик, а также нахождения точек соприкосновения индивидуально-авторского и коллективного представляется значимой. Субъективный образ объективного мира и индивидуально-авторская картина мира, отраженные в тексте, по словам Е.С. Кубряковой, преломляются через коллективные сведения о мире. В этой связи представляется, что индивидуально-авторская ассоциативно-аналоговая деятельность реализуется по строго определенным, ограниченным в своем числе моделям. В противном случае эта деятельность была бы хаотична и бессистемна, а теория концептуальной метафоры базируется на признании того, что метафоры связаны между собой и образуют определенным образом организованную систему. Особое внимание уделяется текстоформирующей функции метафоры и процессу метафорического моделирования.

Чтобы осознать явление до конца, человеку приходится номинировать, вербализовать стороны или свойства явления через уже освоенные в его общем и языковом опыте мыслительные данности – концепты. Именно через промежуточные по отношению к своим знаниям концепты с помощью таких универсальных средств категоризации и концептуализации, как метафора и метонимия, осуществляется понимание сущности отношения предмета или явления к сознанию человека. При этом определяющая роль принадлежит языковой картине мира [5, с. 67]. Как отмечает В.Н. Телия, то, что принято называть языковой картиной мира, – это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка [4]. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени. Это оставляет следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, «вплетается» и в картину мира, выражаемую языком [1, с. 563].

Для нас важным представляется то, что метафору как способ выражения понятия необходимо рассматривать в плане широкого социокультурного контекста. Она способствует обнаружению «устойчивых универсальных смыслов», присущих ряду народов и способствующих их непосредственному сближению. Однако образное отражение действительности с помощью метафор приобретает также и некоторые специфические чер-

ты, свойственные данному национальному общественному сознанию. Разные народы находят разные пути от внеязыковой действительности к понятию и далее к словесному выражению. Поэтому отражение действительности с помощью метафор раскрывает особенности видения мира, понятийного мышления, словесного творчества. Метафорические понятия отражают образ жизни и мышления каждой цивилизации, национальные ценности, связанные с характерными чертами каждого из народов, входящих в данную цивилизацию [3, с. 50; 2, с. 180]. Следовательно, метафора предоставляет нам возможность более глубокого постижения той или иной лингвокультуры.

В рамках рассмотрения индивидуально-авторской картины мира, в том числе и метафорической, особый интерес представляет «переплетение» универсального и национального, выявление культурных доминант, под которыми понимаются наиболее существенные для определенной культуры смыслы, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

Рассмотрим индивидуально-авторскую метафорическую картину мира, отраженную в трактате «Пророк» Дж.Х. Джебрана, являющегося одним из самых выдающихся ливанских и американских философов XX столетия, и проследим, какая культура (ориентированная на «я», в которой больше ценится индивидуализм, или ориентированная на «мы») в большей степени отразилась во взглядах мыслителя. Дж.Х. Джебран родился в Ливане и на протяжении всей своей жизни не разрывал связь с этой страной. Более того, несмотря на то, что философ много лет прожил в США, он не принял американского гражданства и пожелал быть похороненным на родной земле.

Дж.Х. Джебрану близка тема воды, моря и океана, так как Ливан – государство на Ближнем Востоке, омываемое Средиземным морем. Нью-Йорк же, куда он попал в возрасте 12 лет в результате иммиграции, расположен на берегу Атлантического океана. Море представляется автору бессонной матерью, в чьих объятиях оказываются реки: *And you, vast sea, sleepless mother, / Who alone are peace and freedom to the river and the stream* (Дж.Х. Джебран). Душа у Дж.Х. Джебрана морская, это – поле битвы, где разум и рассудительность дают бой страсти и необузданности. Разум и страсть – это руль и оснастка морской души: если они ломаются, можно попасть в бурю либо в штиль посреди океана: *Your soul is oftentimes a battlefield, upon which your reason and your judgment wage war against passion and your appetite. / Would that I could be the peacemaker in your soul, that I might turn the discord and the rivalry of your elements into oneness and melody. / But how shall I, unless you yourselves be also the peacemakers, nay, the lovers of all your elements? / Your reason and your passion are the rudder and the sails of your seafaring soul. / If either your sails or our rudder be broken, you can but toss and drift, or else be held at a standstill in mid-seas* (Дж.Х. Джебран).

В своем творчестве Дж.Х. Джебран обращается при описании, в том числе человека и его бытия, к ливанским народным музыкальным инструментам – флейте, лютне, однако западная «я»-культура тоже «вплетается» в канву его повествования: *Sing and dance together and be joyous, but let each one of you be alone, / Even as the strings of a lute are alone though they quiver with the same music*. Или *When you work you are a flute through whose heart the whispering of the hours turns to music* (Дж.Х. Джебран).

Люди – белые и черные нити – единое полотно, а ткацкий станок – общество в интерпретации автора, где доминирует коллективистская «мы»-культура, в которой группе отдается приоритет перед индивидуумом, так как общество несет ответственность за проступки каждого в отдельности:

And as a single leaf turns not yellow but with the silent knowledge of the whole tree, / So the wrong-doer cannot do wrong without the hidden will of you all. / Like a procession you walk together towards your god-self. / You are the way and the wayfarers. / And when one of

you falls down he falls for those behind him, a caution against the stumbling stone. / Ay, and he falls for those ahead of him, who though faster and surer of foot, yet removed not the stumbling stone... / ...You cannot separate the just from the unjust and the good from the wicked; / For they stand together before the face of the sun even as the black thread and the white are woven together. / And when the black thread breaks, the weaver shall look into the whole cloth, and he shall examine the loom also (Дж.Х. Джебран).

Таким образом, творчество Дж.Х. Джебрана вобрало в себя помимо универсального ряда характерных черт двух родственных ему культур, что прослеживается в приведенных выше примерах, споре «я»- и «мы»-культур, однако превалирующей в описании и создании метафорической картины мира оказывается та культура, которую он сам до последних дней не смог изгнать из своих мыслей, убеждения и ценности представителей которой он разделял и где он сам себя ощущал как дома.

Литература

1. Дехнич О.В. К вопросу о корреляции метафоры и языковой картины мира / О.В. Дехнич // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр.– Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – Вып. 3. – С. 562–565.

2. Красавский Н.А. Русские номинанты эмоций и метафора / Н.А. Красавский // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, стилистики, семантики и грамматики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 176–194.

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.

4. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой и др. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

5. Чекулай И.В. Мотивационно-деятельностный подход к изучению языковой оценки / И.В. Чекулай // Единицы языка и их формирование. – Саратов: Научная книга, 2004. – Вып. 10. – С. 66–70.

6. Kahlil Gibran. The Prophet / Gibran Kahlil. – London: ONEWORLD, 2012.

СЕКЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*В.Н. Картавцев, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р. филол. н., проф. Л.В. Цурикова

ЯЗЫКОВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)

Наше исследование посвящено выявлению смысловых категорий и языковых средств, с помощью которых может осуществляться информационно-психологическое воздействие в СМИ. Не требует комментариев тот факт, что в данное время против России ведется информационная война. Феномен данной войны определяется Г.Г. Почепцовым как «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. Целями воздействия является внесение изме-

нений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [1, с. 20].

Технологии воздействия в рамках информационной войны уже подвергались детальному изучению. Однако главное внимание в подобных исследованиях уделялось именно изучению использования дискурсивных стратегий при ведении информационной войны: стратегии умолчания, дегуманизации, фабрикация фактов и т.д. Наше же исследование сосредоточено на языковых стратегиях, используемых при манипуляции массовым сознанием, т.е. тому, как с помощью определенных смысловых категорий языка и средств их выражения (прежде всего, грамматических) в новостных текстах транслируются определенные идеи. Исследование проводилось на материале статей, опубликованных на сайтах британских газет и службы ВВС в 2015-2016 гг. и посвященных военным действиям в Сирии и Ираке.

Детально проанализируем использование в текстах британских СМИ средств выражения одной семантической категории – реципрокности (взаимности). Семантическая категория реципрокности рассматривается нами как полевая система разноуровневых средств выражения значения взаимного отношения или действия. В ее рамках языковые маркеры выстраиваются по оси «одностороннее отношение – реципрокное (взаимное) отношение». Применительно к материалу нашего исследования семантических оппозиций в текстах, посвященных боевым действиям, можно говорить о выполнении следующего равенства: атака + оборона = бой. Именно в контексте описания войны глаголы с семантикой атаки или обороны, являющиеся средствами обозначения одностороннего тактического действия в рамках боевого контакта, можно считать односторонними коррелятами реципрокного предиката.

Например:

*Government forces concentrated in Damascus and the centre and west of Syria are **fighting** the jihadists of Islamic State and Jabhat al-Nusra, as well as less numerous so-called "moderate" rebel groups, who are strongest in the north and east* [6, URL].

В данном примере семантический предикат выражен реципроком – глаголом с семантикой взаимного действия, которое участники ситуации осуществляют в отношении друг друга; Данное описание дает нейтральную картину событий, т.к. стороны конфликта помещены в грамматически симметричные отношения с помощью реципрокного предиката. Далее последует пример противоположной ситуации, когда одной стороне приписывается активность, вторая же сторона становится пациентом - пассивным, «страдающим» участником:

*More than 20 Russian fighter jets **launched an attack** on three provinces in Syria yesterday...* [3, URL]; в этом примере семантический предикат выражен глагольной фразой, обозначающей контролируемое намеренное действие, осуществляемое одним участником ситуации в отношении другого; однако, несмотря на это, ситуативная характеристика данного предиката связана в рамках оппозиции «атака – оборона», т.е. рассматриваемое глагольное сказуемое можно считать односторонним коррелятом реципрокного предиката.

Теперь покажем, как создается картина событий при помощи односторонних коррелятов реципроков. Так, в статье «Russia deliberately targeting CIA-backed rebels...» [5, URL] наблюдается следующая синтагматическая цепочка (не все высказывания в оригинальном тексте идут подряд):

- 1) *Russia deliberately **targeting** CIA-backed rebels in Syria, says US;*
- 2) *American officials claim Russia **bombing** of US-backed Syrian rebels intentional...;*
- 3) *Russia is deliberately **bombing** CIA-backed rebels in Syria, US officials have claimed for the first time;*

4) ...*Nato warned that two incursions by Russian jets into Turkish airspace were also "no accident"*;

Как показывает системный анализ выявленных оппозиций, в британских медиа-ресурсах большинство действий, предизируемых России – действия активного нападения.

Однако, кроме реципроков и их коррелятов, манипулятивное воздействие осуществляется целым комплексом различных языковых средств. Так, обвинения в военных преступлениях передаются с помощью страдательного залога. Причем выраженное с помощью последнего содержание в докладе о жертвах среди мирного населения не содержит информации о том, какая именно сторона является ответственной. Однако в совокупности с левым контекстом, где говорится, что доклад посвящен именно преступлениям проправительственных сил, в сознании читателя ответственность будет возложена на проправительственные силы:

News of the evacuation deal came as the UN reported summary killings by pro-government forces. It said it had reliable evidence that in four areas 82 civilians were killed, adding that many more may have died [2, URL].

Определенные установки задаются на уровне лексической семантики слов, выражающих определения, предикаты; на уровне лексических единиц, называющих целое положение дел. Так, цель проамериканских сил в Ираке – очистить определенный район от боевиков ИГИЛ – выражается при помощи нейтрального с точки зрения оценочной коннотативной семантики глагола *to remove*. В то же самое время, когда речь идет о целях поддерживающих Б. Асада иранцев, используется глагол *to cleanse*, применяющийся для обозначения понятия этнической или религиозной чистки как военного преступления: *...Mohsen Rezaie, a former commander of Iran's Revolutionary Guards, wrote on Instagram that Iran's aim was to cleanse "terrorists and takfiris [a term used in Iran for Sunni jihadists]" from Syria and Iraq* [4, URL].

Использование определений также вписывается в эту парадигму. Организованная при помощи России гуманитарная эвакуация из Восточного Алеппо определяется как *fragile* и *slow-moving*, что также добавляет отрицательные коннотации в семантическое наполнение образа России, создаваемого британскими СМИ:

Since then, about 40,000 people have left the city amid worsening weather and humanitarian conditions in a fragile and slow-moving evacuation operation [7, URL].

Таким образом, использование различных языковых средств соответствует общей дискурсивной стратегии, имеет внутреннюю содержательную системность. Средства выражения различных грамматических смысловых категорий – реципрокности, пассивности, а также лексические единицы используются для одной цели – создания негативного образа России и ее союзников в Сирии через игнорирование ее роли в борьбе с терроризмом и выставление в виде агрессора.

Литература

1. Почепцов Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. - М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. - 576 с.
2. Aleppo battle: Rebel evacuations delayed / BBC News – URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-38311175>
3. Brown L. Russia 'is pouring gasoline on the fire' of Syria's civil war, says America after Putin defies the West and drops bombs on non-ISIS forces fighting Assad / L. Brown, Tomlinson S., Glanfield E. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3254579.html>

4. Iran hails victory in Aleppo as Shia militias boost Syria's Bashar al-Assad / The Guardian - URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/14/iran-aleppo-syria-shia-militia>
5. Marszał A. Russia deliberately targeting CIA-backed rebels in Syria, says US / A. Marszał. – URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11913931/Russian-incursion-into-Turkey-air-space-no-accident-warns-Nato.html>
6. Syria crisis: US attacks Moscow welcome for Assad / BBC News – URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34595409>
7. The battle for eastern Aleppo in maps: how rebel territory shrank / The Guardian – URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2016/nov/30/battle-eastern-aleppo-maps-rebel-territory-shrinkin>.

*О.М. Медведева, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Л.В. Цурикова*

ДИПЛОМ КАК ДОКУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО РИТУАЛА

В рамках участия в конкурсах, состязаниях или соревнованиях многие из нас, достигшие определенных успехов в процессе мероприятия, удостоивались награждением дипломом. Формат и языковое оформление текстов диплома знакомы каждому из повседневного опыта, однако, несмотря на их специфическое содержание и реализуемую коммуникативную функцию, данный тип текста до сих пор не был подробно изучен.

В толковом словаре русского языка под дипломом понимается свидетельство, выдаваемое как награда за успешное выступление на конкурсе, фестивале, а также за высокое качество экспонатов на выставке (*диплом международного конкурса*) [1, URL].

В данной статье под дипломом мы подразумеваем документ социального ритуала, который может быть рассмотрен как фатический текст реализованного речевого акта похвалы в публичной сфере. Отнесенность диплома к разновидности документов социального ритуала неслучайна: текстовое оформление документа является строго конвенционализированным и выступает неотъемлемой частью ритуала, вне которого документированный акт диплома не существует.

Процедура награждения дипломом как особым документом, сертифицирующим достижения, существует в разных культурах, при этом текст такого документа специфичен в каждой из них. Например, в англоязычных культурах эту социальную функцию выполняют такие тексты как Certificate of Achievement, Certificate of Excellence, (Certificate of) Commendation.

В русской языковой культуре награждение за достигнутые успехи отмечается **дипломом** – специальным документом, текст которого подтверждает заслуги адресата в рамках особого публичного ритуала. Языковой формат диплома характеризуется узкой специализацией этого ритуала, в пределах которого происходит процедура награждения. В некотором смысле, диплом является документом, закрепляющим результат действия за награждаемым. Кроме того, диплом напрямую связан с проведением различных состязательных мероприятий, и выдается только по случаю занятия награждаемым выигрышного места (1,2 и 3 места). Сущностью процедуры награждения адресата дипломом является желание адресанта поздравить адресата с успехом.

В русском языке в настоящее время можно выделить два вида коммуникативных ситуаций реализации документированной процедуры вручения диплома, а именно:

– поздравление с получением призового места в состязательных мероприятиях (1,2,3 места);

– подтверждения факта участия в состязательных мероприятиях.

Условия реализации **поздравления с получением призового места в состязательных мероприятиях** заключаются в следующем: адресат достиг наивысших успехов в соревновании с другими участниками, которые отмечает адресант, присуждая ему призовую позицию и подтверждая это письменным текстом специального формата. Акт поздравления в этом тексте осуществляется посредством конструкции с перформативными глаголами «*награждается*», «*вручается*» (3-е л., ед. и мн. ч. наст. вр.) и номинативом в именительном падеже, обозначающим победителя, предлога «*за*» с последующей номинативной конструкцией, которая содержит информацию о призовом месте адресата, формате мероприятия или номинации, например: *награждается салон красоты “Art Avenue” за 2 место в конкурсе «Весеннее преображение»*, или - *награждается Каверина Анастасия за 1 место в номинации «Перевод поэтического текста с английского языка на русский»*. Глаголы «*награждается*», «*вручается*», несмотря на форму 3 лица, функционируют в данном тексте как конвенциональные перформативы – без них акт награждения не может быть осуществлен.

Условия реализации **подтверждения факта участия в состязательных мероприятиях** заключаются в том, что адресат принял участие в мероприятии, составив конкуренцию другим оппонентам и тем самым обеспечив его состязательность. Вручая диплом об участии, адресант отмечает факт стремления адресата к победе и его конкурентоспособность. Соответственно, текст этого документа оказывается практически полностью тождественным тексту поздравления за призовое место, в нем лишь особо указывается факт только участия, например: *Награждается фирма 3 «В» класса «Наши руки – не для скуки» за активное участие в программе «Наш город»*, или – *Награждается трио «Фольк-ансамбля» МКОУ ДОД «Дом детского творчества» г. Жиздра участник областного конкурса «Сотворчество» номинация «Инструментальная музыка»*.

Таким образом, диплом – обязательный атрибут состязательных мероприятий, который подводит итог всего события и отмечает наиболее отличившихся его участников.

Формат текста диплома может быть представлен в следующем виде:

- **Название документа:** обычно он обозначается стандартным термином «Диплом», хотя иногда встречаются такие его варианты как «Почетный диплом», «Диплом 1 степени» (2 или 3 степени).

- **Текст документа:** в тексте диплома используются перформативные глаголы «*награждается*», «*вручается*», посредством которых осуществляется речевой акт награждения - их употребление в фатическом тексте диплома носит обязательный характер. Адресатом документа данного социального ритуала может выступать как отдельный индивид, так и коллектив или группа индивидов (команда или организация). В тексте обязательно указываются достижения и номинации награждаемого.

- **Сигнатурная часть:** в данной части текста диплома содержится обозначение органа или организации, а также должности или позиции награждающего лица, его фамилия и инициалы, подпись, печать и дата (факультативно).

Все выделенные части текста диплома являются обязательной составляющей его формата, в рамках которого используются конвенциональные и клишированные языковые средства.

В ходе данного социального ритуала процедура награждения документом типа «диплом» производится публично особо уполномоченным лицом, наделенным правом награж-

дать (как правило, это могут быть организаторы мероприятий или их крупные спонсоры, при чьей поддержке данное событие состоялось, и т.д.), тем самым подводя итог всему мероприятию в целом.

Несоблюдение установленных норм содержания и формы данного документа социального ритуала или нарушение санкционированного порядка его вручения ведет к полной потере значимости этого социального и коммуникативного ритуала [2, с. 238].

Литература

1. Толковый словарь русского языка [сайт]. URL: <http://www.vedu.ru/expdic/7060/>.
2. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 256, [1] с.

*А.Ю. Белоусов, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Е.А. Алексеева

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ)

Сегодня в мире происходят сложные глобализационные процессы. Наиболее очевидны неоднозначные изменения в странах, где сосуществуют сообщества не просто с разными, а с противоположными социокультурными ценностями. Здесь, конечно, определенную роль сыграла колонизаторская политика некоторых европейских стран.

Конфликт национальной уникальности с нарастающей глобализацией проявляется в самоутверждении отдельных групп и субкультур, в обострении оппозиции «свой – чужой». Более того, под прикрытием борьбы за равноправие и поддержку этнокультурных ценностей осуществляются попытки перераспределения территорий. Это можно проследить на примере культуры современной Франции.

С одной стороны, знаменитое предупреждение генерала де Голля о том, что если Алжир останется французским, то Франция станет арабской, сегодня имеет вполне реальную возможность осуществиться. Впрочем, французы не часто озвучивают это суждение, предпочитая говорить о чувстве вины за свою колониальную политику.

Основные проблемы Франции, связанные с арабской иммиграцией сегодня, – это преступность в среде иммигрантов и рост исламского фундаментализма. В основном современные французские арабы – потомки северо-африканцев в третьем поколении. Кажется бы, они могли ассимилироваться во французской культуре, но этого не произошло. Они не принимают фундаментальных ценностей французской культуры; образуют анклав и живут в них по своим законам.

Это касается всех важнейших форм культуры. Показателен, например, социолект (совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе), образовавшийся в результате смешения французского и арабского языков на территории Франции, в этом контексте язык стал одним из символов иммигрантских сообществ. «Социолингвистический подход к изучению данной проблемы позволяет более глубоко и объективно объяснить многие языковые факты связанные с ... тем, как используют язык его носители, как влияют на развитие языка его изменения, происходящие в данном обществе» [4, с.160].

Необходимо подчеркнуть, что Франция не одно десятилетие бьётся за чистоту своего языка. Например, в 1994 году был принят так называемый «закон Тубона» (по фамилии министра культуры Жака Тубона). Закон в первую очередь был направлен на сохранение чистоты родной речи, это была попытка защитить французский язык от наплыва англицизмов – в официальных документах, в СМИ и других социокультурных сферах. Он сразу же приобрёл скандальную известность во многом благодаря игре слов: фамилия Toubon звучит как «всё хорошо» (tout bon). Но французы пошли ещё дальше: согласно государственному законодательству, не менее 40% песен, передаваемых по радио, должны были исполняться исключительно по-французски. А ещё всех владельцев магазинов власти обязали подписывать по-французски вывески, если те сделаны на другом языке.

Однако «лингвистическая атака» сегодня не самое важное и опасное явление. Более серьёзно проникают во все сферы французского общества ценности исламского фундаментализма, которые позиционируются как единственно верные, традиционные и гуманные.

Современная мусульманская община Франции является одной из крупнейших в Европе. Большинство мусульман имеет арабское происхождение, однако это также турки, чернокожие мусульмане и, что важно, новообращённые в ислам коренные французы. К тому же большинство мусульман проживает в крупных городах, в первую очередь в Париже и Марселе: в настоящее время это минимум 6,5 миллиона человек (10% населения). Некоторые из мусульман открыто утверждают, что в скором будущем стране придётся отказаться от системы западного права в пользу шариата.

Мусульмане порой ведут себя не совсем толерантно по отношению к представителям христианства – коренному населению Франции. Это приводит, в свою очередь, к усилению позиций французского национального фронта. Его лидер Марин Ле Пен утверждает, что глобализация изначально несёт в себе конфликтный потенциал.

Соерен Керн, аналитик Gatestone Institute и автор ежегодных докладов «Исламизация Франции», также предупреждает: «Ситуация вышла из-под контроля, и её уже нельзя обратить вспять... Ислам стал во Франции перманентным. Он никуда не денется. Я думаю, будущее выглядит мрачно. Проблема во множестве мусульман молодого поколения, которые не интегрируются во французское общество. Они чувствуют себя очень отчуждёнными от Франции. Несмотря на то, что они – французские граждане, у них нет реального будущего во Франции. Именно поэтому радикальный ислам настолько привлекателен. Он даёт им смысл жизни» [1, URL].

Некоторые мусульманские активисты уже открыто предсказывают будущее *la belle France*. В частности, Маруан Мухаммед, пресс-представитель органа *Collective Against Islamophobia*, говорит: «У кого есть право сказать, что через 30 или 40 лет Франция не станет мусульманской страной? У кого в этой стране есть право лишить нас этого?» [1, URL]. Появился даже термин: «обратная интеграция».

Один из последних опросов показал, что сегодня исламский дресс-код становится непопулярным во Франции. Так, согласно опросу, «77% французов выступило за то, чтобы запретить ношение буркини в публичных местах, а 79% хотят, чтобы ношение мусульманских платков запретили на территории университетов» [2, URL].

В то же время вызывает настороженность и тот факт, что ислам сейчас приобретает популярность среди молодёжи. Это касается, например, ношения никаба на улице и в школе. Во Франции также открывается большое количество магазинов халяльной продукции.

В 2013 году социолог Юг Лагранж опубликовал исследование, в котором отметил большую приверженность определенной части французской молодёжи к мусульманским

ценностям и обычаям: «Популярность религиозных практик и набожности растёт среди иммигрантов, которые прибыли во Францию в возрасте до 16 лет, и детей иммигрантов, однако это не относится к тем, кто приехал уже взрослым» [3, URL].

Результаты этого исследования говорят о том, что именно молодые иммигранты в современной Европе не могут ассимилироваться полностью, есть противодействие с обеих сторон. У них возникает чувство социальной изоляции, которое способствует появлению жёсткой мусульманской практики.

Причём живущие в «мигрантских районах» мусульмане значительно религиознее тех, кто рассеян по «смешанным районам» или вырос в «смешанных семьях». Именно это и ведёт к неудаче интеграционных процессов: некоторые политики считают, что «Для той молодёжи, которая добилась успеха в учёбе и живёт вдали от пригородов, ислам – это европейский, современный ислам, где отводится куда большее место человеческой личности» [3, URL].

С другой стороны, многие французские мусульмане позиционируют себя как мирные граждане своей страны, следующие современной, модифицированной версии ислама. Например, имам Хассен Чалгуми, заведующий мечетью в северо-восточном пригороде Парижа поддерживает так называемый «умеренный ислам». Чалгуми стал одним из тех, кто поддержал закон против ношения хиджаба. Он заявляет, что политические манипуляции или использование религии экстремистами из «Аль-Каиды» очерняют ислам. В своих интервью имам часто выражает благодарность правительству Франции за то, что оно не выступает против умеренного ислама.

Чалгуми подчёркивает: «...наш ислам не продаётся. Мечети, в которых мы молимся, – это французские мечети...» [5, URL]. То есть главное, по его мнению, это не соблюдение внешних ритуалов, а внутреннее состояние человека, его вера. Хассен Чалгуми предъявляет претензии официальному атеизму Франции в порождении «духовной пустоты», которую, с его точки зрения, может заполнить современный французский ислам. Он прав в том, что человек должен иметь твёрдую духовную опору в жизни, иметь высокие идеалы.

Итак, в связи с обозначенными выше проблемами нельзя рассматривать процесс глобализации только как положительное явление, как творческий диалог цивилизаций. Слишком много возникает сложностей и противоречий. Однако необходимо искать пути выхода из непростой национально-политической, экономической и, конечно, культурной ситуации, сложившейся в современной Европе.

Литература

1. Исламские анклав подчиняют себе Францию. URL: http://mignews.com/news/politic/world/130115_84359_78666.html 2MIGNIWS. COM. http://mignews.com/news/lifestyle/290317_104908_22390.html
2. Пушар А. Сколько ислама во Франции? / А. Пушар, С. Лоран. URL: <http://inosmi.ru/world/20150202/225971498.html>
3. Свиридонова В. П. Язык молодежи в современной Франции / В. П. Свиридонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. – №4. – 2005. – С.157-160.
4. Чувакин О. Франция: исламское будущее не за горами? / О.Чувакин. URL: <http://come-wi-freedom.livejournal.com/56279.html>.

*Д.С.Воронко, курс. ф-та летательных аппаратов ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
В.В. Поталуй, канд. филол. н., доц. (Воронеж)*

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ

Язык неоднократно становился причиной возникновения недопониманий и искажения смысла сообщений, которые приводили к инцидентам, а иногда – к катастрофам [1, с 66]. Как известно, в сфере радиопереговоров между пилотом и диспетчером используется «авиационный» английский язык, принадлежащий к группе полуискусственных языков, созданный специально для использования в профессиональной сфере.

Ошибки в речевом обмене - в том или ином виде - встречаются практически ежедневно. Даже при повседневном общении, когда два человека, имеющие одинаковый культурный уровень, разговаривают на родном для них языке на известную им обоим тему, часто обнаруживается, что то, что имеет в виду говорящий, не соответствует тому, что понимает слушающий. Для авиации же коммуникативные ошибки могут быть смертельными. Это слово – не преувеличение, когда идет речь о радиотелефонной связи между пилотом и диспетчером.

Что же происходит при несоблюдении данных требований? В истории гражданской авиации особое место занимает катастрофа 27 марта 1977 года в аэропорту Тенерифе (Испания) двух Боингов-747 авиакомпаний КЛМ и Пан Американ, в которой погибло наибольшее количество людей – 583 человека. Самолеты столкнулись на ВПП, когда КЛМ в условиях ограниченной видимости выполнял взлет, а Пан Американ еще не успел освободить полосу. Язык был назван главной причиной, приведшей к катастрофе [2, URL].

Одним из самых свежих примеров последствий, к которым ведет недостаточное владение языком, является инцидент, произошедший 11 января 2016 года над аэропортом Внуково. На волоске от столкновения оказались Бизнес-Джет и военный Ту-134. С экипажем военного Ту-134 маршрута Шайковка – Рязань (Дягилево) диспетчер вёл переговоры на русском языке, а с бизнес-джетом, следовавшим по маршруту Гомель – Внуково, другой диспетчер, согласно правилам, разговаривал на английском языке. Пилот бизнес-джета неправильно понял диспетчера, перепутав значение предлогов *at* и *in*. Вместо того чтобы сразу приступить к снижению и *через* 17 минут занять нижний эшелон, экипаж самолёта начал снижение, чтобы *в* 17 минут, а именно, в 16:17 – то есть *через* 24 минуты, оказаться в нужной точке [7, 10, URL].

Фразеология, необходимая для общения между пилотом и диспетчером посредством радиотелефонии, и требования к уровню владения английским языком определяются Международной организацией гражданской авиации (ИКАО) [6]. Так, к примеру слова *Yes* и *No* заменены на *Affirmative* и *Negative*. Слово *Ok*, которое на фоне шумов может быть не услышано, было заменено на слово *Roger* (*Вас понял*) в целях недопущения путаницы [3, URL].

Также ИКАО были разработаны свои обозначения. К примеру, используется фонетический алфавит, согласно которому каждой букве английского алфавита присвоено соответствующее слово: *A – Alpha*, *B – Bravo*, *C – Charlie* и т.д. Многозначные цифры произносятся по одной. При осуществлении переговоров с экипажем из стран, в которых английский язык не является родным, представителям некоторых национальностей произнесение межзубных звуков представляет трудность, и поэтому слово *three* было заменено на *tree*. Произношение двузначных и многозначных цифр так же отлично. За место

точки произносится decimal. Но эта радиофразаология охватывает все стандартные ситуации, существующие во время полета. Но помимо этого часто возникают нестандартные ситуации, и поэтому пилотам и диспетчерам необходимо владеть общим английским языком, General English [5].

Существуют субъективные и объективные факторы, влияющие на возникновение недопонимания между летчиками и диспетчерами. К субъективным относятся: объем информации, неправильное произношение, неправильное построение высказывания, неправильное понимание значения тех или иных элементов языка – то есть, **речевые ошибки**. К объективным факторам можно отнести такие речевые отличия (темп речи, акцент), фразеологические отличия (стандартные слова и фразы, отличающиеся в разных странах), процедурные (при одинаковых командах имеются различия в процедурах выполнения) – то есть, **национальные особенности**. Одним из регионов, в котором отличия в использовании фразеологии наиболее заметны, является Северная Америка [8]. Первое, с чем приходится столкнуться – это загруженность частот. Темп речи у американских диспетчеров значительно превышает рекомендованные ИКАО 100 слов в минуту. Если к этому еще добавить непривычные акценты, то стресс, испытываемый экипажем, вполне понятен. Поэтому даже при перегруженном эфире пилот обязан переспросить. Если есть сомнения, необходимо задавать прямые вопросы, пока объяснения диспетчера не удовлетворят. Это убережет от трагедии.

Диспетчеры с «посторонними» говорят медленнее, чем со «своими». Даже в тех фразах, которые понятны на 100%, встречаются подводные камни. К самым простым относятся особенности произнесения цифр, а именно, отсутствие «нулей» при передаче номеров взлетно-посадочных полос – “Runway 7” вместо “Runway 07” [8].

Для выполнения международных полетов экипажи проходят тестирование на определение уровня владения английским языком. ИКАО использует шестиуровневую шкалу для оценки владения английским: Level 6 (Expert) – экспертный; Level 5 (Extended) – продвинутый; Level 4 (Operational) – рабочий; Levels 1-3 (Non-operational) – нерабочие уровни.

ИКАО выдвинула следующие требования к минимально допустимому уровню владения английским языком членами летных экипажей. К примеру, каждый пилот должен свободно общаться в процессе речевой связи (телефонная/радиотелефонная) и при непосредственных контактах, а также недвусмысленно и четко изъясняться по рабочим и общим темам. Обязательное условие – умение уверенно читать тексты средней сложности на общие, конкретные и связанные с работой темы; успешно справляться с усвоением материала на слух, а также быть в состоянии адекватно и грамотно вести диалог, уметь перефразировать и видоизменять свою речь.

В некоторых странах, в первую очередь англоговорящих, вопросами языковой проблематики серьезно занимаются специальные учреждения.

Департамент летных стандартов Управления гражданской авиации Великобритании, который «ведет» и лингвистический аспект аэронавигации, ежегодно регистрирует более пятидесяти случаев, когда язык являлся одной из причин возникновения различных инцидентов. Надеемся, что в России появится орган, который будет анализировать языковые трудности при возникновении инцидентов и давать рекомендации.

Таким образом, владение профессиональным авиационным английским языком очень важно для обеспечения безопасности полетов.

Литература

1. Аль-Саббах Б., Поталуй В.В. Незнание английского языка как причина авиакатастроф / Б. Аль-Саббах, В.В. Поталуй // Современные наукоемкие технологии / Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2013». – ИД «Академия Естествознания», 2013. – №7 – Часть 1. – С. 65-66.
2. Аль-Саббах Б., Поталуй В.В. Ограничения и опасности использования английского языка в авиационных переговорах / Б. Аль-Саббах, В.В. Поталуй // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2014». URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/580/1295> (дата обращения: 20.02.2014).
3. Воронко Д.С., Поталуй В.В. Английский язык как фактор безопасности полетов / Воронко Д.С., Поталуй В.В. // VIII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2016». URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1499/20493> (дата обращения: 01.10.2016).
4. Горовцов Д.А. Английский авиационный язык. URL: http://olymp.asclub.ru/publ/svobodnye_publicacii/svobodnye_statii/istoriko_issledovatel'skaja_rabota_anglijskij_aviacionnyj_jazyk/25-1-0-1899 (дата обращения: 12.11.2016)
5. Мельниченко С. История принятия английского языка в качестве средства общения при ведении радиотелефонной связи / С. Мельниченко // Новости аэронавигации. – 2001. – № 6.
6. Руководство по предотвращению авиационных происшествий. Док. 9422-AM/923 – ИКАО, 1984. – 150 с.
7. Самолёты едва не столкнулись над Внуково из-за проблем с английским // LifeNews URL: <https://life.ru/t/новости/180048> (дата обращения: 25.01.2016).
8. Хэнсон Е., Мельниченко С. По ту сторону «лужи» / Е. Хэнсон, С. Мельниченко // Новости аэронавигации. – 2003. – №1.
9. Aircraft Accident Report. Avianca. URL: <http://libraryonline.erau.edu/online-full-text/ntsb/aircraft-accident-reports/AAR91-04.pdf> (дата обращения 08.09.2016).
10. Alderson J. C. Air safety, language assessment policy, and policy implementation: the case of Aviation English / J. Alderson // Annual Review of Applied Linguistics. – Cambridge University Press, 2009. – P.168–187.
11. Aviation Safety Network. Accident Description. URL: <http://aviation-safety.net/database/record.php?id=19770327-0> (дата обращения 07.09.2016)
12. English Language Proficiency Prevents Air Disasters. URL: <http://www.ordinate.com/solutions/Case%20Study%20%20Emirates%20Airline.pdf> (дата обращения: 18.09.2016).

*О.О. Игнатенко, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – канд. филол.н. Р.В. Подосинникова

РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В настоящей статье описываются приемы речевого манипулирования, используемые в текстах предвыборной агитации. Анализу подверглись материалы региональных СМИ: «Комсомольская правда», «Московский комсомолец в Черноземье», видео-файлы

с сайта 46tv.ru, посвященные праймеризу, электронные версии региональных газет: «Либерально-демократическая партия России», «Коммунистическая партия Российской Федерации».

Основным средством выражения видов манипуляции является речь. В связи с этим объектом исследования будут приемы речевого манипулирования. Основным инструментом воздействия на избирателей является язык во всех аспектах его проявления (устном и печатном). С помощью него устанавливаются факты, формируется общественное мнение, сознание населения.

В научной литературе существует ряд определений понятия речевого манипулирования. Так, О.Н. Быкова характеризует речевое манипулирование как «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [1]. Л.Ю. Иванов понимает под речевым манипулированием «сознательное незаметное или малозаметное воздействие с помощью речи на сознание реципиента с целью добиться желаемого изменения в его когнитивной и поведенческой сферах...» [3]. Л.А. Нефедова считает его «скрытым или неявно выраженным воздействием посредством языка на мнение и поведение адресата, попытку склонить адресата к своей точке зрения, стремление извлечь выгоду для себя, маскируя при этом свои подлинные намерения» [3]. Г.А. Копнина предлагает такое определение рассматриваемого феномена: речевое манипулирование – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [3]. Обобщая данные определения, можно сделать вывод, о том, что все исследователи считают речевое манипулирование скрытым воздействием, которое оказывает влияние на сознание объекта при помощи языка, дает ему установку дальнейшего поведения.

По мнению Ю.А. Ильичевой существуют две основные группы приемов речевого манипулирования: лексические и семантические. В анализируемом материале нами зафиксированы только лексические приемы. Как отмечает Ю.А. Ильичева, «самым важным в процессе воздействия языка на сознание является эмоционально-оценочное значение, так как задача скрытого речевого манипулирования - в изменении отношения аудитории к определенному явлению, это манипулирование основывается на привнесении в лексическую единицу новых смыслов и оценок и на изменении ассоциативного поля слова» [3].

Один из таких приемов, зафиксированных в предвыборных материалах, – ссылка на *великих*. Прием основан на оперировании цитатами из речей известных и значительных людей, спецификой устоев и принципов, принятых в обществе. Все это подчеркивает образованность манипулятора. Таким образом создается принижение статуса оппонента. Манипулятор как бы стоит на одной ступени с уважаемыми и известными мыслителями, а оппонент на ступень ниже. Подобная ассоциативная цепочка бессознательно должна появиться у манипулируемого.

«Попытки манипулировать законом, «портить право», исказить смысл процедур и институтов, покупать власть недопустимы», – сказал господин Волошин, подкрепив свои слова высказыванием Аристотеля, - «Покупающие власть за деньги привыкают и потом извлекать из нее прибыль» (МК «Главным принципом курских кандидатов стала беспринципность» от 16.08.2016).

Как видим, говорящий цитирует прямую речь, но не называет ее источник. То, что данное высказывание принадлежит Аристотелю, читатель узнает от автора статьи.

В материалах также фиксируется один из видов данного приема - указание на источник без его названия. В связи с его использованием достоверность сообщаемого ста-

вится под сомнение. Фразы *замечено, говорят, считается* частично снимают с автора ответственность за сказанную им информацию, которую он передает адресату: «**Замечено, чем ниже рейтинг «партии власти», тем жестче использование незаконных способов ведения избирательной кампании, включая и силовое воздействие**» (КПРФ «Курская область. Выборы-2016: повторение пройденного?» от 01.09.2016); «**Как показывает анализ, большая часть массовых нарушений законодательства приходится на представителей “партии власти”**» (КПРФ «Курская область. Выборы-2016: повторение пройденного?» от 01.09.2016).

Частотным приемом речевого манипулирования является навешивание (или наклеивание) ярлыков. Он используется для создания и закрепления в сознании читателей дискредитирующего образа кого-либо. Ю.А. Ильичева утверждает: «Ярлыки входят в широкий обиход благодаря именно СМИ, приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, замещая менее агрессивные понятия». Исследователь отмечает, что они «представляют собой один из видов психологического программирования массового сознания. Это один из способов насаждения массовых стереотипов, противостоять которому очень сложно». По мнению Н.Г. Мартыненко, распространенными ярлыками являются «политические термины, официальные и экспрессивно-разговорные названия политических партий и движений: коммуняги, фашисты, национал-патриоты, а также наименования политиков по их действиям и стилю поведения: диктатор, разоритель, сепаратист, популист и др.». В качестве ярлыков могут выступать и такие слова и словосочетания, как: *предатели, враги народа, власти*, а также указательные и неопределенные местоимения: «*Те, кто здесь сидит, им уже сейчас пора на пенсию*» (46TV «Выборы-2016 в Курской области — топор, разбитая машина, быдло и «страшный сон» кандидата» от 02.10.2016); «*...власти красуются на телеэкрана*» (КПРФ «Курская область. Выборы-2016: повторение пройденного?» от 01.09.2016); **Власть вуалирует очень «уважительными» причинами** (КПРФ «Курская область. Выборы-2016: повторение пройденного?» от 01.09.2016).

В данных примерах реализуются более сдержанные указания «ярлыков». Главным объектом «поругания» власти является намек на их профнепригодность и чрезмерное себялюбие.

Еще один прием, зафиксированный нами в региональных предвыборных материалах, – это использование «народной речи». Поговорки, пословицы и высказывания народной мудрости помогают говорящему приблизиться к народу, показать людям, что он «свой». Чаще всего подобные лингвистические средства употребляются в контексте, а не как отдельные предложения. Например: «*У нас в России однопартийный режим, получается, что «ворон ворону глаз не выклюет*» (ЛДПР «Агитационный поезд ЛДПР побывал в Курской области» от 16 февраля 2016г.); «*К сожалению, трудно добиваться правды, когда «рука руку моет*» (ЛДПР «Агитационный поезд ЛДПР побывал в Курской области» от 16 февраля 2016г.); «*...у нас соринку в глазу видят, а у себя бревна не замечают*» (46TV «Выборы-2016 в Курской области – топор, разбитая машина, быдло и «страшный сон» кандидата» от 02.10.2016г.).

В печатных СМИ подобные обороты часто берутся в кавычки, чтобы подчеркнуть иноstileвые элементы.

Также в исследуемом материале выделяется прием интимизации повествования. Он представляет собой такое использование языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией. Достигается это употреблением местоимения «мы» с размытым содержанием: «*... пиар за наши с вами, дорогие куряне, деньги*» (КПРФ «Курская область. Выборы-2016: повторение пройденного?» от 01.09.2016); «*Мы стараемся помочь всем, сделать все, что в наших силах и*

возможностях» (ЛДПР «Агитационный поезд ЛДПР побывал в Курской области» от 16 февраля 2016 г.).

В первом примере употребление местоимения «мы» помогает автору отождествить себя с народом. Во втором – объединить себя со своей партией.

Таким образом, анализ региональных предвыборных материалов политических партий на предмет использования приемов речевого манипулирования позволяет сделать несколько выводов.

Любая манипуляция, в том числе и политическая, используется для психологического воздействия, в ходе которого манипулятор скрыто внедряется в психику адресата для выполнения определенных задач.

Речевая манипуляция – разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого посредством языка с целью скрытого влияния на сознание, поведение и деятельность адресата».

В основе речевого манипулирования лежат психолингвистические механизмы, вызывающие в сознании адресата определенные иллюзии и заблуждения. Их цель – поселить в людях неуверенность в собственных убеждениях. Они побуждают адресата совершать действия в пользу манипулятора.

На основе проведенного анализа можно сказать о том, что приемы языковых манипуляций весьма разнообразны. В основном их используют комплексно, и зачастую они скрыты даже для глаза исследователя. Самые употребительные приемы – это ссыла на известный источник и использование пословиц и поговорок в речи. Все эти приемы навязывают адресату определенные оценки, точки зрения и, в конечном итоге, служат для побуждения его к действиям, часто отличающимся от первоначальных целей.

Литература

1. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ / О.Н. Быкова // Речевое общение. Вып. 1. – Красноярск, 2000. – С. 42–53.
2. Ильичева Ю.А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю.А. Ильичева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 4.– 2013. – С. 172-184.
3. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2010. – 176 с.
4. Студенческая библиотека онлайн. URL: <http://studbooks.net>

*М.В. Лапыгина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.Н. Чарыкова

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ СЕРБСКОГО ЭЛЕКТОРАТА

Восприятие человека зависит от установок и стереотипов нашего сознания, а в политическом аспекте – от политического сознания, самосознания и политической культуры. Причем проявляется это влияние на неосознанном уровне [1, с. 46]. Важным источником формирования стереотипа восприятия политического деятеля является целенаправленная работа средств массовой информации и политической пропаганды. Таким образом, с помощью печатных СМИ у человека формируются стереотипы идеального образа политика.

Задача нашего исследования – выявить стереотипный образ идеального политика в современном сербском обществе. Для выполнения поставленной задачи и получения необходимых данных проведено анкетирование. 187 человек в возрасте от 18 до 65 лет с высшим или неоконченным высшим образованием. Анкета включала следующие вопросы: 1. Наведите квалитете личности и карактерне особине које мислите мора да има идеалан политичар. (Перечислите, пожалуйста, качества личности и черты характера, которыми, на ваш взгляд, должен обладать идеальный политик). 2. Шта мислите како треба да изгледа спољашњост идеалног политичара? (Какой, на Ваш взгляд, должна быть внешность идеального политика?)

По результатам опроса были выявлены стереотипные представления о качествах личности и чертах характера, которыми должен обладать сербский идеальный политик. Наиболее часто респонденты указывали следующие качества: *поштење* (46) (честность), *искреност* (43) (искренность), *храброст* (32) (храбрость), *образованост* (32) (образованность), *праведност* (32) (справедливость), *одлучност* (27) (решительность), *одговорност* (27) (ответственность), *мудрост* (27) (мудрость), *интелигентност* (27) (интеллигентность), *способан* (16) (способный), *сналажљивост* (14) (находчивый), *патриота* (10) (патриот), *снажног карактера* (10) (с сильным характером), *упорност* (10) (упорство).

Далее по степени убывания частотности следовали: *разумност* (8) (разумность), *елоквентност* (8) (красноречивость) *толерантност* (6) (толерантность), *паметност* (6) (ум), *вредноћа* (6) (трудолюбие), *стрпљивње* (6) (терпение), *духовит* (5) (чувство юмора), *доследност* (5) (последовательность), *непокретност* (5) (непоколебимость), *отвореност* (4) (рус. открытость), *посвећеност* (4) (посвященность), *амбициозност* (4) (амбициозность), *чврстина* (4) (жесткость), *добар* (3) (хороший), *креативност* (3) (креативность), *стабилност* (3) (рус. стабильность), *самокритичност* (3) (самокритичность), *иновативност* (2) (новаторство), *опрезност* (2) (осторожность), *моралан* (2) (моральный), *скромност* (2) (скромность), *одушевљеност* (2) (одушевленность), *саосећај* (2) (сочувствие), *великодушност* (2) (великодушие), *пожртвовање* (2) (самоотверженность), *биллингвизам* (2) (билингвизм), *искуство* (2) (опыт), *независност* (2) (независимость). К единичным можно отнести указания респондентов на следующие качества: *начитаност* (начитанность), *зрелост* (зрелость), *јакост* (сила), *енергичност* (энергичность), *сигурност у себе* (уверенность в себе), *став* (чёткая позиция), *јасноћа* (ясность), *харизма* (харизма), *традиционализам* (традиционализм), *добронамерност* (рус. доброжелательность), *компромисност* (способность идти на компромисс), *уздржавање* (сдержанность), *озбиљност* (серьезность), *смиреност* (спокойствие), *објективност* (объективность), *приземност* (близкий к народу), *има ауторитет* (авторитетность), *пацифиста* (пацифист), *прагматичност* (прагматичность), *комуникативност* (коммуникативность), *освајч* (рус. завоеватель), *племенитост* (благородство), *директност* (прямолинейность), *екстравертност* (экстравертность), *култура* (культура), *манири* (манеры).

Следует отметить большое количество характеристик – словосочетаний и характеристик-предложений. Например: *да га народ воли* (чтобы его любил народ), *да црно начини белим или било којом бојом која му одговара, али да буде увек у интересу народа* (чтобы черное окрашивал в белое или любой другой цвет, который ему нравится, но действовал всегда в интересах народа), *спремам да за своју државу уради све* (готов сделать всё для своей страны) и т.д. Встречаются и сравнения: *као змија* (как змея), *као Путин* (как Путин). Широкий диапазон лексем, характеризующих идеального политика, сравнения и характеристики-предложения, представленные в ответах респондентов, также свидетельствуют о том, что в сознании членов социума отражаются и стереотипы, и индивидуальные аспекты восприятия личности политика.

Наличие стереотипов подтверждается использованием в прессе ряда номинаций качеств личности политика, выявленных в результате анкетирования. Интересно, что чаще всего используются номинации, которые в результатах анкетирования были единичного характера. Такие, как *енергичност* (энергичность), *харизма* (харизма), *прагматичност* (прагматичность). Например: «*Жосе Мурињо (52), подржао је председничку кампању Ребела де Соузе којег је назвао „харизматичним победником“*. («*Политика*», 24.01.2016) (*харизматичный победитель*), «*Marija Obradović, Miloš Vučević i Milenko Jovanov, koji imaju dovoljno želje i energije da se bore za SNS*» («*Danas.rs*», 25.05.2016) (у него довольно желания и *енергии*), «*Седокосог Штајнмајера и политички неустомишљеници у Немачкој веома цене, јер важи за неког ко је прагматичан*» («*Политика*», 15.11.2016) (*прагматичный*).

Также в печатных изданиях используются и единицы, названные небольшим количеством респондентов: *искуство* (опыт), *доследност* (последовательность), *саосећај* (сочувствие). Например: «*Према томе, он је одличан кандидат и сигурно једини са таквим искуством којег Србија има*» («*Правда*», 24.01. 2016) (он единственный обладает таким *опытом*), «*Керн наводи да са премијером Вучићем, за којег каже да је трезвени, доследан политичар*» («*Политика*», 17.02.2017) (*последовательный политик*), «*Председник Сједињених Америчких Држава Доналд Трамп изјавио је саучешће поводом смрти руског амбасадора у УН Виталија Чуркина*,» («*Политика*», 22.02.2017) (*выразил сочувствие*).

Из характеристик, наиболее полно представленных в анкетах в рамках данного материала сербскими печатными СМИ используется только одна, которую указало больше половины респондентов. Это *храброст* (храбрость). Например: «*Jednom rečju, Rusi su veoma hrabri, jer je i njihov predsednik hrabar*» («*Правда*», 20.01. 2016) (рус. Русские очень храбрые, потому что у них *храбрый президент*).

Вопрос о внешности политического деятеля вызвал затруднения у многих участников опроса. Многие ответили, что это не имеет значения (*нема везе/ без разлике*) (41). Другие же привели следующие характеристики: *уредан изглед* (41) (аккуратный внешний вид), *пристојно* (20) (прилично), *ничим не истиче* (13) (рус. ничем не выделяющийся), *леп* (9) (красивый), *достојанствено држање* (8) (держаться с достоинством), *висок* (8) (высокий), *озбиљан* (8) (серьезный), *елегантан* (4) (элегантный), *маркантан* (4) (внушительный), *без стомака* (4) (без живота), *као Путин* (2) (как Путин), *пријатан* (2) (приятный), *спортски тип* (2) (спортивный), *пријатан израз лица* (2) (приятное выражение лица). К единичным можно отнести указания респондентов на следующие качества: *без украса на телу* (без татуировок), *лепо обучен* (красиво одет), *кравата* (галстук), *бркови* (усы), *као мој муж* (как мой муж), *господски* (как господин), *средне висине* (среднего роста), *Мајкл Джексон* (Майкл Джексон), *пропорционалан* (пропорционального сложения), *класика* (классика), *као европски политичар* (как европейский политик), *Пука Ђебецић* (Пука Чебечич), *супротно од Трампа* (не так как Трамп), *нема велику главу* (не очень большая голова), *витак* (стройный), *осмех* (с улыбкой), *рафинисани покрети* (утонченные движения), *ауторитативно* (авторитетно), *са физичким изгледом карактеристичним за етничку групу, коју представља* (чтобы выглядел, как представитель этнической группы, которую он представляет). В рамках исследованного материала в сербских изданиях не было найдено ни одного примера описания внешности политического деятеля. На наш взгляд, такое невнимание печатных изданий к внешнему облику политика отражает мнение большинства опрошенных, для которых внешность политического деятеля не имеет значения.

Таким образом, по результатам данного анкетирования и сопоставления его с печатными СМИ, можно сделать вывод, что идеальный политик в сознании сербского элек-

тората – это честный, искренний, храбрый и справедливый человек, с аккуратным внешним видом. Полученные результаты позволяют предположить, что влияние сербских СМИ на сознание социума не является определяющим, то есть мышление электората в значительной степени свободно от формируемых медиа политических стереотипов.

Литература

1. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.

*И.О. Лихачева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч.рук. – канд. филол. н., доц. О.А. Швецова*

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛЕКТА ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ ИДЕОЛЕКТА В.В. ПУТИНА)

Общеизвестно, что политическая деятельность набирает всё большую популярность, возрастает интерес к политической коммуникации.

Ни для кого также не является секретом, что один из самых популярных политиков на сегодняшний день (о чем свидетельствуют данные многочисленных соц. опросов) – это президент РФ В.В. Путин. Интерес лингвистов к идиолекту именно этого политика вызван тем, что В.В. Путин – блестящий оратор, хорошо владеющий словом. На сегодняшний день рейтинг одобрения работы В.В. Путина составляет 84%. За многие годы политической деятельности ему удалось своей простотой, грамотностью, умением тактично общаться с людьми, чёткостью действий завоевать любовь и поддержку народа.

Президент РФ демонстрирует богатый словарный запас, грамотную, правильную речь. По словам российского политолога В.В. Дегоева, «Путин владеет безупречным аристократичным стилем публичного поведения, чувством меры и вкуса. Он точно знает, что, где, сколько и как сказать. Его способность впитывать громадную массу информации – на грани уникальности: никто из советских и российских лидеров (после Сталина, разумеется) не мог оперировать таким обилием конкретного материала о положении страны, как Путин» [1, 39].

Целью нашего исследования является изучение идиолекта президента РФ В.В. Путина. Рассмотрим некоторые особенности идиолекта политика.

Ключевой в речи В.В. Путина является лексема «Россия». Ядро понятия «Россия» в идиолекте президента представлено следующим синонимическим рядом:

– **страна:** *Испокон веков в южных регионах нашей страны жили смелые, мужественные сильные духом народы, у каждого из них свой язык и культура, но одна общая Родина – Россия, и одна многовековая, очень противоречивая, но великая общая история* [Форум народов юга России в Кисловодске, 23.01.2012];

– **нация:** *Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией* [Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию, 12.12.2012];

– **держава:** *Мы – великая ядерная держава. Быть нашими врагами и друзьями одинаково почетно...* [Прямая линия с В.В. Путиным, 16.04.2015];

– **государство:** *Россия заявила о себе как сильное самостоятельное государство* [Послание президента Федеральному Собранию, 3.12.15].

Если мы обратимся к данным толкового словаря Ожегова, то найдем там следующее определение: «Государство – это основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры» [2, 137]. В «Словаре - тезаурусе синонимов русской речи» можно обнаружить такие синонимы к слову «государство», как «держава», «страна» [3, 187]. Как видим, Россия для В.В. Путина – это не просто государство, в котором осуществляется управление обществом, а также «часть глобального мира», «страна огромных возможностей», «страна с огромным потенциалом развития»: *И в то же время Россия – это часть глобального мира, который стремительно меняется* [Послание Президента РФ Федеральному собранию, 3.12.15].

Россия для президента РФ – это страна с многовековой историей (*Впервые за всю историю нашего государства, за всю российскую историю, верховная власть в стране передается самым демократическим, самым простым образом - по воле народа* [Инаугурационная речь, 7.05.2000]), традициями (*Не только ориентируясь на будущее, но и опираясь на эту традицию, на эту культуру, мы можем чувствовать себя уверенно, уверенно идти вперед и развиваться* [Пресс – конференция В.В. Путина, 19.12.2013]), ценностями (*И мы знаем, что в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа* [Послание президента России В.В. Путина Федеральному Собранию, 12.12.2013]), культурой (*Россия – страна с очень древней глубокой культурой* [Пресс – конференция В.В. Путина, 19.12.2013]).

В идиолекте В.В. Путина лексема «Россия» обнаруживает следующую лексическую сочетаемость:

– **успешная:** *Мы хотим, и будем жить в успешной России, которую уважают в мире как надежного, открытого, честного и предсказуемого партнера* [Инаугурационная речь, 7.05.2012];

– **великая:** *Наши потомки будут гордиться теми страницами, которые мы с вами впишем в биографию великой России* [Инаугурационная речь, 7.05.2004];

– **процветающая:** *Я вижу Россию процветающей, а её граждан счастливыми и уверенными в том, что будет завтра* [Прямая линия, 16.04.2015];

– **тысячелетняя:** *Мы с вами наследники тысячелетней России, родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов* [Инаугурационная речь, 7.05.2004];

– **самодостаточная:** *Россия – самодостаточная страна* [Выступление В.В. Путина на заседании клуба "Валдай", 24.10.2014];

– **неуязвимая:** *Россия не имеет права быть уязвимой* [Послание Президента РФ Федеральному собранию, 3.12.15];

Компонентами значения лексемы «Россия» являются также такие качества, как:

– **сила:** *Нам всем нужна сильная и самостоятельная, открытая и благополучная Россия, где каждый может реализовать себя, свой талант, свои возможности...* [Съезд партии «Единая Россия», 27.06.16];

– **влияние:** *В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной* [Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию, 12.12.2012];

Ядро понятия «Россия» составляют такие лексемы, как:

– **граждане:** *Надо настойчиво работать в интересах граждан Российской Федерации* [Пресс-конференция В.В. Путина, 18.12.2014];

– **соотечественники:** *Уважение к своей стране определяется ещё и тем, как она способна защитить права своих граждан и соотечественников за границей* [Статья В.В. Путина «Россия и меняющийся мир», 27.02.12];

– **народ:** *Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура* [В.В. Путин. Россия: национальный вопрос, 23.01.12];

Президент РФ уверен, что русский народ всегда сумеет преодолеть какого-либо рода разногласия ради общего будущего России. Главное в речи политика - это призыв к единству.

В.В. Путин – грамотный политик, высказывания которого во многих случаях лаконичны и аккуратны. Однако бывают ситуации, когда президенту РФ свойственна резкая манера общения: использование грубых и просторечных форм. Самая первая жесткая фраза была произнесена еще в начале его деятельности: *Российские самолёты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились...Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы в сортире их замочим, в конце концов.* [Пресс-конференция в Астане, 24.09.1999].

Проанализировав особенности идиолекта политика, можно подвести итог, что речь президента РФ понятна, насыщена ключевыми словами, средствами языковой выразительности. В.В. Путин – интересный оратор, грамотно выстраивающий свои высказывания, благодаря которым он располагает к себе народ и заслуживает поддержку сограждан и уважение других стран.

Литература

1. Дегоев В.В. «Россия при Путине: обретения, тревоги, надежды» / В.В. Дегоев. – М., 2007. – 238 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и филологических выражений/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.– М.,1994. – 928 с.
3. Словарь –тезаурус синонимов русской речи / Под общ.ред.проф Л.Г. Бабенко.– М.:АСТ-ПРЕССКНИГА.-512 с.
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие/ А.П. Чудинов.– М.: Флинта: Наука, 2006.– 256 с.

***В.В. Нагорный, курс. ф-та бортового радиоэлектронного оборудования
ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
А.В. Варушкина, канд. филол. н., доц. (Воронеж)***

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ РИТОРИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ДЖ. С. ПАТТОН, Б.Л. МОНТГОМЕРИ)

В настоящее время военная риторика вызывает неослабевающий интерес специалистов самых разных областей - филологов, лингвистов, философов, историков.

Военной риторике отводится важная роль не только в осуществлении боевых операций, но функционировании вооруженных сил в целом. Так, главную задачу военного красноречия заведующий личной канцелярией А.В. Суворова в Итальянском и Швейцарском походах Е.Б. Фукс определил так: «Красноречие... есть искусство вдыхать в сердца чувство соревнования и храбрости, возбуждать к чести и славе» [цит. по: 6, с.144].

Изучение образцов военной риторики представляется перспективным, поскольку позволяет рассмотреть речевые стратегии взаимодействия командира с личным составом, выявить национальные традиции и индивидуальные особенности военной риторики, «приблизиться к пониманию состояния человека на войне» [4, с. 45],

В настоящей работе мы обратимся к анализу риторических стилей военачальников Второй Мировой войны, в частности, к боевой риторике американского генерала Джорджа С. Паттона (General George S. Patton (1885-1945) и британского фельдмаршала Бернарда Лоу Монтгомери (Field Marshal Bernard Law Montgomery (1887-1976). Выбор военачальников далеко не случаен: оба признаны у себя на родине выдающимися полководцами, борцами с фашизмом, оба являлись авторитетными политическими деятелями, наконец, оба поражали современников своими яркими и неоднозначными речами [7, URL].

Рассмотрение образцов «риторики военного времени», «речи на поле боя» (war-time rhetoric, battlefield speeches) позволило выявить следующие особенности англоязычной военной риторики указанного исторического периода:

– сочетание информационных, убеждающих, вдохновляющих, воспитывающих функций военной речи с их стилистическими приметам (четкая структура, ясные формулировки; примеры и факты из реального опыта; использование средств выразительности речи – сравнения, метафоры, эмоциональный посыл; назидательная направленность. ярко выраженный патриотический пафос):

“Battle is the most magnificent competition in which a human being can indulge. It brings out all that is best and it removes all that is base. Americans pride themselves on being tee Men and they ARE the Men” [1, URL];

– широкое использование реальных примеров, опыта воинской службы, собственных чувств и переживаний в качестве убеждающего и мотивирующего средства:

“When you compare the two fronts- the battle front and the home front.. I would say that the home front is far the most important of the two.... far more important. I must let you know when I was fighting in desert or in Italy as a soldier used to be anxious some time about the people at home [3, URL];

– использование классических средств организации речи (риторические вопросы, нагнетание, ожидание, градация):

“Why is it that today the time has turned and we are beating the Germans and coming towards the final climax of the war..?”[3, URL]

“What would our country, our loved ones, our homes, even the world, be like?”[1, URL];

– подчеркивание основного тезиса, посыла, речи, формирующего заданную установку:

“Americans love to fight, traditionally. All real Americans love the sting and clash of battle... because you are real men and all real men like to fight” [1, URL];

“...we have far the best equipment I’ve got far the best men... I can tell you, because of this equipment we’re far superior to the equipment of the enemy” [3, URL];

– обращение к рядовому военнослужащему, подчеркивание его роли и вклада в общее дело, использование разговорного языка, жаргонизмов, сленга, прямой речи:

“All of the real heroes are not storybook combat fighters, either. Every single man in this Army plays a vital role. Don’t ever let up. Don’t ever think that your job is unimportant. Every man has a job to do and he must do it. Every man is a vital link in the great chain”[1, URL].

-простой, незамысловатый язык, короткие предложения, повторы-лозунги-речевки, облегчающие восприятие и запоминание сказанного, создающих эффект живой, искренней речи:

“Americans love a winner. Americans will not tolerate a loser. Americans despise cowards. Americans play to win all of the time” [1, URL];

“There’s no shadow of doubt that this war is going to end in only proper way. the only proper way and not another. There’s no a slightly shadow of doubt when you come back from the battle front as I have and you come to the home front...” [3, URL].

– приемы работы с аудиторией, отступления, шутки на фоне серьезного, трагического содержания:

“...Soldiers, ladies and gentlemen, coming over here! There was a very great lesson for the first four hours we passed over a destroyed land, totally destroyed. You were not seeing it, you don not know what the hell looks like from the top. That’s what Germany looks like, Austria looks like, that’s what any place that’s the eighth Air Force and the third Army went on looks like. You must remember this from Brest to various towns in Southern Germany and Austria who’s name I cannot pronounce...” [2, URL];

“The only uncertain thing now is when the war gonna to be win? When you choose your own date to put your money on? I have some money on. I won’t tell you my date” [3, URL].

В целом, англоязычной военной риторике, рассматриваемой на примере речей Дж. С. Паттона, Б.Л. Монтгомери, свойственен ярко выраженный национальный пафос с преобладанием вдохновляющих характеристик (поднятие боевого духа войск), опора на принципы классической риторики в организации речи, тяготение к рассказу, повествованию, разговорному стилю. Вместе с тем следует отметить некоторые национальные и индивидуальные особенности рассматриваемых образцов «речей на поле боя». Так, для военной риторики Б.Л. Монтгомери характерны более уважительное отношение к союзникам, противнику; более четкая организация причинно-следственных связей в развертывании суждений, отсутствие сильных эмоциональных проявлений [3, 4, URL]. Военную риторику Дж. С. Паттона, напротив, отличает превозношение доблести американской нации, тяготение к ярким противоречиям, стилистическим контрастам (за счет противопоставления классических риторических фигур и сниженной лексики, брани).

Нельзя не согласиться с мнением С.Э. Сторожева в том, что изучение иноязычной военной риторики имеет огромное философское, воспитательное значение, являясь принципиальным с точки зрения осознания и сохранения собственных риторических традиций [54, с. 45].

Литература

1. General Patton's speech to the Third Army, 17th May 1944. URL: <http://www.pattonhq.com/speech>.
2. Patton’s Homecoming Speech, June, 1945. URL: <http://www.history.com/topics/world-war-ii/george-smith-patton/speeches>.
3. British Field Marshal Bernard Montgomery visits a war factory and speaks to workers...HD Stock Footage URL:http://www.criticalpast.com/video/65675075157_Bernard-Montgomery_talking-to-war-factory-workers_complimenting-workers_World-War-II.
4. Речь генерала Монтгомери. URL:<http://www.oratorica.com/news/articles/montgomeri>.
5. Зверев С.Э. Военная риторика Второй мировой войны с позиции теории общественной речи / С.Э. Зверев // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 1 (18) март. С. 44-48.
6. Зверев С.Э., Сторожев Н.Б. Речевое воспитание русских войск в эпоху наполеоновских войн / С.Э. Зверев, Н.Б. Сторожев // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 1(14) март. С. 144-150.
7. Личность: генерал, не ушедший в запас // Братишка. Журнал для спецназа. 2010. URL: http://bratishka.ru/archiv/2010/4/2010_4_13.php.

*А.С. Литовская, студ. ф-та журналистики ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. А.М. Шестерина*

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГОСТЕЙ ПОПУЛЯРНЫХ ТОК-ШОУ (НА ПРИМЕРАХ ПЕРЕДАЧ ПЕРВОГО КАНАЛА, РОССИИ 1 И НТВ)

Ток-шоу по-прежнему остается одним из самых популярных телевизионных жанров. Если проанализировать сетки вещания трех российских гигантов телевидения – Первого канала, России 1 и НТВ – то мы увидим, что больше половины эфирного времени отдано под этот жанр. Причем зачастую передачи этого типа выходят в прайм-тайм, то есть в то время, когда у телеэкранов находится большая часть среднесуточной аудитории телеканала.

Чтобы понять причины популярности этого жанра, разберемся сначала с терминологией. Термин «ток-шоу» (с английского буквально «разговорное шоу») – определенный вид телепередачи, в котором несколько приглашенных участников обсуждают какую-либо острую тему или проблему, предложенную ведущим. При этой дискуссии, как правило, присутствуют зрители. Иногда ведущий дает им возможность задать вопрос или высказать своё мнение.

«Классическое ток-шоу представляет собой треугольник: ведущий – приглашенные собеседники (эксперты) – зритель в студии. Ток-шоу соединяет приёмы журналистики и сценические приёмы. И каждый из участников ток-шоу, какова бы ни была его служебная функция внутри программы, одновременно является персонажем с заданной ему авторами ток-шоу ролью», – пишет исследователь М.Н. Ким [1].

Известный киновед, телевизионный критик А.С. Вартанов отмечает, что задача жанра ток-шоу – активизировать восприятие содержания, заключённого в передаче с помощью формы диспута, острых вопросов, высказывания различных точек зрения. Хитрость же современного российского ток-шоу заключена в том, что при внешней форме свободной дискуссии на самом деле зрителям втолковывается какая-нибудь одна-единственная, строго ограниченная в своих параметрах позиция [2]. В этом процессе не последнюю роль играют как раз приглашенные эксперты и зрители. Ведь именно они зачастую делают из серьезных тем именно шоу. Ведущий утрачивает свои функции и выступает в роли кукловода в хорошо отрепетированном спектакле.

Ток-шоу на российском телевидении имеют свои тематические разновидности. Разные исследователи расставляют свои акценты при изучении столь популярного жанра. Наша классификация будет основываться на тематическом многообразии программ. Итак, в зависимости от тематики, мы будем различать следующие разновидности жанра: политические (когда в центре внимания оказывается какая-то политическая коллизия – «Первая студия»), социально-бытовые (в центре внимания проблемы либо какого-то пласта общества, либо конкретного человека – «Пусть говорят»), познавательные (шоу, несущие научно-популярный характер – «Здоровье», «Самый умный»), рекреационные (направленные, в первую очередь, на развлечения и отдых – «Вечерний Ургант»). Этот список можно дополнять/продолжать, но, на наш взгляд, в него входят основополагающие тематические направленности нынешних ток-шоу, которые буквально «заполонили» эфирное время современных телеканалов. Причем почти 80% эфирного времени отдано под социально-бытовые и развлекательные шоу.

Если анализировать непосредственно содержание передач, то можно выявить несколько типичных линий поведения гостей на различных телеканалах и дать им речевые характеристики. Лишь на первый взгляд они кажутся нам типичными представителями

т. н. общества обывателей, способных выражать собственное мнение. Но ведь именно они, по сути, делают рейтинг телеканалам и, соответственно, поощряют телепродюсеров к тому, чтобы подобных шоу было ещё больше. Здесь один из основных принципов рыночной экономики "спрос рождает предложение" реализуется на полную мощность. В свою очередь это порождает так называемый кризис форматов, когда на отечественном телевидении почти круглые сутки идут разнотематические ток-шоу. Так, например, согласно рейтингу, составленному в 2016 году авторитетным агентством в области международных медиаисследований TNS, сегодня на федеральных каналах выделяют четыре основных ток-шоу: «Пусть говорят» с Андреем Малаховым (Первый канал), «Прямой эфир» с Борисом Корчевниковым (Россия 1), «Говорим и показываем» с Леонидом Закошанским (НТВ) и «Мужское Женское» с Александром Гордоном и Юлией Барановской (Первый канал). Если говорить о среднесуточном охвате Первого канала на весну 2016 года составлял 28,2 млн человек. Немного отстает Россия 1 с 26,5 млн. человек и НТВ с 21 млн. человек.

Если кратко обрисовать речевой портрет гостей популярных ток-шоу страны, то получим несколько типичных речевых портретов. Например, в программе от 21 марта 2017 года [3] с говорящим названием «Позор нашей семьи!» мы находим наиболее ярких представителей. Первый – «оголтелые крикуны». Их речевые характеристики: звучный голос (желательно бас или низкий женский голос), стремление высказаться любой ценой, повышенный тон, ярко окрашенные эмоциональные слова, разговорно-просторечная лексика вплоть до нецензурной брани. К сожалению, таких участников в студии оказывается большинство. Следующий речевой тип можно охарактеризовать как «нейтральные советчики» или «сдержанные комментаторы». Это те, кто отчаянно пытается разобраться в ситуации, как можно тщательнее подбирая слова и выражения. Как правило, словарный запас им позволяет это сделать. Лексика, которую они используют, чаще можно охарактеризовать как разговорную. Тон сообщений спокойный, безоценочный. Третий тип – «молчуны», или «массовка». Эти люди нужны по большей части для того, чтобы заполнить пустоту в зрительном зале. Как правило, они отделяются одной-двумя репликами, разговаривают достаточно спокойно. Зачастую ведущий вспоминает про них на контрасте с «крикунами», чтобы снизить накал страстей. Впрочем от первопроходцев с Первого канала уже не отстают коллеги с России 1 и НТВ.

Итак, мы выделили три речевых типажа героев, которые, на наш взгляд, составляют основу ток-шоу на современном российском телевидении. Каждый день эти герои дня демонстрируют на всю страну пример невежества, небрежного отношения к русскому языку и культуре речи, пренебрегая элементарными правилами поведения в обществе.

Литература

1. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н. Ким. URL: <http://evartist.narod.ru/text/71.htm>.

2. Варганов А.С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: на телевизионных подмостках / А.С. Варганов. URL: <http://evartist.narod.ru/text6/45.htm>.

3. Архив передач «Пусть говорят». URL: <https://www.1tv.ru/shows/pust-govoryat/vypuski-i-dramatichnye-momenty/chernyy-spisok-dlya-evrovideniya-pust-govoryat-vypusk-ot-15-05-2017>.

4. Архив передач «Прямой эфир». URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/5169.

5. Архив передач «Говорим и показываем». URL: http://www.ntv.ru/peredacha/Govorim_i_pokazyvaem.

*М.Е. Лукичёва, студ. ф-та общественных наук ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Тирасполь)
Науч. рук. – преп. И.В. Привалова*

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СТРАНЕ

Её называют принцессой, изменившей монархию. Каждый её выход сопровождали толпы папарацци, а женщины Великобритании переживали её личные семейные драмы как свои. Принцесса Диана – самая известная женщина XX века, как неоднократно говорили о ней в СМИ. Диана Уэльская являлась не только членом королевской семьи, но и поистине символом Великобритании. Трансляцию свадебной церемонии Дианы и принца Чарльза посмотрело 750 миллионов человек. Став матерью, Диана часто устраивала неформальные встречи с журналистами. Постепенно её образ стал трансформироваться – от члена королевской семьи, жены и матери до общественного деятеля мирового масштаба. Колоссальное значение для общественности и СМИ имела её миротворческая деятельность в разных уголках мира: строительство детских больниц, деятельность по введению запрета на применение противопехотных мин, помощь больным СПИДом. Как отмечает журналист Александр Баранов: «Ее природная тяга к «униженным и оскорбленным» и стремление к простым, искренним человеческим чувствам категорически противоречили самой природе английского аристократизма. А привлекая когда-то внимание принца скромная девичья красота обернулась невероятной харизмой, стремительно превращавшей Диану из застенчивой принцессы в мировую суперзвезду с независимыми взглядами на жизнь»[5].

В контексте такой феноменальной популярности первостепенное значение приобретают публичные выступления и их анализ. В данной статье автор попытался произвести стилистический анализ отрывков из нескольких наиболее известных выступлений принцессы.

В одном из своих последних выступлений, посвященных проблеме противопехотных мин, Диана говорит: «Мина является скрытым убийцей. Когда война давно закончилась, её невинные жертвы погибают или получают увечья поодиночке в тех странах, о которых мы редко слышим. Их печальная судьба никогда не освещается прессой. Мир, с множеством других забот, остается по большей части равнодушным к списку погибших, составляющему примерно восемьсот человек ежемесячно. Многие из них – женщины и дети». Здесь она подчёркивает, что выступает не как политическая фигура, а прежде всего женщина и мать, лично переживающая за чужие жизни. Здесь раскрывается такое качество Дианы как эмоциональность и сопереживание, которые близки и понятны слушателю.

«Часто имеет место хроническая нехватка медикаментов, болеутоляющих, даже анестезирующих средств. Хирурги, постоянно занятые ампутациями разбитых конечностей, никогда не имеют того оборудования, какое мы привыкли видеть здесь. Так что боль, которую приходится выносить, часто не поддается воображению. К тому же эта экстренная медицинская помощь – всего лишь первый шаг на пути к тому, что можно назвать жизнью. Для тех, кого кормит земля, потеря руки или ноги – это огромное лишение на всю жизнь». Анализируя этот фрагмент, следует отметить, что здесь приводятся не только факты, описывающие условия в медицинских учреждениях стран Третьего мира, но и проблему отсталости развивающихся стран и все вытекающие из неё последствия.

По словам журналиста Александра Гриценко: «Она бесстрашно ездила в страны, в которых мирные жители гибли на оставшихся после войны минных полях, агитировала против использования мин, а также на ее деньги был поставлен памятник жертвам противопехотных мин – стул с поломанной ножкой. Монумент стоит у европейского офиса ООН в Женеве. Оттавский договор был подписан уже после смерти принцессы, однако можно с уверенностью сказать, что деятельность Дианы повлияла на все процессы, связанные с запретом мин» [3].

«Ангола полна беженцев, возвращающихся после долгой войны. Они представляют другую сторону этой трагедии. Беженец, который возвращается домой, часто ничего не знает о реальной обстановке в стране. Он знает о минах, но огромное желание вернуться домой берет верх. Он находит мины там, где некогда была его земля и пытается обезвредить их. В Анголе таких примеров много. Мины наносят увечья в большей степени тем, кто пытается обеспечить свои элементарные жизненные нужды. Они калечат жену, бабушку, собирающую дрова для приготовления пищи. Они являются ловушкой для ребенка, которого послали за водой для семьи». Здесь можно провести параллель с ассоциациями, которые понятны и имеют ценность для каждого человека: дом, возвращение, близкие люди. И как контраст: война, увечья, смерть. И здесь Леди Ди предстаёт как простая женщина, которая пытается донести, что дом – самое ценное место для каждого человека на Земле и каждый имеет право на то, чтобы он был безопасным.

Известны выступления, посвящённые проблеме СПИДа у женщин и детей. «Но самый большой страх матери с ВИЧ или СПИД – это не их заболевание. Они научились жить со своей болезнью, тем более, что большую часть времени они чувствуют себя хорошо! Нет, что пугает их больше всего, – это другие люди! Несмотря на информацию о СПИДе, будут доступны теперь в течение почти десяти лет, эти женщины по-прежнему подвергаются преследованиям, потере работы, изоляции, даже физической агрессии, если их семейная тайна выйдет наружу». Ещё одно эмоциональное выступление, в котором принцесса Уэльская освещает проблему СПИДа не только с медицинской точки зрения, но и с моральной: жестокое отношение к заболевшим в обществе, дискриминация. Можно сделать вывод, что сильная сторона выступлений Дианы не только в искренности и эмоциональности, так понятных обычному человеку, но и в очевидной аргументированности и чётко выстроенных выступлениях, которые привлекали интерес как обывателей, так и политиков и учёных.

В 1991 г. в канадском хосписе она без перчаток пожала руку больному СПИДом. Этот поступок вызвал огромный резонанс во всём мире и помог преодолеть стереотип об этом заболевании. Как говорила сама леди Ди: «Я прикасаюсь к людям. Я думаю, что каждый в этом нуждается» [4].

Фотограф Артур Эдвардс, видевший этот момент своими глазами, сказал: «На следующий день газеты вышли с сенсационными снимками принцессы Уэльской. Весь мир увидел, как она разговаривает с больными, шутит, старается облегчить их состояние. Это была ее магия, ее очарование. Люди смотрели на фотографии и понимали, что мы совершенно неправильно воспринимаем ВИЧ. Диана смогла пойти против «старой гвардии» Букингемского дворца и одна, своими руками, снять бесчестье и позор с больных СПИДом» [1].

В заключение хотелось бы отметить некую двойственность образа леди Дианы, сложившегося в масс-медиа. С одной стороны – это бесстрашная женщина, с мужеством смотревшая на опасности современного мира глобального масштаба, стремившаяся помочь слабым и страдающим. С другой – это просто несчастная женщина, глубоко переживающая развал семейной жизни, имеющая множество психологических проблем. Такой она и запомнилась всему миру – одновременно слабой и сильной. О ней написаны

книги, сняты фильмы, посвящены песни. Каждый видел её по-своему. Но всё-таки наиболее точно она сказала о себе сама в интервью для ВВС: «Я хочу быть королевой ваших сердец, но не королевой этой страны» [2].

Литература

1. Бенуа Софья. Леди Диана. Принцесса людских сердец. URL: <https://biography.wikireading.ru/195341>.
2. Душенко К. В. Словарь современных цитат / К.В. Душенко. – М., 2005.
3. О женщине, которая страдала. – URL: http://www.ng.ru/non-fiction/2017-02-09/7_875_gritsenko.html
4. Правила жизни принцессы Дианы. – URL: <https://esquire.ru/wil/princess-diana>.
5. Принцесса, изменившая монархию. РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/analytics/20120831/734191934.html>.

*Е.В. Лунашко, студ. филологического ф-та ТГУ им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Тирасполь)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.В. Кривошапова*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ УТОЧНЯЮЩИХ ВОПРОСОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ СМЕРДЯКОВА)

Вариативность является неотъемлемой чертой функционирования языка. В основе ее лежат факторы, обычно находящиеся за пределами языковой системы, определяющие использование языка как инструмента общения, т.е. факторы социальные. Главной функцией языка является коммуникативная, но при этом обеспечиваемое языком общение может протекать в различных обстоятельствах и целях. Таким образом, вариативность языка обусловлена объективно разными потребностями общения.

Вызванные непониманием в диалогическом дискурсе уточняющие вопросы проявляются в социально-маркированной языковой ситуации, выявляя расхождение социальных статусов коммуникантов, отступление от ролей, определяемых речевой ситуацией. Для предотвращения коммуникативного сбоя адресат должен следовать стилю и тональности общения, задаваемой говорящим [1].

Уточняющие реплики-реакции фиксируют недопонимание стимула. Переспросы-уточнения и идентифицирующие-уточняющие вопросы выделяют лексему, вызывающую трудности при интерпретации. Они также указывают на необходимость замены непонятого лексического варианта [2].

Описывая коммуникативное поведение Смердякова, Ф.М. Достоевский выделяет его молчаливость, нелюдимость, называя причиной этого надменность его характера. Ограничивая подвижность рук, ног, туловища, головы, и таким образом добиваясь чисто внешней степенности, солидности, Смердяков пытается убедить окружающих в том, что и внутреннее содержание его также глубоко и весомо.

Смердяков, по замыслу автора, выступает в романе в социальном статусе слуги, лакея, и это, как отмечают, литературоведы, не просто его роль, это его жизненная позиция, его суть.

Речевая деятельность человек, как и любой другой род деятельности, во многом определяется его мировоззрением. Восприятие речевых сообщений зависит от субъективных представлений о нормативном поведении, от сложившегося стереотипа образа

жизни. Если собеседники имеют разные модели мира, им трудно понять друг друга, они «говорят на разных языках».

– А я насчет того-с, – заговорил вдруг громко и неожиданно Смердяков, – что если этого похвального солдата подвиг был и очень велик-с, то никакого опять-таки, по-моему, не было бы греха и в том, если б и отказаться при этой случайности от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие.

– Это как же не будет греха? Врешь, за это тебя прямо в ад и там, как баранину, поджаривать станут, – подхватил Федор Павлович [3].

Различия в мирозрениях персонажей мы можем заметить в сцене разговора Смердякова с Федором Павловичем и Дмитрием. Смердяков высказывает свою точку зрения насчет отречения от веры для спасения своей жизни. К этому разговору подключаются и Иван и Алеша, но ложные суждения лакея вызывают во всех только негодование и дальнейшие расспросы.

– Это сумления нет-с, что сам в себе я отрекся, а все же никакого и тут специально греха не было-с, а коли был грешок, то самый обыкновенный весьма-с.

– Как так обыкновенный весьма-с! [3].

При взаимодействии с Марьей Кондратьевной роли слуги Смердяков предпочтает ощущение себя господином (в широком психологическом смысле этого слова).

– Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с. Рассудите сами: кто же на свете в рифму говорит? И если бы мы стали все в рифму говорить, хотя бы даже по приказанию начальства, то много ли бы мы насказали-с? Стихи не дело, Марья Кондратьевна.

– Как вы во всем столь умны, как это вы во всем произошли? – ласкался все более и более женский голос.

– Я бы не то еще мог-с, я бы и не то еще знал-с, если бы не жребий мой с самого моего сыздетства... [3].

В разговоре с Марьей Кондратьевной Смердяков выступает уже в более высоком, в своих глазах, статусе. Здесь он уже не старается выказать свой ум, для поощрения и признания, а покровительствуя, пускается в объяснения своих мыслей.

– Хотя бы я и по знакомству сюда приходил, – начал вновь Смердяков, – но они и здесь меня бесчеловечно стеснили беспрестанным спросом про барина: что, дескать, да как у них, кто приходит и кто таков уходит, и не могу ли я что иное им сообщить? Два раза грозили мне даже смертью.

– Как это смертью? – удивился Алеша [3].

Угроза смерти со стороны Дмитрия для Смердякова выглядит правдиво. В то время как Алеша не принимает слова брата всерьез и переспрашивает. Насилие и угрозы, что так часто встречаются в жизни слуги, воспринимаются иначе в глазах послушника.

Чаще всего уточняющие вопросы при беседе с Смердяковым встречаются в речи Ивана, разговаривая с которым слуга специально недоговаривает, умалчивает и пытается казаться умнее и значительнее. Ивану он хочет быть равным, но при этом своими намеками и недомолвками вызывает только непонимание.

– Еще почивают-с, – выговорил он неторопливо. («Сам, дескать, первый заговорил, а не я».) – Удивляюсь я на вас, сударь, – прибавил он, помолчав, как-то жеманно опустив глаза, выставив правую ножку вперед и поигрывая носочком лакированной ботинки.

– С чего ты на меня удивляешься? – отрывисто и сурово произнес Иван Федорович, изо всех сил себя сдерживая, и вдруг с отворачиванием понял, что чувствует сильнейшее любопытство и что ни за что не уйдет отсюда, не удовлетворив его.

– Зачем вы, сударь, в Чермаиню не едете-с? – вдруг вскинул глазками Смердяков и фамильярно улыбнулся. «А чему я улыбался, сам, дескать, должен понять, если умный человек», – как бы говорил его прищуренный левый глазок.

– Зачем я в Чермаиню поеду? – удивился Иван Федорович [3].

– Э, черт, говори ясней, чего тебе надобно? – вскричал наконец гнежливо Иван Федорович, со смирения переходя на грубость [3].

– Убьет как муху-с, и прежде всего меня-с. А пуще того я другого боюсь: чтобы меня в их сообществе не сочли, когда что нелепое над родителем своим учинят.

– Почему тебя сочтут сообщником?

– Потому сочтут сообщником, что я им эти самые знаки в секрете большом сообщил-с.

– Какие знаки? Кому сообщил? Черт тебя побори, говори яснее! [3].

Смердяков длинно помолчал, по-прежнему все тихо смотря на Ивана, но вдруг махнул рукой и отвернул от него лицо.

Чего ты? – воскликнул Иван.

– Ничего.

– Что ничего?

– Ну, была, ну и все вам равно. Отстаньте-с [3].

Для успешного развертывания диалога прагматические установки должны быть компонентом общих знаний и представлений коммуникантов.

Несоответствие моделей мира нередко связано со статусными отношениями коммуникантов. Статусная иерархия усугубляет расхождение в представлениях и оценках, порождая непонимание между собеседниками и многочисленные уточняющие реплики.

Высказывания, где непонимание в ходе диалога и связанное с этим возникновение уточняющих реплик, связаны с характеристиками участников коммуникационного акта, т.е. главных действующих лиц, необходимых составляющих речевой ситуации [4].

Литература

1. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика : теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 176 с.

2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 208 с.

3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1984.

4. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию / В.А. Звегинцев. – М. : Либроком, 2009. – 327 с.

СЕКЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*М.А. Искорнева, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Н.А. Шарова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНАХ ДЖ. ОСТИН И Ф.Д. ДЖЕЙМС

Многие современные литературные критики считают, что Джейн Остин является одной из наиболее значимых фигур в английской литературе, уступая по оказанному на нее влиянию, пожалуй, только Шекспиру. Возросший за последние десятилетия интерес к ее книгам находит отражение в появлении вторичных текстов, использующих созданных Остин персонажей и помещающих их в новые обстоятельства и сюжетные линии.

Одно из таких произведений – созданный в 2011 году роман английской детективной писательницы Филлис Дороти Джеймс «Смерть приходит в Пемберли», являющийся продолжением знаменитого романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Действие романа разворачивается через шесть лет после событий, описанных Остин в принадлежащем теперь Элизабет и Дарси поместье Пемберли. Данное произведение является литературным пастисшем, поскольку сохраняет элементы первоначального авторского стиля и времени действия, использует созданных Остин персонажей, в то же время, отступая от исходного жанра социального романа и привнося элементы детективной истории.

Несмотря на то, что книга признана бестселлером во многих англоязычных странах и была выпущена тиражом более трехсот тысяч экземпляров, успеха как продолжение такого значительного произведения как «Гордость и Предубеждение» она не имела. Многие исследователи творчества Джейн Остин отмечают, что, несмотря на большое уважение к оригиналу, с которым создавался данный роман, автору не удалось сохранить уникальный стиль повествования Остин. Большинство персонажей также во многом потеряли свои первоначальные черты, что особенно заметно при описании Элизабет и мистера Дарси. Сатирический тон, принесший оригинальному произведению известность, полностью утерян, вследствие чего, несмотря на попытку автора сохранить речь персонажей в рамках исторической эпохи, не создается впечатления, что текст имеет хотя бы малейшее отношение к автору бессмертных романов.

В романе Джейн Остин присутствует минимальное количество описаний внешности героев, их одежды, жилища, рода занятий. Большую роль в первичном представлении играет характер персонажа, его основные качества, положение в обществе или в семье. *“Mr. Bennet was so odd a mixture of quick parts, sarcastic humour, reserve, and caprice, that the experience of three and twenty years had been insufficient to make his wife understand his character.”*(Дж. Остин)

В произведении Ф.Д. Джеймс присутствует детальное описание внешности персонажа, включающее цвет глаз, прическу и общее впечатление, производимое на окружающих. Помимо этого, автор описывает, какое положение занимает персонаж в обществе на данный момент, чем он занимается, каким состоянием владеет. *“An agreeable, clever and excellent young man”; “handsome and agreeable young lawyer who was admittedly making his name”; “overworked bachelor in London”; has “extraordinary good looks”; has “strong mid-brown hair tied back simply at the nape of his neck”; “his eyes were a darker*

brown under straight brows, his face had an openness and strength"; *"lively and entertaining guest."* (Ф.Д. Джеймс)

Для создания образа главных персонажей, Джейн Остин использует их речь, поступки, отношение к обществу и жизненную позицию, а также сложную систему взаимоотношений героя с его ближайшим окружением. При этом авторское отношение не передается прямо, а выражается путем присвоения герою первоначального набора черт. Так, например, Элизабет Беннет получает следующие характеристики: *"lively playful disposition"*; *"pretty"*; *"dark eyes"*. Первичная характеристика является достаточно скудной, не описывает внешность, возраст, одежду. Дальнейшее раскрытие характера персонажа происходит в процессе развития сюжета.

Совершенно иную ситуацию можно наблюдать в произведении Ф.Д. Джеймс. Автор заново не описывает заимствованных персонажей, их внешность и личностные качества, несмотря на то, что определяет для героев новые социальные роли. Так в книге отсутствует характеристика Элизабет в роли хозяйки имения, занимающей высокое положение в обществе, а также жены и матери. При создании новых персонажей используется метод прямой характеристики и оценки. Так же путем использования оценочной лексики выражается авторское отношение к герою. Путем развернутой характеристики создается определенный статичный образ персонажа, который не изменяется с развитием сюжета.

Характеристика персонажей с помощью диалога является одной из важнейших особенностей авторского стиля Остин. Характер персонажа зачастую раскрывается только в процессе его общения с окружающими и выражения своего отношения к тем или иным событиям. Особенно большое значение диалоги имеют для создания образа главных персонажей. Так многие скрытые черты мистера Дарси обнаруживаются в диалогах. Несмотря на то, что первоначально он производит впечатление грубого, закрытого и самодовольного человека, в его общении с Мистером Бингли раскрывается также его дружелюбие и ум.

В тексте Ф.Ж. Джеймс также частично используется характеристика персонажа в диалоге. Однако здесь персонажи открыто дают друг другу оценку, которая совпадает с авторской и призвана внести в нее новые детали. В целом раскрытие образов персонажей в данном произведении не происходит. Следовательно, герои, пережившие в произведении Джейн Остин раскрытие, становление и изменение характера, здесь находятся в статичном состоянии и в развитии сюжета значительного участия не принимают. *"Within a month a consensus had been reached: the gentlemen were impressed by Elizabeth's beauty and wit, and their wives by her elegance, amiability and the quality of the refreshments."* (Дж. Остин)

В тексте Джейн Остин пейзажу, как и портретным характеристикам героев, уделяется небольшое внимание. Вместо развернутого метафоричного описания природы, свойственного романтической литературе того времени, автор использует географические названия или имена существительные, определяющие состояние природы на момент повествования. Например, в седьмой главе, где погода имеет важное значение для развития сюжета, она описана следующим образом: *"it seems likely to rain"*; *"the rain continued the whole evening without intermission"*; *"such dirty weather"*. Описания природных явлений в тексте максимально реалистичны. Остин практически не использует свойственные романтическим пейзажам описания луны, гор, неба, стихии, согласующихся с внутренним состоянием героя.

С другой стороны, описания различных пейзажей и интерьеров занимают значительную часть текста романа Ф.Д. Джеймс. Причем данные развернутые описания не способствуют раскрытию характеров персонажей, а исключительно создают задний

план для повествования или усиливают атмосферу определенного события. Так, например, дано много подробных описаний самого поместья Пемберли и прилегающей к нему территории. В отличие от оригинального текста, где подобные описания позволяли читателю больше узнать о скрытых чертах характера Мистера Дарси, в данном произведении они скорее выполняют роль декораций.

Elizabeth "... walked over to one of the two windows which gave a view of the long curving drive to the house and the river, fringed by the famous Pemberley wood. This had been planted under the .direction of a notable landscape gardener some generations earlier."(Ф.Д. Джеймс)

"The sun was shining from a sky of translucent blue un which only a few frail clouds dissolved like wisps of smoke."(Ф.Д. Джеймс)

Проведенное исследование во-первых, подтвердило гипотезу о том, что при создании автором вторичного текста достаточно известного произведения, многие черты оригинала теряются или воссоздаются неточно. Во-вторых, сравнительный анализ оригинала и пастиха еще ярче выявил достоинства индивидуальных лингвостилистических особенностей авторского стиля оригинала.

Литература

1. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2004
2. Демурова Н.М. Джейн Остен и ее роман «Гордость и предубеждение» URL: <http://apropospage.ru/osten/ost3.html>
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста/ Ю.М. Лотман. – СПб: «Искусство – СПб», 1998
4. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М.: Издательство ЛКИ, 2007
5. Page, Norman The Language of Jane Austen / N. Page – Oxford: Basil Blackwell, 1972
6. Austen Jane Pride and Prejudice/ J. Austen –Ware: Wordsworth Editions, 1993
7. James P.D. Death comes to Pemberley/ P.D. James – London: Faber and Faber, 2011.

**В.С. Пожидаева, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Я.Н. Еремеев**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В СЕРИАЛЕ “DOWNTON ABBEY”

В настоящее время художественная литература, мир киноиндустрии дают нам возможность погрузиться в национальную культуру и исследовать реалии, которые позволяют нам судить о культуре и менталитете народа, ведь каждая нация имеет свои собственные культурные особенности, которые формируются в процессе развития самого общества.

Целью работы является исследование способов отражения социально-культурных особенностей в обществе эдвардианского периода в сериале “Downton Abbey”.

В процессе исследования нами были рассмотрены теоретические аспекты вопроса взаимосвязи языка и культуры. В частности мы рассмотрели основные гипотезы и взгляды ученых, таких как М.Л. Вайсбурд, Е.М. Верещагин, В.Гумбольдт, И. Келлер,

В.Г. Костомаров, А.Д. Райхштейн, Вл. Россельс, Л.Н. Соболев, А.Е. Супрун, Г.Д. Томакин, Г.В. Чернов, Б. Л. Уорф, Э. Сепир на проблему взаимодействия языка и культуры, определение понятия культурно-исторической реалии, роли и месте реалий в кинематографическом тексте.

В результате проведенного исследования в данном сериале «Downton Abbey» удалось выделить реалии, которые, опираясь на классификацию Влахова и Флорина, [1] можно сгруппировать следующим образом:

- антропонимические
- общественно-политические
- бытовые реалии.

Для более четкого представления о сущности данной классификации предлагаем рассмотреть каждую группу отдельно и привести примеры выявленных нами реалий в сериале “Downton Abbey”.

1. Антропонимы.

Антропонимические реалии – это имена собственные: имена персонажей, литературных героев, имена вымышленных или реальных людей, присутствующие в произведении. Такие реалии используются для того, чтобы дать информацию о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. Также, они придают произведению национальный колорит, конкретизирует место действия, настраивает на определенную эмоциональную волну, погружая в атмосферу английской жизни в аристократическом обществе. [1].

Примеры:

*“I’ve been studying the story of **Andromeda, Perseus.**”*

*“It was like something out of a **Trollope** novel.”*

*“**Like Judas** was only trying to help, I suppose.”*

*“**Bellini, Puccini, Rossini.** I’m not up to anything complicated.”*

*“It’s all **Marx and Ruskin and John Stuart Mill,** I ask you.” [3].*

2. Бытовые реалии.

Данная группа реалий отражает характер жилья, особенности одежды, пищи. В результате проведенного нами исследования была выявлена реалия “**kitchens**”. Интересным фактом является то, что данная реалия используется только во множественном числе. Все дело в том, что в таких огромных поместьях, как Аббатство Даунтон было две кухни. «Кухня, даже в больших домах, была утилитарной и располагалась вдали от семейных покоев, чтобы запахи еды во время готовки не беспокоили хозяев, но довольно близко для получения доставки еды» [2, URL].

Примеры:

*“Now get back down to the **kitchens** before anyone sees you” [3].*

В ходе данного исследования были выявлены следующие реалии:

Upstairs pantry. Любопытно было узнать, что все обеденные приборы, сервизы и столовое серебро хранились в специальном буфете в комнате дворецкого. «Кладовая дворецкого была под замком, поэтому случаи воровства были невозможными или, по крайней мере, снижались. Также были установлены шкаф-купе или сейф и отдельная комната для чистки.» [2, URL].

Пример:

Gwen: “I keep forgetting. Does this go next door or back to the kitchen?” [3].

*Thomas: “Those go back, but the dessert service and all the glasses stay in **the upstairs pantry**” [3].* Из данного примера мы можем сделать вывод о том, что такие буфеты находились на верхних этажах.

Далее, среди реалий, представляющих источники тепла и света, были выявлены: *fires, bedroom fires, fires on the ground floor*. В начале 20 века в домах еще не существовало центрального отопления, а поскольку в Британии преобладает мягкий влажный климат, то для борьбы с сыростью и для отопления помещений использовались камин, которые часто топили весь год. Известно, что в таких больших домах, как Аббатство Даунтон, жители имели большое количество каминов, почти в каждой комнате. [2, URL].

Примеры:

*Mrs. Patmore: "Is your **fire** still in?"*

Daisy: "Yes, Mrs. Patmore." <...>

*Mrs. Patmore: "What about **the bedroom fires**?" [3].*

4. Общественно-политические реалии.

В сериале была затронута важная для того периода времени проблема как эмансипация женщин. В сериале младшая дочь графа Грэнтэма леди Сибил, вдохновленная политикой нового ирландского шофера Тома Брэнсона, выражает поддержку в пользу голосованию женщин, которое британцы начнут проводить между 1918 и 1928 годами.

"I'm quite political. In fact, I brought some pamphlets that I thought might interest you about the vote." – Tom Branson [3].

"Thank you. But please don't mention this to my father, or my grandmother. One whiff of reform and she hears the rattle of the guillotine." – Lady Sybil [3].

Выразив свои политические убеждения своему недовольному отцу, леди Сибил уговаривает Тома Брэнсона отвезти ее в Рипон, чтобы посетить митинг в поддержку Либеральной партии под руководством премьер-министра Х. Асквита. Но не все члены семьи поддержали ее идею:

"I was only going to say that Sybil is entitled to her own opinions." – Lady Mary [3].

"No. She isn't until she is married. Then her husband will tell her what her opinions are." – Violet, Dowager Countess of Grantham. [3].

Так же, в сериале упоминаются Первая Балканская и Первая Мировая войны. Первая Балканская война, в которой Балканская лига сражалась с Турцией, ведет к Лондонской мирной конференции 1912-1913 годов. В сериале вымышленный Кемаль Памук, турецкий дипломат, участвующий в переговорах, прибывает в поместье Даунтон.

"Since Turkey's signature is vital, Mr. Napier's been given the job of keeping him happy until the conference begins and he's eager to try an English hunt. I shall invite this Mr. Pamuk to stay here as well. Who knows? A little hospitality in an English house may make all the difference to the outcome." – Lady Grantham[3].

Таким образом, нам удалось выделить несколько примеров общественно-политических реалий.

Примеры:

*"The Honourable Joseph Gerald Ansty, for **the Conservative and Unionist Party**..."*

*"...**the Socialist Party**, 2,741 votes."*

*"Trevor Andrew Morgan, **the Liberal Party**..."*

*"I may be a **Socialist** but I'm not a lunatic."*

*"Why does the **Prime Minister** resist the inevitable?" [3].*

В заключении отметим, что благодаря лингвострановедческому анализу произведения мы на конкретных примерах можем проследить связь языка с народом, который говорит на представленном языке и его роль в жизни людей, а также понять, что же такое культурная реалья, и как её используют.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе: учебное пособие / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
2. The Servant's Quarters in 19th Century Country Houses Like Downton Abbe [Электронный ресурс]. – URL:
<https://janeaustensworld.wordpress.com/2011/01/29/the-servants-quarters-in-19th-century-country-houses-like-downton-abbey/>

Фильмография

3. «Аббатство Даунтон» / Downton Abbey. Великобритания, 2010. Режиссер: Brian Percival. Сценарий: Julian Alexander Kitchener-Fellowes. Актеры: Hugh Bonneville, Jessica Rose Brown Findlay, Michelle Dockery и др. Жанр: Historical period drama.

*Е.В. Грищенко, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Я.Н. Еремеев

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛЛ «NORTH AND SOUTH»

В настоящее время проблема соотношения языка и культуры становится все более актуальной, поскольку язык играет важную роль в передаче культурного знания. Именно через язык мы имеем наиболее точное представление об определенном историческом периоде.

Вопрос взаимосвязи языка и культуры неоднозначен. По этой причине, при рассмотрении данной проблемы наиболее важное место занимает понятие реалии. В различных художественных произведениях часто встречаются слова, которые не переводятся на родной язык. Они являются отражением национального колорита. Реалии – это часть важной проблемы передачи исторического и культурного своеобразия.

В центре нашего внимания находится социальный роман «*North and South*», написанный Э. Гаскелл, выдающейся английской писательницы викторианской эпохи, которая внесла существенный вклад в развитие художественной литературы в Англии. Ее лучшие произведения, и прежде всего роман «*North and South*», посвящены жизни и борьбе английского пролетариата [7, с.43].

Мы выяснили, что данное произведение рассказывает не только о человеческих взаимоотношениях, но и привлекает внимание к острым социальным вопросам Англии XIX века, а именно к классовой борьбе. Также, автор ставит центральной проблему противоречия старого и нового типов социального мироустройства, а именно конфликт промышленного Севера Англии с буржуазно-либеральными постулатами и провинциального Юга с его аграрным типом производства и традиционными устоями [3, с. 264].

В настоящей работе нами были выделены и систематизированы несколько групп реалий, следуя предметной классификации, предложенной С. Влаховым и С. Флориным:

- географические реалии;
- этнографические реалии;
- общественно-политические реалии [1, с.50].

Тексты Гаскелл насыщены **географическими реалиями**. При этом писательница использует вымышленные поселения и города, которые, однако, являются прототипами реальных населенных пунктов на севере и юге страны. Среди географических реалий, в первую очередь, стоит выделить условное деление Англии на Север и Юг (*North and*

South), города и населенные пункты (*Milton, Helstone, Heston, Oxford, London*) (Э. Гаскелл) [4, с. 243].

Mr. Thornton: «*I would rather be a man toiling, suffering—nay, failing and unsuccessful - here, than lead a dull prosperous life in the old worn grooves of what you call more aristocratic society down in **the South**, with their slow days of careless ease*». [8, URL]

В качестве примера может быть приведён *Milton* (Э. Гаскелл)— это вымышленный город на севере Англии, промышленный центр по производству хлопка. Выдуманное место под названием Милтон было срисовано с Манчестера, его также называли «Хлопко-полисом» от слова «мегаполис» за счёт огромного количества фабрик по производству хлопка. [2, с. 33].

Mrs Thornton: «*I believe that this suffering, which Miss Hale says is impressed on the countenances of the people of **Milton**...*»

Этнографические реалии в исследуемом тексте можно разбить на несколько групп:

1.) Бытовые реалии, репрезентирующие предметы интерьера (*floral wallpapers, lace tablecloth, brick houses, parquet, matting, crystal*). (Э. Гаскелл)

Отдельное внимание стоит уделить обоям с цветочным орнаментом (*floral wallpapers*), которые стали символом интерьера в Викторианском стиле [6, с.75].

Margaret: «*You must prepare yourself for the sitting-room **wallpaper!** Pink and blue roses, with yellow leaves!* » [8, URL]

2.) Реалии быта, репрезентирующие источник тепла и света (*lights, fires, wall sconces, chimney-piece, chandelier*), создающие уют в домах. (Э. Гаскелл)

3.) Одежда и аксессуары (*Indian shawls, bonnets, a walking stick, an umbrella, a top hat, pince-nez, lace clothes*). (Э. Гаскелл)

Margaret: «*Even touch her **shawl** or **gown** to ascertain the exact material*».

«*Margaret asked the sister for a cup of water, and while she ran to fetch it, she unloosed Bessy's **bonnet** strings, to relieve her catching breath.* » [8, URL]

4.) Реалии искусства и культуры (*Alfred Tennyson's poems, James Thomson's «The Seasons», «Robinson Crusoe», The Great Exhibition of the Works of Industry of All Nations*). (Э. Гаскелл)

«*Helstone is like a village in a poem – in one of **Tennyson's poems**.* » [8, URL]

5.) Меры и деньги (*inch, yard, pence, shilling, pounds*). (Э. Гаскелл)

«*Thirty **pounds** a-year was all they could afford to give, but in Hampshire they could have met with a roomy house and pleasant garden for the money.* » [8, URL]

Таким образом, этнографические реалии в тексте играют большую роль в создании атмосферы той эпохи и той местности, о которой идёт речь в произведении, а также многое говорят об авторе.

Общественно-политические реалии в романе представлены несколькими группами реалий.

1.) Органы и носители власти (*Queen Victoria, Lord Protector, Duke of Normandy*). (Э. Гаскелл)

2.) Общественно-политическая жизнь (*The Peace Society, Irish workers, strikers*). (Э. Гаскелл)

Mrs Thornton: «*You are going to have difficulty completing your business orders. Can you get **workers from Ireland?*** » [8, URL]

В романе были упомянуты также следующие государственные органы: *High Court of Parliament, Parliament*. (Э. Гаскелл)

Еще одной яркой политической реалией являются *Chartists*, (Э. Гаскелл) социальное и политическое движение в Англии 1836-1848-е годы, получившее имя от поданной в 1839 году парламенту петиции, называвшейся хартией или Народной хартией. [5, с. 65]

Проведя анализ данного художественного произведения, нами был сделан вывод, что общественно-политические и бытовые реалии функционируют в социальном романе интенсивнее, чем географические реалии. Это связано прежде всего с тем, что главной целью данного произведения является отображение социальной дифференциации и противостояния промышленных и аграрных районов в Англии XIX века.

Литература

1. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Междунар. Отношения, 1980.
2. Возмилкина В., Доценко Е. Провинциальные нравы и суеверия в романе Э. Гаскелл «Север и Юг» и его телеинтерпретации / В. Возмилкина, Е. Доценко. – М.: Филологический Класc № 4; 2012.
3. Гаскелл Элизабет // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / [гл. ред. А. М. Прохоров]. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
4. Гаскелл Э. Север и Юг. / "Художественная литература", 1973.
5. Догель Е. Чартистский роман / Е. Догель. – М.: ЛГУ, 1953. – С. 301-303.
6. Дэниел К. Англия. История Страны. / К. Дэниел. – М.: Санкт-Петербург, 2007.
7. Елизарова М. и др. История зарубежной литературы XIX века. Шарлотта Бронте и Элизабет Гаскелл. / М. Елизарова. – М., Просвещение, 1992.
8. E.Gaskell. North and South. URL: <https://www.readanybook.com/ebook/north-and-south/>.

*А-М. А. Рушанян, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.М. Черепкова

ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (на материале наименования «одежда»)

Качественная подготовка лингвистов и переводчиков предполагает глубокое и всестороннее изучение слова. Одним из источников познания слова любого языка являются словари. Изучающим иностранные языки необходимо постоянно ими пользоваться, знать их типологию и содержание, уметь извлекать необходимую информацию.

Материалом для исследования мы выбрали наименования слов «одежда». Одежда человека - это вещи, которые покрывают отдельные участки тела и его согревают. Обычай носить одежду – это один из вопросов бытия, над которым задумывается каждое поколение. Для понимания истории вопроса, мы обратились к «Опытам» Мишеля Монтеня, пережившим свое время и продолжающим вызывать интерес в наши дни. «...Все, что живет под небом подвластно одинаковым законам, люди мыслящие, сталкиваясь с вопросами подобного рода, где нужно проводить различие между законами естественными и надуманными, имеют обыкновение обращаться к общему миропорядку, в котором не может быть никакой фальши.» [1, с.354]. И далее: «...подобно тому как любое растение, дерево, животное, да и вообще все, что живет, самой природой обеспечено покровами, достаточными, чтобы защищать себя от суровой непогоды, точно так же было когда-то и с нами». [1, с.355]. Элементы одежды являются, знаками групповой принад-

лежности, социальной иерархии; определяют характер общения и взаимодействия. Французская энциклопедия красоты: «Одежда – это красота и здоровье самого человека. Хорошо шитая, удобная, прочная, соответствующая своему назначению одежда придает человеку привлекательность, уверенность, легкость». [2, с.336] «Одежда» имеет свою историю развития, сопряженную с постоянными спорами о вкусах и стилях. В настоящее время наблюдается тенденция небрежного отношения к одежде, особенно в молодежной среде. Рваные, мятые вещи становятся неотъемлемыми элементами современной моды, разрушая нравственные и этические нормы поведения. Поскольку Франция на протяжении столетий является законодательницей моды, мы обратились к словарям французского языка, с тем, чтобы понять природу значения слов наименования «одежда».

В данном фрагменте исследования мы проанализировали слово *Vêtement* п. м. в *Dictionnaire etymologique et historique du français* (далее *этимологический словарь*), *Nouveau petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* (далее *Robert*) и *Dictionnaire de la langue française. Lexis. Larousse* (далее *Larousse*).

Словарная статья *Vêtement* *этимологического словаря* содержит: информацию о латинском этимоне *vestimentum*; графическую эволюцию слова *vestment, vestement*; дату регистрации – *конец X века*, с указанием письменного памятника; толкование слова – *все, что служит для защиты тела и его покрова*.

Словарная статья *Vêtement* толкового словаря *Robert* содержит: семантизацию заголовочного слова – *все части одежды, за исключением обуви, предназначенные для покрытия и защиты организма человека*; синонимы слова со стилистическими пометами: *fringues (pop.) – одежда (pop.), шмотки (pop.), frusques одежда (pop.), шмотки (pop.) тряпки habit, mise, nippes (fam.) поношенная, грязная одежда, тряпье, обноски (разговорный)*; иллюстративные примеры представляют собой отрывок текста и предложения, демонстрирующие заголовочную единицу в конкретном словесном окружении для уточнения значения заголовочной единицы и добавления доказательств, дополняющих семантизацию языковой единицы. В данном примере: *головной убор, свадебное платье, корсет*.

Словарная статья *Vêtement* толкового словаря *Larousse* содержит: информацию о латинском этимоне *vestimentum*; дату регистрации – *1080*; семантизацию – *все, что покрывает тело человека*; иллюстративные примеры с заголовочным словом из художественных произведений Э.Триоле, Р.Мерля, синонимы – *habit, affaires*; сочетаемостную характеристику – *armoire à vêtement, vêtement habillés* (синоним *tenue – одежда, мундир*). В словарной статье приводятся словообразовательные возможности *vêtement*, что расширяет информационный потенциал слова: *vestimentaire, sous-vêtement*.

Анализ словарных статей слова *Vêtement* в этимологическом и толковых словарях показывает их различия по наполнению: историческими сведениями, сочетаемостными характеристиками, словообразовательными возможностями, иллюстративными примерами, лексикографическими пометами. Самое главное, для нашего исследования, они имеют единое толкование слова. Семантизация *Vêtement* во всех словарных статьях содержит сему «**покрытие**» тела человека.

В результате проведенного нами фрагмента исследования сделаны следующие предварительные выводы.

Изучение истоков слова, содержащихся в этимологических словарях, и фиксация их значения в толковых словарях позволяет лингвистам обратить внимание и донести истинное значение слова «одежда» до широкой публики. Тем самым оказать противодействие новым императивным насаждениям, связанным с небрежностью и вульгарностью в одежде.

Одежда человека является определенным культурным кодом, нравственным и историческим маркером. В жизни человека эстетика одежды имеет не меньшее значение, чем эстетика поведения и это нам могут доказать словари.

Литература

1. Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн. 1. / М. Монтень – М.: ТЕРРА, 1991. – С. 354 – 359.
2. Энциклопедия красоты и хорошего самочувствия / Пер. с франц. М. А. Нелюбиной. Оформл. ТОО Торжек. – Краснодар: Кн. изд-во, 1994. – 349 с.
3. Dictionnaire etymologique et historique du franpais // Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. – P.: Larousse, 2006. 822 p.
4. Dictionnaire de la langue francaise. Lexis. Larousse // Dubois J. – 2013. 2128 p.
5. Nouveau petit Robert // Rey-Debove J., Rey A. – 2008. 2837 p.

*Ю.А. Тябина, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Н.А. Шарова*

РОЛЬ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ТЕАТР»

Проблема языка и культуры является одной из центральных проблем в языкознании. Первые попытки решить эту проблему предпринял немецкий филолог и языковед В.Гумбольдт. В своей работе « О различном строении человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1836-1839) он отстаивал идею взаимодействию языка и культуры. По словам В. Гумбольдта «язык не есть мертвый часовой механизм, но живое творение, исходящее из самого себя». (2,с.275). Язык складывался в течение многих веков. Именно поэтому язык является для народа уникальным средством сохранения национальной историко-культурной ценностью, и более того, «язык есть дыхание, сама душа нации» [2,с.303]. Таким образом, язык является важной частью национальной культуры.

«Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках», – считает филолог С.Г. Тер-Минасова [2, с.28]. С этим нельзя не согласиться, так как изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи. Особое внимание уделяется реалиям, поскольку именно реалии помогают правильно понять явления и факты, относящиеся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке.

Реалия – предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [5, URL].

Смысловая структура текста входит в число актуальных активно обсуждаемых проблем современной лингвистики. Самой сложной смысловой структурой обладает художественный текст. **Текст** – это словесное речевое произведение, представляющее собой сложное единство, в котором все речевые единицы строго организованы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Понятие текста тесно связано с понятием контекста. **Контекст**

– это относительно законченный по смыслу текстовой фрагмент, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение отдельного входящего в него слова (фразы) или взятого из него в качестве цитаты выражения. Другими словами, контекст есть некоторое «окружение», фон текста, способствующий его осмыслению. Можно сделать вывод, что контекст в художественном тексте передается непосредственно с помощью реалий, с помощью которых писатель добивается особой образности, особой силы воздействия. То есть, в общей структуре произведения та или иная приобретает свой смысл, сообщает что-то, чего не может сообщить простая формальная совокупность тех же единиц вне данного произведения.

Вильям Сомерсет Моэм (1874-1965)- британский романист и драматург. За свою долгую жизнь Моэм написал множество произведений, выдержанных в духе английской литературы XX века. Многие романы, рассказы и пьесы Сомерсета Моэма посвящены миру художников и театру. Язык Моэма - это язык хорошо образованного литератора, досконально знающего изображаемую среду. В каждом его произведении имеется множество идиом, ссылок на литературу и искусство, что делает их чтение в оригинале полезным для человека, изучающего английский язык. Сам писатель хорошо знал французский язык, что заметно по его романам и повестям. В романе «Театр» У.С. Моэм рассказывает нам о жизни знаменитой актрисы Джулии Ламберт. В этом произведении жизнь и искусство сталкиваются, противопоставляются автором.

В ходе лингвострановедческого анализа, нами были обнаружены порядка 100 ономастических реалий, согласно классификации В.В. Виноградова. Эта группа реалий включает имена героев пьес, драматургов, актеров, названия театров, а также историю театра.

Большинство реалии в романе – антропонимы, то есть, имена и фамилии известных общественных деятелей, военачальников, литераторов, художников, артистов, спортсменов и прочих знаменитостей и часто требующие в переводах особых комментариев.

Так, к примеру, в романе фигурируют такие имена как:

Zoffany, Lawrence, Benson, Charles Kean, Sarah Bernhardt, Mounet-Sully, Courneille and Racine, Duse, Ibsen, Shaw, Barker, Sudermann, Hankin, Galswothy, Mrs Kendal, Ellen Terry, Proust, Cezanne, Farquhar, Goldsmith, Titian, Gladys Cooper, Constance Collier and Gertie Lawrence, Rejane, Freud.

Такая реалия как «*Charles Kean*» является средством передачи чувств старого актера группы, когда Майкл крепко сжимал его руку, говоря старожилу, что он был великолепен в своей игре.

Функция реалии «*Duse*» является оценка внешнего вида Джулии.

Реалии «*Titian*» и «*Francis I*» также выполняют функции оценки внешнего вида попутчика Джулии в поезде.

В романе постоянно встречаются упоминания о персонажах других произведений литературы:

Beatrice, Rosalind, Mercutio, Marchbanks in *Candida*, Claudio and Isabella in *Measure for Measure*, *Ghosts*, *Millamant*, *Mimi in the last act of Boheme*, *The Merchant of Venice*.

В романе даже те из имен, что не стали нарицательными, приобретают оценочные потенции. Путем сравнения или намека ими характеризуются различные литературные персонажи.

«*Claudio and Isabella in Measure for Measure*» Проводится параллель между Эвис Крайтон, начинающей актрисой, которая по словам Джулии влюблена в Майкла и Клаудио и Изабеллой, брат и сестра в комедии Шекспира «*Мера за меру*»: Клаудио просит Изабеллу пожертвовать честью ради спасения его жизни.

Функцией реалии «*Mimi*» является оценка внутреннего состояния героини, так как Мими, героиня оперы итальянского композитора Джакомо Пуччини «Богема», показывающей жизнь актеров и художников.

Такая мифологическая реалия как «*Phedre*» есть яркий предмет того, что реалии часто используются, чтобы передать внутреннее состояние героя. Джулия сравнивает свое душевное состояние с чувствами Федры из греческой мифологии. Федра оклеветала перед Тезеем своего пасынка Ипполита, который отверг ее любовь, и после его насильственной смерти повесилась. Их с Джулией объединяет чувство неразделенной любви.

Еще одна мифологическая реалия, выполняющая аналогичную функцию – «*Balaam*». Джулия после разговора с сыном чувствует себя как Валаам, когда его ослица завязала светскую беседу. Так как всегда молчаливый и робкий Роджер нелестно высказался об актерах, в частности, о матери, что было неожиданно.

Названия музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов аэропортов и т. п. содержат определенные страноведческие сведения, которые переводчику важно знать для правильного понимания и воссоздания текста:

Regent's Park, the National Gallery, and the Tate, and the British Museum, St James's Park, Palladium, Shaftesbury Avenue, R.A.D.A.

Таким образом, можно сделать вывод, что «Театр» действительно принадлежит перу английского писателя, который опирался на опыт предшественников как английской, так и французской культур. Роман написан высокохудожественным языком и включает в себя аллюзии на творчество английских и французских писателей. Отношение зрителя к театру в Англии всегда отличалось от отношения к театру в других странах. Англия-нация театралов, подарившая всему миру величайшие произведения Шекспира. Его прекрасные произведения, можно сказать, стали корневым элементом духа театра, его священной основой. Именно по этой причине в романе такое количество реалий, связанных непосредственно с Шекспиром и его произведениями. Проведенный лингвострановедческий анализ романа Сомерсета Моэма «Театр» способствует более яркому восприятию его художественного контекста.

Литература

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
2. Гумбольдт В. О различии в строении человеческого языка и его влияние на духовное развитие человеческого рода / В. Гумбольдт // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
3. Моэм В.С. Театр: роман; на англ. яз. / В.С. Моэм. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. – 222 с. – (English Fiction Collection), 2010. – 222с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/>.

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА И СПОСОБЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Вопрос о том, что такое эквивалентность перевода, какое содержание вкладывается в понятие переводческой эквивалентности, всегда являлся и в настоящее время является главной проблемой как для теории, так и для практики перевода.

Перевод это непрерывный процесс интерпретации знаков одной культуры через знаки другой. В процессе перевода переводчик сталкивается со многими проблемами передачи содержания текста. Одной из таких проблем является передача безэквивалентной лексики. В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентными «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [3, с. 147].

В русском языке выявляются безэквивалентные для немецкого языка единицы: *агентура, маячить, кипятиться, автолюбитель, проводник, квартал, сутки, серебриться* и т.д. [9, URL]. В русском языке также обнаруживаются лакуны, например, *брат и сестра, вместе взятые – das Geschwister, утолщенная часть бутылки – das Bauch der Flasche* и др. [8, URL].

Опираясь на труды отечественных лингвистов В.И. Провоторова, Л.К. Латышева, В.Н. Комиссарова и др., мы выделили различные виды безэквивалентной лексики. К первому типу относятся реалии, т.е. абсолютно безэквивалентные единицы.

Ко второму типу – временно безэквивалентные лексические единицы, т.е. лексика, которая обозначает достижения науки, техники, промышленности и относится к определенной культурной сфере языка оригинала.

Третий тип безэквивалентной лексики в лингвистике называют случайные безэквиваленты. Они обозначают лексические единицы, которые есть в языковом аспекте обеих культур, которые связаны межъязыковым характером, только такие единицы имеют своеобразные наименования, отчего и возникают лакуны. Например: в русском языке для обозначения дня и ночи используется слово *сутки*, а в немецком для описания того же явления есть слово *24 Stunden, ein voller Tag* [8, URL], значение обеих понятий тождественно, но если переводчик не владеет основными правилами языка, возникает проблема при переводе.

Структурные экзотизмы – это четвертый тип безэквивалентной лексики. К этому типу относятся своеобразные словообразовательные конструкции языка оригинала, которые отсутствуют в языке перевода и не позволяют составить структурно-адекватные слова. Например, сложные слова немецкого языка, композиты: *die Waldeinsamkeit, das Nachbarschaftshaus* и т.д. [1, с. 1706,1050].

И к пятому типу принято относить так называемых «ложных друзей переводчика» (*Die falschen Freunde des Übersetzers*), или частичную безэквивалентную лексику. К.Г.М. Готлиб, автор немецко-русского и русско-немецкого словаря, изучил около 1200 пар слов, которые относятся к частичной безэквивалентной лексике. Эти слова, характеризуется тем, что существуют в двух языках и имеют сходство звукового и буквенного состава, что и вызывает в процессе перевода ложные ассоциации. Именно при переводе данного типа лексики переводчик обязан быть осторожен, чтобы не произошло потери смысла или искажение содержания текста оригинала. Опираясь на исследования К.Г.М. Готлиба и Л.К. Латышева, в процессе нашей работы было выделено четыре типа «ложных друзей переводчика».

К первому типу относятся слова омонимы, которые одинаковы по звучанию, но отличаются своими лексическими значениями. Например: два слова в немецком и русском языках *der Baton*–*батон*. В немецком языке *der Baton* имеет несколько значений: 1) палка; 2) дирижёрская палочка [8, URL], а в русском языке *батон* – это хлебобулочное изделие из пшеницы [7, с. 485].

Второй тип составляют слова с несколькими лексическими значениями, где одни их значения совпадают, а другие различаются. *Die Vinaigrette* – *винегрет*. Значение этих слов очень схожи, но не совпадают полностью. В русском языке винегрет – это холодное блюдо с мелко порубленными овощами и растительным маслом [7, с. 506], в немецком языке *die Vinaigrette* обозначает соус с пряностями, уксусом и растительным маслом [1, с. 1680], что в русском языке обозначает всякого рода смесь разнородных предметов *der Mischmasch* [8, URL].

Третий тип состоит из сходных по звучанию или написанию слов, являющимися эквивалентами в обоих языках, но в языке оригинала это слово имеет несколько значений, которые не имеют ничего общего со звуковым (буквенным) аналогом в переводящем языке *Zephir*–*зефир*. В немецком языке данное слово обозначает «бельевую хлопчатобумажную ткань» [8, URL]. Иногда это слово используется в поэтике со значением лёгкий ветерок. В русском языке значение слова *зефир* не имеет ничего общего с немецким языком и обозначает «сорт легкой фруктовой пастилы» [9, URL].

И к четвертой группе принято относить слова, которые обозначают меру, значение весов и других величин, при этом совпадающие по созвучности, но отличающиеся по значению. Можно соотнести данный тип с первым типом лексики «ложных друзей переводчика».

Исходя из всего выше сказанного, можно утверждать, что проблема перевода и безэквивалентной лексики так и остается актуальной на сегодняшний день. На современном этапе развития современного общества межкультурные отношения отличаются интенсивным взаимопроникновением одной сферы в другую. Это еще раз доказывает, что главной целью перевода является создание «мостов» взаимопонимания между культурами разных народов мира.

Однако вопрос о преодолении безэквивалентной лексики на уровне перевода, а также на уровне межкультурной коммуникации остается открытым и вызывает множество вопросов, которые требуют постоянного анализа.

Литература

1. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z/hrsg. U. bearb. Vom Wiss. Rat u.d. Mitarb. D. Duden red. Unter Leitung von Günter Drosdowski, völlig neu bearb. U. stark. Erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989.
2. Готлиб К.Г.М. Словарь ложных друзей переводчика (русско-немецкий и немецко-русский) / К.Г.М. Готлиб. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л.К. Латышев. – М.: Международные отношения, 1981. – 248 с.
5. Латышев Л.К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. – Курск, 1999. – 136 с.
6. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов. и фак. / Л.К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.

7. Немецко-русский словарь / [под ред. Э.Л. Рымашевской].– М.: Русский язык, СП: Интерграф сервис, 1992. – 935 с.
8. Словарь Multitran [URL: <http://www.multitran.ru/>].
9. Толковый словарь русского языка / [под ред. Д.Н. Ушакова]. – [URL: <http://ushakovdictionary.ru/>].

*С.И. Пранович, студ. ф-та иностранных языков КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – канд. пед.н., доц. С.Ю. Умеренков

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Язык является орудием, средством общения человека с другими людьми и помогает познавать окружающий мир. С помощью языка, то есть слов, пословиц, поговорок, метафор, фразеологизмов, возможно понять мировоззрение другого народа, а так как язык и культура неразрывно связаны между собой, то есть представления об окружающем мире выражаются в языке, то открывается также возможность узнать о культурных особенностях другой нации. Язык состоит из слов, которые отражают уникальность национального мировоззрения, создавая разговорные клише народа, фразеологию и все то, что отражает самобытность культуры. Основоположником идеи о тесном взаимодействии языка и культуры является В. Гумбольдт: «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит» [1, с.7]. Э. Сепир и Б. Уорф развили идеи В. Гумбольдта в своей «гипотезе лингвистической относительности» или «гипотезе Сепира - Уорфа», согласно которой поведение человека определяется особенностями того языка, на котором он говорит: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [2, с.193]. Эти идеи отражены и в работах русских ученых: Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.А. Потебни и других.

Говоря о языке и культуре разных народов, невозможно оставить без внимания то, как эти народы представляют окружающий их мир и как это проявляется через язык, поэтому рассмотрим далее такое понятие как языковая картина мира. В «Энциклопедии Кругосвет» дано следующее определение: «языковая картина мира - исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [3, URL].

При изучении иностранного языка в раннем возрасте происходит соприкосновение разных языковых картин мира. В настоящее время иностранный язык изучается со второго класса, когда дети только научились читать и писать на родном языке. При этом благодаря тому, что они изучали русский язык, выросли в России и воспитывались в семьях, где им «прививались» язык и культура этого народа, у них уже были сформированы представления об окружающем их мире с учетом особенностей русской нации. Некоторые из них возможно уже успели в дошкольных учреждениях или учреждениях дополнительного образования познакомиться с другим языком, а в школе они продолжают вместе с теми детьми, кто не изучал иностранный язык, погружаться в иную культуру. Однако всё сказанное выше не исключает трудностей, возникающих при столкновении с языковыми и культурными особенностями изучаемого иностранного языка. Как практикующий педагог, столкнувшийся с этой проблемой, хотела бы привести несколько примеров по этому поводу.

Когда изучается тема «Дни недели» то приходится объяснять, что русская неделя начинается с понедельника, а в англоязычных странах первым днём недели является воскресенье. Одни дети воспринимают этот факт как новую информацию, как способ мышления другой нации, другие же не могут этого понять и говорят, что у нас «правильная» неделя, а у них «неправильная». И попытки учителя объяснить, что в данном случае не может быть «правых» и «не правых», не увенчались успехом, ученики по-прежнему отстаивали свою позицию.

Ещё одним ярким примером соприкосновения разных языковых картин мира являются праздники, которые отмечаются в России и в англоязычных странах. Праздники могут быть одинаковыми, например, Рождество Христово, Новый год, Пасха, и различными, например, суть и значение такого праздника как Halloween (Хэллоуин) очень сложно объяснить доступно русскоязычным детям. Единственное, что они смогли понять так это то, что их иностранные сверстники во время этого праздника ходят вечером по домам, чтобы получить сладости. Этот обряд очень напоминает русскую традицию «колядок», которые происходят в ночь перед Рождеством Христовым. Тем не менее подобные аналогии также мало что говорят современным детям, которые фактически ничего не знают о корнях этого праздника в родной культуре.

Подводя итог, хочется отметить, что русская языковая картина мира при изучении иностранного языка (английского или любых других языков) соприкасаясь с другой, как показано на конкретных примерах, может не меняться (как в случае с днями недели), так как своё видение мира, точнее то, как твоя нация его воспринимает, гораздо ближе и понятнее, чем иная картина мира, хотя отдельные её элементы могут быть приняты (как например, восприятие традиций празднования Halloween (Хэллуина) в сознании русских школьников). Но это совсем не значит, что далее в процессе изучения иностранного языка этих изменений не происходит. В любом случае учащиеся знакомятся с культурными особенностями другого народа, учатся быть терпимее, принимать точку зрения не только другого человека, а целой нации. Проблема реализации диалога культур – это главная задача современного учителя иностранных языков.

Литература

1. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи // Учебное пособие. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: издат. группа «Прогресс» «Универс», 1993. – 656 с.
3. Энциклопедия Кругосвет. Языковая картина мира. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,0 (дата обращения: 02.03.2017).

СЕКЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

*А.Ю. Меркулова, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. О.Б. Полянчук

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ КОМПАРАТИВНОГО ТИПА

Изучение фразеологической системы языка, в частности, французского, представляется актуальным в связи с целым рядом причин: во-первых, оно способствует исследованию глубинных семантических процессов и их механизмов в языке; во-вторых, позволяет увидеть ментальные основы семантических и структурных изменений в языке, и, в-третьих, вскрывает социокультурные особенности, характерные для французского языка.

Фразеологизмы наиболее полно отображают способ представления (концептуализацию) мира национальной языковой личностью. Подтверждение данной мысли можно найти в работах А.В. Кунина, который именует фразеологию не иначе как «сокровищницей» языка, где отражен характер и быт народа. Ученый объясняет и причину появления фразеологизмов в языке: он пишет, что образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка [2].

Целью настоящей статьи является классификация французских фразеологизмов компаративного типа в соответствии со следующими критериями:

1. Социокультурный критерий, который в настоящей статье предполагает классификацию исследуемых фразеологических единиц по принципу их принадлежности к определенной сфере человеческой деятельности;

2. Семантический критерий, в соответствии с которым особое внимание уделяется самому процессу фразеологической деривации: в частности, исследуемые фразеологические единицы классифицируются по типу сем-основ модели фразеологической деривации.

Во фразеологической системе языка особое место занимают фразеологизмы компаративного типа, то есть фразеологические единицы, в семантическом содержании которых присутствует элемент сравнения. В соответствии с семантической классификацией фразеологических единиц В.В.Виноградова мы относим фразеологизмы компаративного типа к фразеологическим единствам. Под фразеологическим единством понимается «семантически неделимый и целостный фразеологический оборот, значение которого мотивировано значениями составляющих его слов» [1].

В данной работе мы рассматриваем проблему мотивированности компаративных фразеологических единиц. Мотивационный компонент служит своего рода основой функционирования фразеологической единицы. Говоря о мотивированности фразеологических единиц, необходимо отметить, что в зависимости от степени их идиоматичности степень их мотивированности также может меняться. В отличие от слова как лексической единицы, которое может обладать как полной, так и частичной или затемненной мотивацией, фразеологическая единица редко бывает полностью мотивированной, так как уже сам процесс фразеологической деривации предполагает идиоматичность фразеологической единицы. В частности, исследуемые нами фразеологические единицы компаративного типа обладают частичной мотивацией. В качестве примера рассмотрим фразеологизм *docile comme un mouton*–

«послушный, как ягненок». Первый компонент сравнения –docile «послушный» выступает как основание сравнения и употребляется в своем прямом значении, объектом сравнения является un mouton– «ягненок», взятый соответственно в переносном значении для усиления признака, обозначенного первым компонентом, а сравнительный союз связывает эти два компонента.

Перейдем к классификации фразеологизмов с компаративным компонентом по социокультурному критерию. Среди них были выделены следующие группы : фразеологизмы, связанные с природой Франции, которая включает такие подгруппы как :**1) Фразеологические единицы, связанные с животным миром:** agile comme un lapin – «проворный, как угорь»; chanter comme un rossignol – «петь, как соловей».**2)Фразеологические единицы, связанные с растительным миром:**droit comme un chene – «прямой , как дуб»; **3)Фразеологизмы, связанные с культурой Франции.** Данная группа включает следующие подгруппы: **1)Фразеологические единицы, содержащие сравнения, относящиеся к истории Франции:** aller comme le Pont-Neuf – «отлично себя чувствовать» (*Pont-Neuf - самый старый мост в Париже*); **2)Фразеологические единицы, имеющие отношение к французской литературе:** avare comme harragon – « очень жадный» (скупой, как Гарпагон); beau comme le Cid – «очень красивый» (Красивый, как Сид).

Следующим этапом исследования является классификация фразеологизмов по критерию, связанному с семантическим типом сем-основ модели фразеологической деривации (схема, по которой образуются новые фразеологические единицы). Сема, на которой базируется сходство, рассматривается как ядерная сема модели фразеологической деривации.

В зависимости от компонента фразеологической номинации нами были выделены следующие группы фразеологических единиц компаративного типа. Первая из них– группа фразеологизмов, при образовании которых ядерной семой процесса фразеологизации является семантический **компонент «качество»**. Например, составляющая фразеологического единства agile comme un lapin– «проворный, как угорь», agile включает в свой состав семантический компонент «ловкость, проворность». Именно он и эксплицируется коллективным языковым сознанием при образовании фразеологического единства. Во фразеологическом единстве docile comme un mouton – «послушный, как овца», семантический компонент « податливость, покорность» является ядерным компонентом, на основе которого строится сравнение.

Перейдем к описанию следующей выявленной нами подгруппы в соответствии с критерием, связанным с семантической типологией ядерных сем процесса фразеологической деривации.

Данная группа фразеологизмов образуется благодаря актуализации семантического **компонента «образ действия»**. При анализе данной группы примеров выяснилось, что сема-основа модели фразеологической деривации соотносится с той частью фразеологизма, которая содержится в компаративной части, в отличие от подгруппы с компонентом «качество», где исследуемая сема является компонентом семантической структуры базовой части фразеологизма.

Так, во фразеологическом обороте chanter comme un rossignol – «петь, как соловей» ядерной семой является un rossignol, так как сравнение основано на таком признаке, как красота пения соловья.

Таким образом, в языке существует «механизм фразеобразования», который отражает закономерные особенности возникновения новых фразеологических единиц.

Компаративные фразеологические единицы можно классифицировать по группам в соответствии с социокультурным и семантическим критерием.

При анализе компаративных фразеологических единиц по социокультурному критерию было установлено, что наиболее частотными являются фразеологические единицы, связанные с животным и растительным миром. Классификация фразеологических единиц по семантическому критерию позволила выявить ряд закономерностей. Во-первых, основными ядерными семами моделей фразеологической деривации являются семы, обозначающие качества, а также образ действия. Во-вторых, было отмечено, что, в случаях, когда речь идет о внутреннем или внешнем качестве, ядерная сема соотносится с базовым компонентом модели фразеологической деривации, а в случаях, когда речь идет о семах, отражающих образ действия – с компаративной частью, что связано с особенностями метафорического мышления французского народа.

Литература

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. — 312 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., стереотип. / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
3. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь : 70000 слов, 200000 единиц перевода / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 5-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 2000.

*Ю.О.Макарова, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Е.А. Алексеева*

СВОЙСТВА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПОЗИЦИИ СКАЗУЕМОГО

Имена собственные являются неотъемлемой частью любой языковой системы. Они окружают нас в повседневной жизни, несут огромную социальную, магическую и бюрократическую значимость. Имена собственные, служащие для обозначения конкретных объектов окружающего мира, выделяют эти предметы или явления из ряда других. В отличие от других слов, имя собственное не связано непосредственно с понятием, его основное значение заключается в его связи с обозначаемым, то есть, оно обозначает какой-либо объект, несёт в себе огромную значимость, является носителем информации о культурных, этнических и других традициях определенного народа.

Целью нашей статьи является описание синтаксической функции и способов реализации свойств имени собственного в предложениях типа *Elle est une nouvelle Madonna* (Она новая *Мадонна*).

По наблюдениям Е.А. Алексеевой [3], в функционировании имени собственного в подобных предложениях присутствует определенная специфика: оно здесь не характеризует отдельное лицо, а приобретает обобщенный смысл, многогранный и глубокий, в результате чего имена собственные становятся полноправным участником процесса образной номинации. В ее основе лежит образное предметное отождествление, мотивированное восприятием одного предмета как символа другого предмета. В данном случае предмет понимается в широком смысле и как предмет, и как лицо.

Изучение синтаксической функции имен собственных в изучаемых предложениях определяется на основе семантико-функциональной классификации предложений, предложенной А.М. Ломовым [8] для русского языка и апробированной на материале французского языка [4],[7]. Так, Е.А. Алексеева относит интересующий нас тип предложений

в общем виде к разряду двусоставных отождествительно-предметных предложений (Il est médecin – Он врач), функционирующих на основе механизма отождествления. Данный механизм предполагает, что один предмет, заключенный в подлежащем, характеризуется посредством отождествления его с другим предметом, занимающим позицию сказуемого, обозначающим опредмеченный признак первого предмета. В рамках этого разряда предложений выделяются конструкции, в основе которых лежит механизм отождествления с усложненным действия, предполагающий соотнесение двух предметов, которые не являются рядоположенными. В их числе исследователь выделяет метафорические отождествительно-предметные предложения с усложненным механизмом действия, среди которых представлены предложения с ассоциативным именем собственным, являющиеся объектом нашего исследования. [2]

Согласно Е.А. Алексеевой, способность приобретать дополнительные смыслы свойственна в основном именам собственным, обозначающим известные лица. Устойчивые ассоциации, связанные с тем или иным лицом, способствуют переносу его имени на обозначение других людей, обладающих характеристиками, сходными с признаками исходного обладателя этого имени.

Для анализа отождествительно-предметных предложений с ассоциативным именем собственным нами были отобраны примеры из современных французских СМИ, на основе которых было выделена классификация по способу представления Предмета 1 (позиция подлежащего) и Предмета 2 (позиция сказуемого, в которой употреблено ассоциативное имя собственное) в рамках предложения и текста.

Итак, по способу представления Предмета 1, который подвергается отождествлению, и Предмета 2, отождествительно-предметные предложения с ассоциативным именем собственным делятся на три подгруппы, которые описаны ниже.

1. Предложения, в которых назван и Предмет 1, и Предмет 2

«**Kiesza: et si elle était la nouvelle Madonna?** » (Elle) (*Кайза: а если она новая Мадонна?*) – здесь отождествление певицы Кайзы (Предмет1) и известной американской исполнительницы Мадонны (Предмет2) представлено в рамках одного предложения.

2. Предложения, в которых Предмет 2 назван, Предмет 1 не назван, но обозначен в тексте статьи

В качестве примера рассмотрим предложение «*Cette Mona Lisa du nord disparaît après la mort de Vermeer en 1675*» (*Эта северная Мона Лиза исчезла после смерти Вермеера в 1675 году*) из статьи «Mona Lisa du nord», опубликованной на сайте www.tv5monde.com. В данной фразе присутствует Предмет 2 (северная Мона Лиза), но отсутствует Предмет 1, который назван северной Моной Лизой. Но в тексте статьи можно обнаружить указание на Предмет 1: это картина Вермеера «Девушка с жемчужной сережкой», написанная в Голландии, расположенной гораздо севернее Франции, что объясняет признак «*du nord*» (северная), которая отождествляется с полотном итальянского художника Леонардо да Винчи «Мона Лиза».

3. Предложения, в которых Предмет 2 назван, а Предмет 1 не назван, но о нем можно догадаться, опираясь на текст статьи и общий событийный контекст

В качестве примера предложений данной подгруппы рассмотрим название статьи с сайта lagauchematuer.fr «*La France attend le nouveau Napoléon la sauvant du régime Hollande et consort!*» (*Франция ждет нового Наполеона, который спасет ее от режима Олланда и ему подобных*). Предметом 2 здесь является Наполеон, персонаж, посредством которого осуществляется отождествление с Предметом 1, который не назван, но подразумевается из контекста. Речь здесь идет о недовольстве автора статьи политикой бывшего президента Франции Ф. Олланда и желании прихода к власти нового человека, ко-

торый сможет привести страну к процветанию в противовес ослабления современной Франции под руководством Олланда.

Как видно из проанализированных примеров, отношения между предметом, представленным в позиции подлежащего, и предметом, обозначенным ассоциативным именем собственным, не всегда являются очевидными и могут быть определены только на основе анализа контекста. Точное понимание данных отношений представляется важным не только для понимания содержания всего текста, но и для адекватной передачи замысла автора при осуществлении перевода. Для этого необходимо применить комплексный подход, включающий в себя проведение предпереводческого анализа текста, изучение межкультурного аспекта, национально-культурной специфики реалий, лежащих в основе ассоциативных имен собственных, определение имплицитных и эксплицитных составляющих [1], [5], [6].

Таким образом, в ходе нашего исследования было определено, что, во-первых, синтаксической позицией, в которой реализуется ассоциативный потенциал имени собственного, является функция сказуемого в отождествительно-предметном предложении с усложненным механизмом отождествления, во-вторых, существует несколько способов представления предметов, состоящих в отношениях отождествления, в рамках одного предложения и в рамках целого текста

Литература

1. Алексеева Е.А. Допереводческий анализ текста как способ формирования навыков понимания / Алексеева Е.А. // Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2001. - Вып.4. – С.7 – 8.

2. Алексеева Е.А. Синтаксические способы выражения значения отождествления в русском и французском языках / Алексеева Е.А. // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы филологии и межкультурная коммуникация на современном этапе». – Якутск: изд-во Якутского государственного университета, 2008. Т.1. – С.36-43.

3. Алексеева Е.А. Имя собственное в аспекте отождествления (на материале французского языка) / Е.А. Алексеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота. – 2013. – №12 (30), в 2-х ч. Ч.1. – С.29-34.

4. Алексеева Е.А. Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения французского языка / Е.А. Алексеева / Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. №1. С.49-54.

5. Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина): дисс. ... канд. филол. наук / С.Ю. Булгакова. – Воронеж, 2013. – 226 с.

6. Зырянова М.В. Константы русской культуры в пьесах А.П. Чехова и в их переводах на французский язык / М.В. Зырянова // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2010. – С. 94-108.

7. Ковалевская Я.А. Отождествительно-предметные предложения во французском языке: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Я.А. Ковалевская. – Воронеж, 2011. – 220 с.

8. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису русского языка / А.М. Ломов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 416 с.

*И.С. Золотухин, курс. ф-та летательных аппаратов ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Е.А. Калгина, канд. истор. н., доц. (Воронеж)*

АМЕРИКАНСКИЙ ВОЕННЫЙ СЛЕНГ ПЕРИОДА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

На образование сленгов и сленгизмов в военной лексике оказывают большое влияние крупные вооружённые конфликты. Вторая мировая война - крупнейший вооружённый конфликт в истории человечества, задействовавший свыше 100 миллионов военнослужащих из более чем 30 государств. Вторая мировая война представляет интерес в качестве масштабного военно-политического конфликта, открывшего дорогу интенсивному развитию военных (а вместе с тем культурных и языковых) отношений между государствами-участниками и создавшего подходящую обстановку для заимствований в бытовой и военной лексике, равно как и для появления военных сленгизмов. В данной статье будут рассмотрены сленговые выражения, появившиеся в американском военном лексиконе в этот период.

Термин «сленг», появившийся в английской лексикографии примерно в начале XIX века, использовался для обозначения единиц словарного состава языка, не отвечающих литературным нормам. Но происхождение данного термина и его сущность до сих пор остаются спорными, несмотря на многократные попытки исследователей лингвистических школ разрешить данную проблему [3, с. 35].

Понятия «сленг» и «военный сленг» не имеют общеустановленного толкования у ведущих отечественных и зарубежных лингвистов. В данной статье мы, вслед за И. В. Арнольд [1, с. 132], под термином «сленг» понимаем лексический слой, находящийся вне пределов литературного языка и обладающий ярко выраженными оценочными, экспрессивными и эмоциональными коннотациями. В работах ряда лингвистов встречаются упоминания не о военном сленге, а о военном жаргоне, как одном из видов профессиональных жаргонизмов. Так, в монографии «Нестандартная лексика английского языка» Т.М. Беляевой и В.А. Хомякова [2, с. 28] отмечается, что жаргон британских военных летчиков во время второй мировой войны мог сделать речь непонятной даже для военнослужащих других родов войск. Прибегая к тезису Г. А. Судзиловского, под военным сленгом «мы условимся понимать ту часть (слой) сленга в лексике английского языка, которая употребляется прежде всего для обозначения военных понятий в первую очередь в вооруженных силах США и Англии» [5, с. 13].

Итак, под военным сленгом мы понимаем лексические единицы, имеющие яркую эмоционально-оценочную окраску, отражающие военный быт и события, использующиеся в основном в военных кругах, но известные всем носителям языка, употребляемые в процессе общения, для более точного и эмоционального усиления материала, а не с целью его кодировки.

Войны приводят к изменению сленга в первую очередь стран-участниц. Перемены языка охватывают все аспекты военной жизни, такие как отношения между военными, их деятельность, а также окружающий мир. В первую очередь это происходит для упрощения общения в критических ситуациях и для более сложного понимания сленга врагом. Благодаря сленгу, военнослужащие достигают большего понимания друг с другом и лучшего взаимодействия.

Военный сленг ВС Америки периода Второй мировой войны можно весьма условно разделить на несколько тематических групп [4]:

- 1) слова, «стыдящие» военнослужащих;

- 2) сленг ВВС;
- 3) «союзники и враги»;
- 4) повседневная и боевая деятельность;
- 5) вещи и техника, окружающие военнослужащих.

Во время II мировой войны появлялись слова, которые «стыдили» недобросовестных военнослужащих и на их примере подталкивали остальных быть более преданными своей стране, например:

✘ *Bootlick* - подхалимство, образуется в следствие слияния слов «*boot*» - ботинок и «*lick*» - облизывать.

✘ *Carpet knight* - дословно «коверный рыцарь», т.е. солдат, который трусил и нашел причину не идти в бой.

✘ *Cornerturner* - дезертир, образуется в результате слияние слов «*corner*» - угол и «*turner*» - поворотное устройство.

✘ *Coffee cooler* - дословно переводится, как «кофемашина», но в нашем языке аналогичным словом является «трутень».

Так же сленг затронул отдельные виды и рода войск, т.е. то, что было присуще одному виду, никак не влияло на другой:

✘ *Air-hog* - «бесстрашный пилот», всегда готовый к вылету, образуется в результате слияния слов «*air*»-воздух и «*hog*» - мощный мотоцикл (амер. разг.)

✘ *Chutist* - «десантник», явилось сокращением от «*parachutist*».

✘ *Pencil pusher* – дословно «нажимающий на карандаш», т.е., штабной писарь.

✘ *Penguin* - военнослужащий ВВС не входящий в летный состав («как известно, пингвины не летают»).

Подобно тому, как русские называли немцев «Фрицами», американцы давали имена своим врагам и союзникам, не имеющие отражения в официальном языке:

✘ *Jap* - сокращение от «*Japanese*» - так называли американцы японцев, что было презрительным прозвищем.

✘ *Monkey island* - «островом обезьян» являлась Япония в целом в представлении американцев.

✘ *Ratzy* - фашист, образовалось от слов «*rat* (крыса) + *Nazi* (нацист)».

✘ *Redski* - русский, коммунист, образовалось от слова «*red*» (красный) + окончание «ский» на русский манер».

Также можно акцентироваться на сленге, касающемся непосредственно деятельности военнослужащих. В повседневной деятельности и во время боевых действий появились следующие выражения:

✘ *Bail out* – дословно «вычерпывать», что означало прыгнуть с парашютом, либо найти выход из сложившейся ситуации.

✘ *Blind flying* – от «*blind*» – слепой и «*flying*» – полет, русский аналог – «полет по приборам».

✘ *Brush the bushes* – от «*brush*» – чистить и «*bushes*» – кусты, т.е. низкий полет, в России - «бреющий полет».

✘ *Go to the movies* – «вести воздушный бой».

✘ *Get a pasting* – подвергаться бомбардировке, от «*get*» –получаться и «*past-ing*» – взбучка.

Изменения претерпели и обыденные вещи и техника, постоянно окружающие военнослужащего:

✘ *Chowmobile* – слияние слов «*chow*» – еда и «*mobile*» – мобильность дали название «полевой кухне».

✘ *Swanks* – парадная форма одежды, от «*swank*» – хвастовство.

- ✗ *Air goose* – дословно «воздушный гусь», он же самолет-амфибия.
- ✗ *Blockbuster* – бомба с большой разрушающей силой («*to bust*» – разрушать).
- ✗ *Can opener* – самолет с противотанковым ружьем («*can*» – танк (амер. разг.), «*opener*» – открывашка).

Стоит отметить, что в результате Второй мировой войны проходит бурное развитие американского военного сленга, аналогичное тому, что произошло в ходе Первой мировой войны. Появившиеся сленговые единицы охватывают все аспекты жизнедеятельности американских военнослужащих, которые отражают их непосредственный опыт службы в Вооруженных силах США в рассматриваемый период. Язык постоянно развивался, зачастую методом заимствования слов у других народов. Так же популярным методом было слияние нескольких слов в единое слово или короткое выражение. Благодаря этому повышалась мобильность военнослужащих, отдача, прием и восприятие приказов. С развитием военной техники и появлением новейших видов вооружения отмечается также употребление новых сленгизмов в этой области. Это требует от лингвистов, работающих в сфере военного перевода, более детального изучения изменений в английской военной лексике, произошедших во время и в результате Второй мировой войны.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. / И.В. Арнольд // Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Беляева Т.М., Хомякова В.А. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева, В.А. Хомякова. – Л.: ЛГУ, 1985. – С. 136.
3. Коровушкин В.П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона / В.П. Коровушкин // Учебное пособие. – Череповец: ЧВВИУРЭ, 1989. – 157 с.
4. Митчелл П. Дж. Английский военный сленг: понятие, способы образования, тематическая классификация / П.Дж. Митчелл // Язык и культура. – М., 2014. – № 3 (27). – С. 64-73.
5. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. Англо-русский словарь военного сленга / Г.А. Судзиловский. – М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1973. – 182 с.

*Е.И. Колесникова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. И.А. Стернин

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ «ЛЮБОВЬ» И «ВЕРНОСТЬ» В МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ)

Целью нашего исследования является выявление и сопоставление мужской и женской специфики семантики слова по методике, изложенной в статье Е. И. Колесниковой [3, с. 30-36].

Интегрированные значения слов «любовь» и «верность» были получены методом обобщения словарных дефиниций по словарям Евгеньевой А.П., Ефремовой Т.Ф., Кузнецова С.А., Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [1, 2, 4, 5].

Приведем в сопоставительной таблице гендерные психолингвистические значения слова «любовь».

	Женщины 100	Мужчины 100
Ассоциативные поля	Дети 11, чувство 10, зла 9, морковь 6, муж 6, роман 6, банальность 5, вечная 4, обман 4, ребенок 4, взаимная 3, сердце 3, голуби 2, до гроба 2, к внукам и детям 2, к человеку 2, прекрасна 2, смысл 2, стремление 2, счастье 2, увлечение 2, чудо 2, взаимность, и голуби, истина, радость, розовая, романтика, случается, старая, преданность – 1.	Морковь 6, секс 5, чувство 4, бред 3, до гроба 3, жвачка 3, жизнь 3, зла 3, изменчива 3, лучшее 3, ненависть 3, оковы 3, пара 3, с первого взгляда 3, страсть 3, бесценно 2, большая 2, вечность 2, всегда 2, девушка 2, дружба 2, единственная 2, ложь 2, машина 2, мир 2, наслаждение 2, нет 2, одна 2, она 2, ответственность 2, первая 2, предательство 2, привязанность 2, случается 2, херня 2, глаза, имя, навеки, навсегда, прекрасная, разум, сделка, семья, Юля – 1.
1. Чувство глубокой привязанности к кому-либо, основанное на половом влечении	Чувство 0,10 влечения 0,02 к кому-либо 0,08; бывает непредсказуемо 0,09, вечное 0,06, банально 0,05, взаимное 0,04, обманчиво 0,04, прекрасное 0,02, давнее 0,01; предполагает романтические отношения 0,07, несет смысл 0,03, символизирует сердце 0,03, стремление 0,02, счастье 0,02, чудо 0,02, преданность 0,01, радость 0,01, символизирует розовый цвет 0,01; например, случается 0,01 Актуализация прецедентных текстов: морковь 0,06 (фильм «Любовь-морковь»), голуби 0,02, и голуби 0,01 (фильм «Любовь и голуби») СИЯ 0,82	Чувство 0,04 к кому-либо 0,08, к чему-либо 0,01; бывает вечное 0,09, один раз 0,04, обманчиво 0,04, бессмысленное 0,03, непредсказуемое 0,03, изменчиво 0,03, лучшее 0,03, сковывающее 0,03, моментальное 0,03, бесценное 0,02, сильное 0,02, прекрасное 0,01, разумное 0,01; наслаждение 0,02, ответственность 0,02; например, не существует 0,02, случилось впервые 0,02, случается 0,02; привязанность 0,02, оценивается отрицательно 0,02, сделка 0,01, для создания семьи 0,01 Симиляры: страсть 0,03, Актуализация прецедентных текстов: морковь 0,06 (фильм «Любовь-морковь») СИЯ 0,79
2. Чувство глубокой привязанности к кому-либо, чему-либо	Чувство 0,10 к кому-либо 0,25; бывает взаимное 0,04, несущее смысл 0,03, прекрасное 0,02, давнее 0,01; стремление 0,02,	Чувство 0,04 к чему-либо 0,05, к кому-либо 0,01, бывает один раз 0,04, длится вечно 0,04, длится в течение жизни 0,03;

	счастье 0,02, увлечение 0,02, чудо 0,02, преданность 0,01, радость 0,01; например, случается 0,01 СИЯ 0,56	бывает изменчиво 0,03, лучшее 0,03, бесценное 0,02, сильное 0,02, прекрасное 0,01; дружба 0,02, наслаждение 0,02, привязанность 0,02; например, случается 0,02, не существует 0,02, оценивается отрицательно 0,02 Оппозиты: ненависть 0,03 СИЯ 0,47
3. Человек, который внушает чувство любви	Любимый человек 0,10 СИЯ 0,10	Любимый человек 0,05 СИЯ 0,05
4. Отношения двух лиц, основанные на половом влечении	СИЯ 0	Секс 0,05. СИЯ 0,05
5. Женское имя	- СИЯ 0	Имя 0,01 СИЯ 0,01
	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0

Отказов в эксперименте не зафиксировано, что свидетельствует о том, что значение слова *любовь* актуально для языкового сознания современного носителя русского языка.

Все значения были актуализованы. Следовательно, они присутствуют в современном языковом сознании носителей языка.

Сопоставление гендерных значений лексемы *любовь* показывает, что существенные различия в СИЯ демонстрируют следующие из них:

1. Отношения двух лиц, основанные на половом влечении (в мужском сознании представлено, в женском нет).
2. Женское имя (в мужском сознании представлено, в женском нет).
3. Человек, который внушает чувство любви (в женском сознании выражено на 34% ярче, чем в мужском).

Чисто мужскими значениями слова *любовь* являются:

1. Отношения двух лиц, основанные на половом влечении: *секс 5*.
2. Женское имя: *имя 1*.

Приведем в сопоставительной таблице гендерные психолингвистические значения слова «верность».

	Женщины 100	Мужчины 100
Ассоциативные поля	Собака 10, собаки 9, лебединая 8, редкость 7, ценность 7, любовь 6, друг 5, дружба 5, поддержка 5, идея 4, мужу 4, семья 4, чувства 4, брак 3, другу 3, опора 3, помощь 3, солдату 3, вечная 2, до гроба, кому-либо, надежда на лучшее, принципам, собачья, хра-	Собаки 19, дружба 7, девушки 6, другу 6, собака 6, друг 5, жена 5, сказанного 5, девушка 4, жене 4, супружеская 4, идеалам 3, нет 3, правильность 3, семье 3, спокойствие 3, супруге 3, храню 3, любовь 2, Родина 2, семья 2, крепость, счастье – 1.

	ню – 1.	
1. Стойкость и постоянство в чувствах, привязанностях, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга	(<i>Постоянство</i>) в любви 0,06, дружбе 0,05, чувствах 0,04, по отношению к кому-либо 0,20, встречается редко 0,07, ценно 0,07, дает надежду на лучшее 0,01; (<i>преданность</i>) идее 0,04, принципам 0,01, в браке 0,03; ее символ собака 0,20; бывает вечная 0,03; например, хранить 0,01 Актуализация прецедентных текстов: лебединая 0,08 («лебединая верность») СИЯ 0,90	Стойкость 0,01 в дружбе 0,07, любви 0,02, кого-то 0,06, по отношению к кому-либо 0,32, дает спокойствие 0,03, счастье 0,01; (<i>преданность</i>) идеалам 0,03, Родине 0,02; например, не бывает 0,03, хранить 0,03; ее символ собака 0,25 СИЯ 0,88
2. Супружеская преданность	Поддержка 0,11 и любовь 0,06 в семье 0,11; встречается редко 0,07, ценно 0,07, дает надежду на лучшее 0,01; например, хранить 0,01 Актуализация прецедентных текстов: лебединая 0,08 («лебединая верность») СИЯ 0,52	Супружеская 0,04 (<i>преданность</i>) в семье 0,17; дает спокойствие 0,03, счастье 0,01; например, не бывает 0,03, хранить 0,03 СИЯ 0,31
3. Правильность, полное сходство или соответствие чему-л.	СИЯ 0	Правильность 0,03 сказанного 0,05 СИЯ 0,08
4. Точность, безошибочность	СИЯ 0	СИЯ 0
	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0	Неинтерпретированные реакции 0 Не актуально 0

Отказов в эксперименте не зафиксировано, что свидетельствует о том, что значение слова *верность* актуально для языкового сознания современного носителя русского языка.

Не было актуализовано значение «точность, безошибочность», следовательно, оно не присутствует в современном языковом сознании носителей языка.

Сопоставление гендерных значений лексемы *верность* показывает, что существенные различия в СИЯ демонстрируют следующие из них:

1. Правильность, полное сходство или соответствие чему-л. (в мужском сознании представлено, в женском нет).

2. Супружеская преданность (в женском сознании оно выражено на 26% ярче, чем в мужском).

Чисто мужскими значением слова *верность* является:

1. Правильность, полное сходство или соответствие чему-л.: *сказанного* 5, *правильность* 3.

Анализируя полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента результаты, мы приходим к выводу, что гендерная дифференциация семантики слов «любовь» и «верность» в современном языковом сознании достаточно ярко выражена.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – 1-е изд. – СПб. : Норинт, 1998.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.– 1233 с.
3. Колесникова Е.И. Опыт сопоставительного исследования гендерных особенностей семантики слова / Е.И. Колесникова // Сопоставительные исследования 2015. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 30-36.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР / [Гл. ред. А.П. Евгеньева]; АН СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

С.М.Комиссаров, Л.В.Шулякевич, М.А.Шуваев, курс. гидрометеорологического ф-та ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»; В.В. Гладких, академик Академии военных наук, д-р пед. н., проф. (Воронеж)

РОЛЬ ТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Термины являются одним из способов выражения специального знания. Существуют различные способы выражения знания в зависимости от его содержания и целей использования. Образование понятий, закрепляемых в терминологии, происходит в процессе становления и развития специальных знаний в конкретных научно-технических и производственных областях человеческой деятельности. Термин является языковым выражением понятия. В широком смысле слова под терминологией понимается «часть словарного состава языка, охватывающая специальную лексику, применяемую в сфере профессиональной деятельности людей». Военный термин определяется как устойчивая лексическая единица, закрепленная за соответствующим понятием в системе понятий определенной области военного дела и ограниченная специальной сферой употребления в значении, строго регламентированном ее дефиницией. Будучи разновидностью научного термина, одной из конкретных форм его реализации в языке военной науки, военный термин отличается от других видов научных терминов, прежде всего, закрепленной в форме дефиниции специальной семантикой и особым применением, непосредственно связанными с вооруженными силами, военным делом и военной наукой.

Термины – необходимое условие развития научно-технического знания. Эвристическая роль термина заключается, прежде всего, в том, что, будучи знаком, определяющим в объекте нечто общее и закономерное, он ограничивает разнообразие мира и тем самым становится инструментом познания. Закрепленная в терминах информация о накопленном коллективном опыте представляет собой ту базовую основу, на которой строится современное профессионально-научное знание. Именно поэтому терминологическая информация является одним из самых необходимых «предметов потребления» во всех сферах человеческой деятельности.

Особую актуальность в современных условиях компьютеризации общества и повышения требований к научно-технической информации приобретают различные проблемы терминологической лексикографии. Основной составляющей любого словаря является, как известно, слово. Изучение слова ведется в настоящее время по двум основным аспектам: в контекстном плане, как единицы текста и единицы речи, с одной стороны, и как единицы языка, зафиксированной в словарях, с другой стороны. Термин является носителем коллективной профессионально-научной памяти. Как посредник он становится активным участником специального общения, которое ведет к овладению определенной ситуацией, способствуя развитию научно-познавательной и преобразующей деятельности человека.

Одним из самых распространенных способов создания любой терминологии является использование общеупотребительных слов в функции терминов, которое базируется на обобщающей природе слова и потенциальных возможностях, заключенных в его смысловой структуре.

Для чтения научно-технической литературы характерно употребление большого количества терминов, а также определенных слов и оборотов. Какое количество слов нужно знать, чтобы быть в состоянии читать научно-техническую литературу, почти не пользуясь словарем? Специальные исследования и опыт обучения переводу показывают, что запас в 2500-3000 единиц вполне достаточен для этой цели.

Количество терминов для каждой области науки и техники огромно и измеряется десятками тысяч. Кроме того, в связи с развитием науки и техники постоянно возникают новые специальные понятия и соответствующие им термины. Но вместе с тем, очень часто в качестве терминов используются общеупотребительные слова. Например, для авиации и космонавтики такими терминами являются *air (воздух)*, *fly (летать)*, *wing (крыло)* и др.. С точки зрения запоминания, эти термины ничем не отличаются от обычных слов. Знание этих слов дает возможность усваивать и переводить большое количество других терминов, являющихся сложными словами или словосочетаниями, такими, как *Air Force (Военно-воздушные силы)*, *aircraft (летательный аппарат)*, *airlift (перевозить по воздуху)*.

Совершенно очевидно, что при изучении иностранного языка необходимо, в первую очередь, овладеть такими терминами, которые обозначают основные, наиболее важные понятия. Кроме того, каждый специалист должен усвоить и некоторое количество наиболее значимых для той или иной специальности узкоспециальных терминов, в соответствующей области науки и техники, а также слова и словосочетания, характерные для стиля научно-технической литературы. Например: *flight crew (летный экипаж)*, *drone (радиоуправляемый ЛА)*. Сюда же относятся слова, общие для различных областей техники. Например: *remotely operated (с дистанционным управлением)*, *sensitive (точный)*, *conduct (руководство, сопровождение, управление)* и т.д.

Нельзя не сказать также и о характере усвоения слов. Для того чтобы научиться переводить, нужно так усваивать слова чтобы, во-первых, легко узнавать их в тексте, и, во-вторых, знать их русские эквиваленты. Без соблюдения этих условий невозможно добиться достаточно быстрого темпа перевода.

Значительную трудность при чтении оригинальных текстов представляет употребление слов в составе несвободного словосочетания, значение которого трудно вывести из значений составляющих его слов. Например, *staff college (a college at which military officers are trained for staff duties – колледж, в котором обучатся офицеры для службы в штабах)*. Перевод таких словосочетаний значительно облегчается, если известны основные типы несвободных словосочетаний, правила их перевода, а также наиболее употребительные несвободные словосочетания в английском языке с их рус-

скими эквивалентами, поскольку число типов несвободных словосочетаний и общее количество наиболее употребительных из них довольно ограничено.

В научной литературе много шаблонных, стереотипных фраз и сочетаний слов, много готовых стандартов. Знание их облегчает процесс перевода.

Учащемуся должно быть ясно с самого начала, что при любом запасе слов, текст, предназначенный для перевода, неизбежно будет содержать некоторое количество незнакомых слов. Учащийся должен быть готов к тому, чтобы уметь определить значение незнакомых слов в процессе чтения, не прибегая по возможности к словарю.

Однако в ходе перевода текста возникает много трудностей, которые далеко не всегда могут быть разрешены и с помощью словарей. Устойчивые терминологические словосочетания создают систему, которая становится лексической основой подязыка науки и техники. Следует отметить, что в отраслевых словарях не всегда приводятся лексические возможности термина в различных контекстных условиях его использования, в то время как потребность в появлении словарей, представляющих технические термины во всем многообразии лексических возможностей их сочетаемости, велика.

Для того чтобы уметь определять значение незнакомого слова, необходимо научиться использовать контекст, определять значение словообразовательных элементов, влияющих на понимание слова. Очень важно знать в каком случае необходимо обращаться к общему словарю и в каком, к терминологическому, где и как искать конкретное слово в словаре, как использовать словарь, когда нужно английское слово в нем отсутствует. Ответив на эти вопросы, учащийся в значительной степени будет избавлен от необходимости обращаться за помощью к словарю, в результате чего процесс перевода текста станет менее трудоемким. Кроме того, это дает возможность самостоятельно переводить термины, работая над текстами по специальности.

Таким образом, знание основ терминологии и способов образования терминов помогает увеличить словарный запас и улучшить качество перевода. Также следует отметить, что исследование образования терминов, равно как и проблема их перевода, должны рассматриваться в контексте общей теории языка и перевода специальной научно-технической литературы.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975.
2. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку / И.А. Зимняя. – М., 1989.
3. Леонтьев А.А. Мыслительные процессы в усвоении иностранного языка / А.А. Леонтьев // Иностранные языки в школе.– 1975. – №5
4. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта, 2009.
5. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М., 1968.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОМОАКРОНИМОВ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Акронимы довольно распространены в языке и активно используются в военной сфере.

Акроним – это аббревиатура, состоящая из инициалов развернутого прототипа и читающаяся как обычное слово, в отличие от алфавитизма, который читается как буквы алфавита.

SAM (Surface-to-Air Missile) – ракета класса «поверхность-воздух»

Частным случаем акронимии является омоакронимия.

Омоакроним (ОА) – это акроним, который по графической и фонетической форме омонимичен общеупотребительному слову (корреляту). На письме омоакронимы можно отличить от общеупотребительных коррелятов по инициальной графике:

AEGIS – Airborne Early Warning Ground Integration Segment (встроенная система предупреждения воздушной угрозы) || коррелят aegis (эгида).

Омоакроним чаще всего намеренно «подгоняют» под выбранный коррелят.

Согласно классификации И.В. Арнольд и Е.Н. Ардаматской, ОА делятся на 4 типа, в зависимости от способа их образования [1]:

- 1) ОА, образованные на основе метафоры или метонимии;
- 2) ОА, имеющие с коррелятом какие-либо общие семы, то есть отдельные компоненты значения;
- 3) ОА, обладающие функционально-стилистической маркированностью;
- 4) ОА, использующие в качестве коррелятов имена собственные.

Во всех приведённых омоакронимах компоненты развёрнутого прототипа образуют словосочетание, где одно слово главное, а остальные – зависимые:

СНIP - Challenger improvement **programme** (**Программа** усовершенствования распознавания "Свой-чужой")

Работая с аутентичными источниками, мы обнаружили, что не все омоакронимы обозначают одно единственное понятие, как в приведённых выше аббревиатурах. В процессе исследований мы столкнулись с новым соотношением прототипа и омоакронима, где компоненты развёрнутого прототипа являются равноценными составляющими понятийного комплекса. Мы назвали такие омоакронимы *комплексными*. Например:

SALUTE [5, p.344]

S – Size (Размеры, количество объектов)

A – Activity (Действия, выполняемые объектами)

L – Location (Расположение на местности)

U – Unit/Uniform (Форма одежды или тип объекта)

T – Time (Время и дата происходящего)

E – Equipment (Снаряжение или вооружение объекта (людей)).

Такой тип ОА является своего рода формулой, помогающей разведчику запоминать и докладывать боевую информацию.

Ещё один подобный ОА скрывает в себе инструкцию по выживанию в различных экстремальных ситуациях. *SURVIVAL* [5, p.344] – аббревиатура, по способу образования аналогичная предыдущему примеру.

S – Size up your situation, time and surroundings, your physical condition and your equipment (Оцени свои ситуацию, время и окружение, своё физическое состояние и экипировку.)

U – Undue haste makes waste; don't be too eager to move. Plan your moves (Спешка приводит к потерям. Не совершай лишних движений. Планируй свои действия.)

R – Remember where you are in relation to important friendly and locations and critical resources. (Всегда помни расположение союзников, союзных позиций и экстренных служб.)

V – Vanquish fear and panic. (Отбрось страх и панику.)

I – Improvise. You can improve your situation. Use what you have. Use your imagination. (Импровизируй. Ты всегда можешь улучшить ситуацию. Используй то, что имеешь. Используй своё воображение.)

V – Value your life. Remember your goal: to get out alive. Remain stubborn. Refuse to give in to problems and obstacles that face you. This will give you the mental and physical strengths to endure. (Цени свою жизнь. Помни свою цель: выбраться живым. Оставайся упрямым. Не останавливайся перед проблемами и препятствиями, с которыми ты столкнулся. Это придаст тебе моральных и физических сил, чтобы выстоять.)

A – Act like the natives; watch their daily routines. When, where and how do they get food? Where they get water? (Веди себя как местные жители; наблюдай за их повседневной деятельностью. Где, когда и как они добывают еду? Где они добывают воду?)

L – Live by your wits. Learn basic skills. (Живи своим умом. Приобретай базовые навыки выживания.)

Пример, который с первых же страниц бросается в глаза, – **Ranger creed** [5, p.2]. Это кодекс чести рейнджера, в котором отражены наставления по поведению спецназовца в его повседневной деятельности и в боевых условиях. Каждая буква слова **ORANGER** расшифровывается отдельным наставлением. Можно сказать, что вкупе эти указания составляют образ поведения достойного рейнджера. Кроме того, они мотивируют военнослужащих быть ответственными, мужественными, волевыми, осознанно делать свой выбор, а также гордиться своей профессией. Данный ОА является наиболее информативным из всех вышеперечисленных:

R – Recognizing that I volunteered as a Ranger, fully knowing the hazards of my chosen profession, I will always endeavor to uphold the prestige, honor, and high esprit de corps of Rangers. (Я признаю, что добровольно стал рейнджером, полностью осознавая все опасности выбранной профессии. Я всегда буду стремиться поддерживать престиж, славу и честь мундира рейнджеров.)

A – Acknowledging the fact that a Ranger is a more elite Soldier who arrives at the cutting edge of battle by land, sea, on air, I accept the fact that as a Ranger my country expects me to move further, faster, and fight harder than any other soldier. (Признаю тот факт, что рейнджеры – это элита, которая всегда действует на передовой в боях на суше, в море и воздухе. Я принимаю тот факт, что моя страна ждёт от меня, что я пройду дальше, быстрее и буду сражаться отважнее, чем любой другой солдат.)

N – Never shall I fail my comrades I will always keep myself mentally alert, physically strong, and morally straight and I will shoulder more than my share of the task whatever it may be, one hundred percent and then some. (Я никогда не подведу своих товарищей: я всегда буду бдительным, выносливым и стойким. Я справлюсь с любой сверхзадачей, какой бы она ни была: выполню её и перевыполню.)

G – Gallantly will I show the world that I am a specially selected and well trained Soldier. My courtesy to superior officers, neatness of dress and care of equipment shall set the example for others to follow. (С достоинством покажу миру, что я прошёл тщательный от-

бор и должное обучение. Моё уважение к старшим офицерам, опрятный внешний вид и бережное обращение со снаряжением послужит достойным примером для других.)

E – *Energetically will I meet the enemies of my country. I shall defeat them on the field of battle because I am better trained and I will fight with all my might. Surrender is not a Ranger word. I will never leave a fallen comrade to fall into the hands of the enemy and under no circumstances will I ever embarrass my country.* (Без колебаний встречу лицом к лицу с противником. Враг будет повержен на поле боя, потому что я лучше подготовлен и буду сражаться до последней капли крови. Рейнджер не знает слова "сдаваться". Я никогда не оставлю товарища в беде и ни при каких обстоятельствах не опозорю свою страну.)

R – *Readily will I display the intestinal fortitude required to fight on to the Ranger objective and complete the mission, though I be the lone survivor.* (С готовностью продемонстрирую несгибаемую волю для достижения высокой цели рейнджера и выполнения поставленной задачи, хотя бы я был последним воином.)

Таким образом, омоакронимия – явление чрезвычайно востребованное в англоязычной военной сфере. Особый интерес представляют комплексные омоакронимы как особая форма восприятия, хранения и передачи информации, характерная для англоязычного военного дискурса.

Литература

1. Арнольд И.В. Парадоксальность омоакронимии: (на материале англ. мор. терминологии) / И.В. Арнольд, Е.Н. Ардаматская // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей: сб. науч. тр. – Владивосток, 1988. – С. 3-12.

2. Зубова Л.Ю. Английские медицинские аббревиатуры как часть профессиональной языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Л.Ю. Зубова. – Воронеж, 2009. – 26 с.

3. Combined Joint Interagency Task Force. Task Force Peacekeeper Bagram Airfield, Afghanistan APO AE 09354-9998 (15 April 2011).

4. MOD acronyms and abbreviation // <http://www.gov.uk>

5. Ranger Handbook: Ranger Training Brigade. US Army Infantry School. Fort Benning. – Georgia, 2011. – 357 p.

*А.С. Довженко, курс. 5 ф-та ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
С.В. Колтакова, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

СЕМАНТИКА СЛОВА «BATTLE» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Целью нашего исследования является сопоставление лексикографического и коммуникативного значений лексемы «battle» [2, с. 25].

В целях выявления лексикографического значения лексемы «battle» были проанализированы дефиниции данной лексемы в 5 следующих словарях: Longman Dictionary of Contemporary English; Cambridge Dictionary; The Collins English Dictionary; Macmillan English Dictionary; Oxford Advanced Learner's Dictionary.

Анализ лексикографических источников показал, что лексикографическое значение лексемы «battle» включает в себя следующие компоненты:

1) длительная битва между вооруженными силами, кораблями и самолётами, особенно во время войны;

- 2) жестокое сражение между группами людей;
- 3) соревнование, спор или борьба между людьми или группами людей, с целью завоевания власти или контроля;
- 4) усилия, которые кто-то прикладывает для решения сложных задач или изменения неприятной ситуации.

Для описания коммуникативного значения исследуемой лексемы были рассмотрены 100 предложений из Британского Национального Корпуса, содержащих лексему «battle». Анализ контекстуального употребления лексемы «battle» показал, что в примерах были актуализированы следующие значения:

1. Спортивное соревнование (32)
The first-to-ten world title battle between the maverick American and the Russian is now all square after four games in Pržno, Yugoslavia (The Daily Mirror).
2. Борьба за что-либо (без применения силы) (28)
But he admitted that clearing his name was going to be 'the hardest battle of my life' (The Daily Mirror).
3. Вооруженное столкновение (13)
The two-seater training planes - to go into service from 1994 - have night vision equipment allowing them to be used on a battle frontline (The Daily Mirror).
4. Историческая битва (9)
And veterans of the Battle of Britain cursed the fight they had lost - their bitter campaign to save the historic base as a tribute to heroes (The Daily Mirror).
5. Борьба с болезнью (6)
But now his injuries have caught up with him, despite a brave battle to recover from recent knee surgery (The Daily Mirror).
6. Судебные разбирательства (6)
Her second (attempt at marriage), to musician Bill Hudson, brought a bitter custody battle (The Daily Mirror).
7. Соревнование/ конкуренция за что-либо (4)
Perot, 62, quit as an Independent candidate in July leaving the battle to President George Bush and governor Bill Clinton (The Daily Mirror).
8. Бой с применением силы (2)
David Speedie was yesterday cleared of all blame for his pitch battle with an unruly Southampton fan (The Daily Mirror).

Проведенное исследование позволило выявить, что наиболее часто встречаются в контексте следующие значения: *спортивное соревнование* и *борьба за что-либо (без применения силы)*. Также отметим, что наименее встречаемое значение – *бой с применением силы*.

Стоит отметить, что некоторые из значений, которые были актуализированы в контексте, не представлены в словарях. Это следующие значения: *судебные разбирательства, спортивное соревнование, борьба с болезнью, историческая битва*.

Исследование показало, что словарные статьи, посвященные лексеме «battle», требуют доработки.

Литература

1. Британский Национальный Корпус – www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения – ноябрь 2016).
2. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – 2-е изд., испр. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2013. – 71 с.
3. Cambridge Dictionary. – <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/>

4. CED – The Collins English Dictionary. – <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/battle>
5. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
6. MMD – Macmillan English Dictionary. – <http://www.macmillandictionary.com>
7. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. – <https://en.oxforddictionaries.com>

*А.А. Терпугов, курс. 5 ф-та ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
С.В. Колтакова, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА «ATTACK»

Цель проведенного исследования – выявить и сравнить лексикографическое и коммуникативное значения лексемы «attack» в английском языке.

Под *лексикографическим* значением мы вслед за И.А. Стерниным и М.С. Саломатиной понимаем «описание значения, полученное путем обобщения словарных дефиниций разных толковых словарей традиционного типа» [2, с. 25].

Коммуникативное значение определяется вышеупомянутыми учеными как «значение, описанное как обобщение совокупностей сем, реализованных в зафиксированных контекстах употребления слова» [2, с. 25].

Для выявления лексикографического значения лексемы «attack» были проанализированы следующие словари: Longman Dictionary of Contemporary English; Cambridge Dictionary; The Collins English Dictionary; Macmillan English Dictionary; Oxford Advanced Learner's Dictionary.

В ходе анализа словарных дефиниций было выявлено, что лексикографическое значение лексемы «attack» содержит следующие компоненты:

1. Акт насилия, направленный на нанесение повреждений человеку или месту;
2. Применение оружия против врага во время боевых действий;
3. Неожиданный, короткий приступ болезни;
4. Мощная критика кого-либо или чего-либо;
5. Попытка, предпринимаемая игроком или группой игроков, забить гол или заработать очки;
6. Игроки в команде, чья задача приносить очки;
7. Начало сильного чувства или период, в течение которого оно ощущается;
8. Действия, направленные на решение каких-либо задач, проблем;
9. Разрушительное действие болезни, насекомого или химического вещества;
10. Мощный и решительный стиль в музыке или другом искусстве;
11. Решительность в начале какого-либо движения;
12. Скорость, с которой нота достигает максимальной громкости.

Для выявления коммуникативного значения исследуемой лексемы было проанализировано 100 предложений Британского Национального Корпуса, содержащих лексему «attack».

Анализ контекстуального употребления лексемы «attack» показал, что в примерах были актуализированы следующие значения:

1. Приступ болезни (22)

He died from a heart attack (The Daily Mirror).

2. Критика (22)

Journalist Neil Lyndon has just published a book which is a fierce attack on women entitled No More Sex War (The Daily Mirror).

3. Нападение с применением силы (20)

At the scene of the attack police found a plastic bag holding the pint of milk and four sausages he had bought for his tea (The Daily Mirror).

4. Нападение с применением оружия (18)

Cameraman Nigel Thomson, husband of newscaster Carol Barnes, was hurt in a mortar attack on a Sarajevo hospital yesterday (The Daily Mirror).

5. Атака в спорте (10)

Nigel Clough was instructed to link in attack with Shearer (The Daily Mirror).

6. Террористический акт (6)

Fears of flooding, explosion, fire or a terrorist attack are just four reasons pointing to a big boycott when the tunnels open in autumn (The Daily Mirror).

7. Штурм (2)

But they will mainly be used to train pilots in vertical take-off and attack missions (The Daily Mirror).

Проведенное исследование показало, что наиболее часто в контекстах реализуются такие значения, как *приступ болезни* и *критика*, а реже всего – сема *штурм*. Стоит также отметить, семь значений, найденных в словарях, не были актуализированы в проанализированных контекстах:

1. Действия, направленные на решение каких-либо задач, проблем;
2. Разрушительное действие болезни, насекомого или химического вещества;
3. Мощный и решительный стиль в музыке или другом искусстве;
4. Решительность в начале какого-либо движения;
5. Скорость, с которой нота достигает максимальной громкости;
6. Игроки в команде, чья задача приносить очки;
7. Начало сильного чувства или период, в течение которого оно

ощущается;

Отметим также, что контекстуальный анализ выявил значения, которые не были найдены в словарных дефинициях: *террористический акт* и *штурм*.

Литература

1. Британский Национальный Корпус. – www.natcorp.ox.ac.uk (дата обращения – ноябрь 2016).
2. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – 2-е изд., испр. и перераб. – Воронеж: Истоки, 2013. – 71 с.
3. Cambridge Dictionary. – <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/>
4. CED – The Collins English Dictionary. – <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/battle>
5. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. – <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
6. MMD – Macmillan English Dictionary. – <http://www.macmillandictionary.com>
7. OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. – <https://en.oxforddictionaries.com>

*Е.С. Фимушин, И.И. Орлов, курс-ты 7 ф-та ВУНЦ ВВС
«ВВА им проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Е.А. Шишикова, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛЕНГА ПЕРИОДА ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Людам от природы дано излагать свои мысли средствами речи. На современном этапе эволюции все говорят часто и с удовольствием. Но изначально язык не обладал особым разнообразием и томился в тени наскальных рисунков и жестов. Впоследствии, именно речь взяла бразды правления всеми сферами человеческой деятельности. Появились разные стили и формы речи. В том числе и жаргонная речь. Жаргон (или сленг) подобно марионетке изменяется и прогрессирует в зависимости от места появления, сферы деятельности «создателей» жаргонизмов, событий, происходящих в этот момент и т.д. Война во Вьетнаме – это один из крупнейших военных конфликтов второй половины XX века, оставивших заметный след в культуре Вьетнама и США. Столкновение двух диаметрально противоположных наций, ценностных и моральных устоев в условиях ожесточенной войны породило множество разнообразных выражений.

Сленг – это набор особых слов или новых значений уже существующих, употребляемых у различных групп людей, отличающихся от общепринятых смыслом, предназначенным именно для данных групп.

В ходе исследования возникла необходимость классифицировать сленг по нескольким категориям. Разбиение обусловлено семантическим критерием. Сленг можно разделить на множество категорий: оружие и техника, люди, действия, вещи, окружающая среда, ситуации.

Оружие и техника

Так как война предполагает применение насилия, то ее основным инструментом, несомненно, являются оружие и военная техника.

Big shotgun: 106-ти миллиметровое безоткатное артиллерийское орудие.

Bird: любое воздушное судно, обычно вертолет.

Bipod: двунога, обычно висевшая в начале ствола оружия.

Bou: самолет C-7A Caribou.

Bronco: самолет OV-10.

Claymore: известная секторная, противопехотная мина направленного действия.

Clacker: воспламенитель для мины «Claymore» или других электроиницируемых устройств.

Cobra: ударный вертолет AH-1G. Он также назывался «Shark» или «Snake».

Cracker box: машина скорой помощи.

Cyclo: трехколесное устройство для перевозки, приводимое в движение человеком.

Dime nickel: 105-ти миллиметровая гаубица.

Duster: пулемет M-42. Это был автоматический близнец 40-ка миллиметрового пулемета «ack-ack», устанавливавшегося на башню танка. Использовался как пулемет для ведения заградительного огня или обороны конвоя. А также *duster*: гусеничная машина времен ВМВ. Она была средних размеров и имела на вооружении два 40-ка миллиметровых помповых орудия и один пулемет M-60, а также десант из 4-5 человек. Эти машины использовались для конвоирования, охраны периметра артиллерийской базы в ночное время.

Drum: магазин барабанного типа.

Egg beater: ласкательное название для Хьюи или любого другого вертолета.

Fast mover: самолет; обычно F-4 (Fantom).

Fat Albert: самолет С-5А.

Huey: название для вертолетов серий УН («utility helicopter», общего назначения) [1, 2, URL].

Люди

Какая же война без людей? Без военных и не очень военных, гражданских, женщин и детей, все они сыграли свою роль, стали так или иначе её участниками.

Bo doi: северовьетнамский солдат в экипировке.

Boat people: беженцы, покидающие Вьетнам на катерах с конца 1975 года.

Bushmasters: элитные подразделения, натренированные в джунглях.

Crew chief: экипаж вертолета Хьюи.

Donut dolly: Волонтер Американского Красного Креста женского пола.

Fag: полевой артиллерист.

Gomers: северные вьетнамцы.

Gooks: термин, который во Вьетнам принесли ветераны Корейской войны. Так называли любого человека азиатской внешности [1, 2, URL].

Действия

Боевые действия – наступление и отступление, дерзкие лобовые атаки и тихие разведывательные операции. На войне нельзя стоять на месте. Если вы не стреляете по противнику, значит, он стреляет по вам. Если вы не перезаряжаете свое оружие, значит, вы бежите. Если вы не бежите, значит, вы ползете. Если вы не ползете, значит, вы мертвы.

Bok-bok: сражение / вести бой.

Bring smoke: вызвать артиллерийский огонь или поддержку с воздуха на позиции противника.

Di di mau: быстро передвигаться.

Light up: открывать огонь по противнику [1, 2, URL].

Вещи

Все вещи теряют ценность, если ты вдруг потеряешь жизнь, но пока ты жив, отдавать последнюю сигарету в пачке немного жалко, особенно если знаешь, что в следующий раз перекура может и не быть.

Cammies: камуфлированная форма.

Chicken plate: бронежилет, одевавшийся пулеметчиками вертолета.

Church key: открывашка.

Comic books (funny books): военные карты.

Cork: наркотик, использовавшийся малыми группами в полях.

Dope: выражение морской пехоты для прицельного приспособления оружия. Также этот термин применялся для марихуаны или других легких наркотиков [1, 2, URL].

Окружающая среда

Прекрасные леса или душные джунгли? Широкие луга и поля или бесконечные рисовые плантации, кишасшие назойливыми комарами? Теплое солнце или кажущиеся нескончаемыми ливни в сезон дождей? Нам не выбирать...

Cong bo: водный буйвол.

Cong khi: обезьяна.

Cong moui: москит (комар).

Ситуации

Случаются истории – смешные, трагичные, поучительные и многие другие, вопрос в том, каких будет больше, такой будет и служба.

Cook-off: ситуация, когда из-за продолжительной стрельбы возникал перегрев спускового механизма автоматического оружия, вследствие чего оружие стреляло даже без нажа-

тия на спусковой крючок. Обычно это происходило на пулеметах 50-го калибра, и единственным способом прекратить огонь, было выдернуть пулеметную ленту.

Deep serious: наихудшая позиция, предполагавшая бегство.

Итак, в данной статье приведена классификация сленга, использовавшегося во времена войны во Вьетнаме. Тему сленга можно развивать намного глубже и конкретнее, более пристально рассматривая отдельные группы. Но чтобы двигаться дальше, надо по возможности полно воспринять приведенные выше жаргонизмы. Не столько для того, чтобы пополнить свой словарный запас, сколько для того, чтобы лучше понять участников той войны и то, как они думали и общались между собой.

Литература

1. Olson, James S. Dictionary of the Vietnam War // Vietnam Veteran's Terminology and Slang. URL: <http://www.vietvet.org/glossary.htm>
2. Rosenberg, Jennifer Vietnam War Glossary. URL: <http://history1900s.about.com/od/vietnamwar/a/vietnamglossary.htm>.

СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

*Н.О. Мищенко, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол.н., доц. О.Б. Полянчук

МЕХАНИЗМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЁЖИ

В эпоху глобализации, быстрого развития способов коммуникации и расширения культурных связей словарь языка развивается особенно быстро. В этой связи динамичность лексического уровня языка становится главной причиной актуальности изучения словообразования в современном французском языке для лингвистов и в то же время основной сложностью на пути к изучению этой проблемы.

В современной лингвистике язык рассматривается как биологическое, социальное и психическое явление, а потому его рассматривают в тесной связи как с человеком, его мышлением и мировоззрением, так и с обществом и его подгруппами. Таким образом, наше исследование было выполнено в парадигме таких наук, как социолингвистика, культурология, а также эколлингвистика.

Эколлингвистика – относительно новое направление в языкознании, сформировавшееся в конце XX века на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике [3].

Так как молодёжь является наиболее активной группой населения, изменения в её речи мы можем наблюдать наиболее ярко. Молодёжный социолект, в частности, рассматривается сегодня специалистами как культурный феномен [2]. Кроме того, тенденции, наблюдаемые в молодёжном языке, оказывают влияние на формирование узуса и в перспективе новой языковой нормы, поэтому проблема изучения этих тенденций представляется нам особенно актуальной сегодня. «Изучение языка молодёжи очень важно,

ибо даёт представление не только об особенностях и условиях становления средней языковой личности, но и о глобальных перспективах развития национального языка: тенденции в речи молодых могут стать языковыми реалиями будущего», – отмечает В.В. Химик [11].

Принимая во внимание вышеперечисленные факторы, мы считаем необходимым проведение исследования в двух аспектах: социальном и лингвистическом.

Говоря о социальном аспекте проблемы, важно подчеркнуть, что для молодёжного языка характерно обилие арготизмов. Частое использование слов этого регистра молодёжью объясняется следующими его функциями: кодифицирующей, самоидентифицирующей, а также функцией обособления. Кроме того, следует учитывать также большой объём информации, с которым сегодня сталкивается как общество в целом, так и молодёжь как наиболее активная социальная группа. Этот фактор обуславливает тенденцию к укорачиванию слов, реализующую функцию экономии речевых средств.

Проведение исследования в лингвистическом аспекте предполагает непосредственно анализ структуры слов молодёжного языка. В этом случае мы имеем дело с образованием слов при помощи формальных средств, или деривацией. Для обозначения производного слова мы используем, в свою очередь, понятие «дериват». Для анализа деривата представляется необходимым соотнесение его морфологической и словообразовательной структур [7]. В этой связи в лингвистике применяют такие методы, как морфемный и словообразовательный анализ слов. Говоря о модели производного, З.А. Харитончик отмечает, что «моделью производного можно назвать вслед за Е.С. Кубряковой единую для словообразовательного ряда схему его организации, учитывающую как характер компонентов производного, так и порядок их расположения» [10, с.23].

В ходе исследования нами были выделены и проанализированы наиболее продуктивные в молодёжном социолекте механизмы словообразования.

Аффиксация также является одним из наиболее продуктивных способов словообразования в языке современной французской молодёжи. Посредством аффиксации также передаётся эмоциональная окраска слова, чаще всего это суффиксы, несущие отрицательное либо положительное значение [8]. Наиболее продуктивна модель (N+ard)N: *pleurard* ‘плакса’, *bonnard* ‘простофиля’, *ringard* ‘неудачник’, *rigolard* ‘шутник’, а также модель (N+iste)N, особенно в политической сфере: *gauchiste* ‘левый’, *lepeniste* ‘сторонник Марин Ле Пен’ [7]. Стоит отметить, что современный французский язык, в частности язык молодёжи, подвержен влиянию английского языка. В связи с этим сегодня представляются продуктивными такие модели, как (N+ing)N и (N+er)N, включающие английские суффиксы: *parking* ‘парковка’, *jogging* ‘бег, пробежка’, *dancing* ‘дискотека, танцпол’, *reporter* ‘репортёр’. Глагольный суффикс -ing, означающий продолжительное действие, процесс, реже абстрактное понятие или место, в молодёжном социолекте приходит на смену эквивалентным французским суффиксам: например, -age: *piercing-perçage* ‘пирсинг, прокол’, *timing – minutage* ‘синхронзация, тайминг’. Префиксы, в свою очередь, выполняют функцию выделения того или иного объекта в сравнении с другими: *supernana* ‘очень красивая девушка’ [4].

Редупликация понимается как полное или частичное повторение корня, основы или слова как способ образования слов, грамматических форм, фразеологических единиц и др. [1]. В целом редупликация обладает различными функциями: она может как выражать грамматическое значение, так и выступать средством варьирования лексического (выражать интенсивность, дробность, уменьшительность, выражать субъективное отношение) [6]. Н.Н. Копытина выделяет четыре структурных типа редупликативных образований в молодёжном социолекте: чистая (абсолютная) редупликация – слова, со-

стоящие только из дважды повторяемого элемента: *jojo* ‘красивый’, *froufrou* ‘шуршание’; частичная (осложнённая) редупликация (второй элемент не копирует первый, а отличается от него наличием конечного согласного): *moumoute* ‘душенька’, ‘милочка’, *fofolle* ‘с приветом’; частичная редупликация слов из трёх и более слогов с удвоенным конечным элементом: *rififi* ‘драка, потасовка’, *tralala* ‘суета’, – а также сложные слова с изменением во втором компоненте: *flic-flac* ‘пощёчина’, *couci-couça* ‘так себе’.

Телескопия. Особое место в словообразовательной системе современного французского языка занимает телескопия (фр. *télescopage*), или *mots emboîtés* ‘слова-вставки’. Важным отличием телескопии от других видов словосложения является то, что слова соединяются произвольно, а не путём соединения значимых морфем. Существует типология телескопных слов, подразумевающая три модели: «апокопа+афереза» (*clavardage*, *clavier+bavardage* ‘общение по интернету’, *progiciel*, *produit+logiciel* ‘программный пакет’), «апокопа+апокопа» (*timale*, *petit+male* ‘парень’) и «один вид усечения» (*cipote*, *ici+pote* ‘друг, проживающий рядом’, *rurbain*, *rural+urbain* ‘деревня-пригород’) [12]. Особенностью механизма телескопии является то, что конец одного из соединяемых слов и начало другого схожи фонетически и зачастую графически, что делает «переход» от одного исходного слова к другому незаметным и производное слово выглядит и звучит гармонично, при этом сочетая в себе два значения: *foultitude* (*foule+multitude*) ‘множество’ *crédisonible* (*crédit+disponible* ‘доступный кредит’ в банке BNP).

Верланизация (фр. *verlan*) является сегодня одной из ведущих тенденций словообразования в молодёжном социолекте французского языка. Существует множество способов верланизации, начиная с простого обратного произношения и заканчивая сложной верланизацией трёхсложных слов. В случае если перед нами односложное слово и закрытый слог, при верланизации слово прибавляет *eu*: *mec>keum*, *mère>reum*. Верланизация в открытом слоге осуществляется путём инверсии фонем: *moi->ouame*. Двусложные слова обычно меняют порядок слогов: *métro>tromé*, *café>féca*, (S1S2>S2S1, где S - слог). Для трёхсложных слов, соответственно, существует множество вариантов порядка слогов при верланизации: *rigolo>logori* ‘смешной’ (S1S2S3>S3S2S1), *cigarette>garetc* (S1S2S3>S2S3S1) [5].

Функция экономии речевых средств реализуется в тенденции к **усечению** и **аббревиации** в языке молодёжи. В устной речи она выражена, как правило, в укорачивании слов: *biologique > bio*, *écologique > éco*, *télévision > télé*, *TGV > tégé*. Тенденция к укорачиванию нашла своё отражение и в письменной речи, особенно при общении в интернете, изначально в «языке SMS» *Texto*. Наиболее ярко выраженными на письме представляются следующие явления: аббревиация (*bon après-midi > bap*, *mort de rire>mdr*), выпадение гласных (*Cordialement > cdlmnt*, *Salut ça va ? > clt cv ?*), а также письмо с элементами кодирования (*en plus > en +*, *quoi de neuf? > koi 29?*).

Анализ структуры молодёжной лексики с опорой на вышеперечисленные функции арго подводит нас к выводу о том, что в языке французской молодёжи одновременно существуют две противоположные тенденции: к упрощению (укорачиванию) и усложнению (кодированию). Посредством таких механизмов как верланизация, усечение, телескопия и аббревиация слов в языке молодёжи реализуются основные функции жаргона, а именно кодифицирующая и функция экономии речевых средств. Кроме того, стоит подчеркнуть доминирующую роль экспрессивной функции в молодёжном социолекте. Её реализация происходит главным образом при помощи аффиксации, в частности использования суффиксов аффективного значения, а также редупликации.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.–СПб.: Большая рос. энцикл.; Норинт, 2000. 1434 с.
2. Ефремова Е.С., О влиянии интернета на развитие французского молодёжного арго / Е.С. Ефремова // Язык и культура. – 2015. – №1. – С. 5-14.
3. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов / Отв. ред. Н. Б. Попова. Ч.: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007. – С. 41-47.
4. Копытина Н.Н. Лингвистические особенности современного молодёжного социолекта / Н.Н. Копытина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3. – С. 77-79.
5. Копытина Н.Н. Кодирование как специфический способ образования лексики во французском языке / Н.Н. Копытина // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 24. – С. 61-66.
6. Копытина Н.Н., Редупликативные образования во французском молодёжном социолекте / Н.Н. Копытина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – №1. – С. 83-86.
7. Полянчук О.Б. Основные параметры теории словообразования и динамика производного слова / О.Б. Полянчук // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №1. – С. 45-49.
8. Полянчук О.Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов (на материале французского языка) / О.Б. Полянчук // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – №2. – С. 47-50.
9. Свиридонова В.П. Современные тенденции развития лексического состава французского языка / В.П. Свиридонова // Межкультурная коммуникация. – 2013. – №3. – С. 173-183.
10. Харитончик З.А. Лексикология английского языка : учеб. пособие / З.А. Харитончик. – Мн.: Выш. шк., 1992. – 229 с.
11. Химик В.В. Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналитических материалов. Спб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. С. 7–66.
12. Эрстлинг Л.В. Телескопные слова во французском языке / Л.В. Эрстлинг // Вестник ПСТГУ. – 2010. – №4. – С. 132-142.

*Ю.Г. Вороненкова, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Т.Н. Козюра

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ МОДАЛЬНОСТИ

В последнее среди лингвистов время наблюдается интерес к проблеме выражения модальности в современном французском языке. Ш. Балли первым писал о модальности как о лингвистическом регуляторе коммуникации, который определяет выбор языковых средств, форм для выражения нашего отношения к окружающему миру [1, с. 234]. Он называет данную категорию «душой предложения» [1, с. 44]. Согласно концепции В.В. Виноградова, модальность понимается как семантическая категория. Всякое выражение мысли, эмоции, побуждения отражают реальность средствами данной языковой

системы, а также передают дополнительные синтаксические значения, формирующие категорию модальности [3, с. 41].

Актуальность проблемы определяется важностью и сложностью не только для понимания и использования во французской речи модальных конструкций, но и необходимостью дидактической интерпретации данной категории. В частности, речь пойдет о вопросе формирования у учащихся навыка использования сослагательного наклонения во французской речи.

Мы рассмотрим сослагательное наклонение Subjonctif во французском языке как одно из средств выражения модальности, так как оно является самым трудным для усвоения и использования в речи французского языка для школьного возраста [2, URL]. Для этого мы рассмотрим ряд предложенных возможностей для организации речевой деятельности обучающихся с употреблением «Subjonctif» естественным образом и мотивированно.

Важная роль в формировании коммуникативной компетенции, согласно Г. Бессу, отводится использованию ситуации, так называемого ситуационного метода обучения языка [6, с. 41]. Это значит, что грамматический материал должен выйти в речь с помощью данной методики обучения. Так Г.М. Чернова в своем учебнике «Урок французского языка. Секреты успеха» предлагает различные способы создания речевых ситуаций для активизации основных случаев употребления Subjonctif в устной речи. Данные ситуации и сама тематика, как отмечает автор, основаны на опыте зарубежной методики по ситуативному обучению французскому языку как иностранному (УМК: Panorama 1,2, Vite et Bien (A1-A2), Vite et Bien (B2), Taxi и др.), что позволяет использовать эти ситуации на разных уровнях обучения языку [5, с. 3]. Виды работы на уроке предполагают выражение собственных мыслей, личностную вовлеченность учащихся в процесс общения и, следовательно, носят речевой характер, что в наибольшей степени соответствует задачам формирования коммуникативной компетенции и повышает интерес учащихся к французскому языку.

1. Ситуация: день рождения кого-либо из обучающихся. Учитывая, что Subjonctif используется для выражения пожелания и волеизъявления, для ввода в речь модельных фраз с глаголами в Subjonctif можно использовать данную реальную ситуацию. Преподаватель может поздравить обучающегося-именинника, выразив пожелания в Subjonctif, акцентируя внимание обучающихся на формы глаголов в Subjonctif. Можно также прочитать стихотворение на французском языке, посвященное дню рождения:

*Bon anniversaire! Nos vœux les plus sincères !
Que ces quelques fleurs t'apportent le bonheur,
Que la vie entière te soit douce et légère !
Et que l'an fini, nous soyons réunis,
Pour chanter en chœur : Joyeux anniversaire !*

По модели поздравлений обучающиеся могут выразить свои пожелания имениннику: *Je souhaite que tu sois heureux !/ Je veux que tu aies beaucoup d'amis./Je souhaite que tu aies de la santé/ ...que tu composes de belles chansons/...que tu deviennes champion d'échecs/ ...que tu fasses un grand voyage!*

2. Ситуация-гороскоп. В случае употребления Subjonctif после безличных оборотов, выражающих возможность или необходимость действия (*Il faut que..., il est utile que, il est possible que, il est nécessaire que, etc.*), Г.М. Чернова предлагаем использовать гороскопы, приведенные в журналах или учебниках, изданных во Франции. Советы в гороскопах даются в Impératif или в Indicatif, например: «*Concentrez-vous davantage! Faites des promenades à pied*». Преподаватель предлагает сначала прокомментировать прочитанный гороскоп и, используя Subjonctif вместо Impératif или в Indicatif, дать рекоменда-

ции и предсказания своим сокурсникам, например: «*Il faut que les Lions fassent plus d'efforts: ils vont réussir./ Il est possible que les Ballances apprennent une nouvelle importante./ Le horoscope conseille aux Sagitaires qu'ils prennent un congé et fassent du sport./ pour les Poissons il est utile que leurs repas soient plus légers et qu'ils mangent moins de friandises*».

Нужно отметить ещё один не менее важный момент, что после безличных оборотов, выражающих уверенность, вероятность или возможность, в зависимости от формы или их значения употребляют либо Subjonctif или Indicatif. Выбор изъявительного или сослагательного наклонения определяется правилами грамматики: если реализация факта скорее возможна, используется изъявительное наклонение (*j'indique*); если скорее невозможна – то сослагательное наклонение.

Согласно В.Г. Гаку, формализовать данную закономерность можно следующим образом [4, с. 306]:

Вероятность реализации факта (в %) INDICATIF /SUBJONCTIF:

– 100% (достоверность) – 51% (вероятность) INDICATIF;

– 49% (вероятность) – 0%(невозможность) SUBJONCTIF

Употребление наклонений Subjonctif или Indicatif для выражения уверенности, вероятности или сомнения, возможности можно отработать в следующей ситуации:

3. Ситуация «*Vous croyez à l'incroyable?*» (Очевидное-невероятное).

Группа делится на две подгруппы. Представители подгрупп по очереди называют необычные факты и происшествия, а играющие должны оценить их достоверность, выразить вероятность, возможность данного факта (события) или сомнение, используя необходимое наклонение, например:

a) *Un homme a mangé pendant quelques années des dizaines de kilos de métal. Qu'en dis-tu ?*

-Je ne crois pas que ce soit vrai. Il est peu vraisemblable qu'un homme puisse manger du métal. -Pourtant, c'est vrai. C'est écrit dans le Livre des Records.

b) *Un Français est allé de Paris à Lyon en deux heures avec sa bicyclette.*

-Je ne nie pas qu'il ait pu le faire, à condition qu'il ait pris le TGV et qu'il ait mis sa bicyclette en bagages. (Отгадавший игрок получает очко. Выигрывает та подгруппа, которая наберет больше очков).

Как видно из приведенных примеров, наклонение Subjonctif может быть использовано при обсуждении актуальных и интересных для обучающихся тем в ситуациях, приближенных к естественным.

Таким образом, на примере французского языка мы выяснили, что основным и самым сложным средством выражения категории модальности в языке является морфологическая категория наклонения Subjonctif. Поэтому, для полноценного общения на французском языке необходимо овладеть не только временными формами изъявительного наклонения, но и наклонением Subjonctif, т.к. оно выполняет важнейшие речевые функции – пожелание, волеизъявление, обозначение возможного действия, выражение различных эмоций, сомнения, субъективного отношения к событиям. Обучение всем этим речевым действиям важно для формирования лингвистической и в целом коммуникативной компетенции учащихся на французском языке.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1955. – 416 с.

2. Бочкова Л.П. Способы выражения концепта «желательность» во французском языке / Л.П. Бочкова // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАР-

НЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3(30). – URL: <https://sibac.info/studconf/hum/xxx/41267>.

3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка. 1950. Вып. 2. С. 38-79.

4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2004. – 862 с.

5. Чернова Г.М. Уроки коммуникативной грамматики: наклонение Subjonctif / Г.М. Чернова // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 1. – С. 89-95.

6. Besse H. Enseigner la compétence de communication / H. Besse // Le Français dans le Monde. – 1980, N°153. – P.41-47.

*С.А. Косинов, курс. ф-та САТОП ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Е.Г. Скребова, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОРОЖДЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Полученные за последние десятилетия данные свидетельствуют о том, что речетворческий процесс представляет собой сложную многофазовую трансформацию совокупности присутствующих в сознании говорящего образно-смысловых элементов в высказывание определенной структуры, опосредованную внутренней программой, или, в нашей трактовке, предметной ситуацией. Здесь нужно обратить внимание на то, что речемыслительные операции, обеспечивающие лексическое развертывание и грамматическое конструирование компонентов предметной ситуации, являются тесно взаимосвязанными. В процессе языкового кодирования предметной ситуации тот или иной образно-смысловой элемент, избираемый в качестве актуального, в равной мере обуславливает и выбор лексики, и выбор формы синтаксической организации последней [5, с. 31; 2, с. 46; 6, с. 97-98].

С учетом сказанного представляется целесообразным выделить два основных этапа порождения предложения-высказывания: довербальный и языкового кодирования.

1. Довербальный этап. Раскрывая психологическую сущность внутренней программы речевого высказывания, Л.С. Выготский одним из первых указывает на то, что она формируется совокупностью ситуативно и контекстуально определенных смысловых блоков, которые в процессе чрезвычайно сложной динамической трансформации подлежат предикации [3, с. 162-163].

При отражении какой-либо предметной ситуации человеческое сознание вначале выделяет образ материального объекта или образы нескольких материальных объектов – в зависимости от состава ситуации. Затем воспринимается образ признака данного материального объекта или образ отношения между несколькими материальными объектами. В результате мыслительной операции соединения материального объекта и его признака в сознании говорящего формируется предметная ситуация.

Таким образом, на довербальном этапе речетворческого процесса экстралингвистическая основа предложения-высказывания – предметная ситуация – предстает в сознании носителя языка в виде комплекса предметного и признакового образов (или связанных определенным отношением нескольких предметных образов), который в момент акта предикации соотносится говорящим с конкретной ситуацией общения [4, с. 21].

2. Этап языкового кодирования. Процесс языкового кодирования предметной ситуации (а точнее, ее элементов) представляет собой динамическую функциональную систему, состоящую из эталонов формальных языковых значений, всевозможных пре-скрипторных правил и приводящих их к действию речемыслительных операций, а также образцов и стереотипов коммуникативных условий применения этих правил в речевой деятельности.

Исходя из сказанного, «общая картина» предложения-высказывания предстает в виде своеобразного когнитивного эталона, появляющегося в результате координации материальных объектов и их состояний, в известной степени обуславливающих отбор, комбинаторику, иерархию приоритетности типов парадигматических связей компонентов при порождении данного предложения-высказывания.

В процессе языкового структурирования элементов отраженной сознанием предметной ситуации предметный и признаковый образы разделяются и передаются в предложении соответствующими предметными (иначе – актантными) и признаковыми словоформами, например:

Das Telefon klingelt; Das Haus wird renoviert; Er bleibt ein Träumer.

В приведенных синтаксических конструкциях полужирным курсивом выделены признаковые компоненты.

К семантическим актантам информативно минимальных предложений относятся субъект, объект, адресат и локализатор.

Под **субъектом** понимается актант, который в отражаемой предметной ситуации и соответствующей ей инвариантной семантической структуре предложения является реальным источником действия или носителем состояния:

Die Sterne leuchten; Mir wurde schwindlig.

Объект рассматривается в качестве второго актанта, представляющего участника предметной ситуации, который в составе инвариантной семантической структуры предложения связан с субъектом твердо установленным отношением – действием:

Alle lieben Stefan; Ich mache Kaffee.

Адресат – еще один объектный компонент в составе инвариантной семантической структуры предложения – появляется тогда, когда отношение связывает три актанта:

Dem Mutigen hilft Gott; Rüdiger schenkt seiner Freundin einen Ring.

Локализатор трактуется как актант, который реализует временные и/или пространственные параметры субъекта:

Das Unglück ereignete sich gegen Mitternacht; Wir trafen uns an der Isar.

Названные семантические актанты являются информативно обязательными.

Количественный и качественный состав актантов детерминируется, с одной стороны, выражаемым предложением типовым значением и лексико-грамматическим рядом глаголов [4, с. 15-18].

Предметный образ при кодировании ситуации может быть не представлен в предложении вообще, оставаясь в сознании говорящего в виде предельно обобщенного предметного образа – носителя выражаемого признака. Сказанное прежде всего относится к синтаксическим конструкциям, репрезентирующим состояние-процесс окружающей среды. Например:

Es war schon ziemlich spät (R. Dahl); Es lenzet auch auf unserm Spahn, o selige Epoche! (Ch. Morgenstern); Es wurde immer geheimnisvoller (G. Pausewang).

Специфика **признакового компонента** заключается в том, что в процессе языкового структурирования элементов предметной ситуации он всегда получает свою реализацию и в семантике, и в структуре предложения.

В отличие от рассмотренных предметного и признакового образов предикация не входит в структуру предметной ситуации, вследствие чего после завершения языкового кодирования элементов ситуации не становится отдельным компонентом семантической структуры предложения-высказывания. Содержание предикативного акта мышления находит свое системное выражение в предикативных категориях персональности, аспектуальности, темпоральности, объективной модальности. Являясь неотъемлемой частью экстралингвистической основы предложения, предикация передается тем или иным языковым способом: окончанием глагольной словоформы, связкой (в том числе ее нулевой формой) [1, с. 39].

Таким образом, информативно минимальное простое предложение представляет собой сложнейшим образом организованную синтаксическую единицу, в которой уже содержатся важнейшие языковые антиномии: диалектика системы языка и процесса речи, коммуникативности и номинативности, языка и мышления, логики и грамматики, языка и действительности, грамматической формы и грамматической семантики, социального и индивидуального.

Литература

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. – 392 с.
2. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. – 3-е изд. – М.: URSS, 2008. – 222 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: АСТ; Хранитель, 2008. – 668 с.
4. Копров В.Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В.Ю. Копров. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 348 с.
5. Сигал К.Я. Об одном фрагменте психоллингвистической грамматики сочинительной связи / К.Я. Сигал // Вопросы филологии. – 2007. – № 1 (25). – С. 31-40.
6. Pechmann T. Sprachproduktion: Zur Generierung komplexer Nominalphrasen / T. Pechmann. – Psycholinguistische Studien. – Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – 248 S.

*Д.М. Кислова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. А.В. Рудакова*

ВИДЫ ОБРАЩЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА И И.А. БУНИНА)

Цель нашего исследования – анализ структуры и содержания обращений в рассказах А.П. Чехова. Материалом исследования послужили тексты 12 произведений А.П. Чехова («Письмо к ученому соседу», «Радость», «Маска», «Егерь» и др.) [5] и тексты 15 рассказов И.А. Бунина («Святые горы», «Захар Воробьев», «Забота» и др.) [1]. Методом сплошной выборки из указанных произведений были выписаны лексические единицы, выступающие в тексте в роли обращения: 210 таких единиц в текстах А.П. Чехова и 104 единицы в произведениях И.А. Бунина.

Под обращением мы понимаем слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь [4, с. 150]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» обращение определено как «грамматически независимый и интонационно

обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [3, с. 162]. В.Е. Гольдин под обращением понимает следующее: это одно из средств «универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [2, с. 52].

Все обращения были классифицированы по нескольким основаниям.

1. С точки зрения структуры – в художественных текстах А.П. Чехова представлены обоими видами: 74 единицы (35%) многословных и 136 единиц (65%) однословных. Многословные обращения в произведениях А.П. Чехова представляют собой словосочетания: существительное, называющее адресата + существительное, характеризующее адресата (*господа читатели, господин в очках*), существительное + прилагательное, характеризующее его (*дорогой соседюшка, старая холера, милый человек*), существительное + притяжательное местоимение «мой» (*друг мой, дитя мое*), субстантивированное прилагательное + притяжательное местоимение «мой» (*дорогой мой, мой милый*). Особую группу составляют обращения – наименования людей по имени и отчеству (*Евгения Андреевна, Надежда Петровна*). В произведениях И.А. Бунина было отмечено 32% многословных и 68% однословных обращений. У И.А. Бунина многословные обращения представлены чаще всего следующими структурами: существительное + прилагательное, характеризующее его (*черт курносый, родимая сторонюшка*), существительное + притяжательное местоимение «мой» (*душа моя, друзья мои*), а также (чаще, чем у А.П. Чехова) многословные наименования чина (*господин урядник, Ваше превосходительство*). В значительном количестве у И.А. Бунина присутствуют и обращения-наименования (по имени отчеству или имени и фамилии). Анализ показывает, что индивидуально-авторским для И.А. Бунина является использование многословных обращений, содержащих в себе фольклорные формулы (*мать сыра-земля, царь-девица*).

2. С прагматической точки зрения были выделены обращения, характеризующие партнера общения. У А.П. Чехова чаще всего встречаются обращения, в которых адресантом выступают мужчины, адресаты – мужчины (42% обращений). Примерно одинаково количество обращений в текстах А.П. Чехова, в которых адресант и адресант различны по гендерному признаку (по 20%). Остальные виды обращения представлены отдельными примерами. У И.А. Бунина также обращения мужчины к мужчине самые частотные (30%), в 22% случаев наблюдается обращение мужчины к женщине, в 14% – женщины к мужчине. Необычным у Бунина является большое количество обращений к животным (в 19% случаев), а также к природным стихиям (5%), что обусловлено тематическими особенностями произведений.

3. С точки зрения лексико-грамматической характеристики можно выделить обращения, представленные именами собственными и именами нарицательными. Так, в текстах А.П. Чехова представлено 61% имен нарицательных и 39% собственных имен. Причем собственные имена выражены разными способами: это и обращение по имени (*Максим, Никита*), имени и отчеству (*Егор Нилыч, Надежда Петровна*), фамилии (*Любовкин*), а также встречаются и многословные обращения, включающие имя собственное и слово, указывающее на особое отношение к адресату (*господин Белебухин, уважаемый Михаил Аверьяныч*). В рассказах А.П. Чехова часто встречаются и такие обращения, где имя собственное, относящееся к одному персонажу, меняется в течение произведения из-за изменения отношения к герою или попытки на него воздействовать (*Надежда Петровна – Надя – Наденька; Гриша – Григорий – Григорианц – Гри-Гри*). У И.А. Бунина же всего 28% собственных имен и 72% нарицательных. Это связано с преобладанием в обращениях слов, предназначенных для этикетного обращения (*мадам, сэръ, батюшка, ребята*).

4. С точки зрения социальной характеристики были выделены обращения со значением наименования родственных отношений. В текстах А.П. Чехова встретилось 9% таких обращений (*мамаша, папа*). Только половина этих обращений обозначала семейные отношения между родственниками. Другая половина употреблялась в дружеском и фамильярном значениях (*брат, братец, дядя, бабушка*). В произведениях И.А. Бунина были обнаружены 20% обращений со значением родства, но и здесь часть из них была использована в профессиональном (*батюшка* – при обращении к священнику) и фамильярном (*брат* – к знакомому) значениях.

Обращения, содержащие качественные характеристики адресата, в рассказах А.П. Чехова, встречались в 11% единиц. Характеристика адресата в обращении встречалась как положительная (*милый человек, ангел, симпатичный брюнет*), так и отрицательная (*тюлень, живодег*). Причем по форме такие обращения представляют собой как отдельное существительное, наделенное дополнительной оценочной семантикой (*Наденька, леший, дьявол*), так и словосочетание: нейтральное по своей семантике существительное + оценочное прилагательное (*милая, славная Таня; милый человек*) или же оценочное существительное + оценочное прилагательное (*тупая скотина, старая холера*). В произведениях И.А. Бунина встретилось 18% характеризующих адресата обращений. Чаще всего они представлены многословными структурами (*родимый ты мой батюшка; любезная, неверная моя*), но встречаются и однословные (*мерзавец, дурак*).

В текстах А.П. Чехова присутствуют обращения, которые определяют социальный статус адресата. К ним относятся и наименование профессии (*доктор, извозчик*) и принадлежность к социальному классу (*барин, княгиня, ваше высокоблагородие*), а также статус социальных отношений между адресантом и адресатом (*дорогой соседюшка, коллега*). Число таких обращений составляет 32 единицы (15%). У И.А. Бунина таких обращений гораздо всего 8% случаев, и обозначают они только принадлежность к социальному статусу (*урядник, ваше превосходительство*).

5. Стоит отдельно отметить обращения, которые выполняют этикетную функцию в общении. Такого рода обращений в рассказах А.П. Чехова достаточно много (25%). Сюда относятся такие обращения, как *господа, милостивый государь, друг мой, уважаемый Евгений Федорыч*. Были в текстах и этикетные формы обращений фамильярного характера: *голубчик, братец ты мой, брат*. В текстах И.А. Бунина также встретилось достаточное количество такого рода обращений (28%): *сударь, сэр, мадам*; а также фамильярные: *брат, братец*.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено доминирование однословных обращений при значительном количестве многословных у обоих авторов, а также были рассмотрены возможные структуры многословных обращений.

Литература

1. Бунин И.А. Суходол. Жизнь Арсеньева. Рассказы / И.А. Бунин. – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1978. – 479 с.
2. Гольдин В.Е. Обращение: Теоретические проблемы / В.Е. Гольдин. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. – 127 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / [под ред. В.Н. Ярцевой]; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. Энцикл., 1990. – 682 с.
4. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Чехов А.П. Рассказы и повести / А.П. Чехов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – 480 с.

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ ФРАНЦУЗСКИХ НАКЛОНЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Проблема передачи семантической нагрузки и правильного отражения грамматической формы условного и сослагательного наклонений при переводе представляет определенную трудность и мало изучена как русскими, так и иностранными специалистами в области переводоведения.

При переводе французских текстов перед русскими переводчиками встает проблема правильной передачи функций условного и сослагательного наклонений глагола на русский язык. Основная трудность заключается в том, что в русском языке отсутствует сослагательное наклонение, а функции и семантическая ценность французского условного наклонения намного шире, нежели в русском языке, поэтому переводчик вынужден искать другие средства языка, чтобы передать функции этих наклонений [3].

Передача семантико-грамматических особенностей *mode conditionnel* представляет сложность по ряду причин: не всегда условное наклонение французского языка можно передать условным наклонением русского языка; из-за несовпадения семантической составляющей переводчик вынужден прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям; зачастую изменяется структура предложения, меняются субъектно-объектные отношения, особенно в случае со сложноподчиненными предложениями, в которых глагол придаточного в *conditionnel* не несёт семантической нагрузки условия [1].

Conditionnel, употребляемый в самостоятельном предложении или же в главной части сложноподчиненного предложения, может передаваться на русский язык несколькими способами в зависимости от модальной ценности наклонения. Приведём ряд примеров.

1. Так, если в самостоятельном (главной части) предложении *conditionnel* выражает предположение, гипотезу, неподтвержденный факт, вежливую просьбу и т.п., то при переводе используется отрицательная форма индикатива или повелительное наклонение: *Voudriez-vous patienter un petit moment? Не могли бы вы немного подождать? (Подождите, пожалуйста.)*

2. Если предложение выражает упрек с оттенком сожаления, то такие предложения переводятся с использованием слов **следует, ведь**: *Vous auriez dû me mettre au courant... Вам следовало (бы) поставить меня в известность...*

3. Если *conditionnel* имеет нагрузку предположения или вымышленного события, то эта ценность передается на русский язык при помощи изъявительного наклонения с модальными словами: *Maintenant elle devrait avoir une quarantaine d'années. Сейчас ей, вероятно, лет сорок.*

4. Модальная ценность смягченного утверждения или вопроса может переводиться на русский язык при помощи настоящего или будущего времени изъявительного наклонения: *Les travaux de restauration demanderaient deux ans. На реставрацию требуется (скорее всего) два года.*

5. При передаче неподтвержденной информации, противоречащей действительности, используются выражения *как стало известно, не лишено вероятности, как сообщают, якобы, будто бы*. При ссылке на какой-либо ресурс такие предложения переводят прошедшим временем без использования лексических средств: *Selon l'Agence France-Presse, les marchés des changes auraient peu réagi à la guerre en Yougoslavie. По данным агентства Франс-Пресс, валютный рынок не отреагировал на войну в Югославии.*

6. При передаче значения гипотетичности используются сочетания *à + infinitif*, которые носят устойчивый характер и передаются на русский язык при помощи сложного предложения со значением условия, через инфинитив, деепричастие или именное сказуемое: *À le voir, on dirait qu'il se moque de nous. Посмотреть на него, можно подумать, что он над нами смеется* [2, с. 10-36].

7. Сложноподчиненные и бессоюзные предложения, в которых *conditionnel* имеет семантическую ценность условия, не имеют особых сложностей при переводе. В большинстве случаев такие предложения переводятся русским условным предложением: *Au cas où il pluvrait, le match n'aura pas lieu. В случае, если пойдет дождь, матч не состоится.*

8. Бессоюзные предложения со значением уступки могут переводиться на русский язык при помощи бессоюзного предложения либо сложноподчиненным предложением: *Je l'aurais rencontré plus tôt, le ne lui en aurais rien dit. 1) Встреть я его раньше, я бы ему об этом ничего не сказал. 2) Даже если бы я его встретил раньше, я бы ему об этом ничего не сказал* [2, с. 39-68].

Перевод предложений, содержащих *subjonctif*, представляет особую трудность в связи с отсутствием в русском языке подобного наклонения. При переводе таких предложений следует учитывать семантико-грамматические особенности употребления *subjonctif*, а именно тип предложения (самостоятельное, сложноподчиненное), а также тип придаточного (дополнительное, определительное, обстоятельственное) [1].

1. Самостоятельные предложения с *subjonctif* чаще всего используются в разговорной речи для выражения просьбы, восхищения, порицания, сожаления, возмущения. Такие предложения можно перевести несколькими способами:

– с помощью частицы «пусть»: *Qu'il patiente un petit moment! Пусть немного подождет!*

– с помощью русского условного наклонения: *Pourvu qu'il guérisse! Только бы он выздоровел!*

– при помощи повелительного наклонения: *Que j'attende, moi! Чтобы я ждал!*

– устойчивыми выражениями: *Que je ne bouge pas de la place! Не сойти мне с этого места!* [2, с. 75].

2. Сложноподчиненные предложения с *subjonctif* переводятся по-разному в зависимости от типа придаточного предложения.

Функции *subjonctif* в придаточном определительном на русский язык можно передать при помощи частицы «же», страдательного залога, обстоятельственного оборота «согласно + существительное».

Перевод сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным осуществляется с помощью оборота «то, что»: *Le fait que ce roman ait bouleversé toute sa vie paisible me réjouit. То, что этот роман перевернул его спокойную жизнь, меня радует.*

При переводе предложений с придаточным относительным в русском языке используются условные предложения: *Je cherche un article qui puisse vous intéresser. Я ищу статью, которая могла бы вас заинтересовать.*

При переводе предложений с придаточным обстоятельственным времени необходимо обратить внимание на различия в смысловых оттенках союзов и союзных оборотов: *Tu ne bougeras pas d'ici que tu n'aies demandé pardon. Ты не двинешься с места, пока не попросишь прощения.*

Сложноподчиненные предложения с придаточными уступки и образа действия также имеют свои особенности перевода. *Subjonctif* в придаточных уступки может передаваться на русский язык либо при помощи пословного перевода (придаточным уступки), либо при помощи сложносочиненных предложений с противительным союзом «а»: *Les jours passent sans que le travail avance. Дни проходят, а работа не продвигается.*

Subjonctif в придаточных образа действия передается на русский язык с помощью пословного перевода (придаточными образа действия), либо при помощи деепричастного оборота: *Sans qu'elle sache comment, elle s'est retrouvée dans la rue. Она оказалась на улице, не помня, как это произошло* [2, с. 81-144].

Исследования функционирования условного и сослагательного наклонения показали, что в большинстве случаев, перевод этих явлений нормативен. Это связано с тем, что данные грамматические конструкции используются в качестве устоявшихся выражений, перевод которых не требует каких-либо изменений. Также были замечены случаи одинакового перевода предложений с условным или сослагательным наклонением. Это связано с частичным совпадением семантики наклонений во французском языке, что повлекло отсутствие разницы в русском переводе.

Литература

1. Гак В.Г. Теория и практика перевода. Французский язык [Текст] / В.Г. Гак., Б.Б. Григорьев – М.: Интердиалект+, 2003. – 456 с.
2. Тарасова М.В. Условное и сослагательное наклонения в современном французском языке: Учеб. пособие [Текст] / М.В. Тарасова. – М.: Высш. шк., 2004. – 159 с.
3. Engel H. ; Forsgren M. ; Sullet-Nylander F. (2010). Emploi modal de proposer que en contexte non-volitif, *Cahier Chronos* 21 : 85-101.

*К.А. Соковых, студ. института филологии
ЕГУ им.И.А.Бунина (Елец)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.А. Селеменова*

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

В отечественной грамматике типологии сказуемого посвящена обширная литература, однако до сих пор многие вопросы остаются спорными, например, вопрос о средствах осложнения простого глагольного сказуемого и месте таких осложненных форм в парадигме сказуемого [см.: 1; 3; 4; 5; 6; 11; 12].

Исходя из того, что осложненные формы простых глагольных сказуемых являются «результатом варьирования внутри парадигмы простого глагольного сказуемого» [4, с. 27], своей целью мы ставим систематизацию и описание средств осложнения простого глагольного сказуемого в произведениях А.С. Пушкина.

Эмпирическим материалом исследования послужили разножанровые произведения писателя: сказки, повести, стихотворения [см.: 8; 9; 10]. Всего объем авторской картотеки примеров составил 159 высказываний с осложненными формами простых глагольных сказуемых.

А.С. Пушкин был новатором в области преобразования языковой структуры художественного текста. Воскрешая старинные выражения с ярким колоритом «национальной характеристики» [2, с. 259], смешивая слова церковно-славянского языка с живой русской речью, поэт широко использовал конструкции устно-разговорного характера [7, URL], в том числе и высказывания с осложненными формами простых глагольных сказуемых.

В произведениях писателя одним из наиболее частотных средств осложнения простого глагольного сказуемого выступают повторы спрягаемых форм глагола изъявительного наклонения настоящего или прошедшего времени, повелительного наклонения.

В результате в плане содержания сказуемое приобретает добавочные оттенки значения. Например, значение временной протяженности действия, его непрерывности (*Людмила идет, идет* (А.С. Пушкин. Руслан и Людмила)) или значение интенсивности (*А Гвидонто злится, злится* (А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане)). Значения интенсивности действия регулярно выступает в качестве дополнительного для волюнтивного значения. Например: *Лови, лови* (А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане); *Мой друг, беги, беги* (А.С. Пушкин. Цыганы) и др.

Действие, совершаемое длительно, может внезапно прерываться или продолжаться качественно иным действием или состоянием. Например: *Между тем росла, росла, / Поднялась – и расцвела...* (А.С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях).

Со значением временной протяженности действия связано значение многократности. Сказуемое в этом случае представлено глаголами изъявительного наклонения настоящего времени 2-го лица: *Ходишь, ходишь* (А.С. Пушкин. Борис Годунов).

Повтор глаголов в форме изъявительного наклонения в текстах А.С. Пушкина может включать не две формы, а три с целью подчеркивания интенсификации действия-перемещения: *Стремглав лечу, лечу, лечу* (А.С. Пушкин. Гусар).

Значение интенсивности действия, процесса способно выражаться не только повторами глаголов, но и использованием в качестве средства осложнения простых глагольных сказуемых однокоренных образований наречного типа на *-ом*. Примеры типа *Глубь долин застонала стоном* (А.С. Пушкин. Сказка о золотом петушке).

Значение осуществления движения с какой-либо целью реализуется сочетанием глагола движения (*пойти*) и глаголов, называющих цель этого движения (*отдохнуть, заснуть* и др.). Например: *А я пойду отдохну с дороги* (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого); *Пойду засну* (А.С. Пушкин. Моцарт и Сальери) и др.

Простое глагольное сказуемое, осложненное частицами, – самый распространенный тип осложнения в текстах писателя. А.С. Пушкин использует разные частицы. Так, частица *себе*, примыкая к глаголу-сказуемому, употребляется для подчеркивания свободы протекания действия, совершения его ради удовольствия, в интересах того, о ком идет речь. Например: *Спит себе на соломе* (А.С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде); *А старики пускай себе дерутся* (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Частицы *так и, да, да и, да ну, да как, как, и как* используются при глаголах для выражения интенсивности, внезапности, неожиданности действия. Например: *Язык у нее так и свердел* (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого); *Да как ручку замахнет* (А.С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях); *Как обниму тебя!* (А.С. Пушкин. Чаадаеву) и др.

Значение длительности, продолжительности действия или состояния, интенсивности привносит в сказуемое частица *всё*. Например: *Всё ходит, ходит он кругом* (А.С. Пушкин. Медный всадник). В примерах с частицей *всё* используются одновременно два вида осложнения: частица и повтор глаголов. Например: *Между тем всё шла да шла* (А.С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях).

Частотность выделенных средств, осложняющих простое глагольное сказуемое в произведениях А.С. Пушкина, различна:

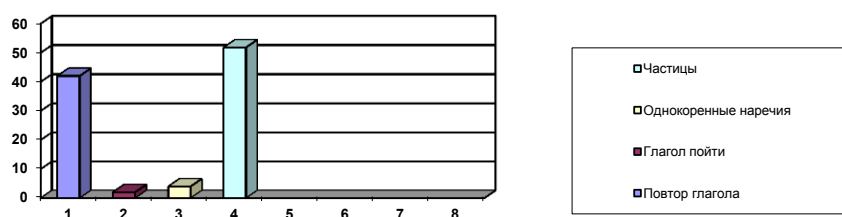

Рисунок 1 – Частотность осложняющих простое глагольное сказуемое средств в текстах А.С. Пушкина

За счет перечисленных средств простое глагольное сказуемое в текстах А.С. Пушкина осложняется на двух уровнях: на формальном и содержательном. На формальном уровне мы выявили такие средства осложнения, как повтор глаголов в одной и той же форме, частицы, образования наречного типа на *-ом*, глагол движения *пойти*. На содержательном уровне сказуемое за счет введения перечисленных средств приобретает дополнительные оттенки значения: значение временной протяженности действия, его многократности, неожиданности, интенсивности и др.

Поскольку осложненные формы простых глагольных сказуемых – это принадлежность разговорной речи, просторечия, диалектной речи, их использование А.С. Пушкиным объясняется стремлением писателя создать в художественных текстах «атмосферу народности». За счет осложненных форм простого глагольного сказуемого синтаксис произведений А.С. Пушкина становится выразительным, экспрессивным, а повествование динамичным.

Литература

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 1978.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка / В.В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982.
3. Ибрагимова Д.З. Грамматические повторы как формы осложнения простого глагольного сказуемого в татарском и русском языках / Д.З. Ибрагимова // Наука и современность. – 2010. – №6-2. – С. 194–199.
4. Искренкова М.С. Частицы *взять, взял, возьмёт, возьми + и, да, да и* в предикативной структуре предложения / М.С. Искренкова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. – 2009. – №1. – С. 27–31.
5. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1976.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П.А. Лекант. – М.: Высшая школа, 2004.
7. Липатов Г. Языковая структура у Пушкина / Г. Липатов. – URL: <http://www.proza.ru/2010/01/21/425> (дата обращения: 29.01.2017).
8. Пушкин А.С. Драматические произведения, проза / А.С. Пушкин. – М.: Просвещение, 1984.
9. Пушкин А.С. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. I / А.С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1980.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. IV / А.С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977.
11. Родионова И.Г. Простое глагольное сказуемое со словом *всё* в современном русском языке / И.Г. Родионова // Вестник Московского государственного областного уни-

верситета. Сер. Русская филология. – 2009. – №4. – С. 51–55.

12. Шлепикова В.А. Формы простого глагольного сказуемого: проблемы семантико-грамматического представления (на материале русской традиционной бытовой сказки и бытовой сказки Южного Урала): дис. ...канд. филол. наук / В.А. Шлепикова. – Челябинск, 2007.

СЕКЦИЯ «ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА»

*Д.К. Травкина, студ. филологического ф-та ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Тирасполь, Приднестровье)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Ю.И. Назарчук

СОХРАНЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Актуальное членение предложения – это разделение предложения в конкретной коммуникативной ситуации на исходную часть сообщения (тему) и новую часть сообщения (ремю).

Актуальное членение предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понятно и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания [1, с.161].

Тема (исходный пункт высказывания) - это та часть высказывания, которая самая известная слушателю (читателю) и т.п., одним словом, получателю этого высказывания.

Рема (ядро) - это та часть высказывания, которая новая и неизвестная получателю. Ядром она называется потому, что именно ради этой части высказывания само это высказывание и порождается. [1, с.161]. Все что находится между темой и ремой в той или иной степени связано с ними, и при перефразировании части связанные с темой могут вообще опускаться, что нельзя сделать с ремой и ее определениями.

Давайте рассмотрим тема - рематическое отношение в предложении на примере:

*We offer (T) **the highest** salary and fringes in the country (P).*

*У нас (T) **самые высокие** оклады и дополнительные льготы по стране в целом (P).*

Для передачи главной информации автором была использована превосходная степень прилагательного (*the highest*). Прилагательное в превосходной степени всегда сигнализирует о важности выдвигаемой информации, что позволяет сфокусировать внимание именно в этой точке повествования. При переводе на русский язык переводчик сохранил средства введения новой информации в предложении и использовал превосходную степень прилагательного (*самые высокие*). Таким образом, удалось передать актуальное членение оригинала без изменения порядка слов в предложении.

Выделяют следующие языковые средства выражения актуального членения выражения:

- 1) просодический уровень
- 2) лексико-семантический уровень
- 3) синтаксический уровень

В данной статье просодический уровень не рассматривается, так как к уровню языковых средств выделения актуального членения принято относить *интонацию, тоновые группы, паузы, тоновые пики и ударение*.

Рассмотрим пример на лексико-семантическом уровне:

В соответствии с классической грамматикой с прилагательным в превосходной степени используется и определенный артикль, ср.: *The oldest and best known strategies will be discussed here* – *Здесь будут рассмотрены самые старые и самые известные стратегии*.

Семантика словосочетания *the oldest and best known* в последнем примере предполагает, что описываемое явление в целом известно реципиенту, однако в данном контексте оно выдвигается на передний план, является предметом исследования, что и составляет факт новизны, т.е. является ремой высказывания (несмотря на определенный артикль). Помимо этого, глагол *discuss* имеет низкую коммуникативную нагрузку, поскольку нуждается в уточнении, т.е. тем самым вводит новую информацию.

Следующий пример относится к синтаксическому уровню:

Так называемые расщепленные предложения *It is / was ... who / that* всегда вводят ремю высказывания, поскольку являются средством выделения *фокуса контраста*. Именно поэтому существует мнение, что это один из вариантов инверсивного порядка слов в английском языке, ср.: расщепленное предложение *it was the car that my father bought* и *It was a car, the car was bought by my father*, где в нейтральном, неэкспрессивном варианте расщепленному предложению соответствуют два предложения. Расщепленные конструкции имеются и в русском языке: *Не кто иной ... как; Что касается ... то*. Иногда при переводе фокус контраста необходимо бывает выделить дополнительно, с помощью рематизаторов: ***Именно эту машину (P) и купил мой отец (T); It was he (P), who won the prize (T) – приз выиграл (T) именно он (P)***.

Для сохранения актуального членения при переводе мы воспользовались классификацией Латышева. Л. К. Латышев выделяет шесть типов переводческих преобразований[2]:

1) Лексические преобразования (замены лексем синонимами)

Your secretary will be (T) a lady named Nina Huff (P).

У тебя будет секретарша (T) по имени Нина Хафф (P).

В данном предложении на ремю указывает артикль *a (a lady)*, кроме того, глагол *will be* не может выполнять функцию ремы, поскольку обычно подобные глаголы требуют уточняющей характеристики описываемого объекта, который становится маркером ремы. Рема выражена именем собственным как в английском (*Nina Huff*), так и в русском (*Нина Хафф*) языках.

2) Стилистические преобразования (трансформация стилистической окраски слова)

On the second floor he was directed to the periodicals, where he found (T) a shelf full of old editions of The Daily Caymanian (P).

На втором этаже его направили в отдел периодики, и там, на стеллажах, он обнаружил (T) подшивку островной газеты “Дейли Кэймэниэн” за несколько лет (P).

В данном примере глагол *found* нуждается в уточнении, в результате чего вводит ремю, которая в данном случае, как в тексте оригинала, так и в переводе выражена названием газеты (*The Daily Caymanian, Дейли Кэймэниэн*). В переводе рема также введена семантически слабым глаголом (*обнаружил*).

3) Морфологические преобразования (преобразование одной части речи в другую или замена ее несколькими частями речи)

The bankers here are (T) extremely quiet (P).

Местные банкиры (T) исключительно выдержанны (P).

Рема - характеристика банкиров. Кроме того, усилительное наречие *extremely* делает дополнительный акцент на важности информации. В переводе рема также является характеристикой, а усилительное наречие *исключительно* фокусирует внимание на важности информации.

4) Синтаксические преобразования (трансформация синтаксических конструкций (слов, словосочетаний и предложений), изменение типа придаточных предложений, изменение типа синтаксической связи, трансформацию предложений в словосочетания и перестановку придаточных частей в сложноподчиненных и сложносочиненных предложениях)

Sometimes they'll work (T) a hundred hours a week (P) during tax season.

Когда подходит время уплаты налогов, они, бывает, работают (T) и по сто часов в неделю (P).

В качестве ремы в данном предложении использовано числительное, обозначающее длительность рабочего времени (*hundredhours*) – как уточнение длительности ненормированного рабочего дня. При этом информация о том, когда приходится работать больше всего – в сезон подачи налоговых деклараций – является данной информацией, поскольку речь идет о налоговом агентстве. В переводе автор изменил положение ремы, переместив ее в конец предложения в соответствии с правилами актуального членения русского языка, а информацию, сообщающую тему высказывания – в начало.

5) Семантические трансформации («смысловое развитие»; в данное значение Латышев Л. К. вписывает замены деталей-признаков)

We think it is (T) the most profitable way to operate (P).

В фирме считается, что это (T) наиболее выгодный способ строить взаимоотношения (P).

В данном предложении на рему указывает прилагательное в превосходной степени (*the most profitable*).

В русском предложении переводчик употребил равноценные по семантике лексические единицы, оставив структуру предложения без изменения (*наиболее выгодный*).

б) Трансформации смешанного вида (конверсная трансформация и антонимический перевод).

Volkswagen (T) will stop building of new plants in China(P).

Компания Фольксваген(Т) не будет продолжать строительство новых заводов в Китае(Р).

Замена “will” на “не будет” – применение очевидного отрицания, тогда как использование вместо глагола “stop” глагол “продолжать” – отрицание скрытое, т.е. употребление антонима.

На основании проведенного нами исследования можно сделать следующий вывод: при переводе публицистического текста с английского языка на русский актуальное членение предложения сохраняется на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Сохранить актуальное членение в переводе позволяет правильный выбор переводческих трансформаций того или иного типа.

Литература

1. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – 230-245с.
2. Латышева В.Г. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / В.Г. Латышева // Усл. печ. л., 2007.– 280с.
3. <http://ru.lingvo.wikia.com>.
4. <http://study-english.info/article059.php>.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШОТЛАНДСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Географически и лингвистически Шотландия делится на две части: горную и равнинную. Основным языком горной Шотландии является гэльский язык, принадлежащий к кельтской группе языков, а на территории равнинной Шотландии население говорит на скотс, относящемся к германской языковой группе и восходящем к нортумбрийскому диалекту древнеанглийского языка. Скотс представляет собой совокупность нескольких шотландских диалектов, и наиболее общепринятым названием этого идиома в русском языке является «шотландский» (язык или диалекты).

В истории скотс традиционно выделяются три периода: ранний (1375-1450), средний (1450-1603) и поздний (1603-наст. время). Начало раннего периода знаменуется написанием Джоном Бамбуром эпической поэмы «Брус» – первого письменного источника шотландских диалектов. Войны за независимость в XIII–XIV вв. вызвали англо-шотландские противоречия и привели к языковой обособленности Шотландии, обусловив возникновение на основе английских диалектов отдельного языка, обозначенного в XIV в. термином “Scottis” (1450) [2, с. 42]. Язык Шотландии, на котором написана богатая шотландская поэзия и который использовался в официальной сфере, после присоединения к Англии и переезда шотландского двора в Лондон в 1603 году стал постепенно утрачивать статус государственного языка и заменялся английским [1, с. 91]. В 1707 году вслед за объединением английского и шотландского парламентов скотс окончательно лишился статуса языка политики, образования и религии. Он по-прежнему оставался средством повседневного общения, но доминирование английского языка в официальной сфере привело к постепенному размыванию и фактической утрате единой нормы скотс, сложившейся в XIV–XV вв. на базе эдинбургского диалекта. В итоге, он сохранился лишь как совокупность территориальных диалектов.

С XVIII по XX века скотс пережил возрождение в художественной литературе. Интеллигенция вновь расценивала его в качестве национального языка, но использование его в каких-либо сферах, помимо литературы, традиционно не поощрялось. Он считался социально непрестижным и в XX в. воспринимался как язык низших слоев населения. В 20-ых годах XX века началась «эпоха шотландского возрождения», которая была связана с усилением национального самосознания. Усиление интереса к шотландским диалектам и попытки укрепить позиции в 20-30-ых годах, а также после Второй мировой войны, не имели особого успеха, что объяснялось широким распространением радио- и телевидения, которые осуществлялись на литературном английском языке [3, с. 134].

Современная Шотландия – это «трёхголосая страна», где говорят и пишут на трёх языках – английском, гэльском и скотс. Однако лингвистический и политический статус скотс до сих пор остаётся неопределённым. Правительство оказывает поддержку на всех уровнях образования ради сохранения шотландских литературных традиций, а также ради появления интереса к шотландской культуре и за пределами страны.

Диалектическая граница между Англией и Шотландией является одной из самых чётко очерченных в Великобритании. Несмотря на то, что шотландские и северные диалекты Англии делят общие черты, шотландские диалекты имеют уникальные языковые особенности. Ниже представлены некоторые лексические и грамматические особен-

ности шотландских диалектов, отличающие скотс от стандартного английского языка [4, с. 329].

Лексические особенности. В лексике шотландских диалектов можно выделить три основные группы слов: заимствования, истинные шотландизмы и слова, характеризующиеся наличием одинаковой формы в скотс и английском языке, но имеющие различное значение. Заимствования представлены лексемами из скандинавских языков: *lassie* – девочка, незамужняя женщина (образовалось от прилагательного ‘*laskura*’; *You wanttaehuvawordwithatlassie*(I. Welsh)), *laddie* – мальчуган, паренёк, малец (происходит от ‘*ladde*’; *Yedinnaekenwhattheladdiekinhear!*(I. Welsh)), *sark* – женская сорочка (от древнескандинавского ‘*serkr*’; *And he gied Janet his arm, though she had little on her but asark*(R.L. Stevenson)); из нидерландского: *callant* – парень (от ‘*kalant*’; *He was still a young man—a callant, the folk said...* (R.L. Stevenson)); из древнеисландского: *carline* – старуха, ведьма (от ‘*kerling*’; *The carline skirled till ye could hear her at the Hangin’ Shaw* (R.L. Stevenson)); из французского: *summer* – болтуня, сплетница (от ‘*commère*’; *Janet ran to him an’ prayed him save her frae the cummers*(R.L. Stevenson)); из гэльского: *clachan* – горная деревушка (от ‘*clach*’ – камень; *For there was Janet comin’ down the clachan...* (R.L. Stevenson)); и даже из цыганских языков: *radge* – сумасшедший, глупый (от слова *raj*(y); *Anyhow, ah know it’s radge but ah just want taegie it a try*(A. Donovan)).

Следующие примеры из числа истинных шотландизмов, то есть лексем, которые используются в шотландских диалектах и не употребляются в литературном языке и других диалектах Великобритании [2, с. 40]. Они составляют совсем небольшую группу и используются только в скотс: *tosec* – искать, попытаться найти (...*I secher face in the mirror*(I. Welsh)), *bunnet* – мужская шотландская шапочка; все виды головных уборов для мужчин или мальчиков, кроме шляп (...*an old guy in a bunnet, puffing on a Capstan shouted over at him...*(I. Welsh)), *to smoor* – быть задуманным, задохнуться (...*they were a’ like to have smoored in the Deil’s Hag between this and Kilmackerlie* (R.L. Stevenson)), *speer* – задать вопрос, спросить (... *they got used wi’ it, and even speered at her to ken what was wrang*(R.L. Stevenson)), *ken* – знать, понимать, осознавать (*Ye dinnae ken what the laddie kin hear!* (I. Welsh)), *ey* – всегда (*How’s it ey me that hus tae go?* (I. Welsh)).

В скотс и стандартном английском встречается группа слов, характеризующаяся наличием одинаковой формы в обоих языках, но имеющая различное значение: *to chum* – сопровождать в качестве друга (*Chumays doontaethe chippy...*(I. Welsh)), *to mind* – знать, помнить (*You’re a Strang son, mind that* (I. Welsh)), *to greet* – плакать, реветь (*Terry, ah don’t want tae hear any mair nonsense aboot you greetin at the school*(I. Welsh)), *scheme* – жилой микрорайон, жилые постройки (*There was always fights with stanes in the scheme*(I. Welsh)), *to chore* – воровать, красть, стащить (*They must have thought we were gaunny chore aypils or something*(I. Welsh)), *stair* – парадная, подъезд (...*but eventually she came into the stair alone*(I. Welsh)).

Далее перейдём к наиболее существенным **грамматическим** особенностям шотландских диалектов [4, с. 329]:

- В отличие от английского языка, в котором форма местоимения ‘*you*’ одинакова как для единственного числа, так и для множественного, в морфологии скотс существуют иные формы множественного числа. Одна из них: ***youse*** (*I’m too quick for youse, you’ll never find ays in here* (I. Welsh). *So long as youse mind what ma man sais!* (I. Welsh));
- Отрицание глаголов, выполняющееся при помощи частицы *not*, в скотс осуществляется при помощи частиц ***no*** либо ***nae***. Например: (*Cannae be bothered wi the scheme any mair*(I. Welsh). *Ma faither wis nae a well man!*

(I. Welsh) *Are you **no**gonnae finish that?*(A. Donovan)*Ma granny had **no** been that well ... (A. Donovan). He spoke dead clear but wi an accent ah'd**no** heard afore.*(A. Donovan)).

- Отличительные формы глаголов включают всебя такие, как: *telt/tellt* – форма прошедшего времени глагола ‘to tell’ (... *tellt the wife next door we'd won the lottery (A. Donovan)*); *gane* – причастие прошедшего времени глагола ‘to go’ (*Thir days were a' **gane** by... (R.L. Stevenson)*); *gied* – форма прошедшего времени глагола ‘to give’ (*Use the brains God **gied** ye (I. Welsh)*); *goat* – форма прошедшего времени глагола ‘to get’ (*Ah wisgaunny go, bit ah nivr**goat** a ticket (I. Welsh)*); *cam* – форма прошедшего времени глагола ‘to come’ (*Fifty years syne, when Mr. Souli**scam**... (R.L. Stevenson)*); *wis* – форма прошедшего времени глагола ‘to be’ для единственного числа (*Tony **wis** their (I. Welsh)*); *pit* – форма прошедшего времени глагола ‘to put’ (*Ah held them oor and he **pit** them back in his pocket (A. Donovan)*)).

- Числительное ‘one’ в зависимости от его положения представлено разными формами: *aeman (oneman)* и *thatane/yin/wan (thatone)*. Например: *Her heid on **ae** side, like a body that has been hangit... (R.L. Stevenson). And syne it proved he was writin' a book himsel', which was surely no fittin' for **ane** of his years an'sma' experience (R.L. Stevenson). Ah mind ay ma Magivin it laldywi this **yin** (I. Welsh). When ma da gets embarrassed he looks like thon skinny **wan** in the Laurel and Hardy films... (A. Donovan).*

Таким образом, проведённое исследование позволяет отметить, что несмотря на потерю социального престижа и проведение мероприятий по очищению английского языка шотландцев от провинциального влияния скотс [2, с.45], шотландские диалекты обладают в своём составе интересными языковыми особенностями и широко используются шотландскими писателями в их произведениях, что обуславливает возросший интерес учёных и исследователей к этой теме.

Литература

1. Бруннер, К. История английского языка в 2 томах / К. Бруннер. – М.: Издательство Едиториал УРСС, 2003. – 720 с.
2. Денисова, Е.А. «Шотландский язык» и «шотландский диалект»: проблемы терминологии / Е.А. Денисова // Вестник Ленинградского государственного университета. – Вып. 2. / под ред. В.Н. Скворцова. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 33 – 45.
3. Павленко, А.Е. Региональный язык равнинной Шотландии (лингвистический и социолингвистический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Е. Павленко – Санкт-Петербург, 2004. – 50 с.
4. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 489 p.
5. Donovan A. Buddha Da / A. Donovan. – Edinburgh: Canongate, 2009. – 352 p.
6. Stevenson R.L. Strange Tales / R.L. Stevenson. – Glasgow: Bell & Bain Ltd, 2013. – 84 p.
7. Welsh, I. Glue / I. Welsh. – London: Jonathan Cape, 2001. – 184 p.
8. Welsh, I. Marabou Stork Nightmares / I. Welsh. – London: Vintage, 2004. – 104 p.

*А.Ю. Отстерчил, студ. филологического ф-та ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Тирасполь, Приднестровье)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Ю.И. Назарчук*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРЕВОД АРГУМЕНТАЦИИ В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аргументация – это способ рассуждения, сопряжённый с процессом доказывания, при этом в качестве доказываемого положения выдвигается некоторый тезис и формулируются поддерживающие его доводы. Для того чтобы аргументация в процессе перевода не утратила своей доказательной способности, к её переводу следует подходить с особой осторожностью. Таким образом, прежде чем приступить к процессу перевода, аргументативные структуры необходимо подвергнуть тщательному анализу.

Анализ аргументативного текста, согласно системе, предложенной Л.Г. Васильевым [1], проводится на двух уровнях. На тактическом уровне рассматриваются низшие единицы – Аргументативные Шаги. После установления функциональной семантики аргументов низшего уровня проводится исследование единиц стратегического уровня – Аргументативных Ходов. На примере аргументов из текста, взятого нами для анализа, мы рассмотрим единицы аргументации с точки зрения их семантики, способы перевода аргументации и степень её сохранения при переводе.

Аргументативный Шаг – это основная единица аргументации, совокупность Шагов объединяется в Аргументативный Ход. Аргументативный Шаг состоит из Тезиса (главное положение, которое нужно обосновать) и Доводов. Доводы, опираясь на модель С. Тулмина [2], определим, как Данные (информация, на которую ссылается Тезис и которая заранее приемлема или очевидна) и Основание (устанавливает связь между Данными и Тезисом и придает легитимность последнему). В том случае, когда аргумент имеет более одних Данных и Оснований, перед нами Аргументативный Супер-Шаг. Аргументативный Ход выделяется уже на основе и семантических, и структурных характеристик: он должен (а) иметь аргументативную семантику и (б) по объёму совпадать с абзацем. Часто Ход содержит более одного Шага (либо Супер-Шага). Аргументативные Ходы могут объединяться в Макро-Ходы.

Проанализируем фрагмент аргументативного текста [3, с. 451–453] и на его примере проиллюстрируем анализ Аргументативного Макро-Хода, состоящего из трёх Аргументативных Ходов:

(1) To put it bluntly, people who smoke in public places are robbing us of the clean air we deserve to breathe. As former Surgeon General C. Everett Koop said: 'The right of smokers to smoke ends where their behaviour affects the health and well-being of others'. (2) And if that weren't enough, Newsweek reported in June of 1990 smokers may be killing us as well. For example, the same article cited a study demonstrating that as many as 50,000 of us may die this year due to secondhand smoke. (3) Put simply, that means there is not is single person in this room who is truly immune from the health dangers of smoking. Each time a smoker lights up in a restaurant, at a club, or in another public gathering, they are threatening our health [3].

В данном случае Аргументативный Макро-Ход состоит из трёх Аргументативных Ходов, каждый из которых содержит по одному Аргументативному Шагу. В первом Ходе выделим Тезис *people who smoke in public places are robbing us of the clean air we deserve to breathe*, Данные *The right of smokers to smoke ends where their behaviour affects the health and well-being of others*, и Основание *As former Surgeon General C. Everett Koop said*. Во втором Ходе Тезисом являются слова *smokers may be killing us as well*; Данные –

as many as 50,000 of us may die this year due to secondhand smoke; Основание – *Newsweek reported in June of 1990*. В третьем Ходе мы выделяем Тезис *is not is single person in this room who is truly immune from the health dangers of smoking*; Данные *Each time a smoker lights up in a restaurant, at a club, or in another public gathering, they are threatening our health*. Основание в данном случае у нас имплицитное и представляет собой подразумеваемый логический вывод: если нечто справедливо для всех (каждой) ситуаций, то оно справедливо и для отдельной.

Проанализировав функциональную семантику аргументов и опираясь на данный анализ, рассмотрим способы перевода аргументации, уделяя особое внимание её сохранению в переводном тексте. Чтобы добиться сохранения аргументации, при переводе рекомендуется использовать ряд синтаксических трансформаций.

To put it bluntly, people who smoke in public places are robbing us of the clean air we deserve to breath. Здесь эффект от внутритезисного противопоставления *people ... are robbing* и *we deserve* достигим за счёт **замены типа синтаксической связи**. В английском языке подчинение, как правило, преобладает над сочинением, тогда как для русского языка более характерна сочинительная связь: *Грубо говоря, люди, которые курят в общественных местах, лишают нас чистого воздуха, а ведь дышать им мы имеем полное право*.

As former Surgeon General C. Everett Koop said: 'The right of smokers to smoke ends where their behaviour affects the health and well-being of others'. Для того чтобы подчеркнуть аргументативность слов бывшего главного хирурга (а в данном случае они являются Основанием аргумента) и обратить на них внимание слушателя, производится **перестановка** и глагол *сказал* выносится вперёд: *Как сказал бывший главный хирург Ч. Эверетт Куп, <...>*.

В случае если структура английского предложения может быть без каких-либо потерь передана на русский, речь идёт о **синтаксическом уподоблении**. «*Право курить курильщиков заканчивается там, где их поведение негативно отражается на здоровье и самочувствии других*». Кроме того, здесь можно наблюдать элемент формального добавления: для связи главного и придаточного предложения добавлено *там*.

В некоторых случаях имеет смысл преобразовать одно сложное предложение в два или более простых (**членение** предложения). На примере ниже мы видим, что в русском языке наблюдается дискретная структура аргумента, которая делает Основание более весомым, чем если бы оно без каких-либо изменений было передано на русский. *And if that weren't enough, <...> – Но это ещё не всё*. (В других случаях, когда в переводе необходимо передать тесную связь между составляющими аргумента (Тезис и Доводы), может, наоборот, иметь место **объединение** простых предложений в сложные.) Кроме того, сохранение аргументации в данном случае производится при помощи **перестановки** членов предложения и **добавления**: *<...> Newsweek reported in June of 1990 smokers may be killing us as well. – В июне 1990 года журнал Newsweek пишет, что курильщики, возможно, не только наносят вред нашему здоровью, но и убивают нас*.

Частым приёмом при переводе аргументативных структур является **замена членов предложения**. Так, в нижеследующем примере перестраивается синтаксическая структура предложения и подлежащее заменяется обстоятельством, а дополнение становится подлежащим: *For example, the same article cited a study demonstrating that as many as 50,000 of us may die this year due to secondhand smoke. – Например, в этой же статье приводится исследование, показывающее, что по меньшей мере 50 тыс. человек могут умереть в этом году от последствий пассивного курения*.

На примере ниже можно наблюдать явление **опущения**: *Put simply, that means there is not a single person in this room who is truly immune from the health dangers of smok-*

ing. – Проще говоря, ни один человек в этом зале по-настоящему не защищён от вреда, который курение наносит здоровью.

Помимо рассмотренных выше наиболее распространённых типов трансформаций, которые можно задействовать при переводе аргументации с английского языка на русский, другими синтаксическими трансформациями являются: переход **от обратного порядка слов к прямому** (преобразование тема-рематической организации предложения); **смена предикатов** при переводе; преобразование **активных конструкций в пассивные** и наоборот. Рассмотрим употребительность данных трансформаций на примерах, взятых из того же текста.

Преобразование тема-рематической организации предложения легко проследить на следующем примере: *Today alone, in fact, about 137 innocent bystanders will die from the effect of a smoker's actions.* – *Только сегодня по вине одного курильщика умрёт около 137 ни в чём не виновных, случайно оказавшихся рядом людей.* Данный пример показывает, как тема в английском предложении (*about 137 innocent bystanders*) перемещается на последнее место в русском предложении (*около 137 ни в чём не виновных, случайно оказавшихся рядом людей*). При этом английская рема (*from the effect of a smoker's actions*), напротив, из конечной позиции в предложении переместилась на первое место в русском (*по вине одного курильщика*).

При смене предикатов при переводе происходит замена предиката состояния на предикат действия или наоборот: *First, the chemicals in cigarette smoke make it a health hazard; second, second-hand smoke is a major cause of lung cancer and heart disease; <...>* – *Во-первых, химические соединения, содержащиеся в сигаретах, – это серьёзная угроза нашему здоровью; во-вторых, чаще всего именно пассивное курение вызывает рак лёгких и сердечно-сосудистые заболевания.* В данном примере предикат действия переводится предикатом состояния: *make* и *<есть>*; во втором случае предикат состояния заменяется на предикат действия: *is* и *вызывает*.

Процесс преобразования активных конструкций в пассивные можно проследить на следующих примерах: *Smoking should be banned in public places.* – *В общественных местах курение должно быть под запретом.* *<...> 43 of which are known to cause cancer.* – *Известно, что 43 из них вызывают рак.*

На основании проведённого нами исследования можно сделать следующий вывод: при переводе аргументативного монологического текста с английского языка на русский представляется возможным обеспечить сохранение аргументации в переводе при условии тщательного анализа семантики аргументов и оптимального выбора переводческих трансформаций, что в совокупности позволяет переводчику создать адекватный перевод.

Литература

1. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: Дис. докт. филол. наук. / Л.Г. Васильев. – Калуга: Калужск. гос. ун-т, 1999. – 251 с.
2. Toulmin St. The Uses of Argument. / St. Toulmin. – London, Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 415 p.
3. Dukes D. The Right to Breathe / S. Brydon, M. Scott. // Between one and many. The art and science of public speaking. Mountain View etc. – CA Mayfield, 1994. – 499 p. [P. 451–453].

*Н.Ю. Бабий, студ. филологического ф-та ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, г. Тирасполь)
Науч. рук. – ст. преп. И.Б. Прокудина*

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ

На протяжении всего своего существования библейские тексты привлекали пристальное внимание. Над ними работали священники, теологи, филологи, лингвисты, художники. На сегодняшний день Библия представляет интерес не только с религиозной, но и с лингвистической точки зрения.

Никакая книга во всей истории человечества не имела такого революционного влияния и не оказала столь решительного воздействия на развитие Западного мира, не имела такого влияния во всем масштабе, как «Книга книг» - Библия. Сегодня она переведена на 1120 языков и диалектов и после 2000 лет она не обнаруживает ни малейшего признака убывания своего триумфального шествия [3, с. 6].

Являясь собранием классических текстов и будучи неотъемлемой частью мирового литературно-художественного наследия, Библия представляет собой совершенно особое произведение.

Еще с древнейших времен, как только начало распространяться христианство, появились и первые попытки представить в художественных образах важнейшие моменты из священной истории. Во многих древних списках священных книг видны также попытки дополнить текст соответствующими изображениями. И с тех пор, по мере распространения христианства, задача представить в художественных образах Библию – величайшую божественно-человеческую эпопею – сделалась одной из главнейших задач искусства во всех христианских странах [4, с. 4].

На произведения искусства начинают смотреть как на некое подобие «Библии для мирян», предлагающее верующим в доступной форме образцы достойной и добродетельной жизни [5, с. 176].

Постепенно формируется система правил изображения в таких росписях персонажей и событий Священного Писания – своего рода канон, отступления от которого не допускались. Канон предусматривал жесткую композиционную закрепленность изображительных мотивов того или иного сюжета. Например, при изображении Благовещения ангел всегда должен появляться с левой стороны (хотя уже много позднее возникают и другие варианты иконографии этого сюжета) [5, с. 176].

Многие талантливейшие художники посвятили все свои силы и способности. Но ни одному из них не удалось выполнить свою задачу так удачно, как знаменитому французскому художнику Гюставу Доре. Картины Доре к Библии – это целая библейская галерея, величественное отражение эпохи, тщательное до мелочей изображение типов, костюмов, обстановки и т.д. Являясь превосходными иллюстрациями к библейскому тексту, дополняющими его, картины Доре представляют вместе с тем, каждая в отдельности, вполне законченное художественное произведение. В этом их двойное значение: альбом таких картин является и самостоятельным художественным изданием, и дополнением к любому изданию книг Священного Писания [1, с. 4].

Системе правил необходимо также придерживаться при переводе названий произведений искусства. Несмотря на кажущуюся простоту, они имеют свои характерные особенности, что зачастую усложняет работу переводчика. Порой можно не задумываться над использованием конкретных приемов перевода. А вот названия, которые содер-

жат в себе многозначные слова и другие переводческие трудности, можно переводить разными способами, используя различные трансформации [2, URL].

В переводоведении существует множество классификаций переводческих трансформаций, но все они делятся на три основные группы: лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. Перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических трансформаций, к которым в первую очередь следует отнести перестройку предложения (изменение его структуры) и всевозможные замены — как синтаксического, так и морфологического порядка. Большое значение имеют также добавления и опущения одного или нескольких слов. Грамматические трансформации обуславливаются различными причинами — как чисто грамматического, так и лексического характера. Различия в смысловой структуре слова являются одной из основных причин, вызывающих лексические трансформации. Эти различия связаны с характерными особенностями отдельных слов или групп слов. По существу, даже идентичные по значению слова разных языков не являются абсолютно равнозначными, никогда полностью не совпадают. Чаще всего совпадает первый лексико-семантический вариант таких слов, их основное значение, а далее идут различные лексико-семантические варианты, ибо развитие значений этих слов шло разными путями. Это обуславливается различным функционированием слова в языке, различием в употреблении, различной сочетаемостью, но даже основное значение английского слова может быть шире соответствующего русского слова [4, с. 18].

Рассмотрим ряд примеров названий произведений живописи, при переводе которых приходится прибегать к приему трансформации. Так, картина Гюстава Доре *'The Destruction of Leviathan'* в русском языке носит название *«Бог погубляет Левиафана»*. Существительное *Бог* было добавлено переводчиком. Данное **добавление** имеет целью сделать название более понятным реципиенту, так как уточняет субъект данного действия. В данном примере также наблюдаем грамматическую замену существительного *Destruction* на глагол *погубляет*.

А название картины *'Nailing Christ to the Cross'* в русской традиции подверглось приему **опущения** — *«Пригвождение ко кресту»*. Объект *Christ* был опущен при переводе.

Многие названия произведений живописи при переводе подвергаются приему **модуляции** или **смыслового развития**. Например, *'The Judas Kiss'* переводится *«Иуда лобзанием предаёт Иисуса»*. Мы видим, что происходит замена словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Зачастую при переводе имен собственных встречаем прием **транслитерации**, например, *'Susanna in the Bath'* — *«Сусанна купаньи»*, способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв переводящего языка.

Для замены слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием переводящего языка с более узким значением применяем **конкретизацию**. Например, *'Moses Breaking the Tables of the Law'* — *«Моисей разбивает скрижали с Законом»*, существительное *tables* имеет в словаре такие значения, как *стол, пища, доска, плита, скрижаль, таблица*.

Однако, некоторые произведения переводятся на русский язык дословно, данному явлению характерен прием калькирования. В качестве примера возьмем название *'The Creation of Light'* — *«Создание Света»*, перевод лексической единицы оригинала происходит путем замены ее составных частей их лексическими соответствиями в переводящем языке.

Итак, на основании этого, мы пришли к выводу, что Библия является важной и неотъемлемой частью культурной жизни человечества. Сотни тысяч фресок, картин, икон, гравюр и скульптур, созданные великими мастерами прошлого на сюжеты Священного Писания, были, есть и навсегда останутся гордостью всего человечества. А при переводе названий произведений искусства, которые содержат в себе многозначные слова и другие переводческие трудности, переводчик может переводить разными способами, используя такие переводческие приемы как опущение и добавление слов, модуляцию и различные другие лексико-грамматические трансформации.

Литература

1. Библия в картинах. Собрание картин к Ветхому и Новому завету художника Гюстава Доре. – СПб.: Товарищество М.О. Вольфа, 1991. – 184 с.
2. Дубровина, А.С. Особенности перевода названий произведений искусства с немецкого языка на русский и с русского на немецкий. – URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/pdf/21721.pdf>.
3. Келлер В.И. И все-таки Библия права / В.И. Келлер. – М.: Крон-Пресс, 1998. – С. 6
4. Левицкая, Т.Р. Проблемы перевода / Т.Р. Левицкая, А.М. Фиттерман. – М.: Изд-во Международные отношения, 1976. – 208 с.
5. Ростовская, Н.А. Библейские сюжеты в живописи / Н.А. Ростовская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – №4 (36). – С. 172–179
6. The Dore Bible Gallery. – Chicago: Belford-Clarke Co., Publishers, 1891. – 216 p.
7. <https://en.oxforddictionaries.com>
8. <http://www.lingvo-online.ru>
9. <http://etymonline.com>

*М.Е. Зубарев, курс. 7 ф-та ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Е.А. Ширишкова, канд. филол. н., доц
(Воронеж)*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

В работе над дипломным проектом мы столкнулись с необходимостью перевода узкопрофессиональных текстов как с русского языка на английский, так и с английского на русский. При этом мы столкнулись с рядом трудностей, прежде всего при переводе профессиональных терминологических сочетаний. Для адекватного перевода нам понадобились знания грамматических особенностей языка, в частности словосложения. Многие ученые затрагивают всё чаще и чаще вопросы терминообразования, а развитие языка в этом направлении даёт возможность обогатить языковой фонд. Для разных специальностей существуют свои термины, которые в свою очередь делают довольно понятными многие явления. В свете этого, решая задачу углубиться и познать иностранные языки, ученые прикладывают усилия и создают свои труды по терминообразованию. Поэтому мы решили тоже рассмотреть эту проблему и выделить основные способы образования терминов по специальности. Опираясь на руководство по технической экс-

плуатации приборов по методам теплового метода неразрушающего контроля, мы рассматриваем трудности перевода профессионально терминологических сочетаний.

В процессе изучения материала, мы выявляем, что охват английского языка с каждым годом становится всё шире. Многие термины приходят в русский язык из английского. Поэтому мы считаем необходимым владеть иностранным языком и уметь переводить иноязычные термины. Для того чтобы донести иностранным специалистам какую-либо информацию, важно также владеть терминологией на английском языке. Очень важно владеть иностранным языком, например, чтобы перевести инструкцию, документ, по которому будет проходить регламентный, предполётный, капитальный и другие виды ремонта авиационной техники. Бурное распространение иноязычных терминов вызвано развитием техники и заимствованием зарубежных технологий.

В английском языке основную массу терминов по рассматриваемой специальности составляют терминологические сочетания, а также термины, образованные путём словосложения. Словосочетания в свою очередь состоят из компонентов: двух-, трех- и более компонентные единицы. Нарращивание компонентов в сочетаниях ограничивается тем, что добавление нового компонента к словосочетанию не создаёт нового значения, а два или три понятия, воспринимаемые раздельно. Таким образом, при большом количестве компонентов, синтаксическая связь как бы прерывается, и сочетание распадается на два и более отдельных словосочетаний, которые в свою очередь не содержат фразеологической единицы. Не стоит путать простое разделение словосочетаний, являющихся однородными и вид словосочетаний с большим количеством компонентов. Специфичность сочетаний военной лексики заключается в том, что образуются специфичные многосоставные термины из слов, в основном сохраняющих своё общеупотребительное значение. Так же имеются терминологические сочетания, в которых возможно вывести общий смысл из значения отдельных компонентов. Однако дословный перевод не будет правильным.

Переводя статьи, мы сталкиваемся с различного вида сложностями, такими как отсутствие перевода многих терминов в словарях, потому что они дают общее значение, в специальной же терминологии оно либо сужено, либо имеет абсолютно другое значение. Другая трудность – перевод с сохранением порядка слов с английского на русский и с русского на английский невозможен, ввиду несоответствия законов структуры предложения. Также переводить полисеманты затруднительно, так как необходимо выбирать значения в зависимости от контекста. В данной работе мы остановимся подробнее на переводе многокомпонентных терминов, которые составляют еще одну трудность при переводе технической литературы.

Особое место занимают те термины-словосочетания, которые непонятны по той причине, что являются узконаправленными, например *linear resolution* «линейное разрешение», *remote control* «дистанционное управление».

Когда мы переводим тексты с английского языка на русский, а также с русского на английский, опираясь на руководство по технической эксплуатации приборов по методам теплового метода неразрушающего контроля, мы часто сталкиваемся с многокомпонентными терминами. Проводя анализ, можно выделить следующие типы многокомпонентных терминов.

1. **Предложно-генетивный тип $N+pr+N$** [1, с. 55]. Относительно редко встречается в профессионально ориентированных текстах по рассматриваемой специальности. Например: *speed of handling* – быстрая скорость обработки.

2. **Сложносоставные слова**, которые очень часто встречается. К примеру: *thermal-contact, self-radiation, pyro-metric, thermo-paint, thermal paper, thermo-dynamic*.

3. Сложносоставные слова очень часто используются в **атрибутивно-препозитивном типе**, который представляет собой *CN/CA + N* [1, с. 54], где “С” обозначает сложносоставность. Таких терминов мы можем найти в профессионально ориентированных текстах большое количество, к примеру: *thermo-luminescent material, thermo-dependent parameter, thermo-dynamic balance*.

4. Также мы встречаем **атрибутивные терминологические сочетания** с именем прилагательным в функции препозитивного определения *A+N* [1, с. 52], такие как: *thermometric parameter* – термометрический параметр.

5. В профессиональных текстах можно встретить при переводе **атрибутивные сложносоставные терминологические сочетания** со сложным атрибутом. Примером данного типа многокомпонентных словосочетаний будет являться: *heat metric parameter* – теплотметрический параметр.

Также многие многосоставные слова могут принадлежать сразу к нескольким выделенным типам, допустим, атрибутивно терминологическому и одновременно атрибутивно препозитивному типу.

В итоге можно сделать вывод, что основная масса словосочетаний профессионально ориентированных текстов по технической эксплуатации приборов по методам теплового метода неразрушающего контроля в английском языке образованна с помощью словосложения, чаще всего атрибутивно терминологического типа. Каждый тип словообразования является составляющей английской терминологии, без которой невозможно представить всю иноязычную терминологию, так как из английского языка многие термины приходят в русский язык. Поэтому английский язык очень богат способами образования новых сложносоставных терминов.

Литература

1. Востриков К.В. Английский язык. Средства обеспечения РЭБ. Сборник текстов по внеаудиторному чтению для 3-4-х курсов / К.В. Востриков, А.А. Синева. – Воронеж: ВВВАИУ, 2007. – 58 с.
2. Казакова Т.А. Translation Techniques. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб., 2003. – 320 с.
3. Bowyer R. Dictionary of Military Terms / R. Bowyer. – London. – 2007. – 287 p.
4. Crocker D. Dictionary of Aviation / D. Crocker. – London, 2007. – 284 p.

*В.А. Пивоваров, курс. ф-та авиационного оборудования ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Н.А. Неровная, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

ЗАМЕНА КАК НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЁННЫЙ ТИП ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Технический текст представляет собой завершённое сообщение, обладающее специфическим содержанием, адресованное узкому кругу реципиентов и организованное по модели технической прозы [2, с. 1]. С точки зрения лингвистики, характерные особенности научно-технической литературы касаются её стилистики, грамматики и лексики. Основная задача научно-технического перевода заключается в максимально ясном и близком к оригиналу доведении до читателя передаваемой информации, стараясь сохранить индивидуальный стиль автора.

Характерной чертой научно–технической литературы является наличие в тексте большого количества терминов и терминологических словосочетаний, лексических конструкций и сокращений, а также двух-, трех-, четырех- и более компонентных атрибутивных словосочетаний. Словосочетания такого рода особенно характерны для американской технической лексики.

Трудности перевода возникают из-за многообразия семантических связей между членами предложения, многозначности словосочетаний, не говоря уже о различиях в структуре русского и английского языков [2, с. 2].

В связи с тем, что научно-технические тексты чаще всего не подлежат дословному переводу, переводчиками применяются переводческие трансформации. По словам Л. С. Бархударова, все преобразования или трансформации в процессе перевода сводятся к перестановке, замене, добавлению и опущению [1, с. 190].

Целью нашего исследования было определить наиболее часто применяемый тип переводческих трансформаций. При выполнении исследования нами был осуществлен перевод части инструкции к крылатой ракете «Томагавк», касающейся электрической системы, объемом 6080 печатных знаков.

Рассмотрим применение этих трансформаций на конкретных примерах и приведем их анализ.

1. Исходный текст: *The TCM electrical power system consists of a dc monitor/reset power bus, regulated bus, semi-regulated bus, and a Cruise Missile Airframe (CMA) bus, a Mission Control Module (MCM) bus, a pyro bus and an arm battery activate bus.*

Перевод: Система электропитания крылатой ракеты «Томагавк» состоит из шины питания устройства контроля/повторного включения постоянного тока, регулируемой шины, частично регулируемой шины, шины корпуса крылатой ракеты, шины блока контроля управления полетом, шины пиропатрона и шины активации запуска боевой части.

В данном примере использован метод добавления – с целью уточнения смысла предложения в него было введено слово «устройство» отсутствующее в исходном варианте текста, метод перестановки, когда несколько слов, в данном случае «*cruise*», «*missile*», «*airframe*» и «*bus*» были переставлены местами, с целью достижения логичности предложения при переводе на русский язык. В этом же примере использован метод замены – словосочетание «*Mission Control Module bus*» было заменено словосочетанием «шина блока контроля управления полетом», так как оно соответствует терминологии, принятой в русском научном стиле.

2. Исходный текст: *The launch platform's electrical power distribution system converts 3-phase 400 Hz delta power to 3-phase wye power to provide operating power for the missile.*

Перевод: Система распределения электропитания пусковой установки преобразует 3-х фазное напряжение частотой 400 Гц, генерируемое по схеме «треугольник» на 3-х фазное напряжение со схемой «звезда» для обеспечения рабочей мощности ракеты.

На данном примере можно наблюдать 3 вида трансформаций, это перестановка, добавление и замена. Перестановка коснулась словосочетания «*The launch platform's electrical power distribution system*», так как главное слово в английских атрибутивных конструкциях находится в конце цепочки. Что касается добавления, то были добавлены слова «генерируемое» и «схема» с целью адаптации перевода под правила русского научного стиля и достижения большей связности изложения. Третий вид трансформаций – замена слов «*delta*» и «*wye*» на подходящие по смыслу термины «треугольник» и «звезда» и глагола «*to provide*» существительным «обеспечение», что объясняется требованиями диктуемыми контекстом предложения и стилем речи.

3. Исходный текст: *Ship wye power is routed to the TCM ac-dc converter.*

Перевод: *В летательном аппарате напряжение, генерируемое по схеме «звезда», подается в преобразователь напряжения переменного тока в постоянный.*

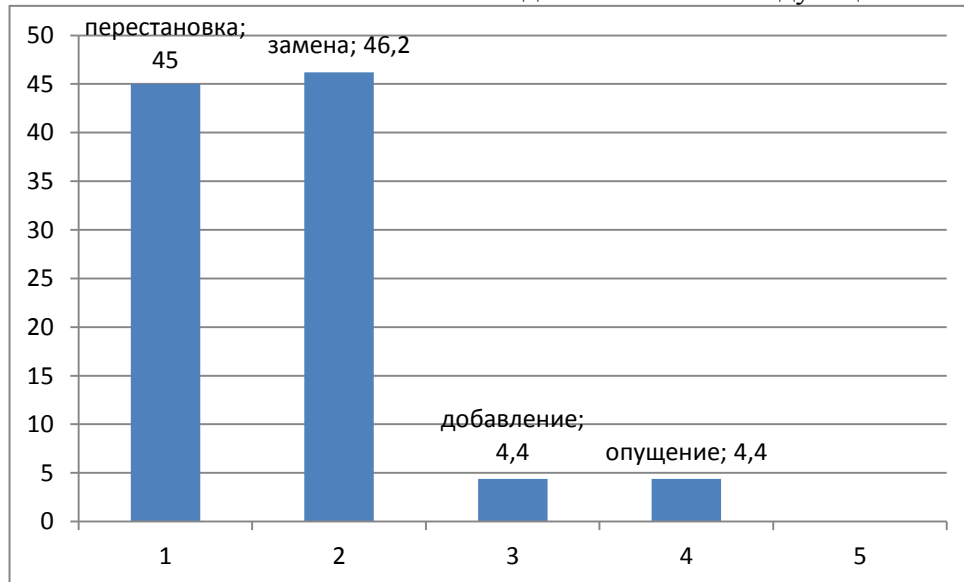
В данном примере использован метод перестановки (переставлены местами слова «wye» и «power» с целью достижения логичности при переводе английского словосочетания на русский язык), метод добавления (аналогично примеру 2, было добавлено причастие «генерируемое» и предлог «в» для обеспечения логичности изложения), метод опущения (во избежание избыточности опущена аббревиатура TCM, переводимая как «КР «Томагавк»») и метод замены (термин «ac-dc converter» был заменен русскоязычным аналогом «преобразователь напряжения переменного тока в постоянный», термин «ship» - более подходящим термином «летательный аппарат»).

4. Исходный текст: *When the specified voltage is attained, a CRUISE MISSILE AIRFRAME BATTERY GO signal is sent to the CRUISE MISSILE GUIDANCE SET.*

Перевод: *При достижении определенного уровня напряжения батарея корпуса крылатой ракеты посылает аппаратуре наведения сигнал СТАРТ.*

В переводе использован метод замены – пассивная глагольная конструкция «is attained» была заменена существительным «достижение», а аналогичная конструкция «is sent» заменена активной конструкцией «посылает». Была осуществлена перестановка частей предложения и слов в атрибутивной конструкции. Термин CRUISE MISSILE GUIDANCE SET был заменен аналогом «аппаратура наведения» и опущено второе упоминание «CRUISE MISSILE» во избежание тавтологии. Все трансформации были осуществлены с целью подстроения под правила русского языка и стиля изложения.

В целом в ходе выполнения данного исследования нами было переведено 56 английских предложений. При переводе было сделано в общей сложности 203 трансформации, 91 из которых представляет собой метод перестановки, 94 случая трансформаций приходилось на замену, методы добавление и опущение применялись каждый по 9 раз. В процентном отношении распределение видов трансформации в зависимости от частотности их употребления по отношению к общему числу трансформаций можно представить в виде следующей диаграммы:

Согласно диаграмме, наиболее распространенным видом переводческих трансформаций, используемых при переводе научно-технических текстов, является трансформация путем замены. На втором месте по частоте использования трансформация перестановкой. На третьем и четвертом месте значительно реже встречающиеся трансфор-

мация добавления и трансформация опущения.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. 240 с. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/barhud-trdoc.shtml (дата обращения 15.12.16)
2. Жидков А.В. Научно-технический язык и научно-технический перевод. [Электронный ресурс] // Science time. Казань, 2014. №5. С. 67-71. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21620753&> (дата обращения 20.12.16)

*А.Ю. Попов, В.Ю. Попов, курс-ты ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
Т.И. Большакова, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

АКТИВНАЯ ЛЕКСИКА ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

На занятиях по дисциплине «Профессионально-ориентированный перевод» курсантам, обучающимся по дополнительной профессиональной программе, приходится сталкиваться с различными текстами военно-научной и технической тематики. Стиль таких текстов отличается лаконичностью и логичностью изложения материала, как и любая другая литература научного и технического стиля речи. Неотъемлемой и важной чертой является наличие специфической терминологической лексики, необходимой для описания видов вооружения и особенностей их применения, структуры вооруженных сил США и Великобритании, описания боевых операций и повседневной деятельности военнослужащего. Для подробного описания вышеперечисленных аспектов в текстах используются близкие по значению лексические единицы. В связи с этим представляется необходимым уточнить значение терминов *battle*, *assault*, *attack*, *combat*, *campaign* и *fight* способы их перевода на русский язык.

Например, двуязычный специализированный словарь военной лексики [1,2] дает следующие определения: 1) *battle* – бой, сражение, битва, операция, вести бой, сражаться;

2) *assault* – атака, бросок в атаку, нападение, удар, штурм, бой за высадку десанта, атаковать, нападать, штурмовать, десантный, штурмовой;

3) *attack* – наступление, наступательный бой, атака, нападение, удар, стрельба, воздействие, высадка десанта, группировка сил и средств для наступательных действий, наступать, атаковать, наносить удар, нападать, поражать (цели), обстреливать, воздействовать;

4) *combat*– бой, боевые действия, вести бой, оказывать сопротивление, боевой;

5) *campaign* – поход, операция, кампания, участвовать в операции, служить в войсках во время кампании, предпринимать кампанию;

6) *fight*– бой, боевые действия, вести бой, сражаться, воевать, вести борьбу, действовать (против)[1;2].

Как видим из приведенных словарных статей, лексические единицы *battle*, *attack*, *fight* и *combat* обозначают подобные понятия, их общее значение – боевые действия, проведение операции. В то время как термин *assault* имеет значение однократной и более решительной операции, а *campaign* имеет значение «поход», которого нет в других терминах.

Современный справочник военного переводчика [3] помогает нам глубже разобраться в терминологии и объясняет, что слова *attack* и *assault* являются синонимами. «Слово *attack* не рекомендуется переводить как «атака» или «атаковать», так как атака – это завершающий этап наступления, что передается термином *assault*. Чаще всего *attack* переводится на русский язык как «наступление», «нападение», «удар», «переходить в наступление», «предпринимать наступление», «наносить удар». Например: *The division attacks in the center. The brigade will attack at night; attack from the air; attacking elements* (наступающие подразделения); *attacker* (наступающая сторона)» [3, с. 80].

Далее, мы узнаем, что термины *combat*, *battle* и *campaign* синонимичны. В том же справочнике военного переводчика поясняется: «*Combat (or fighting)* is a purposeful violent conflict meant to weaken, establish dominance over, or kill the opposition away from a location where it is not wanted or needed. The term *combat* typically refers to armed conflict between opposing military forces. It can refer to any physical or verbal conflict between individuals or nations. *Campaign* – a series of related military operations aimed at accomplishing a strategic or operational objective within a given time and space» [3, с. 80].

(Операция, обозначаемая словом *combat (or fighting)* является намеренным агрессивным противостоянием, нацеленным на ослабление сил противника и установление господства над ним. Этот термин обозначает вооруженный конфликт между противоборствующими армиями, физическое или словесное противостояние между государствами или отдельными людьми. Термином *campaign* обозначают ряд вооруженных операций нацеленных на достижение оперативной или стратегической цели на заданной территории в указанный период времени).

Используя данные специализированных источников, можно более точно переводить синонимичные лексические единицы английского языка на русский язык. Например: «*Soyou think the battle tomorrow will be a victory*?» (Так вы думаете, что завтрашнее сражение будет выиграно?); «*What is the penalty for insubordination in a combat zone*?» (Что является наказанием за невыполнение приказа в зоне боевых действий?); «*We need to finance new campaigns against Spain*» (Нам нужно финансировать новую кампанию против Испании); «*They also believe a war can be won without fighting*». (Они верят, что война может быть выиграна без борьбы).

Знание точных значений специализированной военной лексики позволяет более глубоко и правильно понять текст и верно передать его содержание средствами языка перевода.

Литература

1. Англо-русский военный словарь. В 2-х томах. 70 000 терминов / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1987. – 655с. Том 1.
2. Англо-русский военный словарь. В 2-х томах. 70 000 терминов / Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1987. – 688с. Том 2.
3. Шевчук В.Н. Справочник военного переводчика / В.Н. Шевчук. – СПб. ООО «Издательство «Русь». – СПб., 2016. – 400с.

СЕКЦИЯ
«ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

*Е.А. Гордеева, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Е.Ю. Чайка

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
ВЕБ-КВЕСТ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
MOODLE

Веб-квест – это проблемное поисково-творческое задание, которое решается на основе ресурсов и данных сети Интернет [1, URL]. Целью веб-квеста является не просто поиск конкретной информации, а использование найденной информации для решения проблемы или выполнения творческого задания, установленного преподавателем. [3, URL] Выполнение задания требует активизации мыслительных умений высокого порядка - анализ, синтез, оценка, а в отдельных случаях и создание нового.

Главная цель веб-квеста, которую определяет Том Марч - основной разработчик данного типа задания, является развитие навыков критического мышления [2, URL]. Так как развитие мышления и других высших психических процессов, ведущих к развитию личности, выступает приоритетной задачей современного образования, считаем, что веб-квест может стать эффективным средством достижения данной цели.

Основной принцип составления любого веб-квеста - принцип ВСУУ (ARCS), схема повышения учебной мотивации, разработанная Джоном Келлером, которая расшифровывается так. Любой веб-квест должен привлекать Внимание (Attention) студента, Соответствовать (Relevant) его интересам, потребностям и целям обучения, внушать Уверенность (Confidence) в успешном исходе выполнения задания, оставлять чувство Удовлетворенности (Satisfaction) и укреплять веру в себя после успешного завершения задания.

Студенты выполняют веб-квест в группах, где у каждого участника есть своя роль на каждом этапе выполнения задания. Традиционно, веб-квест состоит из пяти основных разделов:

- 1) Введение (introduction) - сообщает общую информацию по теме и привлекает внимание студента к вопросу исследования
- 2) Задание (task) - обозначение задания и средств его выполнения, распределение ролей. Важно, чтобы задание было и казалось выполнимым для студента.
- 3) Ход выполнения и ресурсы (process and resources) - пошаговая инструкция выполнения задания и список веб ссылок на интернет ресурсы, содержащие достоверную и качественную информацию, с которой будут работать студенты в процессе выполнения задания
- 4) Оценивание (evaluation) - сводная таблица, состоящая из критериев для оценивания конечного продукта. Установленные критерии должны являться основным ориентиром для студентов на каждом этапе выполнения задания.
- 5) Выводы (conclusion) - подведение итогов, перечисление знаний и умений студентов после выполнения веб-квеста [4, URL]

В ходе формирующего эксперимента в рамках написания магистерской работы «Педагогические условия повышения иноязычной коммуникативной компетенции в

условиях ВОС вуза” нами было разработано задание веб-квест “Великие открытия в медицине” на платформе электронного обучения Moodle. Целевая аудитория - студенты I курса отделения СПО Воронежского государственного университета, обучающиеся по направлению “Фармация”, которые также выступают в качестве экспериментальной группы в ходе написания данной магистерской диссертации. Для размещения веб-квеста в пространстве Moodle использовался элемент “Книга”, который, по нашему мнению, наиболее точно соответствует требованиям оформления веб-квестов, а именно:

- предусматривает возможность организации задания в виде списка глав, переход между которыми осуществляется простой навигацией по меню задания
- отображает разноформатную информацию: текст, изображения, видео, гиперссылки.

Веб-квест “Великие открытия в медицине” выполняется в группе, где каждый студент ответствен за свою часть задания. Веб-квест состоит из нескольких этапов: на первом этапе, - познавательном, студенты ознакомились с фактической информацией – великие открытия в медицине и фармакологии, представленной в виде ссылок на выверенные заранее учителем, веб-страницы, содержащие текстовый, графический и мультимедийный материал. На втором этапе, исследовательском, студенты должны проанализировать изученный материал и выделить для себя 3-4 наиболее важных открытия в области медицины, а также аргументировать свой выбор, ответив на вопрос “Как данное открытие повлияло на жизнь людей?”. На третьем этапе выполнения веб-квеста, также исследовательском, студентам предлагается поразмышлять о возможных недостатках выбранных ими медицинских изобретений или о перспективных, еще неразработанных здоровьесберегающих технологиях, способных повысить качество жизни человека. На данном этапе студенты отвечают на вопросы: “Какие недостатки есть у современных медицинских изобретений?”, “Какие еще неразработанные медицинские технологии могли бы повысить качество жизни современного человека?”.

На четвертом, творческом этапе, студенты предлагают свои решения поставленных на предыдущем этапе проблем. Отвечая на вопросы “Как устранить недостатки современных медицинских изобретений” и “Как облегчить жизнь современного человека с помощью современных медицинских технологий”, студенты придумывают свои собственные “изобретения”, презентуя название, модель, принцип работы и целевую аудиторию своего открытия. На данном этапе студенты также должны предоставить убедительную аргументацию необходимости и важности своего изобретения для современного общества.

Результаты веб-квеста оформляются в виде Power Point презентации и защищаются в классе. Оценивается данный веб-квест по 6 критериям, на которые ссылаются студенты в процессе выполнения задания:

- устная презентация проекта;
- представление 3-4 великих медицинских изобретений;
- аргументация важности 3-4 великих медицинских изобретений;
- презентация своего изобретения и аргументация его важности;
- грамматика, правописание и лексика;
- общее впечатление и дизайн презентации.

Суммируя все вышесказанное, можно спрогнозировать следующие образовательные результаты применения задания веб-квест в процессе обучения иностранному языку:

Предметные:

- повышение иноязычной коммуникативной компетенции посредством предметно-языкового интегрирования и использование языка, как инструмента коммуникации, в двух формах: репродуктивной и продуктивной.

Метапредметные (познавательные, коммуникативные, регулятивные):

- развитие критического мышления;
- развитие таких мыслительных умений высокого порядка, как анализ, синтез, сравнение, обобщение;
- развитие творческих способностей;
- тренировка навыков сотрудничества и работы в команде;
- развитие автономности, навыков управления своей деятельностью;
- развитие компьютерной грамотности.

Личностные:

- повышение самооценки вследствие успешного выполнения задания, вера в свои силы и способности и, как следствие;
- повышение учебной мотивации.

Литература

1. Dodge B., Some Thoughts About Webquests [Электронный ресурс]. 1997. – URL: http://webquest.org/sdsu/about_webquests.html (дата обращения: 14.04.2017)
2. March T. The learning power of Webquests [Электронный ресурс]. 2003. – URL: <http://tommmarch.com/writings/ascdwebquests/> (дата обращения: 14.04.2017)
3. Starr L., Meet Bernie Dodge [Электронный ресурс]. 2012. – URL: http://www.educationworld.com/a_issues/chat/chat015.shtml (дата обращения: 14.04.2017)
4. Strickland J. Using Webquests to teach content [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.citejournal.org/volume-5/issue-2-05/social-studies/using-webquests-to-teach-content-comparing-instructional-strategies/> (дата обращения: 14.04.2017)

*В.С. Новикова, студ. ф-та романо-германской филологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. М.В. Щербакова*

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Система образования, направленная на воспитание и развитие личности человека, постоянно претерпевает изменения. Большинство реформ касаются не только учебного процесса в целом, но и деятельности педагога, которому принадлежит ведущая роль в воспитании подрастающего поколения.

Реализация новых подходов к деятельности педагога, способного в изменяющихся социально-экономических условиях и общей ситуации в системе образования использовать в своей деятельности новые технологии, а также выходить за рамки стандартных методов обучения, развивать у своих воспитанников умения учиться и анализировать свою учебную деятельность, творческие способности, оценивать результаты своей деятельности, является необходимым условием модернизации системы образования. Учитель должен заинтересовать учащегося в самоизменении и саморазвитии, «побудить», сформировать его компетентность, раскрыть его личность, вовлечь в раздумья и познавательную деятельность.

Одним из эффективных инструментов, способствующих развитию названных личностных качеств, является **оценочная деятельность учителя** в образовательном процессе.

В. М. Полонский (70-е гг. XX в.) рассматривал оценочно-контрольный вид деятельности учителя как процесс оценки знаний, который, в свою очередь, является систематическим и состоит предварительно планируемым в определении соответствия имеющихся знаний, умений, навыков [2].

Н.В. Селезнев (1997 г.) в своем исследовании определяет оценочную деятельность как активное взаимодействие человека с окружающим миром, направленное на выяснение качественной его неоднородности с точки зрения наличия или отсутствия в нем жизненно важных ценностей. Ведущей целью оценочной деятельности учителя, по мнению автора, является развитие у учащегося адекватной самооценки, позволяющей с достаточной долей объективности видеть ценности, как вне, так и в самом себе [5].

Оценочная деятельность учителя в традиционном смысле представляет собой использование таких средств контроля, как письменные или устные поурочные опросы, домашние задания и экзамены.

Разработка традиционных контрольно-оценочных средств обычно не вызывает затруднений у педагогов, поскольку она опирается на обширную методическую базу и легко осуществима. Традиционный контроль не требует предварительных финансовых вложений, для его проведения не нужны дорогостоящие компьютеры, программное обеспечение и тесты.

К этим недостаткам относятся отсутствие связи традиционных средств контроля с современными технологиями обучения, обеспечивающими развитие вариативности и доступности для учащихся образовательных программ, низкая эффективность в условиях массового обучения, субъективизм и несопоставимость результатов контроля. Несмотря на эти недостатки, многие учителя, даже те, кто привык добросовестно трудиться, ратуют за использование традиционных контрольно-оценочных средств.

Оценивание является необходимым компонентом процесса контроля, результаты которого имеют большое значение для учащихся и их родителей, поскольку школьные оценки влияют в той или иной степени на будущее ребенка и вносят элемент соревнования в отношении учащихся. Казалось бы, такие аргументы должны вызывать у педагога стремление к максимальной объективности и беспристрастности. Однако зачастую этого не происходит, например, в тех случаях, когда оценки ставятся в спешке или зависят от личностных отношений учителя и ученика, посещаемости занятий, поведения учащегося на уроках и т.д. [4].

Для придания оценки максимальной объективности и адекватности поставленной цели контроля в настоящее время в педагогической практике отдельные образовательные учреждения все чаще создают свои собственные оценочные шкалы. В качестве примера можно привести использование в педагогической практике моделирования системы школьной оценки, автор А.А. Остапенко. При их разработке педагогические коллективы исходят из специфики конкретной школы. [1].

Часто используется методика безотметочного обучения на основе исследований Г.А. Цукермана. Данная методика представляет собой введение оценочных линейчек, по которым учащиеся оценивают свою и чужую работу по различным параметрам: красиво, аккуратно, правильно. Активно применяются “Карты успешности по учебным предметам”; специальные “Листы индивидуальных достижений”.

Одним из нововведений, направленных на модернизацию существующей системы оценивания и контролирования знаний, стало тестирование. Тесты с выбором правильного ответа широко используются, хотя далеко не все составители тестов имеют представление о принципах и правилах их разработки и использования. Как следствие, многие из распространенных тестов не являются ни надежными (не демонстрируют устойчивость результатов и их независимость от времени, условий проведения, экспер-

тов и т.д.), ни валидными (не проверяют то, что заявлено). Такие контрольно-измерительные материалы применять если не вредно, то, по крайней мере, бессмысленно, не говоря уже о том, что повсеместное распространение тестирования поощряет списывание. [3].

В последнее время учителя предпочитают использовать различные инструменты самооценивания, перекладывая тем самым часть ответственности за оценивание на учеников. Учащиеся оценивают свои способности, дают оценку своему старанию и способностям других учеников и т.д. Часто в педагогической практике применяются такие инструменты самопроверки и оценки знаний, как листы рефлексивной самооценки, материалы-рекомендации и оценочные таблицы.

Следствием этого явилось создание новых видов измерителей, выявляющих позитивную динамику изменений подготовленности, активность учащихся в усвоении новых знаний, рост их компетентности, а также степень освоения коммуникативных и интеллектуальных умений. В первую очередь к числу таких измерителей следует отнести «Языковое портфолио», содержащие целевые подборки работ учащегося по иностранному языку и составленные учителем в сотрудничестве с учащимся. Участие ученика в отборе работ является важным фактором положительной мотивации учебной деятельности, стимулирующим стремление к самооценке своих достижений. Поэтому многие преподаватели видят в портфолио эффективное средство развития у школьников навыков критического мышления и получения реальных самооценок. Несмотря на индивидуализированный подход при выборе заданий, результаты выполнения которых нуждаются в основном в экспертных оценках, портфолио обеспечивают достаточно объективную информацию о качестве учебных достижений. Это связано с тем, что процесс их проверки предельно стандартизируется, четко определяются критерии оценки достижений, вырабатываемые в сотрудничестве с учащимися, тщательно обеспечиваются свидетельства самостоятельной работы учеников [4].

Тем не менее, в ряду инновационных технологий обучения иностранным языкам, именно «Языковое портфолио» выделяется методистами среди других инструментов самооценки и собственного познавательного, творческого труда ученика, рефлексии его собственной деятельности, как альтернативная форма контроля, позволяющая получить динамическую картину учебного и языкового развития обучаемых. В центре внимания оказывается то, что они смогут воспроизвести или вспомнить, как это обычно бывает в случае формального контроля. Технология «Языковое портфолио» не исключает возможности задействовать различные приемы самоконтроля. Именно поэтому в процессе преподавания иностранного языка в школе, «Языковое портфолио» можно рассматривать как инновационную форму оценочной деятельности учителя, общеучебную технологию, основанную на развитии способности к рефлексии.

Литература

1. Матвиевская Е.Г. Оценка уровня достижений учащихся: проблема создания современного инструментария. / Е.Г. Матвиевская // Интернет-журнал "Эйдос". - 2007. - 30 сентября. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-3.htm> (дата обращения 22. 04. 2017).
2. Полонский В.М. Оценка знаний школьников / В.М. Полонский. – М.: Знание, 1981. – С. 3-9.
3. Прилипко Е. В. Оценивание при компетентностном подходе к обучению иностранному языку / Е. В. Прилипко // Иностранные языки в школе. – 2014. – №5. – С.47 – 49.

4. Самолюк Н.Г. Современные средства оценивания результатов обучения. / Н.Г. Самолюк. – URL: http://koi.tspu.ru/koi_books/samolyuk/index.htm.

5. Селезнев В.Н. Развитие оценочной деятельности учителя и учащихся в учебно-воспитательном процессе / В.Н. Селезнев, автореферат дис. д-ра пед. наук. – Борисоглебск, 1997. – 24 с.

СЕКЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

*А.А. Макаревич, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.О. Борискина*

НЕОЛОГИЗМЫ В 20 ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА БАЗЕ КОРПУСА NOW

Любые изменения в обществе влекут за собой изменения в словарном составе. Процесс возникновения новых слов является доказательством динамики языка. Существует много трактовок понятия термина «неологизм». В Лингвистическом Энциклопедическом Словаре представлено следующее понимание данного термина: «Неологизмы – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке» [1]. Мы рассматриваем неологизмы, как способ пополнения и обогащения лексического состава английского языка.

Целью нашей работы являлось изучение неологизмов в 20 вариантах английского языка на базе корпуса NOW. В результате работы со словарями известных изданий (таких как, [5,7,8,9]) был составлен словник из 140 неологизмов. Анализ неологизмов на базе корпуса NOW показал, какие способы пополнения словарного состава английского языка оказались наиболее частотны в период с 2010 г. по 2016 г.

В корпусе NOW ('News On the Web') [6] представлены 20 вариантов английского языка (например, варианты США, Канады, Индии, Нигерии). На данный момент он содержит 4,2 млрд. слов из электронных газет и журналов с 2010 г. по настоящее время.

В результате анализа литературы [2,3,4] рассматриваемые неологизмы были распределены по категориям, соответствующим пяти способам пополнения словарного состава английского языка:

1. Аффиксация (*Trumpism – Trump + -ism*, т.е. взгляды Дональда Трампа, его культурные и политические заявления);

2. Заимствования (*Emoji* – заимствовано с японского языка. Это слово означает маленькое цифровое изображение, которое используется в электронной коммуникации, чтобы выразить свои эмоции);

3. Словосложение (*Smartwatch = smart* (разумный, интеллектуальный) + *watch* (наручные часы));

4. Словосочетания (*Selfie stick* – устройство в виде палки для облегчения самостоятельной фотосъемки);

5. Сокращение или Аббревиация (*Nomophobia* – сокращение от *no-mobile-phone-phobia*, т.е. чувство сильного беспокойства и страха у человека, который боится на продолжительное время остаться без своего смартфона).

Мы выявили соотношение частоты употребления неологизмов по выделенным нами способам пополнения словарного состава английского языка в корпусе NOW. Была рассчитана относительная частота вхождения каждого неологизма в корпус в период с 2010 г. по 2016 г. Затем неологизмы определенного способа пополнения словарного состава были сгруппированы, а их относительные частоты суммированы. В результате было выявлено, что сокращение и словосложение лидируют, а наименьшая частотность наблюдается у словосочетаний (рис.1).

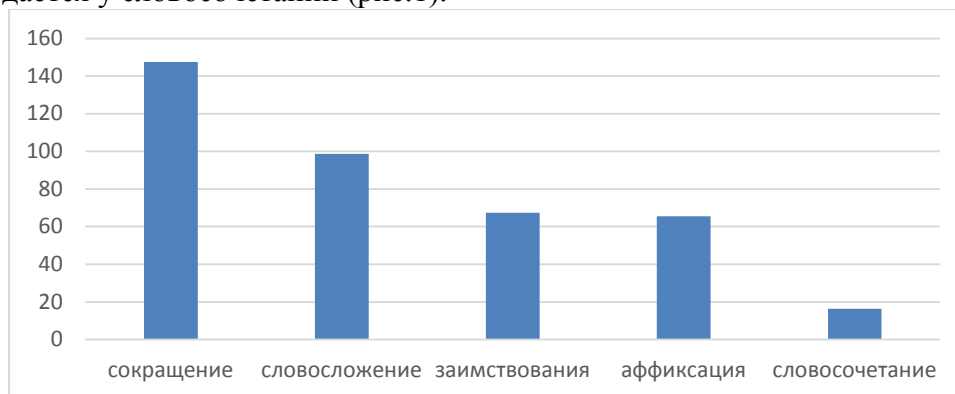

Рис.1. Относительные частоты употребления неологизмов по способам

Была проанализирована частота употребления неологизмов по способам пополнения словарного состава АЯ в разбивке по полугодиям (А – первая половина года, В – вторая половина года.) Была выявлена относительная частота вхождения каждого способа в корпус в среднем за месяц в период с 2010 г. по 2016 г. (рис.2).

Замечена тенденция увеличения частоты употребления всех способов пополнения словарного состава языка. Сокращение, например, имеет наивысшие показатели в 2016 г., что связано, в первую очередь, с употреблением слова *Brexit*, которое становится лидером коммуникативного обращения во время и после референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе.

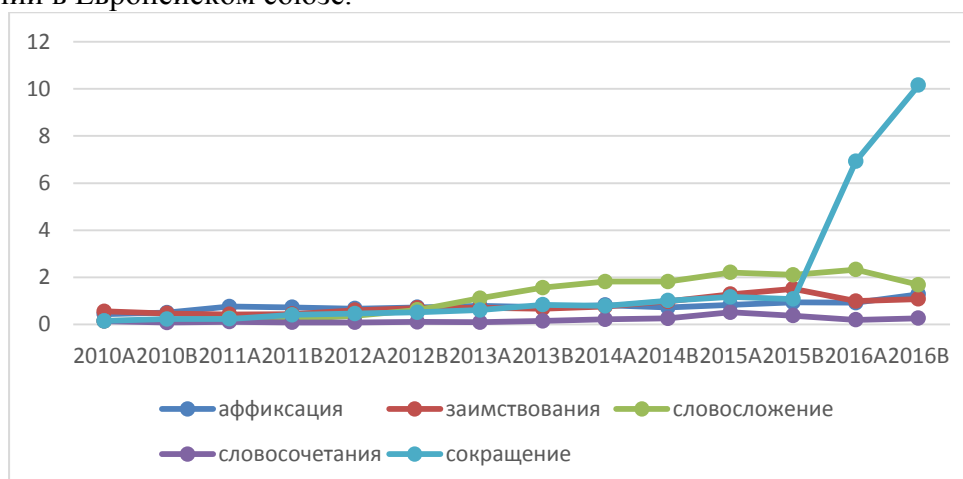

Рис.2 Частота употребления неологизмов по способам пополнения словарного состава

Частота использования способа словосложения активно растет, начиная с 2013 г. примерами могут служить такие слова, как *crowdfunding* (коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или иные ресурсы, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей), *smartwatch* (компьютеризированные наручные часы), *blockchain* (виртуальный валютный кошелек). Как видим, такие неологизмы имеют отношения к новейшим технологиям и Интернету. Заимствования

имеют наиболее высокий показатель во второй половине 2015 г. Это связано со словами *emoji* (смайлик) и *mete* (понятие или идея, которая очень быстро распространяется в Интернете). Интересно, что *emoji* стало словом 2015 г. в Оксфордском словаре [7]. Словосочетания имеют наивысшие показатели в первой половине 2015 г. Самая высокая частота в этот период у словосочетания *selfie stick*. Такой традиционно активный способ пополнения словарного состава английского языка, как аффиксации демонстрирует скачок в первой половине 2011 г. Наивысший показатель в данном периоде у слова *birther* (человек, который считает, что Барак Обама не может быть президентом Соединенных Штатов, в связи с тем, что, возможно, не является урожденным гражданином США). Данный скачок можно объяснить тем, что 27.04.2011 Барак Обама продемонстрировал свое свидетельство о рождении для того, чтобы развеять подобные мнения.

Была проанализирована относительная частота употребления каждого неологизма в 20 рассматриваемых вариантах английского языка. Затем частоты неологизмов в пределах определенного варианта были суммированы. Кроме анализа общего количества словоупотреблений по вариантам, была предпринята попытка рассмотреть, как неологизмы в каждом из вариантов распределены по способам пополнения словарного состава (рис.3).

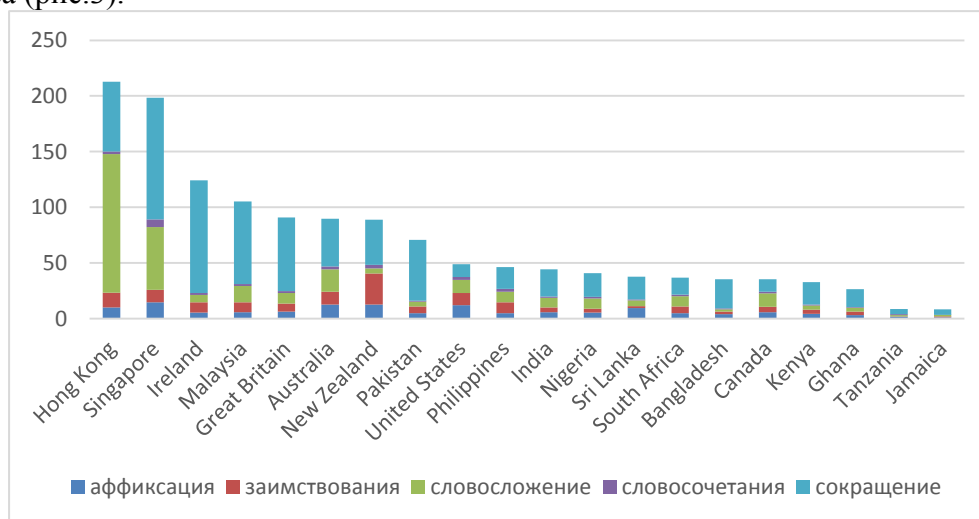

Рис.3. Частота употребления неологизмов определенного способа по вариантам

Анализ показал, что неологизмы встречаются во всех 20 вариантах английского языка. Наивысшие показатели употребления наблюдаются в варианте английского языка Гонконга и в сингапурском варианте, тогда как наименьшие показатели были выявлены в вариантах АЯ Танзании и Ямайки. Во всех вариантах наибольшее распространение получил такой способ пополнения словарного состава как сокращение. Любопытно, что наиболее высокие показатели частотности неологизма *Brexit* наблюдаются в вариантах английского языка, на котором говорят в Ирландии, Сингапуре, Малайзии, Гонконге, а не только в Великобритании. В варианте Новой Зеландии чаще, чем в других вариантах, встречаются заимствования. Это отчасти связано с высокой частотностью слова *aroha*, которое пришло из языка маори, являющегося национальным языком аборигенов Новой Зеландии. В варианте Сингапура частотно словосложение. Это связано с такими словами как *crowdfunding*, *blockchain* и *smartwatch*. Также в этом варианте словосочетания более частотны, чем в других вариантах. Здесь наиболее высокие показатели отмечены у словосочетаний *digital native* (так называют людей, которые родились во время или после внедрения цифровых технологий.) и *selfie stick*. Возможно, это связано с тем, что Сингапур занимает лидирующие позиции в рейтинге инноваций. Словосложение является достаточно продуктивным способом пополнения словарного состава английского

языка Гонконга. Лидирует по частоте употребления неологизм *blockchain*. Возможное объяснение кроется в особом экономическом статусе Гонконга, который старается стать сердцем крипто-арены в Азии, что проявляется в появлении большого количества начинающих компании, функционирующих как криптовалютные биржи.

Анализ неологизмов по 20 вариантам английского языка показал, какие из способов пополнения словарного состава наиболее продуктивны в целом в английском языке. Это словосложение и сокращение, или аббревиация, что напрямую связано с такой тенденцией языкового развития, как экономии языковых усилий.

Неологизмы отражают процессы, которые происходят в современной жизни человека. Анализируя их, можно выявить какие явления социальной жизни определенного языкового коллектива наиболее популярны в определённой лингвокультуре, а какие находят отражение во всех вариантах английского языка. Помимо этого, корпус NOW позволяет определить зарождение неологизма. Например, по данным Macmillan Buzzword Dictionary неологизм *Brexit* впервые был использован в 2012 году [5], хотя согласно корпусным данным (британский подкорпус NOW) о предполагаемом Брексите в Великобритании говорили еще в 2010.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – <http://tapemark.narod.ru/les/>.
2. Несветайло Ю.Н. Трактовка понятия «Неологизм» и «окказионализм» в современной научной парадигме/ Ю.Н. Несветайло / – Ст.,2010.
3. Харитончик З.А. Лексикология английского языка/ З.А. Харитончик-Мн.,1992. – 229 с.
4. Ginzburg R.S. A Course in Modern English Lexicology. / R.S Ginzburg, S.S., Khidekel, G.Y. Knyazeva, A.A. Sankin. – М., 1979. – 262 с.
5. Macmillan Buzzword Dictionary [Электронный ресурс]. – <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/recent.html>.
6. NOW Corpus (News On the Web) Dictionary [Электронный ресурс]. – <http://corpus.byu.edu/now/>.
7. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. – <https://en.oxforddictionaries.com/>.
8. Urban Dictionary Dictionary [Электронный ресурс]. – <http://www.urbandictionary.com/>.
9. Wordspy Dictionary [Электронный ресурс]. – <https://www.wordspy.com/>.

*А.А. Васильев, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. К.М. Шилихина

КАЛАМБУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ПРАТЧЕТТА И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

С конца двадцатого века за рубежом, а впоследствии и в России получила популярность литература жанра «юмористическое фэнтези». Одним из ключевых аспектов данного жанра является языковая игра. Она используется авторами как для создания оригинальных названий и имён собственных, так и для достижения комического эффекта. При этом явление языковой игры представляет серьёзную трудность при переводе

подобных произведений. В связи с этим возникает необходимость установить основные приёмы перевода каламбура. Анализ переводимых единиц представляется целесообразным провести на материале произведений британского писателя Терри Пратчетта как одного из наиболее ярких представителей жанра.

Цель данного исследования — выявить основные приёмы перевода каламбура и причины их использования на примере произведений британского писателя Терри Пратчетта.

Для выполнения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1) отобрать примеры каламбуров в произведениях Терри Пратчетта и их переводы на русский язык;

2) описать и систематизировать приёмы, используемые автором и переводчиком для создания каламбуров.

В исследовании используются: метод сплошной выборки примеров, описательно-аналитический метод, семантический и морфо-синтаксический анализ переводимых единиц. Научная новизна исследования состоит в установлении и систематизации основных методов перевода каламбуров в литературе жанра «юмористическое фэнтези», в частности, в произведениях Терри Пратчетта.

Теоретическая значимость заключается в системном рассмотрении средств перевода каламбура и изучении проблемы перевода языковой игры как аспекта проблемы переводимости. Практическая значимость состоит в возможности применения результатов в переводческой практике, а так же при обучении переводу.

Каламбур представляет сложность и с терминологической точки зрения, так как у этого понятия нет общепринятого определения. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова в качестве синонима приводится сочетание «игра слов» [2, с. 327], однако другие исследователи считают каламбур разновидностью последней [1, с. 288]. В то же время В.З. Санников отмечает, что «...принадлежность или непринадлежность к каламбуру определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста, создаваемой другими средствами». [3, с.57]. Поскольку в жанре юмористического фэнтези языковая игра используется с целью создания комического эффекта, проведение различия между двумя понятиями в данном исследовании не представляется нам необходимым.

С.П. Флорин и С.И. Влахов выделяют три стратегии перевода языковой игры [1, с. 302]. Рассмотрим примеры каждой из них:

“Thunder rolled... It rolled a six.”

«И грянул гром. . .

Что-то предвещающее было в этом грома.» (Т. Пратчетт)

В тексте автора каламбур создаётся за счёт глагола «roll», который, среди прочих, может принимать значения «раздаться» и «бросить игральную кость», и таким образом, фразе «*It rolled a six*» можно понимать как «выпало шесть». Переводчик же заменяет её другим предложением, которое, хотя и вписывается в контекст произведения в целом, не имеет ничего общего с оригиналом. Таким образом, в переводе языковая игра оказывается утрачена.

В следующем примере обыгрывается корень латинского происхождения *-mort-*, означающий «смерть», и имя главного героя произведения:

“Thank you, boy, Death said. What is your name?”

“Uh... Mortimer . . . sir. They call me Mort”

“What a coincidence”

«Спасибо, мальчик, – сказал Смерть, – Как тебя зовут?»

«Э-э... Мортимер... сэръ. Но все называют меня Мор»

«Какое совпадение» (Т. Пратчетт)

В данном случае значимая часть имени переведена буквально, то есть переводчик воспользовался приёмом калькирования.

В некоторых случаях языковую игру удаётся передать путём замены элемента, представляющего трудность, на другой, в чём-либо аналогичный исходному:

“...*In an astral plane that was never meant to fly, the curling star-mists...*”

«...*В том крыле космоса, которое никогда не предназначалось для полёта, клубящиеся звёздные туманы...*» (Т. Пратчетт)

В приведённой фразе слово «*plane*» может означать как «самолёт», так и «план» бытия, за счёт чего и создается каламбур. В русском языке нет слова, которое совмещало бы в себе эти два значения, поэтому в переводе «*plane*» заменяется на «крыло». Таким образом, в отличие от первого примера, переводчик компенсирует нехватку нужной единицы в русском языке и создаёт аналогичный каламбур.

На данный момент в ходе исследования было отобрано сто тридцать семь примеров каламбуров в произведениях Терри Пратчетта. Из них восемнадцать при переводе были опущены, двадцать семь переведены путём калькирования и девяносто два — путём компенсации. При этом в восьми из тех случаев, в которых использовалось опущение, языковая игра основывалась на многозначности какой-либо лексической единицы, и ещё в пяти — на омонимии слова.

В заключение можно сказать, что опущение каламбуров при переводе не является целесообразным, поскольку языковая игра является одной из основных составляющих юмористического фэнтези как жанра. В то же время перевод путём калькирования возможен далеко не во всех случаях. Таким образом, наиболее продуктивной стратегией перевода языковой игры нам представляется компенсация, то есть замена оригинального каламбура на аналогичный. Также стоит отметить, что наибольшую трудность при переводе представляют каламбуры лексического уровня, основанные на омонимии или полисемии.

Литература

1. Влахов С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980 – 342 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва, 1997. – 944 с.
3. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен / В.З. Санников // Вопросы языкознания. – 1995. – №3. – С. 56-69.
4. Пратчетт Т. Мор, ученик Смерти / Т. Пратчетт [пер. с англ. И. Жужунавы]. – Москва: Эксмо, 2016. – 384 с.
5. Пратчетт Т. Стража! Стража! / Т. Пратчетт [пер. с англ. И. Жужунавы]. – Москва: Эксмо, 2006. – 480 с.
6. Пратчетт Т. Цвет волшебства / Т. Пратчетт [пер. с англ. И. Кравцова]. – Москва: Эксмо, 2008. – 320 с.
7. Pratchett T. Guards! Guards! / T. Pratchett. – New York: Harper, 2006. – 307с.
8. Pratchett T. Mort / T. Pratchett. – New York: Harper, 2001. – 243 с.
9. Pratchett T. The Colour of Magic / T. Pratchett. – New York: Harper, 2005. – 206 с.

*А. Янов, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. К.М. Шилихина*

СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ НОВЫХ ВИДОВ СПОРТА: ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Проблема изучения и описания терминологии как специфического класса лексических средств активно разрабатывается в современной лингвистике. Практическое применение данные исследования находят в специальных отраслевых терминологических словарях, как одноязычных, так и двуязычных. Наиболее значительные труды по теории русской терминологии относятся к 60-90 годам XX века и связаны с именами Д.С. Лотте [Лотте 1968], В.П. Даниленко [Даниленко 1977], Г.П. Мельникова [Мельников 1991] и других. В наше время эту проблему освещали Суперанская А.В. [Суперанская 2004], Лейчик В.М. [Лейчик 2007], Гринев-Гриневиц С.В. [Гринев-Гриневиц 2008] и другие.

Но если вести речь о терминологии более узких сфер, например, сферы спорта, то тут все только развивается. Одной из наиболее значительных работ является исследование «Русская спортивная лексика» И.Г. Кожевниковой [Кожевникова 2004]. Однако спорт меняется с течением времени, появляются новые понятия и термины, значения которых нуждаются в объяснении и унификации. Кроме того, в последнее время в спорте активно применяются компьютерные технологии, а это влечет за собой появление огромного пласта новой лексики.

В спортивной индустрии большинство терминологических инноваций происходят на Западе, затем они постепенно приходят в русскоговорящую среду. Поэтому интересно наблюдать, как наши спортивные деятели: журналисты, ведущие, комментаторы, эксперты находят эквиваленты новым терминам. Быстрое обновление терминосистемы требует ее стандартизации, однако словари не всегда отражают современное состояние спортивной терминологии.

Известно, что обновление традиционных бумажных словарей – это длительный и трудоемкий процесс, поэтому будет правильно создать базу данных, в которую можно легко добавлять новые термины и описание к ним. Это позволит экономить время и потребует меньше усилий.

Актуальность исследования заключается в потребности формирования современной русско-английской и англо-русской терминологической базы данных с учетом терминологии новых видов спорта, которая будет включать не только нормативные термины, но и разговорные способы номинации спортивных реалий.

Переход от описания терминологических процессов и явлений к их объяснению для возможности совершенствования языка науки определяется как будущее терминоведения. Терминоведческие знания нужны представителям многих профессий – переводчикам, лингвистам, редакторам и другим. Терминологическая лексика, составляющая весомую часть лексики любого языка, в дальнейшем будет играть все более значимую роль в жизни человека.

Цель исследования заключается в формировании двуязычной терминологической базы данных спортивной лексики, в том числе и разговорной.

Предметом исследования являются русские и английские спортивные термины.

Объектом исследования является лексико-фразеологическое поле *спорт* в русском и английском языках.

Источником для материалов исследования служат тексты, размещенные в интернете на сайтах, посвященных спортивной тематике, таких как sports.ru, sportbox.ru, skysports.com, independent.co.uk и другие.

Задачи исследования:

1. анализ существующих словарей спортивной лексики;
2. сбор корпуса текстов спортивной тематики на английском и русском языках;
3. выделение терминологической лексики;
4. описание значения терминов;
5. установление переводных эквивалентов.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе терминологии новых видов спорта, а также процессов, характерных для формирования русскоязычной терминосистемы на фоне англоязычной.

Практическая значимость работы состоит в создании корпуса текстов СМИ спортивной тематики, и создании базы данных терминов разных видов спорта.

При изучении лексических новаций в спортивной сфере возникает вопрос: спортивные наименования являются терминами или относятся к профессиональной лексике? Словари новых слов и значений свидетельствуют, что терминологическая лексика составляет около половины всех новообразований. Это свидетельствует о все большем проникновении специальных терминов в русский язык.

Под терминами обычно имеются в виду слова и словосочетания профессионально ограниченной сферы употребления. Они обозначают понятия специальной области знаний или деятельности. Однако в определении термина существуют разногласия, и терминологическую лексику нередко относят только к научной сфере.

Стоит отметить возможность включения сферы спорта в определение термина: «Термин – это слово или составное наименование, которое является обозначением специального понятия из области науки, техники, права, спорта, искусства и т.д.» [Костомаров, Максимова 2010]. Из этого можно сделать следующие выводы:

- термины – это лексические единицы, употребление которых ограничено профессионально;
- термины обозначают специализированные понятия;
- термины применяются в науке и профессиональной деятельности.

Очевидно, что спорт – это специализированная область деятельности. Помета «спорт.», используемая составителями словарей для указания на ограничения, обусловленные узкоспециальным характером терминов науки, техники и т.п., свидетельствует о наличии такой специализации.

Спортивные номинации основываются на строгом логическом соответствии понятию. Например, *треквартиста* обозначает определенную позицию футболиста на поле и имеет четко специализированное значение «игрок, который не играет ни в нападении, ни в полузащите, но держит все нити игры». Словом *фрирайддинг* называется катание по разным типам снега, любым типам склонов, свободное катание. Подобного рода обозначения в большинстве случаев однозначны, лишены экспрессии, т.е. удовлетворяют основным условиям, чтобы считаться терминами.

Сейчас мы живем в мире, в котором информация приобрела статус ресурса. Появляется необходимость хранения больших объемов информации, это приводит к проблеме ее организации.

В науке, в частности в лингвистике, потребность в информационных системах связана, в первую очередь, с более эффективным управлением информационными потоками. Оптимальным решением для этого предоставляются технологии баз данных, поз-

воляющие создавать систематизированные массивы данных, хранимые и управляемые с применением компьютерных технологий.

Технологии баз данных применяются для создания как традиционных, так и электронных словарей. Активно разрабатываются словарные базы данных специальной и терминологической лексики.

Для создания баз данных существует множество специальных программ. Нами было принято решение использовать таблицы «Excel» для создания базы данных спортивной терминологии новых видов спорта, которая будет включать не только нормативные термины, но и разговорные способы номинации спортивных реалий.

На первом этапе создания базы данных для понимания, как правильно ее систематизировать, было решено заняться обработкой новых терминов в футболе. Была создана таблица «Excel» состоящая из шести колонок. Первая колонка называется «Термин», вторая – «Происхождение термина», третья – «Значение термина», четвертая – «Контекст употребления», пятая – «Процесс формирования» и шестая – «Нормативный или сленговый термин». В первой колонке указывается сам термин, во второй – его английское написание, в третьей – значение термина, далее предоставляется контекст его использования, затем объясняется процесс формирования термина в русскоязычной терминосистеме, т.е. подбор переводного эквивалента, транслитерация или транслитерированный термин дублирует уже существующий русский переводной эквивалент, и в последней колонке отмечается нормативное или сленговое употребление термина. Фрагмент Таблицы 1 «Новые термины в футболе» представлен ниже.

Таблица 1. «Новые термины в футболе»

Термин	Происхождение термина	Значение термина	Контекст употребления	Процесс формирования	Нормативный / сленговый термин
Автобус	The bus или to park a bus	Сверхоборонительная тактика	«Парковка автобуса» – это такая же тактика. Не лучше и не хуже	Подбор переводного эквивалента	Сленг
Бокс-ту-бокс	Box-to-box	Центральный полузащитник, выполняющий большой объём работы по всему полю.	Лэмпард прекрасный пример бокс-ту-бокс полузащитника	Транслитерация	Нормативный
Глорихантер	Gloryhunter	Болельщик, поддерживающий фаворитов.	С приходом «больших денег» в Манчестер Сити, у них появилась целая армия глорихантеров	Транслитерация	Сленг
Нырок	Dive	Имитация нарушения правил с целью «выпросить» у арбитра	Нырок Погребняка, приведший ко второй желтой и удалению	Подбор переводного эквивалента	Сленг

		ра штрафной удар или пентальти			
Хавбек	Half-back	Полузащитник	Хавбек играет в центре поля	Транслитерация + дублирование	Нормативный

Следующий этап нашего исследования – заполнение базы данных терминологией именно новых видов спорта. После чего необходимо будет произвести анализ, на основе которого предоставится возможность сделать вывод о том, каким образом русскоязычная терминосистема формируется на фоне англоязычной.

Литература

1. Лотте Д.С. Как работать над терминологией: Основы и методы / Д.С. Лотте. – Москва: Наука, 1968. – 76 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – Москва: Наука, 1977. – 246 с.
3. Мельников Г.П. Основы терминоведения / Г.П. Мельников. – Москва: Издательство университета дружбы и народов, 1991. – 181 с.
4. Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В. Суперанская. – Москва: УРСС, 2004. – 246 с.
5. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – Москва: Либроком, 2007. – 256 с.
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов вузов / С.В. Гринев-Гриневиц. – Москва: Академия, 2008. – 304 с.
7. Костомаров В.Г. Современный русский литературный язык / В.Г. Костомаров, В.И. Максимова. – Москва: Юрайт, 2010. – 916 с.
8. Кожевниковой И.Г. Русская спортивная лексика / И.Г. Кожевникова. – Автореф. дис. док. фил. наук. – Воронеж, 2004.
9. Белан Э.Т. Особенности формирования новых терминосистем / Э.Т. Белан: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2009. – 26 с.
10. Машуш А.А. К вопросу о терминологическом статусе спортивной лексики // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – №83. – С. 1-9.

*Т.В. Борисова, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. К.М. Шилихина

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ

Экономическая сфера всегда занимала особо значимую позицию в жизни общества, ведь от ее состояния напрямую зависит благополучие нашего существования в этом мире. Сегодня об экономике говорят везде: в повседневном общении, в СМИ, в газетах, в социальных сетях и т.д. И, конечно же, такой неподдельный интерес по всему миру не мог не отразиться на такой индустрии, как перевод.

На данный момент перевод текстов экономической направленности является одним из самых востребованных на рынке переводческих услуг, что говорит о необходи-

мости комплексного изучения переводческих лексических трансформаций, используемых при переводе экономических текстов с английского языка на русский, с целью достижения максимально адекватного и достоверного перевода с одного языка на другой. Ведь, как известно, подобные специализированные тексты содержат огромное количество специфичной терминологии и профессиональной лексики, что может затруднять работу переводчика. Различия между языками, а также наличие особенностей в организации экономики конкретного государства – это причины того, что часто переводчикам приходится прибегать к такому способу, как переводческая межъязыковая трансформация.

Переводческая трансформация – «это преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими план содержания и план выражения, то они носят формальносемантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [1, <http://www.studfiles.ru/preview/4432185/>].

Существует несколько классификаций переводческих трансформаций, но среди них можно выделить две основных: **грамматические** и **лексические**.

Основные типы **лексических трансформаций**, применяемых в процессе перевода, включают следующие переводческие приемы:

- переводческое **транскрибирование** и **транслитерация**;
- **калькирование** и **лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция)**.

Основные типы **грамматических трансформаций** включают:

- **синтаксическое уподобление** (дословный перевод);
- **членение предложения**;
- **объединение предложений**;
- **грамматические замены** (формы слова, части речи или члена предложения).

В «чистом виде» переводческие трансформации встречаются довольно редко. Чаще всего они осуществляются одновременно, т. е. сочетаются друг с другом.

Основные типы **лексико-грамматических трансформаций** включают:

- **антонимический перевод**;
- **экспликация** (описательный перевод);
- **компенсация**.

На данном этапе, проанализировав 63 параллельных текста статей экономической тематики, мы можем сказать, что чаще всего встречаются такие виды переводческих трансформаций, как:

1. **Конкретизация исходного значения** – замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением.

The two spoke ahead of the BRICS summit that involves leaders from...

Моди и Путин выступили в преддверии саммита БРИКС, в котором принимают участие лидеры...

2. **Генерализация исходного значения** – замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

Modi Pledges Closer India-Russia Ties and Fast-Tracked FTA

Моди за тесные отношения с Россией

3. **Функциональная замена** – это перевод не столько самой исходной формы, сколько ее грамматических или смысловых функций в тексте:

This has important policy implications. According to official statistics...

Из этого следуют важные политические выводы. Согласно официальной статистике...

4. Нулевой перевод – это опущение грамматической формы при переводе, если она является избыточной и никак не влияет на передачу смысла сказанного.

*In fact, even the small cities of Kushiro and Nemuro in Hokkaido, **located** near the islands ...*

В сущности, даже такие маленькие городки, как Кусиро и Немуро на Хоккайдо, рядом с островами...

5. Конверсия – это изменение при переводе части речи слова:

*... the **disputed** islands between Russia and Japan...*

*... **острова, ставшие предметом спора** между Россией и Японией...*

6. Переводческий комментарий – комментарий как переводческий прием заключается в более подробном, чем описание, объяснении того, что означает данное исходное слово в широком контексте исходной культуры.

*But according to the Graduate Institute of International and Development Studies Geneva report, commissioned by **Rasmussen Global**.*

*По данным исследования, проведенного Graduate Institute of International and Development Studies (Женева) по заказу **Rasmussen Global** (консалтинговой компании, которую возглавляет бывший генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен. - Прим. ред.)...*

7. Транскрипция и транслитерация – способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ.

*That, in turn, would bolster the impact of **Abenomics** even further.*

*А это, в свою очередь, ещё больше усилит эффект мер **абэномики**.*

*The union includes **Russia, Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan**.*

*В состав этого союза входят **Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия**.*

Таким образом, можно говорить о том, что использование каждого из представленных видов переводческой трансформации обусловлено контекстуальным окружением лексемы. Так, например, использование при переводе конкретизации обусловлено контекстуальным окружением на уровне синтагматических отношений с переводимой единицей. А использование функциональной замены определяется контекстуальным окружением на уровне высказывания и лексико-семантической несочетаемостью лексем. Использование при переводе конкретизации и генерализации связано с лексико-семантической несочетаемостью лексем.

Литература

1. Виды переводческих трансформаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4432185/>
2. Ерогова А. М. Теория и практика перевода экономических текстов с английского языка на русский / А. М. Ерогова. – М.: Просвещение, 1986. – 122 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб., 2008. – 320 с.
4. Королькевич В.В. Перевод англоязычной экономической литературы / В.В. Королькевич. – Москва: Высшее образование, 2006. – 167 с.
5. Николаева А.А. Особенности экономического перевода / А.А. Николаева // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section14.html>.

6. Перевод текстов по экономике и финансам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://translation-blog.ru/jekonomika/>

7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.

8. Экономический перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vebber.ru/write/fin.php>

*К.Э. Невзорова, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.О. Борискина

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ APART FROM

Предложные конструкции являются традиционным предметом исследования в работах зарубежных и отечественных ученых [2, с. 148]. Это объясняется тем, что изучение служебных частей речи, или "мелких слов" (по выражению Л.В. Щербы), дает возможность лингвистам открывать новые закономерности в строении языков, а также формулировать гипотезы, касающиеся тенденций развития языка.

Под предложной конструкцией понимают "сочетание предлога и главного слова или зависимой словоформы", или "структурно-семантическое целое, в котором оба компонента активно участвуют в выражении как лексической семантики, так и синтаксических отношений, а также определенным образом взаимодействуют со стрелковым словом и другими контекстуальными средствами" [1, с. 105].

Разными учеными выделялись разные типы предложных конструкций. М.А. Леоненко занимался описанием типов предложных конструкций [4, с. 206-207]. Он различал предложные конструкции: 1) с сопоставительно-выделительными предлогами и 2) с обстоятельственными предлогами. Особое внимание он уделяет первому типу предложных конструкций. Достаточно условно в первом типе выделяются 2 подтипа:

а) сопоставительные:

1. со значением сопоставления – *кроме, помимо, наряду с*;
2. со значением противопоставления – *в отличие от, в противовес*;
3. со значением сравнения – *по сравнению с*;
4. со значением замещения – *вместо*.

б) выделительные:

1. со значением исключения – *кроме, помимо, за исключением, не считая*;
2. со значением включения – *включая, не исключая*.

Как видим, сами предлоги в конструкциях данных подтипов во многом пересекаются. Например, *помимо, кроме* относятся и к сопоставительному, и к выделительному типам.

В англоязычном дискурсе есть работы, посвященные изучению сопоставительно-выделительных предложных конструкций (Quirk, Greenbaum 1976). В частности, конструкция с предлогом **apart from** представляет определенную трудность для изучающих английский язык. Она интересна тем, что получает своё значение непосредственно в контексте. В онлайн-словаре Cambridge Dictionary наблюдаются два значения (примеры 1-2):

- except for (за исключением, кроме);

(1) *Apart from Jodie, who hurt her leg, all children were fine.*

- in addition to (наряду с, в дополнение к).

(2) *He works a ten-hour day and that's **apart from** the work he does at the weekend.*

На основе этих дефиниций напрашивается вывод о том, что предложная конструкция с предлогом *apart from*, с одной стороны, является показателем исключения предмета или явления из множества (пример 1), с другой же стороны, используется для целей выделения предмета по одному из признаков на фоне включения его во множество.

Мы предприняли попытку описать логико-семантические отношения между информационными блоками текста с использованием *apart from*-предложной конструкций со значением включения/исключения в английском языке.

Материалом исследования послужили данные трех корпусов английского языка М. Дэвиса: British National Corpus, News on the Web и Corpus of Contemporary American.

Мы выявили 2 вида отношений, которые в целом соответствуют двум словарным значениям:

- отношение исключения, которое предполагает включение исключаемого в более широкое множество,
- отношение исключения.

Под отношением исключения, которое предполагает включение исключаемого во множество, мы понимаем ту ситуацию, когда предмет или явление входит в рассматриваемое множество, но по какой-то причине автор «выделяет» его при помощи *apart from* предложной конструкции (пример 3).

(3) ***Apart from** his physical injuries he's had the cold and damp to deal with.*

В примере 3 множество, которое условно можно назвать «физическое недомогание», состоит из таких элементов как простуда (*cold*), подавленное состояние, уныние (*damp*), а также травмы (*physical injuries*). Для говорящего в фокусе высказывания, оформленном как новая информация (рема) находится простуда и уныние, при том, что травмы выделены предложной конструкцией.

Анализ показал, что конструкция *apart from* в более чем половине случаев (55%) встречается в начале первого информационного блока (пример 4), а в 45% занимает позицию перед вторым информационным блоком (пример 5).

(4) ***Apart from** his lectures at Woolwich, he delivered a course of lectures on the horse at Guy's Hospital in 1817.*

(5) *For several seconds there is silence, **apart from** his breathing.*

Интересно, что предложная конструкция *apart from* встречается также в вопросительных предложениях (пример 6).

(6) ***Apart from** agriculture, what are other important elements in the rural economy?*

В примере 6 говорящий дает понять, что об одном явлении (в данном случае о сельском хозяйстве) ему известно, а о других явлениях (составляющих) он хотел бы узнать.

Анализ корпусных данных позволил предпринять попытку контекстуального описания *apart from*-предложной конструкции. Начнём описание с отношения исключения.

Мы обнаружили, что в английском языке оно передаётся несколькими способами: с помощью отрицательных частиц и слов *no, not, little, few, nothing, never, any* или *anything* (в отрицательных предложениях), приставки *un-* и *non-*, суффикса *-less* (примеры 7-8).

(7) *At the end of the hallway he turned a corner and saw that he was facing a dead end, doorless **apart from** a fire exit.*

(8) ***Apart from** a swollen lip Meredith's face was **un**marked.*

Конструкция [all but X] (все, кроме X) также может оформляться при помощи *apart from*-предложной конструкции (пример 9-10), где местоимения *all (of)*, *each (of)* указывают на то, что все элементы множества разделяют некий признак. В примере 9 все, кроме Али, смеялись, в примере 10 один друг был исключен из множества посвященных.

(9) ...and all of them, **apart from** Dr Ali, laughing wildly.

(10) So I had told each of my friends **apart from** one.

Теперь перейдем к описанию отношения, передаваемого конструкцией **apart from**, которое мы обозначили как отношение включенного исключения. На данном этапе мы будем обращаться не только к предложению с исследуемой предложной конструкцией, но и к расширенному контексту. Анализ контекста предложной конструкции показал, что она используется в четырёх различных ситуациях.

- Первую ситуацию условно можно назвать **повторением**. В примере (11) говорящий перечисляет продукты, о которых слушающий должен узнать; он рассказывает, что кроме молока, они в основном питаются хлебом и фасолью. Тем самым автор повторяет слово «молоко», о котором говорилось в предыдущем предложении.

(11) They bought a lot of milk, anyway; the larder was full of it, poured into china jugs and covered with muslin veils weighted with coloured beads. **Apart from** milk, they seemed to live largely on bread and baked beans.

- Вторая ситуация представляет собой **явление реноминации**. Под реноминацией подразумевается процесс переозначивания означаемого языкового знака (сигнификата) [3, с. 154]. В данном случае автор высказывания имеет в виду, что валютный контроль и валютные капиталовложения препятствуют инвестированию за границу. Тем самым автор переименовывает те явления, а которых говорилось в предыдущем предложении (пример 12).

(12) The last, but by no means least important, of the factors inhibiting the use of securitized debt as a source of financing was the existence of foreign exchange controls and the investment premium on overseas investments. **Apart from** discouraging investment abroad this also effectively reduced companies' access to international capital markets.

- Для третьего типа ситуаций характерно фокусирование внимания говорящего на одной из характеристик явления (пример 13). В данном примере речь идет об использовании спектрометра при анестезии. В фокусе высказывания говорящего – инновации в медицине. При помощи предложной конструкции говорящий выделяет регион, где спектрометр не только используется, но и был изобретен (Америка), на фоне других регионов, где его используют (Япония и Франция).

(13) Among the innovations is a medical mass spectrometer, which will analyse the gases breathed and exhaled by patients, virtually ruling out any risk of brain damage under anaesthetic due to equipment failure or human error. **Apart from** America where it was designed, there are only two others in the world, in Japan and France.

- Четвёртый тип ситуации условно можно назвать **уточнением** (пример 14). Сначала вводится информация о том, что специалисты сделали какие-то изменения в изображении, а потом при помощи предложной конструкции уточняется, что именно изменили.

(14) Some photoshop experts took the image and made the changes in it. **Apart from** replacing Pillai's face with Ranveer's face, their sides are also flipped in the fake one.

Таким образом, проанализировав контексты, в которых встречается предложная конструкция с предлогом *apart from*, мы выявили два типа отношений, которые передаются предложной конструкцией, и описали их.

Литература

1. Златкин В.З. Взаимодействие лексических значений в сочетании «глагол – предлог – имя» / В.З. Златкин. // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 4. – С. 105-112.
2. Кочкинекова А.В. Специфика организации предложной конструкции / А.В. Кочкинекова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – Б., 2015. – №35-1. – С. 148-150.
3. Кретов А.А. Реноминация как проблема переводоведения / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2011. – №2. – С. 154-157.
4. Леоненко М.А. Конструкции с сопоставительно-выделительными предложениями / М.А. Леоненко // Современный русский язык. Учёные записки. – М., 1971. – №423. – С. 206-217.

*И.А. Афанасьев, студ. института филологии и журналистики СГУ
(Саратов)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.Ю. Колокольникова

БУДУЩЕЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ПОСТСТАРОСТИНСКУЮ ЭПОХУ

Лингвистика всё время своего существования являлась наукой, решавшей широкий спектр прикладных задач. Тем не менее, методы и средства исследования большей части её отраслей до середины двадцатого века оставались фундаментальными.

С появлением компьютеров ситуация изменилась. В распоряжении лингвистов оказался мощный вычислительный аппарат, позволяющий создавать огромные базы данных, проводить сравнения на обширном материале и делать это всё в относительно краткие сроки. Последствием этого стали образование новых научных отраслей и дифференциация уже существовавших.

Не была исключением и компаративистика, начавшая использовать наследие научно-технической революции середины двадцатого века только на рубеже тысячелетий. Такой сравнительно малый срок развития отрасли открывает перед исследователями будущего невероятный простор возможностей. И это обуславливает актуальность данной работы.

Её цель – наметить пути дальнейшего развития компьютерной компаративистики как научной отрасли, выявить те области, в которых компьютерные технологии могут быть применены с наибольшей эффективностью.

Основным объектом исследования будет являться база STARLING, существующая на протяжении уже около двух десятков лет. Развитие её, однако, около десяти лет назад значительно замедлилось, а в последние годы проект и вовсе не обновлялся.

На данный момент в нём реализована база этимологий большей части языковых семей Евразии, а также типологическая база данных. Последнее обновление добавило к проекту лингвостатистическую базу данных. В совокупности это вполне способно дать полную языковую картину самого крупного континента планеты, центра всякого миграционного маршрута людей, на протяжении нескольких тысяч лет. Во всяком случае, решение задач макрокомпаративистики при помощи STARLING представляется более чем возможным.

Помимо этого, база данных предлагает нам и определённый аналитический аппарат. По утверждениям её изобретателя, С.А. Старостина, она позволяет с высокой, около 80%, точностью, реконструировать фонемы праязыка [1, с. 271].

Также STARLING предлагает наглядный материал – карты распространения языковых семей по миру, и некоторое количество информации по русскому языку и его диалектам, а также библиографический список по проблеме и ряд работ, посвящённых компаративистике современности.

Тем не менее, всё вышеперечисленное мы считаем недостаточным. Компьютерная компаративистика должна развиваться и дальше.

Во-первых, считаем необходимым продолжить работу над созданием этимологической базы STARLING за счёт пополнения её материалами африканских, австралийских и америндских языков. Объём работы представляется колоссальным, потребует развития нетривиальной методологии и усилий специалистов со всего мира.

Во-вторых, представляется достижимым расширение аппарата автоматической реконструкции от фонемы к морфеме, на основе критерия сохраняемости морфемы, формализованного М.В. Араповым и М.М. Херц [2, с. 58 - 59].

В-третьих, использование формализованных постулатов глоттохронологии Сводеша [2, с. 21- 3] предоставляет возможность построить аппарат автоматического сравнения словарей языков.

В-четвёртых, в целях популяризации компаративистики считаем возможным увеличить количество наглядных материалов в STARLING за счёт построения диаграмм, демонстрирующих, например, скорость распада исконной лексической парадигмы, или же сравнение постоянной распада [2, с. 24] по разным языкам.

В-пятых, в доработке нуждается техническая деталь – окончательный перевод системы STARLING на операционную систему Windows.

Реализация всех поставленных выше задач займёт, вероятно, не одно десятилетие и потребует огромных усилий. И последнее очевидно, ведь компьютерная компаративистика – всё ещё очень молодая научная отрасль.

Таким образом, нами были проанализирован имеющийся в компьютерной компаративистике аппарат, выявлены области, в которых компьютерные технологии, преимущественно, технологии корпусной лингвистики и автоматической обработки, окажутся наиболее полезными. На основании этого был предложен ряд возможных путей развития компьютерной компаративистики, развитие которой ещё только начинается.

Литература

1. Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А. Старостин. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
2. Арапов М.В. Математические методы в исторической лингвистике / М.В.Арапов, М.М. Херц. – М., 1974.

СЕКЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*А.Н. Столярова, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол н., доц. Л.В. Лаенко

АТРИБУТ В СОСТАВЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА

Настоящее исследование посвящено анализу атрибутивных включений в составе номинации лица (e.i. *international celebrity*) в текстах англоязычных СМИ (The Daily Mail, The Daily Telegraph, The Guardian, The Independent, The New York Times) с целью установления особенностей референции и концептуализации лица.

Под концептом понимается «дискретное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [4, с. 257-283]. В рамках исследуемого типа текстов данные единицы наиболее ярко представлены атрибутивными сочетаниями структурных типов Adj.+N, где Adj. – собственно прилагательные и причастия как отглагольные прилагательные (e.g. *female winner, stranded holidaymakers*), и N+N (e.g. *family doctor*). N в обоих случаях есть имя лица, выраженное антропонимом, который в широком смысле понимается как имя, семантика которого связана с деятельностью людей, человеческими поступками и поведением [1, с. 146].

Атрибуты в данных сочетаниях реализуют несколько функций. Во-первых, как прилагательные и причастия, так и существительные служат для идентификации референта, под которым понимается «объект или множество объектов, с которыми соотносится языковое выражение в конкретном высказывании» [5, с. 28]. Кроме того, прилагательным характерна дескриптивная и субъективно-оценочная функция.

Атрибутивное сочетание как единица анализа представляет собой комплексное явление, в основе которого лежат особенности формирования значения слова. Как известно, этот процесс не ограничивается простым сложением значений входящих в словосочетание слов, а предполагает их интеграцию в единое целое, сложное и многогранное. В основе этого процесса лежит взаимодействие результатов категоризации окружающего мира и языковых форм. При рассмотрении механизмов категоризации можно выделить два вида данного процесса: естественную и оценочную. Естественная категоризация объектов окружающего мира заключается в сходстве и различии их фактических характеристик, в то время как оценочная базируется на сходстве воздействия объектов и их характеристик на человека. В основе данных видов категоризации лежат разные способы осмысления реальной действительности: естественный и ценностный. Кроме того, происходит дифференциация универсального коллективного опыта и личного [2, URL].

Таким образом, в ходе процесса концептуальной интеграции происходит формирование общего, комплексного значения атрибутивного сочетания. Например, при рассмотрении словосочетания *firearms officer* атрибут указывает на такие особенности семантики, как конкретное место работы (полиция Великобритании), полномочия (разрешение на ношение оружия) и предварительную подготовку (прохождение специальных тренировок).

На основании концептов, профилируемых атрибутами, была составлена классификация референтов лица, в которую вошли четыре их типа (по Г. И. Кустовой):

1) лицо, номинированное функциональным личным существительным, т.е. таким, которое обозначает профессию, род деятельности, некую занятость. Посредством атрибутов профилируются следующие его признаки:

- конкретная сфера деятельности (*a financial analyst, a security analyst,*);
- место работы (*A Downing Street spokeswoman, Cameron's spokeswoman*);
- расположение в пространстве (*nearby police officer, local councilors*);
- степень влиятельности, успешности, известности (*successful entrepreneur, a prominent biochemist*);
- фактический статус на момент речи (*former prime minister, a retired caterer*);
- гендер (*female councillors, male ministers*);
- образование (*a British-educated biochemist and vice-president*);
- взгляды (обычно политические), отнесенность к политической партии; (*hardline clerics, a Democratic strategist, moderate Labour MPs*);
- национальная принадлежность (*Scottish first minister, Greek philosopher*);
- условия работы (*top-earning GP, full-time employees, an unpaid stagiaire*);
- правовой статус (*migrant farm workers*);
- оценочная характеристика (*principled and effective public servants, a brilliant cinematographer*);

2) лицо, номинированное результативным личным существительным, т.е. таким, которое обозначает некий статус, полученный в результате совершения определенного действия. Посредством атрибутов профилируются следующие его признаки:

- сфера деятельности, направленность (*heavyweight champion, aviation experts, a terrorist attacker*);
- фактическое состояние на момент речи (*new champion, former leader, missing victim*);
- частотность действия (*mass killer, a serial philanderer*);
- указание на участие в действии другого лица (*fellow killer*);
- степень известности, влиятельности (*world champion, famous dissident*);
- принадлежность политической партии (*the Labour party leader*);
- национальность (*Yazidi fighters*);
- правовой статус (*jailed leaders, undocumented immigrants*);
- гендер (*women activists*);
- возраст (*aging veterans*);
- оценочная характеристика (*positive ambassador*);

3) лицо, номинированное актуальным личным существительным, т.е. таким, которое обозначает статус, которым обладает лицо в момент речи или совершения описываемого действия. Посредством атрибутов профилируются следующие его признаки:

- фактическое состояние на момент речи (*the staff member*);
- гендер (*The male suspect, female recruits*);
- взгляды (политические) (*grass-roots conservative voters*);
- возраст (*young members*);
- вероятность получения статуса, на который указывает лицо (*potential candidates, the prospective enlistee*);
- положение в обществе (*minority voters*);
- степень влиятельности, популярности (*a heavy favorite, a deeply flawed candidate*);
- возраст (*the party's youngest candidate*);

4) лицо, номинированное реляционным личным существительным, т.е. таким, которое обозначает отношения с другими лицами. Посредством атрибутов профилируются следующие его признаки:

- возраст (*young wife*);

- период отношений (*a childhood friend, former school friend*);
- степень близости (*personal friends*);
- оценочная характеристика ("*evil*" *mother*).

В рамках данной классификации рассматриваются особенности функционирования анализируемых атрибутивных сочетаний в таких типах газетных статей, как новостная статья и субъективно-аналитическая статья. Для новостных статей, служащих для информирования и приведения объективной информации, характерно использование сочетаний, значение которых сформировалось в ходе процессов естественной категоризации, а оценочные атрибуты типичны для цитирований. В субъективно-аналитических же статьях, характеризующихся эмоциональной окрашенностью, а также выражением личного мнения автора, более типичны оценочные атрибутивные словосочетания типа Adj. + N, значение которых формируется в результате оценочной категоризации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Болдырев Н.Н. Оценка при категоризации и понятие оценочной категоризации // От слова к тексту: Мат-лы докладов Междунар. науч. конф. – Минск. – Ч. I. — Минск, 2000. – URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/131.pdf>.
3. Кустова Г.И. Прилагательные в составе номинаций лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2010». – М, 2010. – С. 265–271.
4. Стернин И.А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 257–282.
5. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

*И.А. Завалкина, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., доц. Л.В. Лаенко

ИДИОМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТЕКСТОВ

Идиома – лексически неделимое устойчивое сочетание с осложненной семантикой [1, с. 4], которое характеризуется яркой стилистической окраской, эмоциональной насыщенностью, отходом от обычного нейтрального стиля [2, с. 209].

Целью исследовательской работы является рассмотрение идиом в экономическом контексте, их исследование и описание особенностей данных лингвистических единиц как на структурно-семантическом, так и на функционально-стилистическом и прагматическом уровнях.

Данная тема остается актуальной, так как фразеология - все еще достаточно молодая и мало изученная область языкознания, именно поэтому она представляет собой большой интерес для научного мира и является целью исследования многих ученых (А.В. Кунин, А.И. Смирницкий, Н.Н. Амосова, М.М. Копыленко, В.В. Виноградов и др.). Существует необходимость в дальнейшем изучении и систематизации знания о фразео-

логическом фонде, потому как лингвисты до сих пор не пришли к общему мнению насчет определения фразеологии и выделения единой классификации идиом.

Практическим материалом для исследования послужили идиомы, отобранные методом сплошной выборки из следующих британских и американских изданий: Daily Mail, The Independent, The Economist, The New York Times, The Telegraph, The Wall Street, The Washington Post, USA Today. Данные газеты были выбраны в виду их высокой популярности не только в англоговорящих странах, но и во всем мире, также они интересны тем, что представляют противоположные политические взгляды, следовательно, ориентированы на разную аудиторию. Например, The Independent ориентирована на людей с либерально-демократическими взглядами, а The Telegraph, напротив, - консервативными.

В рубриках данных газет – *Finance, Economics, Business, Money, Economy* – содержится широкий круг статей разного формата.

На основе отобранных статей была построена классификация, жанры статей в которой делятся на два типа:

1. Новостные. Наиболее распространенный жанр. Можно разделить на небольшие информационные сообщения, которые несут информацию сугубо о сфере финансов (курс валюты, нефти, акций и т.д.), характеризуются большим количеством чисел, графиков, а также сухим языком, и на новостные сообщения из мира бизнеса с информацией об финансовых действиях компании или страны, часто с комментариями непосредственных участников события или наблюдателей, используется прямая речь, возможна некоторая эмоциональность, здесь гораздо чаще встречаются метафоры и идиоматические выражения.

2. Субъективно-аналитические. В данную категорию входят:

- интервью – диалог журналиста и второго лица, чаще всего эксперта, о конкретном событии в финансовой сфере с целью более глубокого раскрытия темы;
- периодическая колонка, в которой дается оценка событиям по уже опубликованным ранее материалам;
- статья-совет ориентирована на людей из среднего класса, в ней содержатся рекомендации по улучшению финансовой ситуации читателя;
- статья-прогноз «предсказывает» дальнейшее развитие событий, совершение того или иного действия.

Особое внимание также необходимо обратить на заголовки экономических статей. Заголовок занимает важное место в структуре текста, так как основными его функциями являются отображение главной темы текста и привлечение внимания читателя. Для этого могут использоваться идиомы и метафоры, риторические вопросы и ирония. Рассмотрим следующий пример:

'How Apple's Trojan horse will eat the credit card industry' [6, URL]

В данном заголовке предлагается обратить внимание на идиому Trojan horse. Trojan horse является аллюзией на реальные исторические события и имеет семантику предательства – засаду в тылу врага. С помощью данной идиомы автором описывается сложившаяся ситуация между компанией Apple и индустрией кредитных карт (Visa, MasterCard и так далее). «Троянским конем» автор называет систему мобильных платежей Apple Pay, которая использует собственную технологию для оплаты, давая субъективную оценку последующих событий, которые могут происходить в отношениях между данными компаниями.

В приведенных ниже предложениях можно заметить, что сначала описываемая как оптимистичная, ситуация резко меняется на пессимистичную при помощи использованной идиомы, имеющей негативную окраску.

Apple Pay was launched last year, with lots of fanfare and support by the credit card industry.

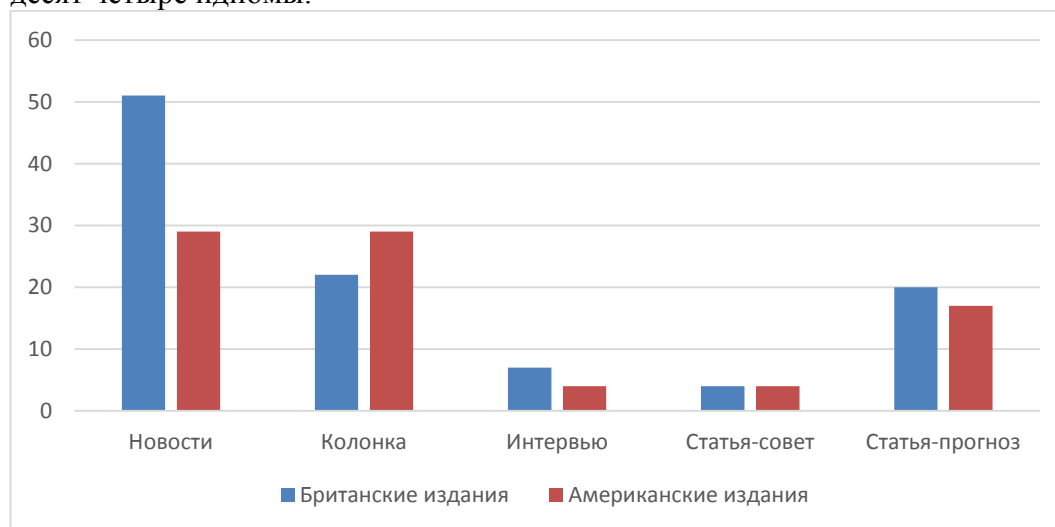
Apple Pay is, however, a Trojan horse. Once Apple has established its platform, it won't need the banks and credit cards any more. It will be able take advantage of another new technology, the blockchain, to offer an alternative payment option.

В следующей субъективно-аналитической статье - *'The UK should not let this Brexit crisis go to waste – neither should the EU'* [5, URL] – автор эмоционально рассуждает о негативных последствиях Брексита. Чтобы показать свое отрицательное отношение к данной ситуации, автор использует идиому *go to waste*. Заданный в заголовке тон имеет продолжение и в самой статье – это можно увидеть в приведенном ниже примере, где автор иронично сравнивает политическую ситуацию с так называемыми группами-«копирками»: на месте Beatles выступает Project Fear, а измененные названия известных хитов группы символизируют сложную экономическую ситуацию в стране:

Tribute bands are all the rage these days. So it should come as no surprise that the triggering of article 50 was marked by a homage to a band that toured the country in the summer of 2016: Project Fear. Project Fear 2017 has been playing its own versions of Beatles hits: I (Don't) Feel Fine, We (Can't) Work it Out and, of course, that all-time classic, While My Economy Gently Weeps.

В ходе исследования было рассмотрено сто двадцать семь статей за период с декабря 2015 года по апрель 2017 года. Из данного количества в ста из них содержались идиомы, общее число которых составило сто семьдесят семь.

Методом сплошной выборки было отобрано сто двенадцать идиом в рубриках британских изданий, а в статьях американских было найдено на порядок меньше – семьдесят четыре идиомы.

Анализ показал, что в британских изданиях наибольшее количество идиом содержится именно в статьях новостного формата. Если обратить внимание на американские СМИ, то можно заметить равное распределение между новостями и статьями в колонках. Важно отметить, что отобранные статьи новостного формата преимущественно относились к новостям, рассказывающим о событиях, влияющих на жизнь какой-либо компании или страны в сфере экономики (например, заключение договоров, покупка другой компании, смена экономической стратегии). В статьях такого формата используется прямая речь, возможна некоторая эмоциональность. В новостях финансового рынка, как правило, отсутствует какая-либо эмоциональная окрашенность.

Из анализа всего отобранного практического материала можно сделать вывод, что использование тех или иных идиом зависит как от контекста употребления, то есть жан-

ра статьи, так и от газеты, и, следовательно, потенциальной аудитории. Так, например, чаще всего ФЕ встречаются в статьях британской газеты *Daily Mail*, которая в основном ориентируется на средний класс, и *The Independent*, где подавляющее большинство статей там принадлежит жанру 'column': где дается оценка ситуации или выражается отношение к положению дел, тем самым идиомы акцентируют внимание читателя на высказываемом мнении.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб для ин-тов и фак. иностр. Яз / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб.: - М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
2. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: МГУ, 1998. – 260 с.
3. Cambridge Dictionaries. Электронный ресурс. – URL: [http:// dictionary.cambridge.org](http://dictionary.cambridge.org)
4. Farlex Free Dictionary. Электронный ресурс. – URL: <http://www.thefreedictionary.com>
5. The Guardian. Периодическое издание. Электронная версия: <http://www.theguardian.com>
6. The Washington Post. Периодическое издание. Электронная версия: <https://www.washingtonpost.com>

*А.О. Шуленина, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., доц. Л.В. Лаенко

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ГЕНДЕРА В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРВЬЮ

Предмет гендера и гендерных исследований прошел долгий путь развития от античности до современности. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что в связи с изменениями в мировой номенклатуре культур, он стал одним из самых противоречивых, обсуждаемых и перспективных направлений мировой лингвистической науки, которое, возможно, сможет найти ответы на многие социально значимые вопросы.

В российском языкознании сложилось собственное научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации — *лингвистическая гендерология*, или *гендерная лингвистика*. [1]

Она активно осваивает тему образа человека в культуре и языке. Гендерная лингвистика в разработке этой темы делает акцент на образе человека гендерного. [2]

Несмотря на то, что, строго говоря, гендер не является лингвистической категорией, именно исследование структур, объективирующих гендер в языке, позволяет проникнуть в социокультурное и когнитивное содержание этой категории. Современные работы в области лингвистических исследований гендера условно делят на изучающие особенности вербального и невербального поведения женщин и мужчин и на те, что посвящены анализу способов именованности лица с точки зрения гендерной принадлежности. При этом основным объектом исследований гендерной лингвистики сегодня становятся когнитивные схемы/модели, стоящие за репрезентациями гендера в языке и речи.

Социокультурная природа гендера позволяет интерпретировать его как *набор свойств, социальных ролей и экспектаций, связанных с биологическим полом индивида в определенной социокультурной общности в отдельный исторический период*. [2].

Во всех странах мира одним из самых распространенных методов получения информации и выявления оценок является интервью.

Интервью (от англ. *interview* – буквально встреча, беседа) – жанр публицистики, представляющий собой разговор журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам. [3] Таким образом, интервью – это обмен мнениями, взглядами, фактами, сведениями.

Специфичность интервью как ключевого жанра публицистики заключается в существовании в нем как *характерных черт стиля прессы* (социальная референтность, информативно-аналитическая и пропагандистская направленность), так и *разговорной диалогической речи* (непосредственный контакт, смена ролей слушающего/говорящего и пр.). Интервью – продукт социально значимый, отражающий злободневные проблемы общества, где основными инструментами являются *слово, диалог и человеческая речь*.

Именно на материале этого письменно-зафиксированного источника была предпринята попытка выявления и анализа явления гендера и его маркеров.

На примерах 8 интервью (4 мужчин и 4 женщин), посвященных разным темам и областям жизни общества, были выделены наиболее часто используемые гендерные маркеры:

- Морфологические (образующие дериваты при помощи ряда суффиксов, например *-ess, -ine, -trix*, и др. / *-or, -er*, и др.);

Nina Auerbach was closely connected with the editor of the New York Times Book Review, Rebecca Sinclair. They both live in Philadelphia and Nina Auerbach had been Rebecca Sinclair's professor at the University of Pennsylvania. So there was a student-mentor relationship there. (C. Sommers)[4]

- Лексические (включающие лексемы мужской и женской референции: *male, man(men)/female, woman(women), lady, boy/girl*);

Maybe ten percent of 18-24 year old women are very angry people, intoxicated with hatred, believing that maleness is synonymous with violence. (C. Sommers)

[4] *But after that, who knows? See how the boys feel. [...] We are not old men, and we are not worried about petty morals.* (K. Richards) [5]

- Конвенциональные («тителы вежливости» (titles of courtesy) или «тителы уважения» (titles of respect) (*Mr, Mrs, Miss, Ms*);

We all agree that Canada needed a role to play, Canada needed to be part of coalition, but we also agreed that Mr. Harper had demonstrated no interest or even capacity in elaborating and explaining air strikes.” (J. Trudeau) [6]

- Экспрессивно-стилистические (экспрессивные средства выражения – эпитеты, метафоры, сравнения);

The press, the establishment presented me as some sort of bimbo in a fur rug. We came along at the perfect time, the hippies and the drugs. Because what was really going on was Rock Lane and bugging little boys and bringing them down from remand homes. We were silly little hippies having a lovely time, we were nothing.” (M. Faithfull) [7] *And you know, someone has questioned the citizenship of the first Afro-American President who was courted white supremacists, who's been sued for housing discrimination against communities of color, who has attacked a judge for his Mexican heritage and promised a mass deportation force [...]”* (H. Clinton) [8] *The greatest gift America gave to me was its music. Because it was a hybrid, immigrant-loaded community where everybody's stuff came together.*” (K. Richards) [5].

- Грамматические (грамматические показатели, например, личные, возвратные, притяжательные местоимения, которые указывают на принадлежность людей к мужскому или женскому полу и превращают наименования лиц в гендерно маркированные лексические единицы).

She's tough as nails, and Daisy gets a lot of her identity from proving how tough she is. (J. J. Leigh) [9] *I mean, you're not going to call Mozart rock & roll are you? No, you're going to call him classical, so you know what box to put him in.* (K. Richards) [5]

Сегодня с появлением понятия политической корректности, а также в связи с подъемом по всему миру феминистского движения, активистки которого обвиняют английский язык в андроцентричности, наблюдается тенденция к снижению употребления гендерно-маркированных единиц. Представители феминистской лингвистики считают английский сексистским языком и вместо гендерно-маркированных слов и выражений предлагают использовать политически корректные альтернативы, которые привнесут в язык категорию большей нейтральности с позиции гендера. Поэтому можно сказать, что гендер является составной частью современного процесса глобализации, понимаемого как вовлечение всего мира в единые универсальные процессы, начавшиеся очень давно. Это подтверждает идею того, что исследования роли гендера в межличностных, общественных и даже международных отношениях будут еще долгое время актуальными.

Литература

1. Кирилина А. Лингвистические гендерные исследования / А. Кирилина, М.Томская. – М., 2005.
2. Гендерные различия: Мат-лы IV межвуз. Конференции молодых исслед-лей «Гендерные отношения в совр. общ.: глобальные и локальные (22-23 окт. 2004 г.)»/ Отв. ред. М.В. Ражбаева – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 285.].
3. Юровский А.Я. Телевизионная журналистика / А.Я. Юровский – М.: МГУ, 1994.
4. SCOTT LONDON. The Future of Feminism: An Interview with Christina Hoff Sommers, By Scott London. *This interview was adapted from the public radio series "Insight & Outlook."* – <http://www.scottlondon.com/interviews/sommers.html>.
5. Rolling Stone. Keith Richards on Getting Busted, Zeppelin and Stones' Future, By Patrick Doyle. October 8, 2015. – <http://www.rollingstone.com/music/features/keith-richards-on-getting-busted-zeppelin-and-stones-future>.
6. CBCNEWS POLITICS. Justin Trudeau interview: Q&A transcript, By Susana Mas. October 20, 2014. <http://www.cbc.ca/news/politics/justin-trudeau-interview-q-a-transcript>.
7. Time Out London. Marianne Faithfull talks heroin, The Rolling Stones and '60s London, By Bella Todd. February 1, 2016. – <https://www.timeout.com/london/music/marianne-faithfull-interview>.
8. BREITBART NEWS. Transcript: Hillary Clinton's Interview on Clinton Foundation, Colin Powell, and Trump's 'Hate Movement', By Anderson Cooper. August 25, 2016. <http://www.breitbart.com/2016-presidential-race/2016/08/25/hillary-clinton-interview-transcript>.
9. IndieWire. Interview: Jennifer Jason Leigh Talks 'The Hateful Eight,' Quentin Tarantino's Blood, Working With Kurt Russell, And More, By Russ Fischer. December 26, 2015. <http://www.indiewire.com/2015/12/interview-jennifer-jason-leigh-talks-the-hateful-eight-quentin-tarantinos-blood-working-with-kurt-russell>.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании. Как отмечает М.Е. Чижова [7, с.4], картина мира – реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определённом этапе его развития. Картина мира является сознательным воспроизведением объекта-оригинала теми или иными средствами, таким образом можно говорить о языковой картине мира, которая представляет собой отражение совокупности знаний об объективном окружающем мире средствами языка. Картина мира формируется в процессе взаимодействия мира и человека, опосредованного взаимоотношениями языка и мышления. Язык имеет непосредственную связь с познанием. В языке запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении его истории. Это сложный путь приобретения мысли, знания, изучения познания и сложный механизм речевого и словесного оформления мысли.

Цель нашего исследования – изучить один из синтаксических способов отражения картины мира, который реализуется на основе операции отождествления.

Операция отождествления, с помощью которой человек осмысляет действительность путем соотнесения неизвестного понятия с известным понятием, является одним из логических способов отражения мира. На этом принципе строится такой тип предложений как отождествлено-предметные предложения (Он- врач, Уехать значит умереть). Данный тип предложения выделяется в рамках семантико-функциональной классификации простого предложения, разработанной А.М. Ломовым для русского языка [5]. Однако принципы семантико-функциональной классификации предложения оказались продуктивными и для других языков, в том числе французского [1], [4], [6].

Е.А. Алексеева [3], выделяя тип отождествительно-предметного предложения во французском языке (*Il est instituteur*), отмечает, что среди них отмечаются такие случаи, когда отождествление функционирует не в чистом виде: *La liberté est un choix* (Свобода это выбор) (Jean-Paul Sartre). Такого рода предложение исследователь квалифицирует как отождествлено-предложные предложения с усложненным механизмом отождествления, который предполагает соотнесение двух предметов, не относящихся к одним и тем же логическим рядам. Результатом такого отождествления, основанного на категориальном «сдвиге», является объединение двух объектов, которые непосредственно не связаны друг с другом, на основании какого-то вновь выделенного признака и включение их в категорию, к которой они не могли бы быть отнесены на рациональном основании. В данных высказываниях говорящий, опираясь на свои ассоциативные возможности, способности к переосмыслению окружающей действительности, приводит в соответствие предметы, принадлежащие разным логическим рядам, сближая их как рядоположные. Таким образом, представляется возможным выделить ассоциативное отождествление как способ познания картины мира, реализующийся в четырех типах синтаксических конструкций, которые мы проиллюстрируем ниже.

Метафорические отождествительно-предметные предложения: *Le monde entier est un théâtre* (Весь мир – это театр). Метафора, понимаемая в широком смысле, предполагает замену прямого названия каким-либо другим, понимаемым переосмысленно. В данном примере стилистическая метафора *un théâtre* означает человеческие

отношения, социальные нормы. Просмотрим другой пример: *La mer est une poubelle* (Море это мусорка), где *une poubelle* является стилистической метафорой, которая обозначает загрязнение морей, поэтому море отождествляется с мусорным ящиком.

Спряженные отождествительно-предметные предложения: *La mère est la première école* (Мама-это первая школа). Для данного вида отождествительно-предметных предложений характерен «сбой» в логическом порядке выбора лексико-грамматических средств организации предложения, который связан с сжатием структурных звеньев. Для того, чтобы понять эти конструкции, необходимо переосмыслить основания отождествления двух предметов. Так, анализ процитированного примера позволяет заключить, что мама является первым человеком, у которого ребенок учится ходить, говорить, осваивать окружающий мир.

Редуцированные отождествительно-предметные предложения: *La photo est un antidépresseur* (Фото-это антидепрессант). Редуцированные отождествительно-предметные предложения являются предложениями с «усеченной номинацией», в которых сложные номинации сокращаются и сводятся к атрибутивному или объектному компоненту. Для того чтобы понять смысл редуцированного отождествительно-предметного предложения, необходимо переосмыслить содержание всей синтаксической конструкции. Зачастую это происходит за счет восстановления усеченного члена предложения с опорой на контекст. Так, в приведенном примере, исходя из контекста, можно восстановить редуцированный компонент – «faire» (делать), таким образом получим [*Faire*] *la photo est un antidépresseur* ([Делать] фото-это антидепрессант).

Тавтологические отождествительно-предметные предложения: *Le père parfait, c'est le père dont nous rêvons.* (Прекрасный отец – это отец, о котором мы мечтаем). Тавтологические предложения отличаются лексической тавтологией отождествляемых предметов окружающей действительности. Понимание такого рода фраз также, как и предыдущих типов, требует отдельного анализа, переосмысления, поисков оснований для отождествления двух предметов.

Отношения между двумя предметами, построенные на основе ассоциативного отождествления, носят абстрактный характер, затрудняющий их интерпретацию, что может внести дополнительные трудности в процесс перевода. [2]

В ходе нашего исследования мы определили, что, осваивая окружающую действительность, человек формирует представление об объектах, составляющее картину мира, ключевые понятия которой обозначаются с помощью языка. Одним из синтаксических способов формирования языковой картины мира являются отождествительно-предметные предложения, в частности, их ассоциативная разновидность, существующая в метафорическом, спряженном, редуцированном и тавтологическом виде. Данные конструкции отображают процесс отождествления, используемый для освоения картины мира на высоком уровне абстракции, требующем обязательного переосмысления для установления передаваемого ими содержания. Они способствуют моделированию знаний о мире и требуют дальнейших исследований в плане изучения отношения человека к миру.

Литература

1. Алексеева Е.А. Об уровне строения предикативной системы (на материале французского языка) / Е.А. Алексеева // Социальная власть языка: Сб. науч. Трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С.29-35.
2. Алексеева Е.А. Допереvodческий анализ текста как способ формирования навыков понимания / Алексеева Е.А. // Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2001. – Вып.4. – С.7-8.

3.Алексеева Е.А. Синтаксические способы выражения значения отождествления в русском и французском языках/Алексеева Е.А.//Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы филологии и межкультурная коммуникация на современном этапе». – Якутск: изд-во Якутского государственного университета, 2008. Т.1. – С.36-43.

4.Алексеева Е.А. Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения французского языка/Е.А. Алексеева // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №1. – С.49-54.

5.Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису русского языка / А.М. Ломов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

6.Щербакова А.В. Синтаксическая и семантическая квалификация абсолютной конструкции во французском языке/А.В. Щербакова //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №10-2. – С.205-208.

7.Чижова М.Е. Языковая картина мира как одно из основных понятий в современной когнитивной лингвистике / М.Е. Чижова //Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика. – № 4. 2011, С.3-6.

*В.В. Сафонова, студ. ф-та романо-германской филологии
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.И. Быкова

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ НОМИНАЦИЙ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проблема исследования номинаций в сфере «интеллектуальные способности человека» является одной из проблем современной лингвистической науки в русле антропологической парадигмы исследования языковых единиц. Интеллектуальный потенциал – одна из важнейших характеристик духовной составляющей природы человека. *Ум* как способность понимать и познавать действительность и *глупость* как несоответствие способностей норме, принятой в обществе, являются неотъемлемой частью человеческой коммуникации. Исследование в данной области актуально тем, что существует необходимость специального изучения синонимии немецкого языка в смысловом поле «интеллектуальные способности человека» в рамках культурологической направленности лингвокогнитивного подхода.

Объектом исследования являются синонимы в исследуемом смысловом поле на материале немецкого языка. Предметом исследования служат способы репрезентации исследуемого макроконцепта.

Нами было отобрано 97 лексем, включающих лексемы-универбы (в том числе производные и сложные слова); а также 112 фразеологических единиц.

По результатам исследования, частотность употребления отрицательно маркированных лексических единиц (75%) превышает частотность употребления единиц с положительной маркировкой. Являясь более насыщенными, негативные ассоциативные представления о том или ином денотате отличаются, по мнению психологов, высокой интенсивностью и длительностью протекания реакции говорящего, что способствует их закреплению в сознании носителей языка. Положительной оценкой маркированы 25% исследуемых номинант.

В ходе исследования нами был использован комплекс методов и приемов анализа: прием сплошной выборки, метод лексикографического описания, контекстуальный анализ, метод компонентного анализа, лингвокогнитивный метод, количественный анализ.

Мы опираемся на критерии определения синонимов в трактовке И. Филипец с учетом следующих факторов: принадлежность лексических единиц к одной части речи или осуществление схожей синтаксической функции, наличие общего релевантного денотативного компонента значения, наличие общего употребления в контексте, употребление в языковом коллективе [7, с. 189].

Лингвокогнитивный подход неразрывно связан с восприятием человеком окружающего мира. Культурологическая направленность лингвокогнитивный анализа способствует обнаружению национальных особенностей членения мира человеком, позволяет анализировать всю совокупность факторов, которые влияют на процесс общения, а также систему феноменов, отражающих национальную специфику ментально-лингвального комплекса, с одной стороны, а с другой, предопределяющих национально-культурную специфику самой коммуникации [3, с. 8-12].

В микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями» нами было выявлено следующее процентное соотношение идеографических (*Dummkopf, Sinnierer, Nichtskoenner*) и стилистических (*Knallkopp, Dalk, Tor*) синонимов: 31% и 69% соответственно. На материале смыслового поля «человек с высокими интеллектуальными способностями» нами было выявлено следующее процентное соотношение идеографических (*Schlaupkopf, Mentor, Denker*) и стилистических (*Wifzack, Kanone, Savoir-vivre*) синонимов: 67% и 33% соответственно.

На материале нашего корпуса исследования почти все номинанты в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями» маркированы компонентом этноконнотации /функциолект/ в обиходной речи. Таким образом, мы делаем вывод о том, что слова данного микрополя в большей части к стилистическим синонимам. Стилистические синонимы в в нашем корпусе исследования преимущественно являются разговорными, просторечными. Им присуща эмотивность и употребительность в определенных контекстах.

Для выявления всех компонентов значения исследуемых синонимов проводится компонентный анализ, который позволяет исчерпывающе описать основные идентифицирующие семы значений близких по семантике слов и определить их принадлежность к идеографическим, а при наличии коннотативных сем, к стилистическим синонимам.

Смыслоразличительными признаками при компонентном анализе были выбраны такие компоненты, как оценочность, эмотивность и образная экспрессивность. Также особое внимание мы обращаем на наличие признаков этноконнотации, как особого вида культурной коннотации. Такими признаками являются /образная составляющая/, маркированная признаками-спецификаторами: территориальная соотнесённость [lokus], временная соотнесённость [tempus], /этноэмотив/, /социолект/, употребление в определённом социуме и /функциолект/, указывающий на определённую сферу общения [1].

Было выяснено, что 93% исследуемых номинант маркированы этномотивом. Эмотивность и оценочность коррелируют между собой. Таким образом, слова, обладающие оценочностью, будут, чаще всего, обладать и эмотивностью, и наоборот, например, в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями»: *Schlauberger, Klugscheisser, Neunmalkluge*; в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями»: *Doomkopf, Lapp, Holzkopf*.

Было выяснено, что 93% исследуемых номинант маркированы этномотивом. Эмотивность и оценочность коррелируют между собой. Таким образом, слова, обладающие оценочностью, будут, чаще всего, обладать и эмотивностью, и наоборот, например, в

микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями»: *Schlauberger, Klugscheisser, Neunmalklige*; в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями»: *Doomkopf, Lapp, Holzkopf*.

Было выявлено, что все синонимичные номинанты, репрезентирующие концепты микрополя «человек с низкими интеллектуальными способностями» маркированы отрицательной оценкой, например, *Doofkopf, Dussel*. Номинанции в микрополе «человек с высокими интеллектуальными способностями» имплицитно содержат положительную оценку, например, *Gelehrte, Kenner, Begabte*.

Некоторые слова маркированы признаком /социолект/, например, *Insider* в социолектах журналистов; *Mentor* в социолекте учителей

87% номинантов в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями» маркированы признаком /функциолект/, указывающим на сферу употребления в определенном функциональном стиле. Так, слово *Brummochse* является в обиходной сфере общения грубым ругательством: «*So ein Brummochse!*» (Источник?) Номинанты синонимического ряда: *Blödian*: „*Die Fritzi stellte fest, dass irgendein Blödian eine falsche Münze in die Box geworfen hat*“ (*Zenker, Froschfest c.166*). Лишь одна номинанта в данном смысловом поле относится к литературному стилю речи (*Bildungssprache*) *Tor*. Тогда как в микрополе «человек с высокими интеллектуальными способностями»: разговорными являются лишь 20% единиц.

Нами было выявлено 87 % образно-экспрессивной лексики в микрополе «человек с высокими интеллектуальными способностями» и 83 % в микрополе «человек с низкими интеллектуальными способностями». Таким образом, можно сделать вывод о том, что носители языка чаще всего прибегают к использованию экспрессивно-образных номинантов для более яркого выражения отношения к мыслительным способностям человека.

Исходя из проведенного нами исследования синонимии номинантов макрополя «интеллектуальные способности человека», необходимо отметить следующее: с помощью изучения синонимии номинанций данного макрополя с позиции культурологической направленности лингвокогнитивного подхода можно выявить тенденцию к проявлению идиоэтнической специфики их функционирования в немецкоязычном культурном пространстве.

Литература

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка / О.И. Быкова. – Воронеж, 2005. – 296 с.
2. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. – № 1. – С.6-17.
3. Попова З.Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Культура общения и ее формирование, Воронеж, 2001. – Вып. 8. – С. 34–56.
4. Чернышева И.И., Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М, 1970.- 199 с.
5. Dr. Drosdowski G. Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim, Wien, Zürich, 1993. – 2504 S.
6. Duden/ Redewendungen und Sprichwoertliche Redensarten : Woerterbuch der Deutschen Idiomatik, 1998. – 955 S;
7. Filipez I., Zur Theorie der lexikalische Synonymie in Syntaktischer Sicht / Wissenschaftliche Zeitung der KMU – Leipzig, 1968. – №2. – S. 189.

8. Röhrich L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten – 3 Bände / L. Röhrich. Freiburg, Basel, Wien, 1994 .– 1255 S.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ».....	3
<i>Баскаков Ф.Н.</i> АНАЛИЗ СВЯЗИ ФЕНОМЕНОВ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И НАРЦИССИЗМА.....	3
<i>Белова О.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛКОГОЛИЗМА...	6
<i>Максименкова Л.О.</i> СВЯЗЬ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА, ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА.....	7
<i>Назарова Е.С.</i> МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ВИНА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН СКЛОННОСТИ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ.....	9
<i>Пылаев А.А.</i> ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЦИИ НА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНУЮ ПАРАДИГМУ В ПСИХОЛОГИИ.....	12
<i>Романенко В.Н.</i> ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	14
<i>Фролова Е.Р.</i> СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИЧНОСТНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ У ЛИЦ С РАЗНЫМИ ВИДАМИ ХИМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ.....	17
<i>Шаталова Ю.Ю.</i> ПРОБЛЕМА ТРЕВОЖНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ.....	18
<i>Гончарова В.В.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОВ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ И К ДРУГИМ.....	20
<i>Пастушкова А.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И КОНФЛИКТНОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК.....	22
<i>Петракова Л.А.</i> РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ.....	25
<i>Петропольская С.А.</i> НЕВЫНАШИВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК БИОПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	27
<i>Сушкова Е.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ТЕЛА У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК.....	29
<i>Азнаурьянц А.А.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛОВОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В XXI В.....	32
<i>Дайнеко В.В.</i> ЭФФЕКТИВНОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	34
<i>Ефанова Ю.С.</i> СТРУКТУРА ЭМПАТИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ.....	35
<i>Кунаковская А.В.</i> ИЗУЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА.....	37
<i>Ламешина Е.И.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛЬТРУИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ....	38
<i>Лаптев А.О.</i> ВОСПРИЯТИЕ СЕБЯ У ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ ЛИЦ.....	40
<i>Макарова С.А.</i> ОТНОШЕНИЕ К РАЗВОДУ И ПОВТОРНОМУ БРАКУ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ БРАЧНЫМ СТАТУСОМ.....	42
<i>Папахчян К.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ВИКТИМНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ.....	44
<i>Русанова Е.Е.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	46
<i>Шевченко Н.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК.....	48
СЕКЦИЯ «МИФ, СИМВОЛ, АРХЕТИП В КУЛЬТУРАХ МИРА».....	51

<i>Битюцкая А.А.</i> АЛЛЮЗИЯ ДЕКАДАНСА.....	51
<i>Кузьмина А.О.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ПРО КОРОЛЯ АРТУРА РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ.....	53
<i>Кадырова Л.А.</i> МОТИВ ДОРОГИ В ПОЭМЕ ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ».....	57
<i>Кравчук В.Г.</i> ЛИТЕРАТУРА КАК ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА...	60
<i>Сапрыкина М.В.</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНКРЕТИКА И СМЫСЛОВАЯ СИМВОЛИКА СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ИНСПИРАЦИЯ»..	62
<i>Умылина Д.В.</i> ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ЧАСТЬ ФИЛОСОФСКОГО РАССУЖДЕНИЯ.....	64
<i>Шамина А.С.</i> КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ В РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА.....	67
<i>Волков С.В.</i> КОНФЛИКТ И ПРИЧИНЫ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ В «СТАРШЕЙ ЭДДЕ». ОТ ЮМОРА ДО ТРАГЕДИИ.....	70
<i>Беляева Н.П.</i> ОБРАЗ <i>ВЕСНЫ</i> В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ШЕВЧУКА.....	72
<i>Караборчева С.В.</i> ПРИЗРАКИ В РУССКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА.....	75
СЕКЦИЯ «ЦЕЛИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ».....	77
<i>Чарніцкая Н.І.</i> ВІДЫ ПРАКТЫКАВАННЯЎ ПА РАЗВІЦЦІ ЗВ'ЯЗНАЙ МОВЫ Ў ШКОЛЬНИМ КУРСЕ МОВЫ.....	77
<i>Богданова А.В.</i> ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ГУМАНИТАРНОМ ПРОФИЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ.....	80
<i>Кириченко В.С.</i> РАЗВИТИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТА СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕРАПИИ.....	84
<i>Наумова Л.А.</i> РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ УСПЕШНОЙ ПОДГОТОВКИ К ОСНОВНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ.....	87
<i>Золотарев Д.В.</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН КУРСОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА.....	90
<i>Иванова Е.Д.</i> ПРИЕМЫ РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В 5 КЛАССЕ НА МАТЕРИАЛЕ ТИПА РЕЧИ «ПОВЕСТВОВАНИЕ» (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕКСТОВ СМИ).....	93
<i>Михнева В.Н.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ПЕДАГОГИКИ.....	96
<i>Боева Н.Н.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОБЛЕМНО-ДИАЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ФРАЗЕОЛОГИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ.....	98
<i>Дробченко Т.П.</i> АНАЛИЗ МЕТОДОВ И МЕТОДИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....	100
<i>Маликовская С.И.</i> КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА?.....	103
<i>Федюшина Г.А.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ	

ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОМОНИМОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА...	105
<i>Попова О.П.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛА В ШКОЛЕ.....	108
<i>Мельникова Е.И.</i> КОНЦЕПЦИЯ «УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ КЛАССИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX В.».....	111
<i>Бедрина Л.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ.....	113
<i>Митрофанова Г.В.</i> СОПРОВОЖДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	115
<i>Юдина В.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: ЧТО ВАЖНО ЗНАТЬ ПЕДАГОГУ.....	117
<i>Костылева М.В.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ.....	120
<i>Сопельняк В.В.</i> КРАЕВЕДЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.....	122
<i>Евдокимова А.А.</i> ОСВЕЩЕНИЕ ПРОФЕССОРОМ З.П. ЛАРСКИХ ПРОБЛЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ В ШКОЛЕ.....	124
<i>Карпова-Рождественская А.В.</i> ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗАДАЧ ЛЕКСИКОГРАФИИ В XXI ВЕКЕ.....	127
<i>Сушкова Е.А.</i> РОЛЬ ЮМОРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	130
СЕКЦИЯ «ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЛЕДИЕ: ОБРАЗЫ, ЖАНРЫ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА».....	132
<i>Гальцова Д.Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ СЁЛ СТАРЫЙ КУРЛАК И НОВЫЙ КУРЛАК АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	132
<i>Золототрубова С.Ю.</i> К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА А.К. ТОЛСТОГО «ЦАРЬ ФЁДОР ИОАННОВИЧ».....	135
<i>Караборчева С.В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ВИДЕНИЯ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	137
<i>Касимцева Н.В.</i> ОБРАЗ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ Л. МЕЯ: ПОЭМА «ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА».....	140
<i>Мерзликина Н.С.</i> МОТИВ «БЛУДНОГО СЫНА» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».....	143
<i>Острогорская О.А.</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ ПОДГОРЕНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	145
<i>Роцупкина Ю.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА»).....	148
СЕКЦИЯ «СЛОВО, ОБРАЗ, КОММУНИКАЦИЯ».....	150
<i>Завалина А.О.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПЕРЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ Т. КРЮКОВОЙ «ВОТ ТАК	

ЦИРК!».....	150
<i>Аленичева М.Ю.</i> УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СМЫСЛ «СОСТОЯНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОЭЗИИ Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА.....	154
<i>Шедогубова Е.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ АНЕКДОТАХ.....	156
<i>Заварзина В.А.</i> ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	159
<i>Березина А.С.</i> РОЛЬ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА).....	161
<i>Куликова М.Г.</i> КОНЦЕПТ «СМЕХ» В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ.....	163
<i>Шубакова Е.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИНФЕРНАЛЬНОГО В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ».....	166
<i>Бунин С.В.</i> ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСА ФРАЯ.....	169
<i>Гайворонская А.А.</i> СЛОВА С СУФФИКСАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РОМАНЕ Е.Л. МАРКОВА «УЧЕБНЫЕ ГОДЫ СТАРОГО БАРЧУКА».....	171
<i>Белова К.О.</i> УСТАРЕВШИЕ СЛОВА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА.....	174
<i>Демина Е.В.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВОЕННАЯ СЛУЖБА» В ПОВЕСТИ К.Д. ВОРОБЬЕВА «УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ».....	176
<i>Лебедевич Я.А.</i> ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ АНТОНИНЫ В ПОЭМЕ С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ЛЕСНАЯ ТОПЬ».....	178
<i>Черкинская Г.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СБОРНИКА «БОТИНКИ, ПОЛНЫЕ ГОРЯЧЕЙ ВОДКОЙ» З. ПРИЛЕПИНА.....	181
СЕКЦИЯ «ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЙ».....	183
<i>Куксова Е.С.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕРИАЛА «ШЕРЛОК».....	183
<i>Зяблицева Н.А.</i> КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ).....	185
<i>Тарасюк М.Ю.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА, ОТРАЖЁННОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА ДЖ.Х. ДЖЕБРАНА «ПРОРОК»).....	188
СЕКЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	190
<i>Картавцев В.Н.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СТРАТЕГИИ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ).....	190
<i>Медведева О.М.</i> ДИПЛОМ КАК ДОКУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО РИТУАЛА.....	193
<i>Белосов А.Ю.</i> К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ).....	195
<i>Воронко Д.С., Поталуи В.В.</i> ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ.....	198
<i>Игнатенко О.О.</i> РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ	

ПРЕДВЫБОРНЫХ МАТЕРИАЛАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.....	200
<i>Лапыгина М.В.</i> ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ СЕРБСКОГО ЭЛЕКТОРАТА.....	203
<i>Лихачева И.О.</i> ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛЕКТА ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ ИДЕОЛЕКТА В.В. ПУТИНА).....	206
<i>Нагорный В.В., Варушкина А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ РИТОРИКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ДЖ. С. ПАТТОН, Б.Л. МОНТГОМЕРИ).....	208
<i>Литовская А.С.</i> РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГОСТЕЙ ПОПУЛЯРНЫХ ТОК-ШОУ (НА ПРИМЕРАХ ПЕРЕДАЧ ПЕРВОГО КАНАЛА, РОССИИ 1 И НТВ).....	211
<i>Лукичѐва М.Е.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СТРАНЕ.....	213
<i>Луцашко Е.В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РЕЧИ КАК ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ УТОЧНЯЮЩИХ ВОПРОСОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ СМЕРДЯКОВА).....	215
СЕКЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	218
<i>Искорнева М.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНАХ ДЖ. ОСТИН И Ф.Д. ДЖЕЙМС.....	218
<i>Пожидаяева В.С.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В СЕРИАЛЕ “DOWNTON ABBEY”.....	220
<i>Грищенко Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ Э. ГАСКЕЛЛ «NORTH AND SOUTH».....	223
<i>Рушанян А-М. А.</i> ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (на материале наименования «одежда»).....	225
<i>Тябина Ю.А.</i> РОЛЬ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ С. МОЭМА «ТЕАТР».....	227
<i>Филимонова Л.А.</i> ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА И СПОСОБЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ.....	230
<i>Пранович С.И.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	232
СЕКЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ.....	234
<i>Меркулова А.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ КОМПАРАТИВНОГО ТИПА.....	234
<i>Макарова Ю.О.</i> СВОЙСТВА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В ПОЗИЦИИ СКАЗУЕМОГО.....	236
<i>Золотухин И.С., Калгина Е.А.</i> АМЕРИКАНСКИЙ ВОЕННЫЙ СЛЕНГ ПЕРИОДА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ.....	239
<i>Колесникова Е.И.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ «ЛЮБОВЬ» И ВЕРНОСТЬ» В МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ).....	241
<i>Комиссаров С.М., Шулякевич Л.В., Шуваев М.А., Гладких В.В.</i> РОЛЬ ТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ЗНАНИИ.....	245
<i>Пальчиков А.В., Зубова Л.Ю.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ОМОАКРОНИМОВ И	

ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОЕННОЙ СФЕРЕ.....	248
<i>Довженко А.С., Колтакова С.В.</i> СЕМАНТИКА СЛОВА «BATTLE» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	250
<i>Терпугов А.А., Колтакова С.В.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА «ATTACK».....	252
<i>Филмушин Е.С., Орлов И.И., Ширшикова Е.А.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЛЕНГА ПЕРИОДА ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ.....	254
СЕКЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	256
<i>Мищенко Н.О.</i> МЕХАНИЗМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЁЖИ	256
<i>Вороненкова Ю.Г.</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ МОДАЛЬНОСТИ.....	259
<i>Косинов С.А., Скребова Е.Г.</i> РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОРОЖДЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	262
<i>Кислова Д.М.</i> ВИДЫ ОБРАЩЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ А.П. ЧЕХОВА И И.А. БУНИНА).....	264
<i>Пилюгина А.А.</i> ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ НЕКОТОРЫХ ФРАНЦУЗСКИХ НАКЛОНЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	267
<i>Соковых К.А.</i> ОСЛОЖНЕННОЕ ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА.....	269
СЕКЦИЯ «ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА».....	272
<i>Травкина Д.К.</i> СОХРАНЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	272
<i>Воронюк А.О.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШОТЛАНДСКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ.....	275
<i>Отстерчил А.Ю.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПЕРЕВОД АРГУМЕНТАЦИИ В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....	278
<i>Бабий Н.Ю.</i> ПЕРЕВОД НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ.....	281
<i>Зубарев М.Е., Ширшикова Е.А.</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ.....	283
<i>Пивоваров В.А., Неровная Н.А.</i> ЗАМЕНА КАК НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЁННЫЙ ТИП ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	285
<i>Попов А.Ю., Попов В.Ю., Большакова Т.И.</i> АКТИВНАЯ ЛЕКСИКА ТЕКСТОВ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ И СПОСОБЫ ЕЁ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	288
СЕКЦИЯ «ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ».....	290
<i>Гордеева Е.А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ВЕБ-КВЕСТ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ MOODLE.....	290

<i>Новикова В.С.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	292
СЕКЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	295
<i>Макаревич А.А.</i> НЕОЛОГИЗМЫ В 20 ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА БАЗЕ КОРПУСА NOW.....	295
<i>Васильев А.А.</i> КАЛАМБУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ПРАТЧЕТТА И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	298
<i>Янов А.</i> СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ НОВЫХ ВИДОВ СПОРТА: ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	301
<i>Борисова Т.В.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ.....	304
<i>Невзорова К.Э.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ APART FROM.....	307
<i>Афанасьев И.А.</i> БУДУЩЕЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ПОСТСТАРОСТИНСКУЮ ЭПОХУ.....	310
СЕКЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	312
<i>Столярова А.Н.</i> АТРИБУТ В СОСТАВЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА.....	312
<i>Завалкина И.А.</i> ИДИОМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТЕКСТОВ.....	314
<i>Шуленина А.О.</i> ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ГЕНДЕРА В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРВЬЮ.....	317
<i>Вердиева У.</i> ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КАК СПОСОБ ОТРАЖДЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА.....	320
<i>Сафонова В.В.</i> КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ СИНОНИМОВ НОМИНАЦИЙ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ..	322